

Содержание

Методология и методы психологии

- Е.И. Первичко
 Культурно-деятельностный подход к проблеме регуляции эмоций: теоретическое обоснование
 и эмпирическая верификация концептуальной модели. 3

Когнитивная психология

- Б.Б. Величковский
 Соотношение хранения и переработки информации в рабочей памяти 18
- Н.Н. Волкова, А.Н. Гусев
 Когнитивные стили: дискуссионные вопросы и проблемы изучения. 28

Психология личности

- Г.М. Бреслав
 Ревность в любовных отношениях в среднем возрасте: спасение или разрушение? 38

Психология виртуальной реальности

- Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова
 Модели цифровой компетентности и деятельность российских подростков онлайн 50

Психология здоровья

- Е.И. Первичко, Д.В. Довбыш
 Личностный смысл болезни ребенка как фактор приверженности семьи лечению
 (исследование семей, воспитывающих детей с детским церебральным параличом) 61

Возрастная и семейная психология

- М.М. Данина, Н.В. Кисельникова (Волкова), А.А. Голзицкая, Е.А. Куминская,
 С.В. Маркова, К.В. Карпинский, А.М. Кольшко
 Современное состояние исследований в области регуляции репродуктивного поведения супругов 73
- А.И. Подольский, О.А. Идобаева
 Связь ценностных ориентаций современных подростков
 с психологическими характеристиками их учителей и родителей. 84

Социальная психология

- М.М. Заварцева
 Структура и функции организационного доверия в представлениях сотрудников. 94
- А.А. Гудзовская
 Интер- и интрасубъектные факторы становления социальной зрелости. Опыт лонгитюдного исследования
 Часть II. Пути становления социальной зрелости 105

Психология и право

- С.А. Герасимович, Е.И. Захарова
 Психологические условия формирования правовой позиции клиента в адвокатской практике. 114

История психологии

- Т.Р. Мусаева
 История развития психологической мысли Азербайджана Средних веков (XI-XVI вв.). 124

Приложение

- Информация для авторов 130
- Краткие рекомендации по написанию авторских резюме (аннотаций, рефератов к статьям). 132

Content

Methodology and Methods of Psychology

- Elena I. Pervichko
Cultural active approach to the issue of emotion regulation: theoretical explanation and empirical verification of a conceptual model 3

Cognitive Psychology

- Boris B. Velichkovskiy
The correlation between storage and processing information in working memory.....18
Natalia N. Volkova, Aleksey N. Gusev
Cognitive styles: Controversial issues and research problems.....28

Personality Psychology

- Gershon M. Breslavs
Is Jealousy Danger or Escape in Partnerships in the Middle of Life?.....39

Psychology of virtual reality

- Galina U. Soldatova, Elena I. Rasskazova
Models of digital competence and online activity of Russian adolescents.....50

Health Psychology

- Elena I. Pervichko, Daria V. Dovbysh
Personal meaning of child disease as a factor of family adherence to treatment (study of families raising children with cerebral palsy)61

Developmental Psychology and Family Psychology

- Maria M. Danina, Natalia V. Kiselnikova (Volkova), Alyona A. Golzickaya,
Eveniya A. Kuminskaya, Svetlana V. Markova, Konstantin V. Karpinskiy, Alexander M. Kolyshko
The current state of research in the field of reproductive behavior of spouses' regulation73
Andrey I. Podolskiy, Olga A. Idobaeva
Connections of contemporary adolescents value orientations with psychological characteristics of their teachers and parents84

Social Psychology

- Marina M. Zavartseva
Structure and functions of organizational trust in employees' notions.....94
Alla A. Gudzovskaya
Development of social maturity: inter- and intra-subject factors. Longitudinal study 105
Part 2. Ways of developing social maturity

Psychology and Law

- Semyon A. Gerasimovich, Elena I. Zakharova
Psychological conditions of developing client legal position in lawyer's practice 114

History of Psychology

- Tunzaliya R. Musaeva
History of development of the Azerbaijanian Medieval psychological thought (11-16th centuries) 124

Application

- Information For Authors.....130
Guidelines for Abstract Writing132

Культурно-деятельностный подход к проблеме регуляции эмоций: теоретическое обоснование и эмпирическая верификация концептуальной модели

Е.И. Первичко

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила: 14 июня 2016/ Принята к публикации: 27 июня 2016

Cultural active approach to the issue of emotion regulation: theoretical explanation and empirical verification of a conceptual model

Elena I. Pervichko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received: June 14, 2016 / Accepted for publication: June 27, 2016

Статья посвящена теоретическому обоснованию и эмпирической верификации концептуальной модели регуляции эмоций, разработанной в теоретико-методологических рамках культурно-деятельностной парадигмы. Выдвигается и получает эмпирическое подтверждение общая гипотеза о том, что регуляция эмоций может быть представлена в качестве системы, включающей психологический и физиологический уровни. При этом в структуре психологического уровня, в свою очередь, могут быть выделены мотивационно-смысловой и операционально-технический уровни, сложенная работа которых обеспечивается такими психологическими механизмами, как рефлексия и знаково-символическое опосредствование. Установлено, что особенности мотивационно-потребностной сферы (наличие и способ презентации конфликта мотивов достижения и избегания неудачи) определяют проявление остальных анализируемых компонентов системы регуляции эмоций как у пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями (пролапсом митрального клапана – ПМК), так и у здоровых лиц. Показан вклад рефлексии и знаково-символического опосредствования, выделяемых в культурно-деятельностной парадигме в качестве важнейших механизмов функционирования психики, в обеспечение работы системы регуляции эмоций. Доказано, что регуляция эмоций пациентов с ПМК отличается от таковой у здоровых лиц наличием выраженного конфликта мотивов достижения и избегания неудачи, дефицитом личной рефлексии и искажениями в знаково-символическом опосредствовании эмоций, а также ограничениями в использовании ресурса имеющихся стратегий регуляции эмоций. Показано, что пациенты с ПМК отличаются от контрольной группы достоверно более частым возникновением состояния эмоциональной напряженности при эмоциональной нагрузке, что негативно влияет на возможность эффективного использования ресурса стратегий регуляции эмоций в эмоционально значимых ситуациях.

Ключевые слова: культурно-деятельностная парадигма, высшие психические функции, регуляция эмоций, стратегии регуляции эмоций, подавление экспрессии эмоций, пролапс митрального клапана, эмоциональная напряженность.

The paper gives a theoretical explanation and empirical verification of a conceptual emotion-regulating model, developed in the theoretical methodological context of cultural-active paradigm. A universal hypothesis concerning emotion regulation as a system including psychological and physiological levels has been verified empirically. The psychological level may be subdivided on motivational thinking level and operational-technical ones, ruled by such psychological mechanisms as reflection and symbolical mediation. It has been figured out that motivational peculiarities determine the manifestation of other analyzed components of the system of emotion regulation. This is true not only for healthy patients, but also for patients with mitral valve prolapse (MVP). The significance of reflection and symbolical mediation in the system of cultural-active paradigm and emotion regulation has been determined. It has been proved that emotion regulation among patients with MVP differs from that of healthy people, highlighted by a very strong conflict of goal-achieving and fail-avoiding motives, lack of personal reflection and distortion of symbolical mediation, and very limited emotion-regulative resources. It has been shown that patients with MVP differ from the control group, suffering from far more strong emotional stress. It distributes an overall negative impact, reducing the ability to use emotion-regulating resource in emotionally meaningful situations effectively.

Keywords: cultural active paradigm, higher mental functions, emotion regulation, emotion regulation strategies, emotion expression suppression, mitral valve prolapse, emotional stress

Проблема возможного управления человеком своими эмоциями и связи этого процесса с состоянием здоровья человека начали волновать философов уже в эпоху Античности и Нового Времени (Вилонас, 1976; Schacter, Gilbert, Wegner, 2011; Gross, 2014). Однако только в конце XIX – начале XX века начинают разрабатываться теории эмоций, первыми из которых стали физиологические, эволюционные и бихевиористские модели. В них подходы к решению проблемы регуляции эмоциями (РЭ) базировались преимущественно на идее возможности научения человека различным эмоциональным реакциям на новые стимулы по механизму образования условных связей и изменения его эмоциональных реакций путем трансформации неконструктивных связей между стимулами и реакциями (Хегенхан, Олсон, 2006; Schacter, Gilbert, Wegner, 2011; Madden, 2013).

Мощным стимулом к развитию тематики РЭ явилась разработка концепции механизмов психологической защиты в психоанализе. Психоанализу принадлежит первенство в описании целого ряда феноменов и психологических закономерностей, обеспечивающих развитие и функционирование процессов регуляции эмоций в норме и патологии в рамках изучения «защиты от тревоги». В рамках психодинамической психотерапии выделены и классифицированы защитные процессы различной степени сложности, разработаны подходы к диагностике механизмов психологической защиты, описаны «психологические ресурсы» личности, необходимые для эффективной регуляции эмоций (Фрейд А., 1993; Мак-Вильямс, 1998; Кернберг, 2001; Соколова, 2007; Freud S., 1962; Cramer, 1991; Vaillant, 1992; Gray, 2005; Schacter, Gilbert, Wegner, 2011; Sadock

V.J., Sadock V.A., Ruiz, 2015). Показано, что люди, имеющие еще в детстве сформированные представления о собственном «Я» как о сильном и эффективном, в меньшей степени склонны подавлять негативные эмоции и относиться к ним как к не поддающимся контролю (Фрейд А., 1993; Боулби, 2003; Бардышевская, 2014; Hagekull, Bohlin, 2004; Gray, 2005).

Однако необходимо отметить, что, несмотря на описание целого ряда феноменов и психологических закономерностей, обеспечивающих становление и развитие процессов регуляции эмоций в норме и патологии, в рамках психоаналитического подхода не учитывается системный характер вклада осознанных и бессознательных аспектов психического в регуляции эмоциями, игнорируется роль сознания и культуры в ее функционировании.

Исследования тематики регуляцию эмоций в рамках когнитивного подхода, берущие свое начало в работах Р. Лазаруса по проблеме стресса, когнитивной оценке угрозы и совладающего поведения, а также исследования РЭ в рамках когнитивно-ориентированных моделей психотерапии, начиная с работ А. Бека и А. Эллиса, являются продуктивной линией в развитии данной проблематики. Сегодня именно этот подход представлен работами, в которых проблема РЭ начинает обозначаться как самостоятельное направление исследований (Koole, 2009; Gross, 2014, 2015; Compas et al., 2014).

Особый вклад в развитие представлений о регуляции эмоций вносят исследования Дж. Гросса и его коллег, в результате которых была создана так называемая процессуальная модель РЭ, в которой представлен достаточно широкий перечень стратегий РЭ в их временной развертке. Подробно экспериментально из-

учены такие стратегии регуляции эмоций, как когнитивная переоценка и подавление экспрессии. Представлены данные о сравнительной эффективности различных стратегий регуляции эмоциями с точки зрения решения адаптационных задач в норме и патологии (Gross, 2014, 2015; Garnefski, Kraaij, 2006; Koole, 2009; Compas et al., 2014; Gross, Jazaieri, 2014; Sauer et al., 2016). Однако исследования, выполненные в рамках данного подхода, имеют, к сожалению, преимущественно феноменологическую направленность.

Способность понимать эмоции и управлять ими изучается практически в русле всех концепций эмоционального интеллекта. Но результаты исследований в большинстве своем не позволяют обсуждать психологические механизмы РЭ (Mayer, Salovey, Caruso, 2004; Bar-On, 2006; и др.).

Анализ разнообразных исследований по проблеме регуляции эмоций последних лет позволяет заключить, что подавляющее большинство их представляет регуляцию эмоций как совокупность осознаваемых и неосознаваемых психических процессов, усиливающих, ослабляющих, модифицирующих, перенаправляющих либо удерживающих на одном уровне качество и интенсивность эмоциональных реакций и эмоциональных состояний человека для того, чтобы позволить ему адаптивно функционировать в эмоционально значимых ситуациях (Gross, 2014, 2015; Koole, 2009; Compas et al., 2014). Развивая эти идеи с позиций системного подхода, М.А. Падун предлагает рассматривать РЭ в качестве системного процесса (Падун, 2015).

Несмотря на то, что в отечественной психологической науке термин «регуляция эмоций» не получил такого широкого распространения, как за рубежом, можно с уверенностью сказать, что ряд важных особенностей РЭ ею описан и продолжает продуктивно изучаться в контексте рассмотрения следующих научных тем:

1) саморегуляция личности, произвольная и волевая регуляция в норме и патологии (Б.В. Зейгарник, О.А. Конопкин, В.И. Моросанова, Б.С. Братусь, В.А. Иванников, В.В. Николаева, Е.Т. Соколова, А.С. Спиваковская, А.Ш. Тхостов, Ф.Е. Василюк, А.Б. Холмогорова, Е.С. Мазур);

Елена Ивановна Первичко – кандидат психологических наук, доцент кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: elena_pervichko@mail.ru

2) регуляция психических состояний (А.Н. Леонтьев, О.В. Овчинникова, Н.И. Наенко, О.А. Прохоров, Н.Д. Левитов, А.Б. Леонова, А.С. Кузнецова, Л.В. Куликов, Н.В. Тарабрина и др.);

3) эмоциональное развитие в детском возрасте в норме и патологии (Л.И. Божович, В.В. Лебединский, О.А. Карabanова, Г.В. Бурменская, Н.Е. Веракса, М.К. Бардышевская и др.).

Анализ работ, опубликованных в нашей стране и за рубежом, позволяет заключить, что в их числе фактически не представлены исследования, целенаправленно ориентированные на изучение системы регуляции эмоций в норме и патологии с выделением ее уровней и/или компонентов, а также механизмов в их системном взаимодействии. Несмотря на богатство накопленного феноменологического материала и указания целого ряда авторов на необходимость поиска психологических механизмов РЭ (Тхостов, 1997, 2012; Иванников, 2006; Первичко, 2014; Асмолов, 2015; Соколова, 2015; Падун, 2015; Зинченко, Первичко, 2014, 2016; Gross, 2014, 2015 и др.), на сегодняшний день в психологии фактически отсутствует концептуальная модель, в рамках которой системно описывались бы уровни, компоненты и психологические механизмы РЭ, модель, которая позволяла бы интегрировать и обобщать эмпирические данные, накопленные по данной проблеме в различных исследовательских традициях, а также формулировать обоснованные прогностические заключения. Важность обозначенной тематики исследований обусловлена актуальными практическими запросами: статистика Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) свидетельствует о неуклонном росте тревожных, депрессивных и психосоматических расстройств, а также аддиктивного и антисоциального поведения в современном обществе (World health ..., 2016). Согласно опубликованным данным, выраженные нарушения регуляции эмоций выявляются у 40–75% перечисленных выше пациентов (Gross, Jazaieri, 2014; Sheppes, Suri, Gross, 2015).

Исходя из вышеизложенного, нами была поставлена задача разработки и эмпирического обоснования концепту-

Анализ работ, опубликованных в нашей стране и за рубежом, позволяет заключить, что в их числе фактически не представлены исследования, целенаправленно ориентированные на изучение системы регуляции эмоций в норме и патологии с выделением ее уровней и/или компонентов, а также механизмов в их системном взаимодействии.

альной модели регуляции эмоций в теоретико-методологических рамках культурно-деятельностного подхода.

Теоретическое обоснование концептуальной модели регуляции эмоций

В культурно-деятельностном подходе эмоции понимаются как «психическое отражение в форме непосредственного пристрастного переживания жизненного смысла явлений и ситуаций, обусловленного отношением их объективных свойств к потребностям субъекта» (Краткий психологический ..., 1985, С. 407). Подчеркивается, что эмоции «выражают оценочное личностное отношение к складывающимся или возможным ситуациям, к своей деятельности и своим проявлениям в них ... носят отчетливо выраженный идеаторный характер ... Их важнейшая особенность состоит в их способности к обобщению и коммуникации ...» (Леонтьев, 1971, С. 35–36).

Из вышеизложенного логично следует общий вывод о том, что собственно эмоции (в отличие от аффектов) могут быть отнесены к классу высших психических функций (ВПФ), с такими характеристиками, как прижизненное социальное формирование, опосредствованное строение и предметность и, на этой основе, принципиальная возможность произвольной регуляции (Выготский, 1982, 1983, 1984; Тхостов, 1997, 2012), несмотря на такую особенность, как наличие «вегетативной составляющей» в структуре эмоциональных явлений. Опыт многолетнего продуктивного применения обозначенных выше базовых теоретических положений для изучения нарушений эмоциональной сферы (работы представителей Московской школы клинической психологии) подтверждает обоснованность и продуктивность рассмотрения названной

парадигмы в качестве теоретико-методологического базиса при создании концептуальной модели РЭ.

В качестве эмпирической базы исследования были выбраны пациенты с пролапсом митрального клапана¹ (ПМК). ПМК – относительно недавно описанная форма сердечно-сосудистой патологии, при которой в качестве важной клинической характеристики выступают неспецифические жалобы психовегетативного содержания, не соответствующие по своему обилию и интенсивности имеющимся у пациента анатомо-физиологическим изменениям со стороны сердечно-сосудистой системы (Hayek, Gring, Griffin, 2005; O'Rourke, Bailey, 2004; Scordo, 2007). Не только на клиническую, но и на психологическую «сложность» данных больных, а также на правомочность выдвижения психосоматических гипотез указывают такие факты, как широкая распространенность тревожных расстройств (Мартынов и др., 1999; Нечаева и др., 2015; Coplan et al., 1992; Filho et al., 2011) и случаи достоверного уменьшения выраженности клинической симптоматики после прохождения курсов психотерапии и после лечения антидепрессантами и анксиолитиками (Stavrakaki et al., 1991; Coplan et al., 1992; Gonzalez et al., 2002; Scordo, 2007). Все приведенные данные в совокупности, их противоречивость и неоднозначность обуславливают высокий научный интерес к пациентам с данной формой патологии сердца, как со стороны медицины, так и со стороны клинической психологии, и релевантность их включения в исследование с целью изучения регуляции эмоций.

При разработке обсуждаемой модели были выдвинуты две общие гипотезы исследования.

Общая гипотеза 1. РЭ может быть представлена в качестве системы, включающей психологический и физиологический уровни. При этом в структу-

¹ Под термином «пролапс митрального клапана» понимают провисание всей створки сердечного клапана или ее части в систолу ниже уровня клапанного кольца (Hayek, Gring, Griffin, 2005).

ре психологического уровня, в свою очередь, могут быть выделены мотивационно-смысловой и операционально-технический уровни регуляции. Операционально-технический уровень представлен стратегиями регуляции эмоций, выбираемыми субъектом при разрешении эмоциогенных ситуаций.

Данная гипотеза – о структурно-уровневой организации РЭ – формулируется в соответствии с теоретико-методологическими принципами культурно-деятельностной парадигмы, применяемыми к анализу структуры явлений психической действительности.

Известно, что структурно-уровневый принцип организации является базовым в организации любой системы. Другие принципы организации (функциональные, генетические) признаются, в известном смысле, производными от особенностей структурной организации в целом и от особенностей организации иерархического типа (Корнилова, Смирнов, 2011; Карпов, 2015). Следовательно, приступая к изучению мало изученного психологического феномена, логически верным будет начать это изучение с описания структурно-уровневого типа. Кроме того, уровневый подход, как известно, – это «то, что стало существенным объединяющим звеном школ Выготского и Леонтьева» (Корнилова, Смирнов, 2011, С. 304). Идеи структурно-уровневого подхода широко распространены в современной психологии. Чаще других используются когнитивные иерархии. В большинстве случаев речь идет о выделении двух

является актуальной задачей в теоретическом и практическом плане и может иметь важное общепсихологическое значение, например, для обогащения и дальнейшего продуктивного развития общепсихологической теории деятельности, при рассмотрении деятельности с позиций структурно-уровневого подхода (концепция А.Н. Леонтьева).

Большинство известных науке уровней регулятивных иерархий являются дихотомическими. Введение дихотомических иерархий, несомненно, не претендует на полноту описания тех или иных явлений, напротив, оно предполагает необходимость их дальнейшей разработки и конкретизации с целью более точной квалификации структуры изучаемого явления (Карпов, 2015). По сути, выделение А.Н. Леонтьевым психологического и психофизиологического уровней реализации деятельности также воплощает этот принцип дихотомической иерархии, что делает актуальным вопрос о выделении в структуре деятельности других компонентов (или уровней), «вписанных» в обозначенную дихотомическую структуру. Решая эту задачу, А.Н. Леонтьев в структуре психологического уровня реализации деятельности выделяет уровни отдельных деятельностей, действий и операций (Леонтьев, 1975).

Изучая психологическую саморегуляцию при выполнении разных видов деятельности, большинство исследователей также придерживаются дихотомического деления. Традиционно вслед за О.А. Конопкиным и Б.В. Зейгарник в иерархической структуре саморегуляции приня-

данных исследований личностных особенностей пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями, в которых доминируют описания этих больных как имеющих высокую мотивацию достижения, наряду с наличием признаков выраженного конфликта «вокруг зависимости» (Weiner, 1982; Denollet, Schiffer, Spek, 2010; Gilmour, Williams, 2012; Wise, 2014), а также данных о преимущественном возникновении у них состояния эмоциональной напряженности в стрессовых ситуациях определенного характера: направленных на проверку декларируемой ими компетентности в тех или иных областях жизнедеятельности (Blumenfeld, Strain, 2006; Gilmour, Williams, 2012; Wise, 2014; и др.). Таким образом, в данном исследовании мотивационно-смысловой уровень будет описываться как способность субъекта находить оптимальный баланс мотивов достижения и избегания неудач и способность к постановке реалистичных целей, в том числе, в ситуациях эмоциональной нагрузки.

Операционально-технический уровень в структуре регуляции эмоций, согласно нашему предположению, может быть описан стратегиями РЭ, выбираемыми субъектом при разрешении эмоциогенных ситуаций. Под стратегиями РЭ в настоящем исследовании понимается актуализация и/или выбор субъектом действий и способов опосредствования, адекватных решению задачи регуляции эмоций на основе имеющихся в индивидуальном опыте ресурсов оптимизации своего эмоционального состояния.

С опорой на опубликованные эмпирические данные об утяжелении клинических проявлений ПМК в ситуациях эмоциональной нагрузки была сформулирована частная гипотеза о возможности изменений в компонентах системы РЭ пациентов с ПМК при наличии состояния эмоциональной напряженности. Выдвижение этой гипотезы эмпирически аргументирует выделение в структуре РЭ физиологического уровня, наряду с психологическим. Другой важный аргумент в пользу выделения этого уровня в структуре РЭ – базовые представления о деятельности, мотивации и эмоциях в культурно-деятельностной парадигме (Леонтьев, 1971, 1975; Вилюнас, 1976; Тхостов, 2012).

Разработка регулятивных иерархий является актуальной задачей в теоретическом и практическом плане и может иметь важное общепсихологическое значение, например, для обогащения и дальнейшего продуктивного развития общепсихологической теории деятельности, при рассмотрении деятельности с позиций структурно-уровневого подхода

уровней когнитивных процессов: «первичных» и «вторичных» или «метакогнитивных» (Величковский, 2006).

Необходимо отметить, что в современной психологии и методологии психологии проблема построения так называемых регулятивных иерархий, разработана в меньшей степени, чем когнитивных (Карпов, 2015). Вместе с тем, разработка регулятивных иерархий

то выделять мотивационно-смысловой и операционально-технический уровни (Конопкин, 1980; Зейгарник, Холмогорова, Мазур, 1989).

Признавая глобальность задачи описания мотивационно-смыслового уровня регуляции эмоций в целом, было принято решение остановиться на исследовании мотивации достижения и мотивации избегания неудач. Основывались мы на

Общая гипотеза 2. В качестве значимых психологических механизмов регуляции эмоций выступают рефлексия и знаково-символическое опосредствование эмоций.

Правомочность выделения данной гипотезы – о механизмах РЭ также обусловлена теоретико-методологическими положениями культурно-деятельностного подхода.

В числе тезисов, важных для выдвижения гипотезы о механизмах регуляции эмоций, прежде всего, тезис о том, что эмоции могут быть отнесены к классу высших психических функций (ВПФ) с такими характеристиками, как прижизненное социальное формирование, опосредствованное строение и произвольность способов функционирования. На основании этого тезиса знаково-символическое опосредствование должно рассматриваться в качестве важнейшего психологического механизма, обуславливающего становление и развитие ВПФ.

Далее, при выделении механизмов регуляции эмоций мы обратились к трудам Б.В. Зейгарник, где была открыта для обсуждения проблема «многоуровневости» психологического опосредствования с указанием на некорректность сведения этого процесса к использованию знака только в рамках прямой (без включенности мотивов) регуляции деятельности. В работах Б.В. Зейгарник и ее учеников было показано, что опосредствование психических функций в процессе жизнедеятельности кардинально меняет характер и структуру не только самих психических функций, но и поведения и жизнедеятельности субъекта в целом. При смысловом опосредствовании своего поведения человек получает возможность актуализировать и создавать новые мотивы, благодаря чему его поведение становится более рефлексивным и произвольным (Зейгарник, 1981; Зейгарник, Холмогорова, Мазур, 1989). Таким образом подчеркивается значение опосредствований разного уровня для становления и развития рефлексии и саморегуляции субъекта. При этом Б.В. Зейгарник отмечает, что для оптимизации саморегуляции необходимо «... помочь пациенту осознать истинный смысл своих действий, увидеть себя со стороны» (Зейгарник, 1981, С. 13), тем самым указывая, что рефлексия должна рассматриваться

в качестве важнейшего психологического механизма мотивационно-смыслового уровня саморегуляции. Разработка этих тезисов представлена в более поздних исследованиях (Зейгарник, Холмогорова, Мазур, 1989; Холмогорова, 2010; Холмогорова, Зарецкий, 2011).

Таким образом, в публикациях Б.В. Зейгарник содержатся указания на необходимость связанного рассмотрения рефлексии и знаково-символического опосредствования в качестве центральных механизмов становления и развития саморегуляции субъекта.

В отечественной психологии представлены работы, в которых обозначен вклад знаково-символического опосредствования эмоций в их регуляцию (Тхостов, Колымба, 1998, 1999; Плужников, 2010). Однако нет исследований, в которых бы показывалась связанность

Понимание переживания, как психологической категории, объясняет необходимость рассмотрения отношений между явлениями интеллектуальной и эмоциональной жизни в их системном взаимодействии, в качестве одного из основополагающих принципов для понимания психологических законов развития процессов регуляции

рефлексии и знаково-символического опосредствования эмоций при выборе субъектом стратегий РЭ и обеспечении эффективной регуляции эмоций в норме и патологии, в частности, при сердечно-сосудистых заболеваниях, и их зависимость от мотивации и актуального эмоционального состояния субъекта.

В качестве необходимой методологической ссылки при выделении в качестве важнейших механизмов осуществления эффективной РЭ рефлексии и знаково-символического опосредствования эмоций должно быть выделено введенное Л.С. Выготским представление о переживании как о системной динамической «единице сознания» и «единице личности и среды» (Выготский, 1984, С. 382-383). Л.С. Выготский подчеркивает, что переживание обладает качествами предметности и субъектности одновременно и презентуется субъекту в смысловых образованиях в единстве «аффективных и интеллектуальных процессов» (Выготский, 1982, С. 22). Такое понимание переживания как психологической категории объясняет необходимость рассмотрения отношений между явлениями

интеллектуальной и эмоциональной жизни в их системном взаимодействии в качестве одного из основополагающих принципов для понимания психологических законов развития процессов регуляции. Тем самым внимание исследователей направляется на связанность рефлексии и знаково-символического опосредствования эмоций как важнейших механизмов эффективной РЭ. Указывается на принципиальную возможность рассмотрения эмоций и способов их выражения в качестве семиотической системы, выступающей в качестве фактора опосредствования при развитии всех психических функций и личности в целом. Обозначенные представления также аргументируют правомерность использования приемов моделирования рефлексивной нагрузки и смыслового опосредствования для изучения РЭ.

Таким образом, в соответствии с методологическими традициями культурно-деятельностной парадигмы нами выдвигается концептуальная модель регуляции эмоций, в соответствии с которой она может быть представлена в качестве системы, включающей психологический и физиологический уровни. При этом в структуре психологического уровня, в свою очередь, могут быть выделены мотивационно-смысловой и операционально-технический уровни, слаженная работа которых обеспечивается такими психологическими механизмами, как рефлексия и знаково-символическое опосредствование.

Методическое обеспечение исследования

Для изучения регуляции эмоций в норме и при ПМК был разработан специальный диагностический комплекс, состоящий из двух частей.

I Экспериментальное моделирование эмоциональной нагрузки в условиях применения процедуры изучения

уровня притязаний (УП) с регистрацией таких его параметров, как высота, устойчивость и адекватность (Karsten, 1972), а также показателей мимической активности и жестикюляции, частоты смены поз и изменений тона голоса (по данным видеозаписи), уровня реактивной тревожности (РТ) Ч. Спилбергера (Ханин, 1976) и показателей артериального давления (АД). Значения РТ и АД фиксировались до и после эксперимента. При вынесении диагностических суждений об определении типа психических состояний использован метод экспертных оценок (Ядов, 1995).

II Проективное и психосемантическое исследование фрустрационных реакций по модифицированному специально для целей данного исследования варианту методики Розенцвейга (Rosenzweig, 1945; Тарабрина, 1984; Первичко, 1996, 2015; Зинченко, Первичко, 2016; Pervichko, Zinchenko, 2016).

Согласно инструкции, испытуемые должны из стандартного набора ситуаций (стимульный материал методики Розенцвейга) отобрать те, которые они оценивают как наиболее травмирующие. Далее, из набора эмоциональных дескрипторов (Макеева, 1980) им предлагалось для каждой из выбранных ситуаций последовательно отобрать те дескрипторы, которые наиболее точно описывают возникшие у них в этой ситуации эмоциональные переживания. Наконец, участники исследования должны были ответить на три вопроса: А – «Что бы Вы ответили в данной ситуации?»; В – «Что бы Вы при этом подумали?»; С – «Что надо было бы ответить, чтобы уменьшить травматическое значение ситуации?». Последовательной сменой инструкций задавалась особая «рефлексивная нагруженность» исследования: его участники ставились в условия необходимости актуализации все более сложных, как в личностном плане, так и с когнитивной точки зрения, средств знаково-символического опосредствования, поскольку рефлексивная «нагруженность» исследования возрастала от одной инструкции к другой. При выполнении методики регистрировались:

- 1) количество ситуаций, отнесенных участниками к разряду травмирующих;
- 2) количество и модальностные характеристики выбранных эмоциональных дескрипторов;
- 3) частота использования различных стратегий регуляции эмоций в условиях инструкции А и инструкции С² (Первичко, 1996, 2015; Зинченко, Первичко, 2016; Pervichko, Zinchenko, 2016).

В исследовании участвовали 134 пациента с ПМК 1-2 степени в возрасте от 18 до 37 лет (средний возраст 25.5 ± 1.1 лет). Контрольную группу составили 73 практически здоровых человека (средний возраст 27.5 ± 1.3 лет).

Данные клинической диагностики предоставлены сотрудниками кафедры госпитальной терапии № 1 лечебного факультета МГМСУ им. А.И. Евдокимова.

Руководитель исследовательского проекта – академик РАН А.И. Мартынов.

Эмпирическая верификация концептуальной модели регуляции эмоций

Регуляция эмоций при решении задач перцептивного выбора ситуаций и эмоциональных дескрипторов

Результаты эмпирического исследования показали, что пациенты с ПМК, в отличие от здоровых лиц, выделяют большее количество ситуаций, относимых к разряду эмоционально значимых, и отбирают большее количество дескрипторов для описания возникающих при этом переживаний (табл. 1 и 2).

Табл. 1. Среднегрупповые показатели количества выбранных ситуаций (Me±SD).

Количество выбранных ситуаций	ПМК, n=134	Здоровые лица, n=73	Достоверность различий
Общее кол-во выбранных ситуаций	7.90±0.67	5.94±1.01	p<0.05
Кол-во выбранных ситуаций препятствия	4.60±1.56	2.41±0.97	p<0.001
Кол-во выбранных ситуаций обвинения	3.30±0.81	3.53±1.11	-

Table 1. Medium group indexes of the number of chosen situations (Me±SD).

Number of chosen situations	MVP, n=134	Healthy people, n=73	Accuracy
All chosen situations	7.90±0.67	5.94±1.01	p<0.05
With obstacles	4.60±1.56	2.41±0.97	p<0.001
With blaming	3.30±0.81	3.53±1.11	-

Табл. 2. Среднегрупповые объемы словарей эмоциональных дескрипторов (Me±SD).

Количество дескрипторов в одной ситуации	ПМК, n=134	Здоровые лица, n=73	Достоверность различий
В одной ситуации в целом	8.54±1.49	7.08±1.35	p<0.05
В одной ситуации препятствия	6.83±1.66	6.81±2.20	-
В одной ситуации обвинения	10.04±2.42*	6.97±1.97	p<0.05

Примечание: * – различия достоверны при сравнении количества дескрипторов, выбранных в одной ситуации обвинения, с количеством эмоций, выбранных в одной ситуации препятствия (p<0.05).

Table 2. Medium group amount of emotional descriptors (Me±SD).

Number of descriptors in one situation	MVP, n=134	Healthy people, n=73	Accuracy
Situation in general	8.54±1.49	7.08±1.35	p<0.05
Single obstacle situation	6.83±1.66	6.81±2.20	-
Single blaming situation	10.04±2.42*	6.97±1.97	p<0.05

Note. * - the differences are true for the number of descriptors in single blaming situation compared to the number of emotions in single obstacle situation (p<0.05).

² Стратегии РЭ, используемые испытуемыми при разрешении выбранных ситуаций, были выделены методом контент-анализа. Контент-анализ ответов участников исследования выполнялся тремя независимыми экспертами – клиническими психологами.

Эти факты интерпретируются нами как показатель более высокой чувствительности пациентов с ПМК к эмоциональным ситуациям и присущей им готовности оценивать эти ситуации как потенциально травматичные. Расширение объема эмоционально значимых ситуаций в группе больных с ПМК происходит за счет увеличения количества выбранных ситуаций препятствия³, в отличие от группы здоровых лиц (табл. 1 и 2). Такая стратегия была названа нами стратегией расширения объема выбора событий и дескрипторов. В случае ее использования можно говорить о дефиците смыслового конструирования и знаково-символического опосредствования.

Выявлен также «особый феномен» «не отнесения» к разряду травмирующих хотя бы одной из наиболее травматичных ситуаций из стимульного материала методики Розенцвейга. По частоте встречаемости данного феномена пациенты с ПМК достоверно превосходят здоровых лиц (17,9% и 8,3%, соответственно; $p < 0,001$). То есть пациенты с ПМК в ряде случаев не относят к разряду травмирующих наиболее «эмоционально нагруженные» ситуации из числа ситуаций обвинения. Эта стратегия получила название стратегии ограничения в объеме выбора ситуаций и дескрипторов. В данном случае присутствует знаково-символическое опосредствование, однако преимущественно в искаженном виде. При использовании обеих обозначенных стратегий эффект в регуляции эмоций достигается, но исключительно за счет искажения ситуации при формировании ее образа. Предположительно, в качестве значимого психологического механизма формирования этих феноменов (особенно в случае их сочетания) выступает механизм семантико-перцептивной защиты (Тхостов, 2002) в условиях дефицита рефлексии.

Проверке гипотезы о наличии дефицита личностной рефлексии и искаженности знаково-символического опосредствования эмоций, проявляющихся в выборе стратегий РЭ при разрешении эмоционально значимых ситуаций со-

циального взаимодействия, был посвящен следующий этап анализа.

Регуляция эмоций при разрешении эмоционально значимых ситуаций

Данное исследование состояло из двух частей.

В первой части методом контент-анализа ответов испытуемых были выделены стратегии РЭ, используемые как здоровыми лицами, так и пациентами с ПМК при разрешении эмоционально значимых ситуаций в условиях спонтанного и произвольного отреагирования. После этого стратегии были классифицированы по своим психологическим механизмам. Выделено два класса стратегий РЭ, использование которых характерно как для пациентов с ПМК, так и для здоровых лиц:

- 1) интернальные (направленные на изменение когнитивной структуры переживания);
- 2) экстернальные (направленные на изменение экспрессивных характеристик эмоций и решение коммуникативных задач в ситуациях социального взаимодействия и, тем самым, опосре-

дованно, на изменение своего эмоционального состояния).

В каждом из этих классов, в свою очередь, присутствуют подклассы когнитивно-опосредованных и когнитивно-неопосредованных стратегий⁴.

Во второй части данного исследования были рассчитаны частоты встречаемости выделенных стратегий РЭ у пациентов с ПМК и у здоровых лиц. Выявлено, что при спонтанном отреагировании пациенты с ПМК, в целом, склонны использовать менее сложные, с точки зрения знаково-символического опосредствования, и менее действенные, с точки зрения решения задач социального взаимодействия и снижения эмоциональной напряженности, стратегии РЭ, чем здоровые испытуемые. В списке стратегий больных с ПМК преобладают стратегии «сравнение и обесценивание», подавление эмоций и непосредственное отреагирование, большой процент ответов с минимальными и не дифференцируемыми когнитивными изменениями. Однако стратегия последовательной актуализации новых смыслов используется ими с сопоставимой частотой. Кроме

Табл. 3. Стратегии регуляции эмоций при спонтанном отреагировании. Частотный анализ (%).

№	Стратегии регуляции эмоций	ПМК, n=134	Здоровые лица, n=73	Достоверность различий
I. Интернальные стратегии РЭ				
1	Недифференцируемые когнитивные изменения	25.2±1.13	10.7±1.16	$p < 0.001$
2	Руминации и катастрофизация	16.1±2.17	10.4±1.77	$p < 0.05$
3	Сравнение и обесценивание	26.6±2.23	24.2±2.65	-
4	Позитивный пересмотр	4.7±0.43	12.1±1.46	$p < 0.001$
5	Актуализация новых смыслов	23.8±3.67	34.3±3.39	$p < 0.05$
6	Трансформация переживаний с помощью юмора и метафоры	3.6±0.03	8.3±1.6	$p < 0.001$
	Всего	100	100	-
II. Экстернальные стратегии РЭ				
1	Непосредственное выражение эмоций	27.3±2.68	25.6±2.04	-
2	Подавление экспрессии эмоций	29.2±1.75	20.5±1.9	$p < 0.05$
3	Конфликтно-коммуникативное отреагирование	31.2±2.66	28.9±2.33	-
4	Субъект-субъектные интерактивные трансформации	12.3±1.96	25.0±1.58	$p < 0.001$
	Всего	100	100	-

³ Принятое С. Розенцвейгом разделение ситуаций на ситуации препятствия и ситуации обвинения учитывалось в данном исследовании, поскольку ситуации обвинения традиционно интерпретируются как более «эмоционально нагруженные» (Rosenzweig, 1945; Тарабрина, 1984).

⁴ Описание стратегий регуляции эмоций в норме и патологии, а также психологических механизмов, положенных в основу при их выделении и классификации, приведено в наших публикациях (Первичко, 2015; Зинченко, Первичко, 2016).

Table 3. Emotion regulation strategies in the situation of a spontaneous reaction. Frequency analysis (%).

№	Emotion regulation (ER) strategy	MVP, n=134	Healthy people, n=73	Accuracy
I. Internal ER strategies				
1	Non-differentiable cognitive changes	25.2±1.13	10.7±1.16	p<0.001
2	Ruminations and catastrophization	16.1±2.17	10.4±1.77	p<0.05
3	Comparison and depreciation	26.6±2.23	24.2±2.65	-
4	Positive review	4.7±0.43	12.1±1.46	p<0.001
5	New senses actualization	23.8±3.67	34.3±3.39	p<0.05
6	Worries transformation via humor and metaphor	3.6±0.03	8.3±1.6	p<0.001
	Total	100	100	-
II. External ER strategies				
1	Direct expression	27.3±2.68	25.6±2.04	-
2	Emotion expression suppression	29.2±1.75	20.5±1.9	p<0.05
3	Conflict-communicative reaction	31.2±2.66	28.9±2.33	-
4	Subject-subject interactive transformations	12.3±1.96	25.0±1.58	p<0.001
	Total	100	100	-

Табл. 4. Стратегии регуляции эмоций при произвольном отреагировании. Частотный анализ (%).

№	Стратегии регуляции эмоций	ПМК, n=134	Здоровые лица, n=73	Достовер- ность раз- личий
I. Интернальные стратегии РЭ				
1	Недифференцируемые когнитивные изменения	7.3±1.85	6.1±1.45	-
2	Руминации и катастрофизация	18.0±3.65	7.3±0.85	p<0.001
3	Сравнение и обесценивание	28.7±2.78	14.6±1.94	p<0.05
4	Позитивный пересмотр	5.1±1.78	19.3±3.37	p<0.001
5	Актуализация новых смыслов	32.3±4.98	36.4±3.99	-
6	Трансформация переживаний с помощью юмора и метафоры	8.6±3.04	16.3±2.25	p<0.05
	Всего	100	100	
II. Экстернальные стратегии РЭ				
1	Непосредственное выражение эмоций	18.5±1.75	12.6±2.42	p<0.05
2	Подавление экспрессии эмоций	23.2±2.59	18.4±1.9	p<0.05
3	Конфликтно-коммуникативное отреагирование	26.3±1.23	27.0±1.79	p<0.05
4	Субъект-субъектные интерактивные трансформации	32.0±3.61	42.0±3.44	p<0.05
	Всего	100	100	

⁵ Конфликтно-коммуникативное отреагирование представляет собой, по сути, определенным образом организованное эмоциональное воздействие на Другого – и невербальные, и вербальные реакции строятся субъектом таким образом, чтобы в социально приемлемой форме вызвать у партнера по коммуникации определенные эмоции. Характерна диссоциация между экспрессивным компонентом эмоции и состоянием. Например, в социально приемлемой форме показать, что возникшая ситуация ему неприятна, путем вызова состояния дискомфорта у партнера по общению. «Тебе нужно худеть, малыш!» «Всего хорошего, флаг вам руки!» (при этом тон, которым произносится фраза, а также мимическое и пантомимическое сопровождение не предвещают ничего хорошего)

⁶ При использовании стратегии субъект-субъектных интерактивных трансформаций достигается максимальный эффект как в отношении снятия социального напряжения ситуации, так и в отношении оптимизации человеком своего эмоционального состояния. Ее использование исходно нацелено на вызов у партнера по общению противоположной по отношению к исходной ситуации эмоциональной реакции. Может выражаться в виде юмора и шуток, а также в переключении внимания партнера по общению к скрытым элементам ситуации: «Слава Богу, девушка не пострадала!» (о ситуации с вазой).

того, необходимо подчеркнуть, что максимально часто в данной группе встречается стратегия конфликтно-коммуникативного отреагирования (табл. 3)⁵.

При введении задачи – минимизировать травматический смысл ситуации, в группе пациентов с ПМК, так же как и в контрольной группе, отмечается повышение частоты встречаемости более эффективных и более сложных, с когнитивной точки зрения, стратегий РЭ. На лидирующие позиции в обеих группах выходят стратегии последовательной актуализации новых смыслов и субъект-субъектных интерактивных трансформаций⁶. Однако частота использования этих стратегий в новых условиях у пациентов с ПМК остается достоверно более низкой, чем у здоровых участников исследования (табл. 4).

Таким образом, результаты исследования показали доступность пациентам с ПМК конструктивно сложных и эффективных способов решения задачи РЭ. Вместе с тем, выяснилось, что «более адаптивные» и конструктивные стратегии РЭ практически не используются ими при спонтанном отреагировании. Для выявления психологических факторов, обуславливающих выбор пациентами с ПМК и здоровыми лицами стратегий РЭ в эмоционально значимых ситуациях, а также для проверки гипотезы о включенности физиологического уровня в структуру РЭ нами было выполнено исследование, направленное на изучение регуляции эмоций у них в условиях эксперимента с эмоциональной нагрузкой.

Регуляция эмоций в условиях эксперимента с эмоциональной нагрузкой

Анализ значений АД показал, что после завершения эксперимента повышение АД наблюдается в обеих группах, однако пациенты с ПМК отличаются от контрольной группы достоверным по-

вышением значений систолического артериального давления (САД) в процессе эмоциональной нагрузки (на 12.83 ± 2.75 мм рт.ст. и на 1.18 ± 0.62 мм рт.ст., соответственно; $p < 0.001$).

По уровню реактивной тревожности (РТ) как до, так и после эмоциональной нагрузки пациенты с ПМК достоверно превосходят представителей контрольной группы (табл. 5). При этом, по показателю прироста тревоги в ходе эксперимента обе группы являются внутренне неоднородными – увеличение РТ по окончании эксперимента выявлено у 60,3% здоровых лиц и у 41,0% пациентов с ПМК, а и ее уменьшение – у 39,7% здоровых участников исследования и у 59,0% лиц с ПМК. Заслуживает внимания тот факт, что в группе пациентов с ПМК как повышение, так и понижение РТ всегда сочетается с выраженным повышением АД (особенно САД) во время исследования. Можно предположить, что в этом случае речь, по-видимому, идет о подавлении и вытеснении большими с ПМК существующей у них тревоги.

В группе пациентов с ПМК достоверно чаще, чем у здоровых лиц, встречаются такие типы уровня притязаний, как неадекватный неустойчивый (36,6%), заниженный ригидный (29,0%) и «неформируемый» (18,7%), тогда как в группе здоровых лиц – адекватный и устойчивый уровень притязаний (60,3% случаев). При этом пациенты с ПМК отличаются от здоровых лиц достоверно более активной жестикуляцией, более частыми изменениями тона голоса и более высокими значениями суммарного балла невербальной активности (табл. 6).

Согласно данным корреляционного анализа, более активное невербальное поведение отмечается у участников исследования, для которых характерно наличие сочетание снижения уровня РТ с одновременным повышением значений АД в процессе эксперимента. Более того, им же свойственно наличие неадекватного неустойчивого и заниженного ригидного и, реже, «неформируемого» УП.

Комплексная оценка результатов исследования с использованием метода экспертных оценок позволяет заключить, что в условиях эксперимента по моделированию эмоциональной нагрузки у большинства здоровых участников исследования, а

Table 4. Emotion regulation strategies in the situation of an arbitrary reaction. Frequency analysis (%).

№	Emotion regulation (ER) strategy	MVP, n=134	Healthy people, n=73	Accuracy
Internal ER strategies				
1	Non-differentiable cognitive changes	7.3±1.85	6.1±1.45	-
2	Ruminations and catastrophization	18.0±3.65	7.3±0.85	$p < 0.001$
3	Comparison and depreciation	28.7±2.78	14.6±1.94	$p < 0.05$
4	Positive review	5.1±1.78	19.3±3.37	$p < 0.001$
5	New senses actualization	32.3±4.98	36.4±3.99	-
6	Worries transformation via humor and metaphor	8.6±3.04	16.3±2.25	$p < 0.05$
	Total	100	100	
External ER strategies				
1	Direct expression	18.5±1.75	12.6±2.42	$p < 0.05$
2	Emotion expression suppression	23.2±2.59	18.4±1.9	$p < 0.05$
3	Conflict-communicative reaction	26.3±1.23	27.0±1.79	$p < 0.05$
4	Subject-subject interactive transformations	32.0±3.61	42.0±3.44	$p < 0.05$
	Total	100	100	

именно, в 78,7% случаев, возникло состояние операциональной напряженности, тогда как у 80,6% пациентов с ПМК появилось состояние эмоциональной напряженности. Заключение о возникновении состояния эмоциональной напряженности выносилось на основании совокупного анализа величин прироста показателей АД и динамики значений уровня РТ до и после эксперимента, не обнаруживающих, в отличие от аналогичных показателей у лиц с операциональной напряженностью, тенденции к оптимизации в процессе исследования, а также данных о частоте встречаемости выявленных в исследовании типичных стратегий УП, отличных от адекватной, в совокупности с данными самоотчетов участников исследования о динамике их эмоционального состояния в ходе эксперимента

и, главное, о доминирующей в этот момент мотивации (Наенко, 1976).

Согласно нашей интерпретации, наличие такого феномена, как неформируемость уровня притязаний в процессе эксперимента, отражает актуализацию у субъекта специфических регуляторных усилий – в ситуации с неопределенным исходом происходит актуализация таких личностных смыслов, в соответствии с которыми она интерпретируется субъектом как ситуация угрозы самооценке. Неформируемость уровня притязаний в этом случае может интерпретироваться как проявление выработанного субъектом защитного способа поддержания высокой, но неустойчивой самооценки при актуализации конфликта мотивов достижения и избегания неудачи в ситуациях с неопределенным исходом.

Табл. 5. Средние значения уровня РТ у пациентов с ПМК и здоровых лиц до и после эксперимента (баллы, $M \pm SD$).

Реактивная тревожность	ПМК, n=134	Здоровые лица, n=73	Достоверность различий
РТ до эксперимента	43.69±4.73	37.70±1.72	$p < 0.001$
РТ после эксперимента	45.03±1.06	37.81±3.27	$p < 0.001$
Δ РТ	1.34±0.52	0.11±0.09	-

Table 5. Medium RA indexes among patients with MVP and healthy patients before and after the experiment (points, $M \pm SD$).

Reactive anxiety	MVP, n=134	Healthy people, n=73	Accuracy
RA before the experiment	43.69±4.73	37.70±1.72	$p < 0.001$
RA after the experiment	45.03±1.06	37.81±3.27	$p < 0.001$
Δ RA	1.34±0.52	0.11±0.09	-

Табл. 6. Средние значения показателей невербальной активности пациентов с ПМК и здоровых лиц в ходе эксперимента (абс. величины, M±SD).

Показатели невербальной активности	ПМК, n=134	Здоровые лица, n=73	Достоверность различий
Жесты	20.0±3.1*	14.1±2.6	p<0.05
Смена поз	7.9±2.3	5.8±0.9	-
Мимика	14.6±2.7	15.2±2.2	-
Изменения тона голоса	10.2±1.9 *	5.2±1.1	p<0.001
Суммарный балл	52.7±4.3 *	40.3±5.7	p<0.05

Table 6. Medium non-verbal activity indexes among patients with MVP and healthy patients during the experiment (absolute values, M±SD).

Non-verbal activity indexes	MVP, n=134	Healthy people, n=73	Accuracy
Gestures	20.0±3.1*	14.1±2.6	p<0.05
Posture changes	7.9±2.3	5.8±0.9	-
Mimics	14.6±2.7	15.2±2.2	-
Voice tone changes	10.2±1.9 *	5.2±1.1	p<0.001
Total point	52.7±4.3 *	40.3±5.7	p<0.05

Другим вариантом целеполагания, который наблюдался у пациентов с ПМК достоверно более часто, чем у здоровых лиц, является заниженный ригидный уровень притязаний. В этом случае мотивация избегания неудач выходит на первый план в структуре мотивации субъекта при формировании уровня притязаний. Выбирая для решения заведомо простые задачи, субъект тем самым как бы ставит себя в ситуацию гарантированного успе-

личие неформируемого и заниженного ригидного уровня притязаний статистически связано с результатами, полученными в модифицированном варианте теста Розенцвейга: с высоким выбором дескрипторов модальностей «презрение» и «гнев», с расширением выбора и ограничением в объеме выбора эмоционально значимых событий и дескрипторов для описания возникших переживаний, а также с выбором таких стратегий РЭ в условиях

В исследовании получены результаты, доказывающие, что предпочтительное использование стратегий РЭ и пациентами с ПМК, и здоровыми лицами связано с типом возникающего при моделировании эмоциональной нагрузки состояния психической напряженности и типом уровня притязаний, отражающим наличие и форму презентации конфликта мотивов достижения и избегания неудачи

ха. Однако решение слишком простых задач для субъекта с высокой мотивацией достижения и высокой самооценкой в принципе не может быть значимым. В этом случае успешность решений не приносит желаемого удовлетворения, обращившись во внутриличностном плане переживанием хронического неуспеха (Братусь, 1988; Хекхаузен, 2001; Гараян, 2010; Бороздина, 2012; Karsten, 1972; и др.). Это будет способствовать хронификации состояния эмоциональной напряженности в случае ее наличия и, по-видимому, может рассматриваться в качестве одного из факторов ее возникновения. По данным дисперсионного анализа на-

спонтанного и произвольного отреагирования, как руминация, катастрофизация и подавление экспрессии эмоций.

Для пациентов с ПМК, имеющих неустойчивый уровень, притязаний характерно значимое увеличение уровня тревожности в ходе эксперимента, богатство поведенческих проявлений, в сочетании с достоверно более высоким, чем в контрольной группе, приростом АД в ходе эксперимента. При наличии неустойчивого уровня притязаний наиболее отчетливо проступают признаки конфликта мотивов достижения и избегания неудачи, причем, в его наиболее непосредственной форме – в профиле

уровня притязаний неустойчивого типа видно, как у субъекта поочередно актуализируются мотив достижения и мотив избегания неудач. Наличие неустойчивого уровня притязаний по данным дисперсионного анализа статистически связано с выбором таких стратегий РЭ при выполнении модифицированного варианта методики Розенцвейга, как расширение объема выбора событий и дескрипторов для описания переживаний, непосредственное выражение эмоций, «сравнение и обесценивание» и наличие недифференцированных когнитивных изменений – наименее «сложных» с когнитивной точки зрения.

Необходимо отметить, что в группе пациентов с ПМК у 21 человека (15,7%) выявлен адекватный устойчивый уровень притязаний. Результаты исследования убедительно свидетельствуют о том, что у пациентов с ПМК и у здоровых лиц с адекватным уровнем притязаний регуляция эмоций на всех уровнях ее системного функционирования значительно отличается от таковой у участников исследования со всеми выделенными вариантами неадекватного и неустойчивого уровня притязаний. РЭ характеризуется более «слаженной работой» как целостная психологическая система, начиная от «мотивационной основы» и до использования конкретных стратегий регуляции эмоций в условиях спонтанного отреагирования и при повышении рефлексивной нагруженности ситуации. Во всех случаях адекватного устойчивого уровня притязаний у пациентов с ПМК эксперты установили наличие операциональной напряженности.

Таким образом, в исследовании получены результаты, доказывающие, что предпочтительное использование стратегий РЭ и пациентами с ПМК, и здоровыми лицами связано с типом возникающего при моделировании эмоциональной нагрузки состояния психической напряженности и типом уровня притязаний, отражающим наличие и форму презентации конфликта мотивов достижения и избегания неудачи. Правомочность подобной интерпретации согласуется с данными других исследователей (Леонтьев, 1971; Наенко, 1976; Братусь, 1988; Хекхаузен, 2001; Гараян, 2010; Бороздина, 2012).

На основании вышеизложенного можно считать доказанной обусловленность РЭ у человека в норме и при ПМК особенностями его мотивационно-потребностной сферы и актуальным психическим состоянием.

Заключение

Резюмируя результаты исследования, подчеркнем, что в нем в теоретико-методологических рамках культурно-деятельного подхода сформулирована концептуальная модель РЭ, в соответствии с которой она может быть представлена в качестве системы, включающей психологический и физиологический уровни. При этом в структуре психологического уровня, в свою очередь, могут быть выделены мотивационно-смысловой и операционально-технический уровни, сложенная работа которых обеспечивается такими психологическими механизмами, как рефлексия и знаково-символическое опосредствование.

Правомочность выделения психологического и физиологического уровней и их вклад в работу системы РЭ эмпирически подтверждаются изменением значений физиологических показателей (значений АД) в условиях эмоциональной нагрузки и обусловленностью этих изменений особенностями мотивационно-потребностной сферы и у пациентов с ПМК, и у здоровых лиц. Обоснованность выделения мотивационно-смыслового и операционально-технического уровней регуляции в структуре психологического уровня доказана зависимостью выбора стратегий регуляции эмоций (они составляют ее операционально-техниче-

использованный в работе методический подход позволил показать вклад рефлексии и знаково-символического опосредствования, выделяемых в культурно-деятельностной парадигме в качестве важнейших механизмов функционирования психики, в обеспечение работы системы регуляции эмоциями

ский уровень в обсуждаемой модели) от мотивации субъекта. В исследовании выявлено наличие статистически значимых различий между группами лиц с уровнем притязаний разных типов по остальным анализируемым параметрам РЭ. Причем это характерно как для пациентов с ПМК, так и для здоровых лиц, что объясняет возможность рассмотрения особенностей мотивационно-потребностной сферы в качестве определяющих проявление остальных анализируемых компонентов системы регуляции эмоций не только у пациентов с ПМК, но и у здоровых лиц.

Использованный в работе методический подход позволил показать вклад рефлексии и знаково-символического опосредствования, выделяемых в культурно-деятельностной парадигме в качестве важнейших механизмов функционирования психики, в обеспечение работы системы регуляции эмоциями. Во-первых, стратегии регуляции эмоций, наименее оптимальные с точки зрения решения адаптационных задач, характеризуются, согласно полученным результатам, наименьшим вкладом знаково-символического опосредствования и/или его искаженным характером. Во-вторых, в условиях повышения рефлексивной нагрузки возрастает частота использования более эффективных стратегий РЭ.

Выполненное исследование позволило доказать отличие пациентов с ПМК от здоровых лиц по параметрам функциони-

рования системы регуляции эмоций. У пациентов с ПМК выявлены признаки наличия конфликта мотивов достижения и избегания неудачи, а также дефицит личностной рефлексии, искажения в знаково-символическом опосредствование эмоций и дефицитарность в использовании ресурсов имеющихся стратегий РЭ. Полученные результаты, в совокупности, подтверждают обоснованность гипотез исследования об уровне строения системы РЭ в норме и патологии и о ее психологических механизмах. Кроме того, было установлено, что пациенты с ПМК отличаются от здоровых лиц достоверно более частым возникновением состояния эмоциональной напряженности, которое приобретает статус фоновой характеристики, негативно влияющей на возможность адаптивного использования ресурса стратегий регуляции эмоций в эмоционально значимых ситуациях.

Полученные результаты позволяют сформулировать рекомендации по оказанию психологической помощи пациентам с ПМК, лицам с нарушениями регуляции эмоций, а также здоровым людям в стрессовых ситуациях. Разрабатываемая концептуальная модель РЭ, будучи верифицирована в данном исследовании на здоровых лицах и на пациентах с ПМК, позволит в последующем описывать особенности регуляции эмоций у пациентов различных нозологических форм заболеваний, а также у здоровых людей, как взрослых, так и детей.

Литература:

- Асмолов А.Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования : электрон. науч. журн. – 2015. – Т. 8. – № 40. – Электронный документ. – Режим доступа : <http://psystudy.ru> (дата обращения: 11.11.2015).
- Бардышевская М.К. Терапевтическая роль наблюдения за развитием детей с аффективно-поведенческими комплексами // Вопросы психологии. – 2014. – № 3. – С. 118–130.
- Бороздина Л.В. Диагностика мотивации достижения успеха и избегания неудачи. – Москва, 2012.
- Боулби Дж. Привязанность. – Москва, 2003.
- Братусь Б.С. Аномалии личности. – Москва, 1988.
- Величковский Б.М. Когнитивная наука. Основы психологии познания. В 2-х тт. Т. 1. – Москва, 2006.
- Виллюнас В.К. Психология эмоциональных явлений. – Москва, 1976.
- Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Собрание сочинений. В 6 тт. Т. 3. – Москва, 1983. – С. 5–328.

Для цитирования: Е.И. Первичко Культурно-деятельностный подход к проблеме регуляции эмоций: теоретическое обоснование и эмпирическая верификация концептуальной модели // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 2(22). – С. 3–17. doi: 10.11621/npj.2016.0201

For citation: Elena I. Pervichko Cultural/active approach to the issue of emotion regulation: theoretical explanation and empirical verification of a conceptual model (2016). National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskyy zhurnal], 2, 3–17. doi: 10.11621/npj.2016.0201

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2016
© Russian Psychological Society, 2016

- Выготский Л.С. Кризис семи лет // Собрание сочинений. В 6 тт. Т. 4. – Москва, 1984. – С. 376–385.
- Выготский Л.С. Мышление и речь // Собрание сочинений. В 6 тт. Т. 2. – Москва, 1982. – С. 5–361.
- Гараян Н.Г. Перфекционизм и враждебность как личностные факторы депрессивных и тревожных расстройств : дис. ... докт. психол. наук. – Москва, 2010.
- Зейгарник Б.В. Опосредствование и саморегуляция в норме и патологии // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. – 1981. – № 2. – С. 9–14.
- Зейгарник Б.В., Холмогорова А.Б., Мазур Е.С. Саморегуляция поведения в норме и патологии // Психологический журнал. – 1989. – Т. 10. – № 2. – С. 122–131.
- Зинченко Ю.П., Первичко Е.И. Клинико-психологическое исследование регуляции эмоций: культурно-деятельностный подход // Вопросы психологии. – 2016. – № 3. – С. 41–57.
- Зинченко Ю.П., Первичко Е.И. Эвристическая ценность постнеклассических моделей в психосоматике (на примере синдромного подхода Л.С. Выготского – А.Р. Лурии) // Вопросы психологии. – 2014. – № 1. – С. 14–27.
- Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. – Москва ; Санкт-Петербург, 2006.
- Карпов А.В. Психология деятельности. В 5 тт. Т. 1. – Москва, 2015.
- Кернберг О.Ф. Тяжелые личностные расстройства. Стратегии психотерапии. – Москва, 2001.
- Конопкин О.А. Психологические механизмы регуляции деятельности. – Москва, 1980.
- Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии : учебник. – Москва, 2011.
- Краткий психологический словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – Москва, 1985.
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – Москва, 1975.
- Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы, эмоции : конспект лекций. – Москва, 1971.
- Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: понимание структуры личности в клиническом процессе – Москва, 1998.
- Макеева А.И. Изучение смысловых полей эмоциональных категорий // Новые исследования в психологии. – 1980. – № 1. – С. 70–75.
- Мартынов А.И., Поляков Ю.Ф., Николаева В.В. и др. Моделирование эмоциональной нагрузки у лиц с синдромом дисплазии соединительной ткани сердца // Кардиология. – 1999. – № 11. – С. 51–58.
- Наенко Н.И. Психическая напряженность. – Москва, 1976.
- Нечаева Г.И., Дрокина О.В., Мартынов А.И. и др. Основы курации пациентов с дисплазией соединительной ткани в первичном звене здравоохранения // Терапия. – 2015. – № 1. – С. 29–36.
- Падун М.А. Регуляция эмоций и ее нарушения // Психологические исследования : электрон. науч. журн. – 2015. – Т. 8. – № 39. – Электронный документ. – Режим доступа : <http://psystudy.ru> (дата обращения: 20.11.2015).
- Первичко Е.И. Состояния психической напряженности у больных с синдромом дисплазии соединительной ткани сердца : дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 1996.
- Первичко Е.И. Стратегии регуляции эмоций: процессуальная модель Дж. Гросса и культурно-деятельностный подход. В 2-х ч. Ч. I. Регуляция эмоций: подходы к исследованию // Национальный психологический журнал. – 2014. – Т. 4. – № 16. – С. 13–22.
- Первичко Е.И. Стратегии регуляции эмоций: процессуальная модель Дж. Гросса и культурно-деятельностный подход. В 2-х ч. Ч. II. Культурно-деятельностный подход к проблеме стратегий и механизмов регуляции эмоций // Национальный психологический журнал. – 2015. – Т. 1. – № 17. – С. 39–51.
- Плужников И.В. Эмоциональный интеллект при аффективных расстройствах : автореферат дис. ... канд. психол. наук. – М., 2010.
- Соколова Е.Т. Клиническая психология утраты Я. – Москва, 2015.
- Соколова Е.Т. Феномен психологической защиты. // Вопросы психологии. – 2007. – № 4. – 2007. – С. 66–79.
- Тарабрина Н.В. Экспериментально-психологическая методика изучения фрустрационных реакций : метод. рекомендации. – Ленинград, 1984.
- Тхостов А.Ш. Возможности и перспективы развития культурно-исторического подхода в клинической психологии // Наследие А.Р. Лурии в современном научном и культурно-историческом контексте : К 110-летию со дня рождения А.Р. Лурии / сост. Н.К. Корсакова, Ю.В. Микадзе. – Москва : Факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, 2012. – С. 10–36.
- Тхостов А.Ш. Депрессия и психология эмоций // Депрессия и коморбидные расстройства / под ред. А.Б. Смулевича. – Москва, 1997. – С. 180–198.
- Тхостов А.Ш. Психология телесности. – Москва, 2002.
- Тхостов А.Ш., Колымба И.Г. Феноменология эмоциональных явлений // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. – 1999. – № 2. – С. 3–14.
- Тхостов А.Ш., Колымба И.Г. Эмоции и аффекты: общепсихологический и патопсихологический аспекты. Ч. 2. Патология эмоций в клинике аффективных и тревожных расстройств // Психологический журнал. – 1998. – Т. 19. – № 5. – С. 81–87.
- Фрейд А. Психология Я и защитные механизмы. – Москва, 1993.
- Ханин Ю.Л. Краткое руководство к применению шкалы реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера. – Ленинград, 1976.
- Хегенхан Б., Олсон М. Теории научения. – Санкт-Петербург, 2004.
- Холмогорова А.Б. Теоретические и эмпирические основания интегративной психотерапии расстройств аффективного спектра : дис. ... докт. психол. наук. – Москва, 2006.
- Холмогорова А.Б., Может ли культурно-историческая концепция Л.С. Выготского помочь нам лучше понять, что мы делаем как психотерапевты? // Культурно-историческая психология. – 2011. – № 1. – С. 108–116.

- Bar-On R. The Bar-On model of emotional-social intelligence. // *Psicothema*. Vol. 18. 2006. P. 13-25.
- Blumenfield, M., Strain, J.J. (Eds.). *Psychosomatic Medicine*. Lippincott Williams and Wilkins, Philadelphia, 2006.
- Compas B.E. et al. Coping and emotion regulation from childhood to early adulthood: Points of convergence and divergence /Compas B.E., Jaser S.S., Dunbar J.P., Watson K.H., Bettis A.H., Gruhn M.A., Williams E.K. // *Australian J. of Psychology*. 2014. V. 66 (2). P. 71–81.
- Coplan J.D., Papp L.A., King D.L., Gorman J.M. Amelioration of mitral valve prolapse after treatment for panic disorder // *Am. J. Psychiatry*. 1992. V. 149 (11). P. 1587–1588.
- Cramer P. *The Development of Defense Mechanisms: Theory, Research, and Assessment*. New York: Springer-Verlag, 1991.
- Denollet J, Schiffer AA, Spek V: A general propensity to psychological distress affects cardiovascular outcomes: evidence from research on the Type D (distressed) personality profile. *Circ Cardiovasc Qual Outcomes*. 2010. V. 3. P. 546–557.
- Filho, A.S., Maciel, B.C., Romano, M.M.D., Lascala, T.F., Trzesniak, C., Freitas-Ferrari, M.C., Nardi, A.E., Martín-Santos, R., Zuardi, A.W., & Crippa, J.A.S. (2011) Mitral valve prolapse and anxiety disorders. *The British Journal of Psychiatry*. 199, 247-248.
- Freud, S. (1962) *The neuro-psychoses of defence*. The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud = *Die Abwehr-Neuropsychosen* (1894). London.
- Garnefski, N., & Kraaij, V. (2006) Relationships between cognitive emotion regulation strategies and depressive symptoms: a comparative study of five specific samples *Personality and Individ. Diff.* 40, 1659–1669.
- Gilmour, J., & Williams, L. (2012) Type D personality is associated with maladaptive health-related behaviours. *J Health Psychol*, 17, 471-478.
- Gonzalez, E.A., Pimentel, C., Natale, R.A., Toll, B.A., Soffer, A., & Galnik, L.M. (2002) Psychiatric and medical co-morbidity in mitral valve prolapse. *Ir. J. Psych. Med.* 19, 16–20.
- Gray P. *The Ego and Analysis of Defense* - 2nd ed. Jason Aronson, Incorporated, 2005.
- Gross, J.J. (2015) Emotion Regulation: Current Status and Future Prospects. *Psychological Inquiry*. 26, 1–26.
- Gross, J.J. (Ed.) (2014) *The Handbook of Emotion Regulation* (2nd ed.). New York, NY, Guilford Press.
- Gross, J.J., & Jazaieri, H. (2014) Emotion, Emotion Regulation, and Psychopathology: An Affective Science Perspective. *Clinical Psychological Science*. 2, 387–401.
- Hagekull, B., & Bohlin, G. (2004) Predictors of Middle Childhood Psychosomatic Problems: An Emotion Regulation Approach. *Infant and Child Development*. 13, 389–405.
- Hayek E., Gring C.N., Griffin B.P. Mitral valve prolapse. *Lancet*. 2005. V. 365 (9458). P. 507–518.
- Karsten, A. (1972) Aspiration level. *Encyclopedia of Psychology*. New York, Herder and Herder. 1, 84–86.
- Koole, S. (2009) The psychology of emotion regulation: An integrative review. *Cognition & Emotion*. 23, 4–41.
- Madden G.J. (Ed.). *APA Handbook of Behavior Analysis*. Washington: APA Books, 2013.
- Mayer J.D., Salovey P., Caruso D.R. Emotional Intelligent: Theory, Findings, and Implication. // *Psychological Inquiry*. 2004. V. 15 (3). P. 197-215.
- O'Rourke RA, Bailey SR. Mitral valve prolapse syndrome. In: Fuster V, Alexander R, O'Rourke RA, et al, eds. *Hurst The Heart*. 11th ed. New York: McGraw-Hill Professional; 2004. P. 1695–1706.
- Pervichko E., Zinchenko Y. Rosenzweig Picture-Frustration Test Modification for a Study of Emotion Regulation Strategies Among the Patients with Stress-Induced Hypertension // *European Psychiatry*. 2016. V. 33, P. S709-S710.
- Rosenzweig, S. (1945) The picture association method and its application in a study of reactions to frustration. *J. of Personality*. 14, 3-23.
- Sadock, B.J., Sadock, V.A., & Ruiz, P. (2015) *Kaplan and Sadock's Synopsis of Psychiatry: Behavioral Sciences*. Clinical Psychiatry. Eleventh Edition. LWW. 161-162.
- Schacter D.L., Gilbert D.T., Wegner D.M. *Psychology: 2nd edition*. New York, NY: Worth Publishers, 2011.
- Scordo K. (2007) Medication use and symptoms in individuals with mitral valve prolapse syndrome. *Clinical Nursing Research*. 16, 58-71.
- Sheppes, G., Suri, G., & Gross, J.J. (2015). Emotion Regulation and Psychopathology. *Annual Review of Clinical Psychology*. 11, 379-405.
- Stavrakaki, C., Williams, E., Boisjoli, A., Vlad, P., Chassé, H. (1991) Mitral valve prolapse and psychiatric complications: A case report. *Journal of Psychiatry and Neuroscience*. 16, 45–49.
- Vaillant G.E. *Ego Mechanisms of Defense: A Guide for Clinicians and Researchers*. American Psychiatric Publishing, 1992.
- Weiner, H. (1982) Contributions of psychoanalysis to psychosomatic medicine. *J of the Amer. Academy of Psychoanal.* 10, 27-46.
- Wise, T.N. (2014) Psychosomatics: Past, Present and Future. *Psychotherapy and Psychosomatics*. 83, 65-69.
- World health statistics 2016: monitoring health for the SDGs, sustainable development goals. World Health Organization: WHO Press, 2016.

References:

- Asmolov, A.G. (2015) Psychology of the present day: uncertainties, difficulties and diversity. *Psychological Studies*. [Psikhologicheskiye issledovaniya]. Electronic source: <http://psystudy.ru>
- Bardishevskaya, M.K. (2014) Therapeutic role of watching the development of children with affective-active complexes. *Psychological Issues [Voprosy psikhologii]*. 3, 118–130.
- Bar-On, R. (2006) The Bar-On model of emotional-social intelligence. *Psicothema*. 18, 13-25.
- Blumenfield, M., Strain, J.J. (Eds.) (2006) *Psychosomatic Medicine*. Lippincott Williams and Wilkins, Philadelphia.
- Borozdina, L.V. (2012) Success-gaining and fail-avoiding motivation diagnostics. Moscow.
- Boulbi, Dzh. (2003) *Affection*. Moscow.

- Bratus', B.S. (1988) Individual anomalies. Moscow.
- Petrovskiy, A.V., & Yaroshevskiy, M.G. (Eds.) Brief dictionary of psychology (1985). Moscow. 407.
- Compas, B.E. et al. (2014) Coping and emotion regulation from childhood to early adulthood: Points of convergence and divergence. *Australian J. of Psychology*. 66, 71–81.
- Coplan, J.D., Papp, L.A., King, D.L., & Gorman, J.M. (1992) Amelioration of mitral valve prolapse after treatment for panic disorder. *Am. J. Psychiatry*. 149, 1587–1588.
- Cramer, P. (1991) The Development of Defense Mechanisms: Theory, Research, and Assessment. New York, Springer-Verlag.
- Denollet, J, Schiffer, AA, & Spek, V. (2010) A general propensity to psychological distress affects cardiovascular outcomes: evidence from research on the Type D (distressed) personality profile. *Circ Cardiovasc Qual Outcomes*. 3, 546–557.
- Filho, A.S., Maciel, B.C., Romano, M.M.D., Lascala, T.F., Trzesniak, C., Freitas-Ferrari, M.C., Nardi, A.E., Martín-Santos, R., Zuardi, A.W., & Crippa, J.A.S. (2011) Mitral valve prolapse and anxiety disorders. *The British Journal of Psychiatry*. 199, 247–248.
- Freid, A. (1993) Psychology of self and security mechanisms. Moscow.
- Freud, S. (1962) The neuro-psychoses of defence. *The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud = Die Abwehr-Neuropsychoosen* (1894). London.
- Garanyan, N.G. (2010) Perfectionism and hostility as personal factors of depressive and anxious disorders, PhD Thesis. Moscow.
- Garnefski, N., & Kraaij, V. (2006) Relationships between cognitive emotion regulation strategies and depressive symptoms: a comparative study of five specific samples *Personality and Individ. Diff.* 40, 1659–1669.
- Gilmour, J., & Williams, L. (2012) Type D personality is associated with maladaptive health-related behaviours. *J Health Psychol*, 17, 471–478.
- Gonzalez, E.A., Pimentel, C., Natale, R.A., Toll, B.A., Soffer, A., & Gralnik, L.M. (2002) Psychiatric and medical co-morbidity in mitral valve prolapse. *Ir. J. Psych. Med.* 19, 16–20.
- Gray, P. (2005) The Ego and Analysis of Defense - 2nd ed. Jason Aronson, Incorporated.
- Gross, J.J. (2015) Emotion Regulation: Current Status and Future Prospects. *Psychological Inquiry*. 26, 1–26.
- Gross, J.J. (Ed.) (2014) The Handbook of Emotion Regulation (2nd ed.). New York, NY, Guilford Press.
- Gross, J.J., & Jazaieri, H. (2014) Emotion, Emotion Regulation, and Psychopathology: An Affective Science Perspective. *Clinical Psychological Science*. 2, 387–401.
- Hagekull, B., & Bohlin, G. (2004) Predictors of Middle Childhood Psychosomatic Problems: An Emotion Regulation Approach. *Infant and Child Development*. 13, 389–405.
- Hayek, E., Gring, C.N., & Griffin, B.P. (2005) Mitral valve prolapse. *Lancet*. 365, 507–518.
- Ivannikov, V.A. (2006) Psychological mechanisms of volitional regulation. Moscow, SPb.
- Karpov, A.V. (2015) Psychology of activity, vol.1. Moscow.
- Karsten, A. (1972) Aspiration level. *Encyclopedia of Psychology*. New York, Herder and Herder. 1, 84–86.
- Khanin, Yu.L. (1976) Shor manual for Spielberg's reactive and personal anxiety scale usage. L.
- Khegenkhan, B., & Olson M. (2004) Theories of learning. SPb.
- Kholmogorova, A.B. (2006) Theoretical and empirical basics of affective disorders integrative psychotherapy, PhD Thesis. Moscow.
- Kholmogorova, A.B., & Zaretskiy, V.K. (2011) Can Vigotskiy's cultural-historical conception help us analyze ourselves as psychotherapists? *Cultural-Historical psychology [Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya]*. 1, 108–116.
- Konopkin, O.A. (1980) Psychological mechanisms of activity regulation. Moscow.
- Koole, S. (2009) The psychology of emotion regulation: An integrative review. *Cognition & Emotion*. 23, 4–41.
- Kornilova, T.V., & Smirnov, S.D. (2011) Methodological basics of psychology. Moscow.
- Kyornberg, O.F. (2001) Severe personality disorders. *Psychotherapy strategies*. Moscow.
- Leontyev, A.N. (1971) Needs, motivations, emotions: lectures. Moscow.
- Leontyev, A.N. (1985) Activity. Consciousness. Personality. Moscow.
- Madden, G.J. (Ed.) (2013) *APA Handbook of Behavior Analysis*. Washington, APA Books.
- Makeeva, A.I. (1980) Studying the semantic fields of emotive categories. *New Psychological Studies [Novye issledovaniya v psikhologii]*. 1, 70–75.
- Martynov, A.I., Polyakov, Yu.F., Nikolaeva, V.V., Stepura, O.B., Ostroumova, O.D., Pervichko, E.I., Pak, L.S., & Akatova, E.V. (1999) Simulation of emotional stress among patients with hypermobile heart joints. *Cardiology [Kardiologiya]*, 11, 51–58.
- Mayer, J.D., Salovey, P., & Caruso, D.R. (2004) Emotional Intelligent: Theory, Findings, and Implication. *Psychological Inquiry*. 15, 197–215.
- McWilliams (1998) Psychoanalytic Diagnosis. Understanding Personality Structure in the Clinical Process. Moscow.
- Naenko, N.I. (1976) Psychical stress. Moscow.
- Nechaeva, G.I., Drokina, O.V., Martynov, A.I., Loginova, E.N., & Vershinina, M.V. (2015) Basics of curating the patients with hypermobile heart joints. *Therapy [Terapiya]*. 1, 29–36.
- O'Rourke, RA, & Bailey, S.R. (2004) Mitral valve prolapse syndrome. In: Fuster V, Alexander R, O'Rourke RA, et al, eds. *Hurst The Heart*. 11th ed. New York, McGraw-Hill Professional. 1695–1706.
- Padun, M.A. (2015) Emotional regulation and its disorders. *Research Psychology [Psikhologiya issledovaniy]*. Electronic resource: <http://psystudy.ru>
- Pervichko, E., & Zinchenko, Yu. (2016) Rosenzweig Picture-Frustration Test Modification for a Study of Emotion Regulation Strategies in Patients with Stress-Induced Hypertension. *European Psychiatry*. 33, 709–710.

- Pervichko, E.I. (1996) *Psychical stress among patients with hypermobile heart joints*, PhD Thesis. Moscow.
- Pervichko, E.I. (2014) Emotion regulation strategies: processual Gross model and culture-active approach, part 1. Emotion regulation: research approaches. *National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*. 16, 13–22.
- Pervichko, E.I. (2015) Emotion regulation strategies: processual Gross model and culture-active approach, part 2. Cultural-active approach to emotion regulation. *National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*. 17, 39–51.
- Phuzhnikov, I.V. (2010) *Emotional intelligence and affective disorders*, PhD Thesis, Moscow.
- Rosenzweig, S. (1945) The picture association method and its application in a study of reactions to frustration. *J. of Personality*. 14, 3-23.
- Sadock, B.J., Sadock, V.A., & Ruiz, P. (2015) *Kaplan and Sadock's Synopsis of Psychiatry: Behavioral Sciences*. Clinical Psychiatry. Eleventh Edition. LWW. 161-162.
- Schacter, D.L., Gilbert, D.T., & Wegner, D.M. (2011) *Psychology: 2nd edition*. New York, NY, Worth Publishers.
- Scordo K. (2007) Medication use and symptoms in individuals with mitral valve prolapse syndrome. *Clinical Nursing Research*. 16, 58-71.
- Sheppes, G., Suri, G., & Gross, J.J. (2015). Emotion Regulation and Psychopathology. *Annual Review of Clinical Psychology*. 11, 379-405.
- Sokolova, E.T. (2007) Psychological block phenomenon. *Psychological Issues [Voprosy psikhologii]*. 4, 66–79.
- Sokolova E.T. (2015) *Clinical psychology of depersonalization*. Moscow.
- Stavrakaki, C., Williams, E., Boisjoli, A., Vlad, P., Chassé, H. (1991) Mitral valve prolapse and psychiatric complications: A case report. *Journal of Psychiatry and Neuroscience*. 16, 45–49.
- Tarabrina, N.V. (1984) *Experimental psychological methodic of studying frustration reactions*. L.
- Tkhostov, A.Sh. (1997) Depression and emotion psychology. *Depression and comorbid disorders [Depressiya i komorbidnie rasstroystva]*. Moscow. 180–198.
- Tkhostov, A.Sh. (2002) *Corporeality psychology*. Moscow.
- Tkhostov, A.Sh. (2012) Opportunities and perspectives of cultural-active approach development in clinical psychology. *A.R. Luriya's Heritage in the context of modern science, culture and history. To A.R. Luriya's 110th anniversary. [Nasledie A.R. Lurii v sovremennom nauchnom i kul'turno-istoricheskom kontekste: k 110-letiyu so dnya rozhdeniya A.R. Lurii]*. Moscow, MSU. 10–36.
- Tkhostov, A.Sh., & Kolymba, I.G. (1998) Emotions and affections: psychological and patopsychological aspects, part 2. Emotion pathology in the clinical processes of affective and anxious disorders. *Psychological Journal [Psikhologicheskii zhurnal]*. 5, 81–87.
- Tkhostov, A.Sh., & Kolymba, I.G. (1999) Phenomenology of emotional phenomena. *Moscow University Bulletin. [Vestnik moskovskogo universiteta]*. Psychology, 2, 3–14.
- Vaillant, G.E. (1992) *Ego Mechanisms of Defense: A Guide for Clinicians and Researchers*. American Psychiatric Publishing.
- Velichkovskiy, B.M. (1976) *Cognitive science: the basics of the cognition psychology*. Moscow.
- Vigotskiy, L.S. (1982) Thinking and speaking. 2, 5–361.
- Vigotskiy, L.S. (1983) The history of the higher psychological functions development. 3, 5–328.
- Vigotskiy, L.S. (1984) Seven years crisis. 4, 376–385.
- Viliunas, V.K. (1976) *Emotion phenomenon psychology*. Moscow.
- Weiner, H. (1982) Contributions of psychoanalysis to psychosomatic medicine. *J of the Amer. Academy of Psychoanal.* 10, 27-46.
- Wise, T.N. (2014) *Psychosomatics: Past, Present and Future*. Psychotherapy and Psychosomatics. 83, 65-69.
- World health statistics 2016: monitoring health for the SDGs, sustainable development goals. World Health Organization, WHO Press.
- Zeygarnik, B.V. (1981) Mediation and self-regulation in norm and pathology. *Moscow University Journal. Psychology. [Vestnik moskovskogo universiteta. Psikhologiya]*. 2, 9–14.
- Zeygarnik, B.V., Kholmogorova, A.B., & Mazur, E.S. (1989). Self-regulation in norm and pathology. *Psychological Journal [Psikhologicheskii zhurnal]*. 2, 122–131.
- Zinchenko, Yu.P., & Pervichko, E.I. (2014) Heuristic value of postneoclassical models in psychosomatics (on the example of Vigotskiy-Luriya's syndromic approach). *Psychological Issues [Voprosy psikhologii]*. 1, 14–27.
- Zinchenko, Yu.P., Pervichko, E.I. (2016) Clinical psychological study of emotion regulation: cultural active approach. *Psychological Issues [Voprosy psikhologii]*. 3, 41–57.

Соотношение хранения и переработки информации в рабочей памяти

Б.Б. Величковский

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила: 29 мая 2016 / Принята к публикации: 12 июня 2016

The correlation between storage and processing information in working memory

Boris B. Velichkovskiy

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received: May 29, 2016 / Accepted for publication: June 12, 2016

Рабочая память (РП) представляет собой центральный конструкт многих современных когнитивных теорий. Ее определяющими функциями являются хранение и переработка информации. В статье рассматриваются перспективные направления исследований функций хранения и переработки информации в рабочей памяти. Показано, что их основное различие сводится к дихотомии независимости/зависимости хранения и переработки. В рамках концепции разделения единого ресурса и исследований эффектов порядка стимула и времени переработки предполагается, что хранение и переработка тесно связаны, и их функционирование основывается на разделении единого неспецифического ресурса. Направления, связанные с исследованием переключения когнитивных ресурсов и сопоставлением совместного и изолированного выполнения функций рабочей памяти, предполагают относительную независимость хранения и переработки. Отмечалось, что такое предположение требует представления о существовании специализированной инстанции – «диспетчера», осуществляющего оптимальное переключение ресурсов между хранением и переработкой с учетом ограничений текущего контекста. Также рассматривались результаты исследований корреляций эффективности хранения и переработки.

На основе анализа эмпирических подходов к изучению соотношения хранения и переработки информации делаются следующие выводы: в реализации функций хранения и переработки принимают участие неспецифические когнитивные ресурсы; функции хранения и переработки реализуются независимо друг от друга; взаимодействие функций хранения и переработки осуществляется опосредованно на основе оптимального переключения ресурсов посредством активности специализированного механизма.

Полученные результаты могут быть использованы для дополнения современных моделей РП и расширения представлений о реализации оперативного хранения и переработки.

Ключевые слова: рабочая память, хранение, переработка, разделение ресурсов, переключение ресурсов, внимание.

Working memory is a major construct in many modern cognitive theories. Defining functions of working memory are storage and processing. This paper provides a study of the problems of correspondence between these functions. It has been figured out that the main difference between these two functions is determined by the following dichotomy: independence/dependence of storage and processing. In the context of stimuli and time correlation studies, these two functions are closely related and based on sharing a common non-specific resource. Studies that analyze resource switching and also correlated and isolated functioning of working memory presuppose some independence between storage and processing. It has been mentioned that this assumption requires some specialized 'dispatcher', providing an optimal switching between storage and processing with respect to current contextual limits.

Empirical approaches to the study of storage-processing correspondence are analyzed. Based on this analysis, it is concluded that (1) storage and processing depend on unspecific cognitive resources, (2) storage and processing are realized independently from each other; and (3) storage and processing interact on the basis of the switching of resources via a specialized mechanism. The results can be used in the development of working memory models and for the extension of current ideas about the realization of operative storage and processing.

Keywords: working memory, storage, processing, resource sharing, resource switching, attention.

Рабочая память (РП) представляет собой систему когнитивных процессов, обеспечивающих оперативное хранение и переработку информации. Значение РП для познания можно продемонстрировать на примере вычислений «в уме». В этом случае ресурсы рабочей памяти привлекаются для хранения операндов, промежуточных и основных результатов, а также для применения арифметических операций к оперативно удерживаемым данным. Как система оперативного хранения и переработки информации РП занимает центральное место во многих современных теориях познания (Baddeley, 2012; Bargh, 2005; Белова, Малых, 2013). Это связано с тем, что фундаментальной основой когнитивных теорий является идея о психике как системе сбора и переработки информации и построения модели мира на этой основе (Найссер, 1981). Поэтому неудивительно, что рабочая память, предъявляющая «эксклюзивные права» на переработку информации человеком, претендует на роль системы, опосредующей познавательную деятельность.

Важная роль РП в реализации познавательной деятельности проявляется в наличии выраженных корреляций между ее индивидуальными характеристиками и эффективностью различных видов сложной деятельности. В частности, объем РП коррелирует с эффективностью обучения иностранным языкам и языкам программирования, с пониманием текстов, со способностью к умозаключениям и управлению сложными техническими системами (Engle & Kane, 2004). Эти эмпирические связи кульминируют при наличии сильных корреляций между объемом рабочей памяти и текучим интеллектом gF (Ackerman et al., 2005). До 50% дисперсии способности к решению новых, интеллектуально-сложных задач может быть объяснено индивидуальной изменчивостью

Рабочая память, понимаемая как кратковременная память, т.е. как система оперативного хранения без реализации функции переработки, неспособна играть центральную роль в обеспечении познавательной деятельности (на что претендует конструкт РП)

РП. Хотя эти связи носят корреляционный характер, их существование заставляет исследователей обращать пристальное внимание на рабочую память, ее механизмы и структуру.

Современные исследования РП долгое время испытывали влияние модели рабочей памяти А. Бэддели (Baddeley, 1986). Эта модель предполагает выделение в структуре РП подсистемы, ответственной за переработку информации, контроль оперативного хранения и контроль внимания (центральный исполнитель), а также ряд подсистем хранения информации (фонологическая петля, зрительно-пространственный блокнот, эпизодический буфер). На сегодняшний день существует несколько альтернативных моделей рабочей памяти, развивающих представления о роли процессов внимания в ней (Cowan, 1999), о дифференциации различных активационных состояний оперативно удерживаемой информации (Oberauer, 2009), а также о значении разделения ресурсов хранения и переработки в реализации ее функций (Barroillet & Camos, 2007). Все существующие модели РП сходятся в том, что ее функционирование основывается на совместной реализации функций хранения и переработки информации. В настоящей работе рассматриваются вопросы возможной организации такого взаимодействия.

Хранение и переработка в рабочей памяти

Совместная реализация функций хранения и переработки в РП являет-

ся основой ее определения (Daneman & Carpenter, 1980). Рабочая память, понимаемая как кратковременная память, т.е. как система оперативного хранения без реализации функции переработки, неспособна играть центральную роль в обеспечении познавательной деятельности (на что претендует конструкт РП). Это проявляется в наличии расхождения между эффектами индивидуальных характеристик кратковременной памяти и РП. Так, не обнаруживаются выраженные связи основного средства оценки объема кратковременной памяти – цифрового охвата (который используется, например, в шкале интеллекта Векслера) с общим интеллектом. Добавление к задаче удержания набора цифр задания переработки информации позволяет рассчитать показатели объема РП, выраженно коррелирующие с общим интеллектом (Величковский, 2014). Таким образом, совмещение хранения и переработки является конституирующим признаком рабочей памяти, как системы, опосредующей познавательную деятельность.

Можно выделить несколько направлений исследований, проблематизирующих взаимосвязь функций хранения и переработки в РП. Основная дихотомия, различающая эти подходы – это дихотомия зависимости/независимости хранения и переработки в РП. Первый вопрос: зависят ли хранение и переработка друг от друга или же они реализованы как независимые, изолированные функции? Если они зависят друг от друга, то второй вопрос: каков характер этой зависимости? Ниже будут рассмотрены сначала направления, трактующие хранение и переработку как взаимодействующие функции, затем направления, трактующие хранение и переработку как независимые функции. Потом будет рассмотрен эмпирический подход к проблеме зависимости/независимости хранения и переработки.

Первое направление рассматривает хранение и переработку как функции, взаимодействующие на основе разделения единого «когнитивного ресурса». В

Борис Борисович Величковский – кандидат психологических наук, доцент кафедры методологии психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: velitchk@mail.ru

Для цитирования: Б.В. Величковский Соотношение хранения и переработки информации в рабочей памяти // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 2(22). – С. 18–27. doi: 10.11621/npsj.2016.0202

For citation: Boris B. Velichkovskiy The correlation between storage and processing information in working memory. (2016). National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 2, 18–27. doi: 10.11621/npsj.2016.0202

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2016
© Russian Psychological Society, 2016

рамках этой концепции представляется, что один и тот же ограниченный ресурс должен выделяться для осуществления и хранения, и переработки. Очевидно, что в этом случае реализация одной функции приводит к затруднениям в реализации другой функции – обе функции выступают по отношению друг к другу в качестве «дополнительных задач». Увеличение объема хранения приводит к снижению эффективности переработки и наоборот. Такие представления развивались, например, в работе М. Daneman и Р. Carpenter, в которой впервые был реализован принцип совмещения функций хранения и переработки для создания теста на определение объема рабочей памяти (Daneman & Carpenter, 1980). Концепция разделения ресурсов, очевидно, перекликается с концепцией внимания как резервуара неспецифических когнитивных ресурсов Д. Канемана (2006) и разделяет с ней методологические проблемы операционального определения понятия ресурса.

Концепция разделения ресурсов получает эмпирическое подтверждение в рамках второго направления исследования, трактующего хранение и переработку как взаимодействующие функции рабочей памяти. Это направление заключается в изучении эффекта порядка стимула и эффекта времени переработки, обнаруживаемых при выполнении тестов на определение объема РП. Впервые эти эффекты были показаны в работе J. Towse с коллегами (Towse et al., 1998). Эффект порядка стимула состоит в том, что объем хранения в РП увеличивается, если продолжительность переработки в ходе выполнения теста снижается. Эффект времени переработки заключается в том, что скорость переработки снижается к ее концу.

Оба эффекта указывают на отрицательную корреляцию между функциональными возможностями хранения и переработки в рабочей памяти. Эффект порядка стимула может быть связан с тем, что, если в конце выполнения теста переработка занимает меньшее время, т.е. для нее требуется меньше ресурсов, то эти ресурсы могут быть выделены для удержания новых элементов информации в дополнение к тем, которые уже содержатся в РП. Таким образом, общий объем хранения в рабочей памяти будет увеличиваться. Эф-

фект времени переработки может быть связан с тем, что к концу выполнения теста увеличение количества удерживаемых в РП элементов приводит к выделению дополнительных ресурсов для хранения информации, что приводит к нехватке резервов для переработки и к снижению ее эффективности. Таким образом, оба эффекта объясняются с позиции разделения единого неспецифического ресурса между функциями хранения и переработки в РП. Обе функции в этом случае оказываются зависимыми друг от друга.

Альтернативное направление исследований исходит из признания независимости функций хранения и переработки (Towse & Hitch, 1995; Barrouillet & Camos, 2007). Его авторы предполагают, что необходимые для реализации этих функций ресурсы разделяются между ними на основе некоторого алгоритма их переключения. Например, при выполнении тестов на определение объема РП ресурсы направляются сначала на функцию хранения, затем переключаются на реализацию функции переработки, потом переключаются на реализацию функции хранения и так далее. Таким образом, в ходе выполнения задания не происходит разделение единого ресурса между хранением и переработкой в той или иной пропорции, а имеет место систематическое переключение ресурсов между ними. При этом возникает снижение объема хранения при интенсивной переработке, вследствие угасания активированной в рабочей памяти информации в то время, когда необходимы для ее реактивации ресурсы переключены на переработку. Очевидно, что при такой трактовке ресурсы РП понимаются как ресурсы внимания.

Ярким примером такого подхода является модель основанного на времени разделения ресурсов П. Барруилле (Barrouillet & Camos, 2007). Эта модель предполагает, что ресурсы рабочей памяти выделяются на реализацию функций хранения и переработки поочередно. При этом хранение обеспечивается ресурсами тогда, когда они не заняты обеспечением переработки. Если ресурсы переключены на переработку, хранящаяся в РП информация угасает. Когда ресурсы переключены на хранение, они могут быть использованы для реактива-

ции хранящихся в рабочей памяти элементов информации, препятствуя их угасанию. Эта концепция получила эмпирическое подтверждение в серии экспериментов, в которых использовались задания на определение объема РП, сочетающие хранение набора элементов и очень простую, высокоавтоматизированную задачу переработки. Казалось бы, такая задача переработки совершенно не требует когнитивных ресурсов и поэтому хранение не должно страдать от нехватки ресурсов (согласно модели разделения ресурсов). Такая картина действительно наблюдается, однако, только если задача переработки подается с невысокой скоростью. При высокой скорости подачи стимуляции в задаче переработки, объем хранения резко снижается. Эти результаты свидетельствуют о переключении ресурсов между хранением и переработкой в рамках определенных интервалов времени.

Еще одно направление в исследовании взаимодействия функций рабочей памяти – это сопоставление совместного и изолированного выполнения заданий на хранение и переработку. Это направление так же, как и предыдущее, читает хранение и переработку независимыми функциями РП. Например, S. Duff и R. Logie показали, что совмещение заданий на хранение и на переработку информации снижает эффективность их выполнения не более чем на 30%, по сравнению с их изолированным выполнением (Duff & Logie, 2001). При этом у большинства испытуемых вообще не наступало никакого снижения эффективности выполнения заданий при их совмещении. Возникающее же у части испытуемых снижение (интерференция двойной задачи) может быть объяснено трудностями координации их выполнения и возможной конкуренцией за разделяемые структурные ресурсы. В пользу этого также свидетельствует тот факт, что снижение сходства между заданием на хранение и заданием на переработку приводит к редукции снижения эффективности совместного выполнения заданий, по сравнению с их изолированным выполнением. Все эти эффекты говорят о том, что хранение и переработка являются независимыми функциями, а их взаимодействие носит опосредованный характер.

Последним, чисто эмпирическим и не отягощенным теоретическими предпочтениями направлением является изучение корреляционных взаимосвязей эффективности хранения и переработки информации в рабочей памяти. В целом ряде исследований этого направления были получены результаты, противоречащие гипотезе о разделении ресурсов между функциями хранения и переработки. Оказалось, что эффективность хранения коррелирует со скоростью переработки либо положительно (Barrouillet & Camos, 2007; Towse & Hitch, 1995), либо статистически незначимо (Waters & Caplan, 1996). Такой же результат был получен и относительно корреляций точности хранения с точностью переработки – они также могут быть либо положительными (Daneman & Tardiff, 1987; Shah & Miyake, 1996), либо незначимыми (Shah & Miyake, 1996; Turner & Engle, 1989). Эти данные представляют большой интерес, так как здесь предсказанная концепциями разделения ресурсов отрицательная корреляция эффективности хранения и переработки не наблюдается. Кроме того, интерес представляет положительная корреляция скорости и точности переработки, выводимая из этих данных. Любая модель взаимодействия хранения и переработки в РП должна будет объяснить эти противоречивые результаты.

Открытые вопросы соотношения хранения и переработки

Приведенные выше результаты не позволяют сделать однозначный вывод о механизмах взаимодействия функций хранения и переработки в рабочей памяти. С одной стороны, существуют концепции тесной взаимосвязи этих функций на основе механизма разделения единого ресурса. С другой стороны, существуют данные, говорящие о независимости функций хранения и переработки и опосредованности их взаимодействия. Также существуют эмпирические свидетельства в пользу того, что эффективность хранения и переработки в РП позитивно коррелируют между собой, т.е. представляют родст-

Приведенные результаты не позволяют сделать однозначный вывод о механизмах взаимодействия функций хранения и переработки в рабочей памяти. С одной стороны, существуют концепции тесной взаимосвязи этих функций на основе механизма разделения единого ресурса. С другой стороны, существуют данные, говорящие о независимости функций хранения и переработки и опосредованности их взаимодействия

венные или, даже, эмпирически неразличимые конструкты. Какая же из этих интерпретаций существующих данных является корректной?

Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, следует прояснить, в чем заключается суть эмпирических противоречий. Представляется, что в основе противоречивых позиций лежат две эмпирические оппозиции.

Во-первых, это противоречие между данными об эффектах порядка стимула и времени переработки (Towse et al., 1998; Maehara & Saito, 2007), с одной стороны, и данными о независимости функций хранения и переработки, с другой стороны (Barrouillet & Camos, 2007; Duff & Logie, 2001). Действительно, эффекты порядка стимула и времени переработки показывают, что хранение и переработка связаны негативной зависимостью, и что поэтому для их выполнения должен разделяться единый ресурс. Первый эффект заключается в том, что количество удерживаемых в компонентах хранения рабочей памяти элементов информации может быть большим, если первоначально выполняются продолжительные, а позднее – короткие задачи переработки. При обратной последовательности задач переработки становится сложнее (и даже невозможно) удерживать в РП большое количество элементов информации. Если предположить, что и переработка, и хранение требуют для своей реализации один и тот же ресурс, то эффект порядка стимула может получить следующую интерпретацию.

В начале выполнения теста рабочей памяти в компонентах хранения удерживается небольшое количество элементов. Их удержание требует небольшой доли ресурса, и оставшаяся часть обеспечивает выполнение затратной (продолжительной) задачи переработки. В конце выполнения теста в компонентах хранения удерживается большое количество элементов, удержание которых требует большой доли ресурса. Он

может быть выделен, так как незатратная (непродолжительная) задача переработки требует незначительной доли ресурса. Таким образом, взаимодействие хранения и переработки сводится к разделению единого ресурса между ними в какой-то пропорции (причем эффект порядка стимула предполагает также, что в случае превышения общего количества ресурса суммарными требованиями к нему ресурсное обеспечение переработки будет иметь приоритет над ресурсным обеспечением хранения). Наличие аналогичного механизма можно предположить и для объяснения эффекта времени переработки. В конце выполнения теста на определение объема РП в компонентах хранения удерживается большое количество элементов. Их удержание требует значительной доли разделяемого ресурса, и на выполнение задачи переработки может быть выделена только малая его доля. Поэтому задача переработки выполняется менее эффективно, т.е. менее быстро.

Концепция переключения ресурсов предполагает другое видение взаимодействия хранения и переработки в РП. Здесь тоже предполагается, что один и тот же ресурс обеспечивает реализацию обеих функций. Однако для реализации конкретной функции он должен быть задействован целиком. Поэтому возникает необходимость в механизме переключения, а также в гипотетическом компоненте – «диспетчере», который осуществляет это переключение. Например, в модели разделения ресурсов, основанного на времени, (Barrouillet & Camos, 2007) переключение осуществляется в соответствии с фиксированными отрезками времени, выделенными на выполнение задач хранения и переработки.

Во-вторых, в основе противоречивых данных о взаимодействии хранения и переработки лежит оппозиция результатов, свидетельствующих о негативной связи эффективности хранения и переработки (первые четыре исследовательских на-

правления) и результатов, говорящих об их позитивной/нулевой связи (последнее, «эмпирическое» исследовательское направление). Концепция разделения ресурсов, например, предполагает, что реализация функций хранения и переработки обеспечивается единым разделяемым ресурсом. Очевидно, что в этом случае концепция предсказывает антагонистические отношения между хранением и переработкой – выделение большего количества ресурса на реализацию одной функции и, следовательно, ее большая эффективность будут связаны с выделением меньшего количества ресурсов на выполнение другой функции и, соответственно, с ее меньшей эффективностью. Яркие примеры такой негативной связи представляют собой предполагаемые в рамках концепции разделения ресурсов (первое и второе исследовательские направления) механизмы возникновения эффектов порядка стимулов и времени переработки, описанные выше.

Концепция переключения ресурсов также, по крайней мере, на первый взгляд, предполагает антагонистические отношения между эффективностью реализации хранения и переработки. Это происходит, несмотря на то, что эта концепция постулирует независимость этих функций. При переключении ресурса на выполнение задачи переработки (эффективное ее выполнение), эффективность хранения страдает за счет угасания активированных в компонентах хранения элементов информации. Так становится возможной негативная связь между переработкой и хранением. Обратная ситуация, кстати говоря, наличествует необязательно – переключение ресурса на обеспечение хранения не обязательно снижает эффективность переработки, так как последняя просто не реализуется в этот момент.

Наиболее нейтральные теоретические предсказания дают результаты исследований совмещенного и изолированного выполнения заданий на хранение и переработку. Так как они предполагают независимость функций хранения и переработки, то их результаты совместимы с нулевыми корреляциями эффективности хранения и переработки, а опосредованно – через механизм координации совместного

выполнения и с позитивными корреляциями. Однако через механизм структурной интерференции результаты исследований совмещенного и изолированного выполнения заданий на хранение и переработку совместимы и с негативными корреляциями эффективности хранения и переработки. В целом, необходимо понять, какие механизмы рабочей памяти могут приводить к возникновению наблюдаемых позитивных/нулевых корреляций, несмотря на предполагаемую антагонистичность хранения и переработки информации в ней.

Имеющиеся эмпирические противоречия заставляют поднять ряд вопросов о реальном соотношении функций хранения и переработки. Это следующие вопросы:

1. Существует ли единый ресурс, обеспечивающий реализацию и функции хранения, и функции переработки?
2. Являются ли функции хранения и переработки независимыми или они связаны с действием единых механизмов?
3. Необходимо ли существование механизма переключения ресурса («диспетчеризация»)?
4. Как можно совместить данные о позитивной/нейтральной корреляции эффективности хранения и переработки с имеющимися теоретическими моделями РП?

Ответы на эти вопросы предполагают рассмотрение гипотетических механизмов рабочей памяти (в частности, выполнения заданий на определение ее объема), а также критического анализа современных моделей РП. Действительно, имеющиеся сегодня теоретические построения в области моделирования рабочей памяти отличаются достаточно большой степенью произвольности и концептуальной неясности. Это во многом объясняется тем, что для когнитивных моделей характерна апелляция к «интуитивно понятным» метафорам и схемам, за которыми часто скрывается отсутствие четко понимаемых механизмов реализации тех или иных когнитивных функций. Хотя такое положение дел понятно и даже продуктивно на начальных стадиях разработки определенной тематики, современное состояние исследований РП требует перехода к описа-

нию не метафор, а механизмов функционирования этой важнейшей подсистемы когнитивной сферы. Такие требования уже выражаются ведущими исследователями рабочей памяти (Oberauer, 2013).

Возникающие при анализе соотношения хранения и переработки в РП проблемы, безусловно, относятся к существенным проблемам изучения рабочей памяти. Это следует из конституирующего значения этих функций для самого понятия РП, как отмечалось выше. Центральной проблемой при этом является проблема возможной независимости функций хранения и переработки и их возможного антагонизма, а также попытки разрешить эти проблемы посредством привлечения понятия когнитивных ресурсов. Решение этих проблем представляет собой насущную необходимость для прогресса в области эмпирических исследований РП.

Схема соотношения хранения и переработки

Ниже будут рассмотрены возможные сегодня ответы на поднятые вопросы о соотношении хранения и переработки в рабочей памяти.

Существование единого ресурса.

Существование единого неспецифического ресурса, необходимого для выполнения различных когнитивных функций, является одной из наиболее устойчивых метафор когнитивной психологии (Navon, 1984). В контексте изучения РП свидетельства в пользу существования единого ресурса предоставляют факты снижения эффективности хранения и переработки при их совместном выполнении (по сравнению с изолированным). Об этом также свидетельствуют эмпирические эффекты антагонизма хранения и переработки, проявляющиеся в описанных выше эффектах порядка стимула и времени переработки. Существование единого ресурса предполагается и эмпирически достаточно хорошо обоснованной концепцией переключения ресурсов.

Следует отметить, что само фундаментальное различие функций хранения и переработки может оказаться необоснованным. При внимательном анали-

зе можно отметить, что только функция хранения носит базовый характер, а переработка является производной функцией. Например, при переработке требуется удерживать в оперативной памяти исходные данные и результаты переработки, т.е. переработка сама требует реализации функции оперативного хранения. Это очевидно в заданиях на определение объема РП, таких как охват операций (Turner & Engle, 1989). В них задача переработки включает в себя удержание нескольких цифр в дополнение к удержанию в рамках выполнения задачи на хранение набора букв. Поэтому реализацию функций хранения и переработки могут выполнять единые механизмы, что может трактоваться как действие «единого ресурса».

Интересно, что концепция разделения единого ресурса может быть согласована с прямо противоположными исходами расчета корреляций эффективности хранения и переработки. С одной стороны, она предсказывает отрицательные корреляции, так как выделение доли ресурса на реализацию одной функции уменьшает долю ресурса, доступную другой функции. С другой стороны, она совместима с положительными корреляциями, так как в этом случае за функциями хранения и переработки может угадываться действие единого фактора – единого ресурса. Низкая специфичность концепции разделения ресурсов по отношению к результатам корреляционных исследований взаимодействия хранения и переработки заставляет усомниться в ее прогностической силе.

Особенно проблематичными для концепции единого ресурса представляются результаты исследований о совместном и изолированном выполнении заданий на хранение и переработку. Наблюдающееся во многих случаях отсутствие снижения эффективности совместного исполнения функций хранения и переработки по сравнению с изолированным исполнением свидетельствует о том, что хранение и переработка не обязательно разделяют общий ресурс. Их взаимодействие, если оно существует, должно носить опосредованный характер. Например, оно может быть ограничено конкуренцией за

общие структурные ресурсы. В целом, следует отметить, что концепция разделения единого ресурса между функциями хранения и переработки не находит однозначного подтверждения, а подтверждающие ее эффекты могут быть связаны с частичным пересечением механизмов, реализующих процедуры измерения хранения и переработки.

Независимость хранения и переработки.

Являются ли хранение и переработка независимыми функциями? Положительно ответить на этот вопрос можно на основе результатов исследований в рамках концепции разделения ресурсов и сравнения совместного и изолированного исполнения функций хранения и переработки. Оба исследовательских направления предполагают, что хранение и переработка реализуются изолированно, не будучи связанными единым механизмом. Такая изоляция функций хранения и переработки представляется выигрышной в рамках доминирующей структурной модели рабочей памяти (Baddeley, 1986) и в контексте общих представлений о модулярности когнитивных функций (Fodor, 1983). Действительно, независимые функциональные компоненты в составе когнитивных систем обладают повышенной устойчивостью к ошибкам, сниженной интерференцией и изолированной модифицируемостью, что дает таким системам эволюционные преимущества. Теоретически, это делает изолированную организацию хранения и переработки более привлекательной.

Поддержку представлениям о независимости хранения и переработки в РП оказывает так называемая концентрическая модель рабочей памяти (Oberauer, 2009). В этой модели в составе РП выделяются компоненты с различным активационным уровнем содержащихся в них репрезентаций. В частности, различаются компоненты оперативного хранения (представляющие собой активированное подмножество репрезентаций долговременной памяти) и фокус внимания, в котором содержится актуально перерабатываемая репрезентация и который является локусом когнитивной переработки. Наши исследования (Ве-

личковский, Румянцев, Никонова, 2015), проведенные на основе метода аддитивных факторов С. Стернберга, указывают на относительную независимость компонентов оперативного хранения и фокуса внимания как компонента текущей переработки (эти компоненты оказываются чувствительными к действию различных экспериментально манипулируемых факторов). Аналогично, нами было показано (Величковский, 2014б), что при факторном анализе показателей эффективности выполнения различных заданий на РП выделяются независимые (т.е. некоррелирующие) факторы, связанные с фокусом внимания и компонентами оперативного хранения. Таким образом, наличествует известная степень независимости функций переработки и хранения в рабочей памяти.

Проблематичным для представления о независимости хранения и переработки являются эффекты порядка стимула и времени переработки. Действительно, эти эффекты могут трактоваться как свидетельствующие об обратной пропорциональной зависимости эффективности хранения и переработки, т.е. о тесной связи между этими функциями. Для этих эффектов, однако, характерно смешение понятий интенсивности и времени переработки (более длительная переработка рассматривается как более интенсивная, т.е. как требующая больших ресурсов). Однако понятие продолжительности переработки является также основным конструктом концепции переключения ресурсов. Рассматривая указанные эмпирические эффекты в рамках этой концепции, можно дать им и другую интерпретацию. Эффект порядка стимула возникает, потому что менее продолжительная переработка в конце теста позволяет реактивировать большое количество элементов в компоненте хранения. Эффект времени переработки возникает потому, что в конце теста необходимо чаще перенаправлять ресурсы интеллектуального внимания на реактивацию элементов. Их переключение на задачу переработки становится более дробным и ее выполнение замедляется.

Таким образом, эмпирические эффекты, трактуемые в пользу тесной зависимости хранения и переработки, могут

получить объяснение и в рамках концепции независимости этих функций. В целом, имеющиеся данные можно интерпретировать как говорящие о независимой реализации функций хранения и переработки, а их взаимодействие следует рассматривать как опосредованное специализированным механизмом переключения когнитивных ресурсов и разрешения структурных конфликтов. Такое предложение требует более детального рассмотрения этого гипотетического механизма.

Необходимость «диспетчеризации».

Представление об изолированной реализации функций хранения и переработки и переключении когнитивных ресурсов между ними требует постулирования в составе РП системы, контролирующей выделение ресурсов на основе определенных алгоритмов. Например, ресурсы могут переключаться между хранением и переработкой на основе схемы систематического чередования, если соответствующая стимуляция тоже подается чередующимся образом. Компонент, который выполняет такую координацию реализации функций хранения и переработки, должен иметь доступ к специализированным ресурсам, к оценке ресурсоемкости тех или иных заданий, к оценкам вероятности стимульных событий, к мотивационным переменным и многим другими факторам, определяющим оптимальные приоритеты в ресурсном обеспечении когнитивных функций.

Очевидно, что такие механизмы планирования и регуляции когнитивной деятельности свойственны префронтальным отделам коры (Лурия, 2003). Следует отметить, что в модели внимания как усилия Д. Канемана (Д. Канеман, 2006) – а при анализе проблемы выделения когнитивных ресурсов в РП речь идет, прежде всего, о ресурсах интеллектуального внимания (Cowan, 1999) – содержится компонент, реализующий подобные функции координации обеспечения внимательной переработки ресурсов на основе внутренних схем и мотивационных переменных. Можно предположить, что именно такой компонент должен быть добавлен в современные модели рабочей памяти. Следует отметить, что это соответствует тенденции к рассмотрению РП и внимания как тесно

связанных конструкторов, как, например, в концепции рабочей памяти как регулирующего внимания (Engle & Kane, 2004).

Объяснение корреляций.

Каким образом представления об ограниченной роли неспецифических ресурсов в реализации функций РП, независимости функций хранения и переработки, а также переключении ресурсов посредством координирующей инстанции могут быть согласованы с имеющимися данными о корреляциях показателей эффективности хранения и переработки?

Нулевые корреляции эффективности хранения и переработки хорошо согласуются с указанными граничными условиями структурной организации рабочей памяти. Действительно, отсутствие корреляций функциональных возможностей хранения и переработки может возникать как следствие их независимости друг от друга и опосредованности их взаимодействия механизмами разрешения динамической и структурной интерференции. При этом такие корреляции могут возникать в результате сочетания действия многих факторов, которые снижают степень согласованности в реализации обеих функций РП. В частности, такие факторы, как скорость предъявления стимуляции, иррелевантная интерференция и, что особенно важно, – семантика предъявляемого материала, могут оказывать существенное влияние на динамику реализации функций рабочей памяти. Поэтому обнаружение нулевых корреляций не противоречит идее

(опосредованного) взаимодействия хранения и переработки, но особенно хорошо согласуется с идеей их относительной независимости.

Обнаружение положительных корреляций эффективности хранения и переработки также хорошо согласуется с выявленными особенностями соотношения этих функций в рабочей памяти. Положительные корреляции обычно трактуются как результат действия общего фактора. В данном случае таким общим фактором, возможно, является действие механизма, регулирующего взаимодействие хранения и переработки («диспетчер»). Как отмечалось выше, такой механизм оптимизирует это взаимодействие на основе учета множества переменных, так что эффективность и хранения, и переработки становится оптимальной в имеющихся условиях. Эмпирически это приводит к появлению положительных корреляций при сохранении независимости обеих функций РП. В любом случае и сделанные выше предположения о структуре рабочей памяти, и факт отсутствия негативных корреляций эффективности хранения и переработки противоречат упрощенной идее о разделении единого когнитивного ресурса между этими функциями.

Проведенный анализ позволяет построить следующую схему взаимодействия хранения и переработки в РП (рис. 1). В рабочей памяти реализуются две независимые функции – хранение и переработка. Их реализация основывается на множестве механизмов удержания и трансформации информации – как общих, так

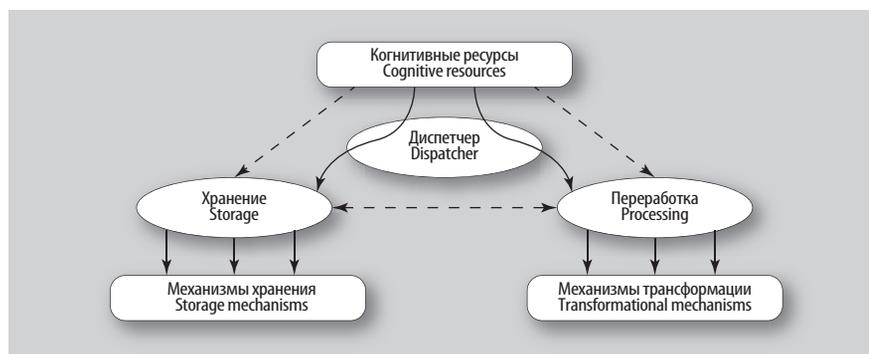

Рис. 1. Взаимодействие хранения и переработки в рабочей памяти на основе стратегии оптимального переключения ресурсов (сплошная линия – обязательные связи, прерывистая линия – опциональные связи).

Figure 1. Interaction between storage and processing in working memory based on the strategy of an optimal resource switching (unbroken line – mandatory links, broken line – optional links).

и модально-специфических. Для выполнения хранения и переработки необходимо выделить когнитивных ресурсов (например, для реактивации удерживаемой в РП информации). Ресурсы могут быть затребованы функциями хранения и переработки напрямую, а также опосредованно выделяться через специальную станцию – «диспетчер». Диспетчер осуществляет оптимальное переключение ресурсов между хранением и переработкой с учетом текущих условий, отражающихся в когнитивных и мотивационных переменных. Так возникает опосредованное взаимодействие данных функций РП, приводящее, например, к появлению положительных корреляций показателей их эффективности. Схема не исключает, что в случае конкретных тестов на определение функциональных возможностей рабочей памяти при реализации хранения и переработки могут использовать общие механизмы, что приводит к их более тесному эмпирическому взаимодействию.

Заключение

В статье рассматривался вопрос о соотношении двух конституирующих функций РП – хранения и переработки. Проанализированы основные направления исследований этого вопроса. Было показано, что их основное различие сводится к дихотомии независимости/зависимости хранения и переработки. В рамках концепции разделения единого ресурса и исследований эффектов порядка сти-

В рамках концепции разделения единого ресурса и исследований эффектов порядка стимула и времени переработки предполагается, что хранение и переработка тесно связаны, и их функционирование основывается на разделении единого неспецифического ресурса. Направления, связанные с исследованием переключения когнитивных ресурсов и сопоставлением совместного и изолированного выполнения функций рабочей памяти предполагают относительную независимость хранения и переработки

мула и времени переработки предполагается, что хранение и переработка тесно связаны, и их функционирование основывается на разделении единого неспецифического ресурса. Направления, связанные с исследованием переключения когнитивных ресурсов и сопоставлением совместного и изолированного выполнения функций рабочей памяти, предполагают относительную независимость хранения и переработки. Отмечалось, что такое предположение требует представления о существовании специализированной инстанции – «диспетчера», осуществляющего оптимальное переключение ресурсов между хранением и переработкой с учетом ограничений текущего контекста. Также рассматривались результаты исследований корреляций эффективности хранения и переработки. Отмечалось, что современные модели взаимодействия хранения и переработки должны объяснять результаты, получаемые в исследованиях, проходящих в их рамках.

В результате проведенного анализа было показано:

1) в реализации функций хранения и переработки принимают участие неспецифические когнитивные ресурсы;

2) функции хранения и переработки реализуются независимо друг от друга;

3) взаимодействие функций хранения и переработки осуществляется опосредованно на основе оптимального переключения ресурсов посредством активности специализированной инстанции.

Предложена схема взаимодействия хранения и переработки в РП. Сделанные выводы хорошо согласуются с результатами корреляционных исследований эффективности хранения и переработки, а также с результатами экспериментальных исследований переключений ресурсов при реализации функций рабочей памяти. Сделанные выводы также позволяют дать новую интерпретацию эффектов порядка стимула и времени переработке как поддерживающих концепцию переключения ресурсов. Полученные в настоящей работе результаты могут быть использованы для дополнения современных моделей РП и расширения представлений о реализации ее конституирующих функций – хранения и переработки.

*Исследование поддержано РГНФ,
грант № 16-06-00065.*

Литература:

- Белова А.П., Малых С.Б. Природа индивидуальных различий рабочей памяти // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2013. – Т. 6. – С. 54–64.
- Величковский Б.Б. Тестирование рабочей памяти: от простого к сложному и снова к простому // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2014 (а). – Т. 7. – № 2. – С. 133–142.
- Величковский Б.Б. Структура корреляционных зависимостей между показателями эффективности выполнения разных классов заданий на рабочую память // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2014 (б). – № 4. – С. 18–32.
- Величковский Б.Б., Никонова Е.Ю., Румянцев М.А. Структура рабочей памяти: Эффекты увеличения количества информации, усложнения обработки и интерференции // Психологический журнал. – 2015. – Т. 36. – № 3. – С. 38–48.
- Канеман Д. Внимание и усилие. – Москва : Смысл, 2006.
- Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. – Москва : Академия, 2003.
- Найссер У. Познание и реальность. – Москва : Прогресс, 1981.
- Ackerman, P.L., Beier, M.E., Boyle, M.O. (2005) Working memory and intelligence: the same or different constructs? *Psychological Bulletin*. 131, 30-60.
- Baars, J. (2005) Global workspace theory: Toward a cognitive neuroscience of human experience? *Progress in brain research*. 150, 45-55.
- Baddeley, A. (1986) *Working memory*. Oxford, Oxford University Press.

Для цитирования: Б.Б. Величковский Соотношение хранения и переработки информации в рабочей памяти // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 2(22). – С. 18–27. doi: 10.11621/npj.2016.0202

For citation: Boris B. Velichkovskiy The correlation between storage and processing information in working memory. (2016). *National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*, 2, 18–27. doi: 10.11621/npj.2016.0202

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2016
© Russian Psychological Society, 2016

- Baddeley, A. (2012) Working memory: Theories, Models, and Controversies. *Annual Review of Psychology*. 63, 1-29.
- Barrouillet, P., & Camos, V. (2007) The time-based resource-sharing model of working memory. *The cognitive neuroscience of working memory*. Oxford: Oxford University Press. 59-80.
- Cowan, N. (1999) An embedded-processes model of working memory. *Models of Working Memory. Mechanisms of active maintenance and executive control*. Cambridge, Cambridge University Press. 62-101.
- Daneman, M., & Carpenter, P.A. (1980) Individual differences in working memory and reading. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. 19, 450-466.
- Daneman, M., & Tardiff, T. (1987) Working memory and reading skill re-examined. *Attention and Performance*. NY, Erlbaum. 491-508.
- Duff, S., & Logie, R. (2001) Processing and storage in working memory span. *The quarterly journal of experimental psychology*. 2001. 54, 31-48.
- Engle, R., & Kane, M. (2004) Executive attention, working memory capacity, and a two-factor theory of cognitive control. *The psychology of learning and motivation*. NY, Academic Press. 145-199.
- Fodor, J. A. (1983) *Modularity of Mind: An Essay on Faculty Psychology*. Cambridge, Mass., MIT Press.
- Maehara, Y., Saito S. (2007) The relationship between storage and processing in [working memory span: not two sides of the same coin]. *Journal of Memory and Language*. 56, 212-228.
- Navon, D. (1984) Resources – a theoretical soupstone? *Psychological Review*. 91, 216-234.
- Oberauer, K. (2009) Interference between storage and processing in working memory: Feature overwriting, not similarity-based competition. *Memory & Cognition*. 37. 346-357.
- Oberauer, K. (2013) The focus of attention in working memory – from metaphors to mechanisms. *Frontiers in Human Neuroscience*. 7, 673.
- Pogozhina, I. N. (2015). Determination of cognitive development: postnonclassical theoretical model. *National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*. 3 (19), 35-44.
- Shah, P., & Miyake, A. (1996) The separability of working memory resources for spatial thinking and language processing: An individual differences approach. *Journal of Experimental Psychology: General*. 125, 4-27.
- Towse, J. & Hitch, G. (1995) Is there a relationship between task demand and storage space in tests of working memory capacity? *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 48, 108-124.
- Towse, J. Hitch, G., & Hutton, U. (1998) A reevaluation of working memory capacity in children. *Journal of Memory and Language*. 39, 195-217.
- Turner, M., & Engle, R. (1989) Is working memory capacity task dependent? *Journal of Memory & Language*. 1989. 28, 127-154.
- Waters, G., & Caplan, D. (1996) The measurement of verbal working memory capacity and its relation to reading comprehension. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 49, 51-79.

Resources:

- Ackerman, P.L., Beier, M.E., Boyle, M.O. (2005) Working memory and intelligence: the same or different constructs? *Psychological Bulletin*. 131, 30-60.
- Baars, J. (2005) Global workspace theory: Toward a cognitive neuroscience of human experience? *Progress in brain research*. 150, 45-55.
- Baddeley, A. (1986) *Working memory*. Oxford, Oxford University Press.
- Baddeley, A. (2012) Working memory: Theories, Models, and Controversies. *Annual Review of Psychology*. 63, 1-29.
- Barrouillet, P., & Camos, V. (2007) The time-based resource-sharing model of working memory. *The cognitive neuroscience of working memory*. Oxford: Oxford University Press. 59-80.
- Cowan, N. (1999) An embedded-processes model of working memory. *Models of Working Memory. Mechanisms of active maintenance and executive control*. Cambridge, Cambridge University Press. 62-101.
- Belova, A.P., & Malikh, S.B. (2013) The nature of individual differences in working memory. *Theoretical and Experimental Psychology [Teoreticheskaiya i eksperimental'naiya psikhologiya]*. 6, 54-64.
- Daneman, M., & Carpenter, P.A. (1980) Individual differences in working memory and reading. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. 19, 450-466.
- Daneman, M., & Tardiff, T. (1987) Working memory and reading skill re-examined. *Attention and Performance*. NY, Erlbaum. 491-508.
- Duff, S., & Logie, R. (2001) Processing and storage in working memory span. *The quarterly journal of experimental psychology*. 2001. 54, 31-48.
- Engle, R., & Kane, M. (2004) Executive attention, working memory capacity, and a two-factor theory of cognitive control. *The psychology of learning and motivation*. NY, Academic Press. 145-199.
- Fodor, J. A. (1983) *Modularity of Mind: An Essay on Faculty Psychology*. Cambridge, Mass., MIT Press.
- Kaneman, D. (2006) *Attention and effort*. Moscow, Smisl.
- Luriya, A.R. (2003) *The basics of neuropsychology*. Moscow, Academia.
- Maehara, Y., Saito S. (2007) The relationship between storage and processing in working memory span: not two sides of the same coin. *Journal of Memory and Language*. 56, 212-228.
- Neisser, U. (1981) *Cognition and reality*. Moscow, Progress.
- Navon, D. (1984) Resources – a theoretical soupstone? *Psychological Review*. 91, 216-234.
- Oberauer, K. (2009) Interference between storage and processing in working memory: Feature overwriting, not similarity-based competition. *Memory & Cognition*. 37. 346-357.
- Oberauer, K. (2013) The focus of attention in working memory – from metaphors to mechanisms. *Frontiers in Human Neuroscience*. 7, 673.
- Pogozhina, I. N. (2015). Determination of cognitive development: postnonclassical theoretical model. *National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*. 3 (19), 35-44.

- Shah, P., & Miyake, A. (1996) The separability of working memory resources for spatial thinking and language processing: An individual differences approach. *Journal of Experimental Psychology: General*. 125, 4-27.
- Towse, J. & Hitch, G. (1995) Is there a relationship between task demand and storage space in tests of working memory capacity? *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 48, 108-124.
- Towse, J. Hitch, G., & Hutton, U. (1998) A reevaluation of working memory capacity in children. *Journal of Memory and Language*. 39, 195-217.
- Turner, M., & Engle, R. (1989) Is working memory capacity task dependent? *Journal of Memory & Language*. 1989. 28, 127-154.
- Waters, G., & Caplan, D. (1996) The measurement of verbal working memory capacity and its relation to reading comprehension. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 49, 51-79.
- Velichkovskiy, B.B. (2014) Correlative dependencies between the results of various tasks targeted at testing working memory. *Moscow University Journal. Psychology*. [Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya]. 4, 18–32.
- Velichkovskiy, B.B. (2014) Working memory testing: from the easiest to the hardest and back to the easiest again. *Theoretical and Experimental Psychology* [Teoreticheskaiya i eksperimental'naiya psikhologiya]. 2, 133–142.
- Velichkovskiy, B.B., Nikonova E.Yu., Rumyantsev M.A. (2015) Working memory structure: the effects of data expansion, processing complication and interferences. *Psychological Journal* [Psikhologicheskij zhurnal]. 3, 38–48.

Когнитивные стили: дискуссионные вопросы и проблемы изучения

Н.Н. Волкова, А.Н. Гусев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Поступила: 18 мая 2016/ Принята к публикации: 6 июня 2016

Cognitive styles: Controversial issues and research problems

Natalia N. Volkova, Aleksey N. Gusev*

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

*Corresponding author E-mail: angusev@mail.ru

Received: May 18, 2016 / Accepted for publication: June 6, 2016

Представлено обзорно-аналитическое исследование развития представлений о когнитивных стилях (КС). Обсуждаются вопросы актуальности, перспективности, теоретической и практической значимости их исследования. Анализируются причины угасания интереса исследователей к изучению данной области, связанные с проблемами теории, методологии, измерения и практического использования КС. Указывается на отсутствие строгого определения данного конструкта и адекватной ему теоретико-методологической базы, а также выраженное преобладание эмпирики над теорией, состоящее в неравноценном соотношении эмпирических и обобщающих их теоретико-методологических работ. Подробно анализируются пути решения выделенных проблем, предложенные исследовательские программы и перспективные направления будущих исследований. Рассматриваются вопросы соотношения КС с другими психологическими конструктами – способностями и когнитивными стратегиями. Обосновывается необходимость систематизации и упорядочивания большого числа известных КС в рамках разработки интегративных моделей. Поднимаются также дискуссионные вопросы о стабильности КС во времени, их ценностной нагруженности (востребованности) в связи с обеспечением продуктивности познавательной деятельности. Приводится авторский взгляд на КС как на психологическое средство решения субъектом познавательных задач в конкретных условиях в соответствии с имеющимися когнитивными ресурсами. Предполагается, что проблематика КС позволяет ответить на вопрос о природе индивидуальных различий, прояснить психологические механизмы взаимодействия личности со средой, а также выступить основой для интеграции исследований в областях психологии личности и когнитивной психологии.

Ключевые слова: стилевой подход, когнитивные стили, теория когнитивных стилей, индивидуальные различия.

The paper presents an analytical review of cognitive styles research, considering the problems of its theory, methodology, measurement and practical applications. Issues concerning the prospects, as well as theoretical and practical relevance of cognitive styles research, are discussed. We examine the main causes leading to researchers' declining interest to study of cognitive styles, related to theory, methodology, measurement and practical applications. The main problems discussed relate to lack of clear definition and common theoretical framework. Moreover, the number of empirical studies prevails over the one aimed at theoretical generalization of empirical results and findings, and therefore the primacy of empirics appears. We analyze the possible ways of advancing the field, suggested research programs and potential perspectives for future research. We pose questions of the relationship between cognitive styles and other psychological constructs, such as abilities and cognitive strategies. We emphasize the need to develop integrative models of cognitive styles in order to systematize and organize a large number of existing cognitive styles dimensions. The main controversial issues concerning cognitive styles' stability and value are considered. We suggest that cognitive style is a psychological mean of cognitive tasks solving, based on both situation circumstances and subject's current cognitive resources. Issues concerning cognitive styles may answer the question on the nature of individual differences and clarify psychological mechanisms of personality-situation interaction. Furthermore, it may serve as a basis for integrated studies at the areas of personality and cognitive psychology.

Key words: style approach, cognitive styles, cognitive style theory, individual differences.

История изучения когнитивных стилей (КС) – интересная и парадоксальная тема (Kozhevnikov, 2007). Развернутый исторический анализ исследований когнитивных стилей был предметом множества обзорных работ (Толочек, 2013; Холодная, 2004; Kagan, Kogan, 1970; Kozhevnikov, 2007; Messick, 1976, 1984; Moskvina, Kozhevnikov, 2011; Sternberg, Grigorenko, 2011; Witkin, Goodenough, 1981 и др.). Тем не менее, представим краткую историю вопроса.

Можно выделить четыре основных периода в истории исследования КС по критерию направленности на изучение определенной проблемы (Moskvina, Kozhevnikov, 2011). Первый период, к которому относят ранние исследования 40–50 годов XX века, связан с выявлением индивидуальных различий в способах переработки информации. Вклад данного этапа состоит в выдвижении идеи о том, что люди отличаются друг от друга не только по успешности выполнения какой-либо задачи, но и по способам ее восприятия (понимания) и решения. Работы второго периода (1950–60 гг.) были связаны с поиском взаимосвязей между когнитивными стилями и другими психологическими конструктами, а также углублением понимания характерных особенностей КС. Значение этих периодов авторы описы-

вают как шаг вперед в понимании связи между личностью и средой (Witkin et al., 1954), построение «моста» между познанием и личностью (Riding, Rayner, 1998; Sternberg, Grigorenko, 1997, 2011). На наш взгляд, такое понимание когнитивного стиля как одного из важных общепсихологических конструктов до сих пор перспективно.

Тем не менее, 70-е годы XX века характеризуются заметным падением интереса к изучению КС, поскольку ученые столкнулись с рядом серьезных проблем. Несмотря на достижения стилевого подхода, со временем обнаружили принципиальные недостатки, тормозящие его развитие. Проводимые исследования были неспособны разрешить обозначенные ниже проблемы, что создавало, как отмечает М.А. Холодная, «впечатление лавинообразного нарастания не согласующихся друг с другом фактов, которые уже невозможно было объяснить с какой-либо более или менее осмысленной позиции» (Холодная, 2004, С. 161). В данном контексте важно, что работы последних лет нацелены на критический анализ ранних исследований.

Цель данного обзорно-аналитического исследования – выделить основные проблемы в области психологии КС и возможные пути их решения, а также проанализировать перспективные направления будущих исследований.

Проблемы изучения когнитивных стилей

Ключевой проблемой, на которую обратили внимание многие известные исследователи в области стилевого подхода, признается отсутствие ясного понимания, что стоит за конструктами «стиль» и «когнитивный стиль», а также их строгого определения и общей теоретико-методологической базы (Толочек, 2013; Холодная, 2004; Kozhevnikov et al., 2014; Cools, Rayner, 2011; Sadler-Smith, 2009; Sternberg, 2011; Wardell, Royce, 1978; Zhang et al., 2012). В.А. Толочек указывает также на зависимость выбора методологии исследований КС от исторического контекста и запроса со стороны общества (Толочек, 2013).

Когнитивные стили, наряду с другими стилевыми образованиями – стилями обучения, мышления, интеллектуальными стилями и др. – признаются ограниченными со стороны средств их измерения. То есть они характеризуются достаточно «жесткой» привязкой к методике их диагностики, что приводит к очевидным трудностям в обобщении полученных эмпирических данных и теоретическом осмыслении результатов (Толочек, 2013; Холодная, 2004; Moskvina, Kozhevnikov, 2011; Sternberg, Grigorenko, 1997, 2011; Wardell, Royce, 1978). Как справедливо отмечала М.А. Холодная, в целом обнаруживалась первичность эмпирики по отношению к теории, вследствие чего исследователи были вынуждены опираться на весьма частные операциональные определения КС (Холодная, 2004). Расширение числа эмпирических исследований не сопровождалось соответствующим ростом обобщающих их теоретико-методологических работ (Sternberg, Grigorenko, 1997). Однако, по мнению Т.В. Корниловой и Г.В. Парамей, «запаздывание теоретических разработок не должно тормозить эмпирические исследования стилевой регуляции деятельности, поскольку предмет исследования достаточно четко очерчен...» (Корнилова, Парамей, 1989, С. 146).

Одной из возможных причин явного падения интереса психологов к проблематике КС признается также отсутствие единого понятийного аппарата для

Наталья Никитична Волкова – аспирант кафедры психологии личности факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: n.volkova.psy@gmail.com

Алексей Николаевич Гусев – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: angusev@mail.ru

эффективной коммуникации исследователей, как в рамках данного узкого направления, так и в более широком психологическом контексте (Толочек, 2013; Cools, Rayner, 2011; Sternberg, 2011; Zhang et al., 2012). Кроме того, многие авторы указывают на постоянный рост и без того большого числа отдельных, изолированных когнитивных стилей, что сопровождается созданием соответствующих средств их измерения (Evans, Waring, 2009; Miller, 1987; Moskvina, Kozhevnikov, 2011; Cools, Rayner, 2011; Riding, 2000,

Новые программы исследований когнитивных стилей, предложенные после критического осмысления предыдущих, затрагивают три основных аспекта их изучения – теорию, измерение и практику, на пересечении которых можно разработать продуктивный исследовательский подход;

2011; Zhang et al., 2012). Так, в литературе выделяют 15 (Wardell, Royce, 1978), 19 (Messick, 1976), 21 (Холодная, 2004), 29 (Allinson, Hayes, 1996) и даже более 71 (Evans, Waring, 2009) существующих КС, что вызывает необходимость создания интегративных моделей, способных упорядочить или ограничить растущий объем новых эмпирических конструкторов.

Проблемы в понимании того, как соотносятся когнитивные стили с другими характеристиками индивидуальных различий, сопровождаются смешением КС с разными психологическими конструктами – личностными чертами, способностями, когнитивными стратегиями (Biggs, 2011; Kozhevnikov, 2007; Riding, 2000; Sternberg, 2011; Sternberg, Grigorenko, 2011; Zhang et al., 2012).

Существенной характеристикой ранних этапов изучения когнитивных стилей является применение корреляционных схем исследований, впоследствии заменяемое ориентацией на проверку экспериментальных причинно-следственных гипотез (Корнилова, Парамей, 1989). Критике подвергаются существующие методические средства измерения КС – они слишком разнообразны, недостаточно между собой согласованы, многие не обладают необходимой валидностью и надежностью, что формирует запрос на разработку надежных и валидных методик (Cools, 2009; Riding, 2000; Sadler-Smith, 2009; Sternberg, 2011).

Исследователи подчеркивают, что указанные выше проблемы «перевесили»

преимущества стилевого подхода, что обусловило падение интереса к дальнейшим теоретическим разработкам в данной области. Она «была оставлена фрагментарной и неполной, без ясной и имеющей практическую пользу теории и без понимания того, как когнитивные стили связаны с другими психологическими конструктами и теориями в области когнитивных наук» (Kozhevnikov, 2007, Р. 464). В то же время, В. Москвина и М. Кожевникова отмечают, что, несмотря на угасание теоретического интере-

са, возрастало число прикладных исследований когнитивных стилей. Особое внимание уделялось КС, относящимся к решению сложных когнитивных задач и обучению (Moskvina, Kozhevnikov, 2011). Характеристику ситуации, сложившейся в области изучения когнитивных стилей, дал А. Фернхем. Он отметил, что, несмотря на 50 лет исследований, многие вопросы по-прежнему остаются без ответа, вместе с тем, поражают усилия, вложенные в развитие этой темы, и объем накопленных данных (Cools, 2009).

Пути решения проблем, исследовательские программы и перспективы развития

Мы полагаем, что в настоящее время остро стоит вопрос актуальности дальнейшего изучения когнитивных стилей. С одной стороны, данная область долгое время находилась вне основных путей развития современной психологии, с другой – вопрос о стилях как предпочтениях в использовании когнитивных способностей остается до сих пор весьма важным (Sternberg, Grigorenko, 1997). Многие авторы указывают, что КС могут выступить основой построения единой теории взаимодействия познания и личности (Cools, Rayner, 2011; Riding, 2000; Sternberg, Grigorenko, 1997), что они имеют большое прикладное значение в областях обучения и образования, менеджмента, психоте-

рапии, принятия решений и пр. (Cools, Rayner, 2011; Kozhevnikov et al., 2014; Moskvina, Kozhevnikov, 2011; Riding, 2000; Sternberg, 2011; Zhang et al., 2012).

Задаваясь вопросом, движется ли вперед психология стилей или же новые исследования не разрешают существующие проблемы и противоречия, Е. Кулс и С. Райнер заключают, что последнее десятилетие характеризуется не только возрождением интереса к изучению стилей, но и значительным прогрессом эмпирических исследований в данной области (Cools, Rayner, 2011). Похожую точку зрения отстаивают и другие авторы (Толочек, 2013; Холодная, 2004; Kozhevnikov et al., 2014; Moskvina, Kozhevnikov, 2011; Sternberg, 2011; Sternberg, Grigorenko, 1997, 2011; Zhang et al., 2012). Однако, на наш взгляд, дальнейшее развитие психологии стилей невозможно без введения ряда принципиально важных преобразований, нацеленных на преодоление указанных выше ограничений ранних исследований. Новые программы исследований когнитивных стилей, предложенные после критического осмысления предыдущих, затрагивают три основных аспекта их изучения – теорию, измерение и практику, на пересечении которых можно разработать продуктивный исследовательский подход (Cools, Rayner, 2011).

Е. Кулс предлагает следующие преобразования в области исследования когнитивных стилей: прояснить положение КС в сфере психологии индивидуальных различий и, как следствие, построить их единую модель, интегрировать в нее известные когнитивные стили, провести лонгитюдные исследования для выявления источника развития КС, отказаться от преобладающих самоотчетных методик в пользу подходов, предполагающих многомерное и многофакторное изучение когнитивных стилей (Cools, 2009).

Исследовательская программа Р. Райдинга включает предложения по сокращению большого числа отдельных КС за счет их объединения в более широкие группы, а также по разработке надежных и валидных диагностических процедур. Кроме того, необходимо построение модели взаимоотношения когнитивных стилей с другими психологическими конструктами на основании теоретиче-

ского осмысления места когнитивных стилей в общем контексте психологии индивидуальных различий. Обеспечение возможности практического применения КС должно, по мнению автора, основываться на определении их связей с наблюдаемым поведением (Riding, 2000). Е. Сэдлер-Смит также указывает на необходимость разработки единой теоретико-методологической базы и понимания места КС в сфере индивидуальных различий с опорой на достижения социальной психологии и нейронаук. Вместе с тем, он подчеркивает важность создания надежных и валидных средств измерения когнитивных стилей (Sadler-Smith, 2009).

Р. Стернберг в качестве общей методологии изучения КС предлагает психологию выбора и принятия решений, основываясь на положении о том, что когнитивные стили представляют собой выборы или предпочтения. Причиной неуспеха ранних исследований автор считает опору на теории личностных черт и способностей, к области которых КС не принадлежат (Sternberg, 2011).

В. Москвина и М. Кожевникова выделили три основных направления в изучении стилей, являющиеся актуальными и перспективными (Moskvina, Kozhevnikov, 2011). Первое – «расщепление» – отражает углубленное изучение выполнения некоторой задачи внутри группы испытуемых, представляющей полюс определенного когнитивного стиля. Второе направление связано с разработкой интегративных моделей КС и объединением их в единую теорию, что позволит сократить число слабо систематизированных и разрозненных когнитивных стилей. Третье направление соответствует весьма актуальной для многих областей психологии тенденции – опоре на достижения нейронаук (Kozhevnikov, 2007; Kozhevnikov et al., 2014; Moskvina, Kozhevnikov, 2011).

Таким образом, на наш взгляд, наибольший отклик в критических обзорах и предложенных программах вызывает проблема рассмотрения КС в системе переменных индивидуальных различий, а также необходимость систематизировать и упорядочить известные когнитивные стили путем разработки интегративных моделей.

Соотношение когнитивных стилей с другими конструктами.

Стили и способности

Предметом многочисленных дискуссий является проблема соотношения КС и способностей, актуальность которой обусловлена не только ее теоретической значимостью, но и тесной связью с другими дискуссионными вопросами – о возможности оценки полюсов когнитивных стилей как более или менее социально «востребованных» и, соответственно, их связи с продуктивностью деятельности.

Новые программы исследований когнитивных стилей, предложенные после критического осмысления предыдущих, затрагивают три основных аспекта их изучения – теорию, измерение и практику, на пересечении которых можно разработать продуктивный исследовательский подход;

Понятие КС было введено, чтобы попытаться ответить на вопрос: как и почему люди отличаются друг от друга при выполнении той или иной деятельности. Это не всегда удавалось объяснить с позиции одних лишь способностей потому, что одни и те же результаты могут быть достигнуты разными способами (Sternberg, Grigorenko, 2011). В литературе как ранних, так и более поздних периодов изучения когнитивных стилей преобладает позиция, согласно которой стили и способности не могут быть сведены друг к другу (Messick, 1984; Nosal, 2009; Renzulli, Dai, 2011; Sternberg, 2011; Sternberg, Grigorenko, 2011; Witkin, Oltman, 1967). Тем не менее, встречается и противоположная точка зрения (см. ниже).

Г. Виткин и П. Олман предложили пять критериев различения стилей и способностей:

- 1) способности связаны с уровнем достижений, тогда как стиль характеризует способ выполнения деятельности;
- 2) стиль является биполярным измерением, способность – униполярным;
- 3) в отличие от способностей, имеющих ценностный контекст, к стилям неприменимы оценочные суждения – иными словами, оба полюса любого стиля равноценны с точки зрения результативных аспектов деятельности;
- 4) стиль стабилен во времени;
- 5) стиль устойчиво проявляется в разных условиях, тогда как способность харак-

теризуется специфичностью по отношению к определенному виду деятельности и может изменяться с течением времени (Witkin, Oltman, 1967).

Аналогичные основания для различения указанных конструктов выделил С. Мессик, охарактеризовав стили как биполярные типичные формы деятельности, относящиеся к способу познания и проявляющиеся в различных аспектах функционирования. Способности, по его мнению, напротив, связаны с содержанием познания и специфичны в конкретной области деятельности, влияя на ее эффективность (Messick, 1984).

М.А. Холодная критически анализирует предложенные Г. Виткиным и С. Мессиком критерии, полагая, что на эмпирическом уровне обнаруживаются взаимные пересечения КС и способностей, несмотря на декларируемые на уровне теоретических разработок различия между ними. Таким образом, стили представляют собой не предпочтения, а особый тип интеллектуальных способностей – «метакогнитивные способности, являющиеся «индикаторами сформированности психических механизмов, отвечающих за управление процессом переработки информации» (Холодная, 2004, с. 226).

Согласно теории Р. Стернберга, стили представляют собой выборы действовать тем или иным образом на основании предпочтений человека и требований ситуации, и именно этот компонент выбора и принятия решений отличает стили от способностей. Таким образом, стили являются предпочтениями использования тех или иных способностей, но не могут быть сведены к ним (Sternberg, 1997). Это также объясняет наличие множества КС, описанных в литературе, поскольку диапазон возможных выборов очень широк (Sternberg, 2011).

В концепциях, постулирующих несводимость стилей к способностям, ключевым основанием их дифференциации является, на наш взгляд, отношение к процессуальному и результативному аспектам деятельности, соответственно.

Общая идея состоит в том, что способности детерминируют эффективность деятельности, а стиль отражает привычный способ ее выполнения, не влияя на конечную продуктивность. Однако, по мнению И.П. Шкуратовой, данное положение о различении стилей и способностей приводит к искусственному разделению процесса и результата, которые в действительности не поддаются разграничению и должны рассматриваться в комплексе (Шкуратова, 1998). На эту же проблему обращает внимание И.Г. Скотникова, подчеркивая, что разным КС свойственно разное соотношение результативных и процессуальных аспектов: некоторые КС могут влиять на продуктивность познавательной деятельности, будучи при этом стилевыми в широком классе жизненных ситуаций. Кроме того, одинаковая итоговая эффективность может быть связана с разными ресурсными затратами (Скотникова, 1998).

Понимание отношений между КС и способностями углубляется за счет разработки классификаций стилей по критерию близости к другим переменным индивидуальных различий. Н. Коган выделил три типа стилей по удалению от области способностей. При измерении стилей I типа, наиболее приближенных к способностям, важны точность и правильность ответа. Стили II типа не могут быть охарактеризованы в терминах точности или правильности. Стили III типа независимы от точности и не оцениваются с точки зрения их большей или меньшей предпочтительности при решении широкого круга жизненных задач (Kogan, 1973). Р. Стернберг и Л.Ф. Чанг использовали аналогичные основания для классификации интеллектуальных стилей (Sternberg, Zhang, 2005). Р. Стернберг и Е. Григоренко предложили разделение когнитивно- и личностно-центрированных стилей по степени их близости к способностям и личностным чертам, соответственно. Деятельностно-центрированные стили в данной классификации являются медиаторами деятельности, восходящей и к личности, и к способностям (Sternberg, Grigorenko, 1997, 2011).

Стили и стратегии

На наш взгляд, весьма важным является различение когнитивных стилей

и когнитивных стратегий. По И.Г. Скотниковой, стратегии представляют собой конкретное проявление когнитивных стилей при решении задачи, опосредуя влияние КС на уровень когнитивного функционирования (Скотникова, 1998). Р. Райдинг и С. Райнер рассматривают стратегии как способы совладания с наличными условиями ситуации и задачами (Riding, Rayner, 1998). Причем, по мнению С. Мессика, не любыми, а какого-то определенного типа (Messick, 1984). Когнитивные же стили связаны с широким спектром различных условий и ответственны за выбор, организацию и контроль стратегий (там же).

Интегративные модели

Как было отмечено выше, необходимость разработки моделей, способных систематизировать и упорядочить растущее число когнитивных стилей, признается одной из наиболее актуальных проблем (Толочек, 2013; Cools, 2009; Kozhevnikov et al., 2014; Cools, Rayner, 2011; Riding, 2011; Sadler-Smith, 2009; Zhang et al., 2012). Смещение направления вектора интереса исследователей от дифференциации к интеграции является не просто современным трендом академической психологии, а насущной необходимостью (Либин, 1998) и перспективным направлением (Kozhevnikov et al., 2014; Moskvina, Kozhevnikov, 2011). Большинство предложенных интегративных моделей можно разделить на два типа. Первый тип предполагал выделение иерархических уровней организации в зависимости от используемого уровня обработки информации. Второй тип основывался на определении противоположных групп стилевых свойств, несводимых друг к другу (Kozhevnikov et al., 2014).

Одна из первых попыток объединения существующих когнитивных стилей в более широкие группы сделана в модели Д. Уорделла и Дж. Ройса (Wardell, Royce, 1978). Основываясь на идее о тесной связи КС с аффектом, авторы полагают стили свойствами более высокого порядка по отношению к когнитивным способностям и аффективным чертам. При этом КС влияют на способ связи последних с индивидуальными особенностями поведения. Иными словами, стили являются

модераторами, связывающими когнитивные и аффективные черты. Детерминируя комбинации черт, они активируются в ситуации существования альтернативных возможностей адаптации субъекта к условиям наличной ситуации. Считая, что стиль является одной из подсистем более общей психологической системы, авторы предложили ее иерархическую организацию. Существующие когнитивные стили были разделены на три группы: собственно когнитивные, когнитивно-аффективные и аффективные стили. Таким образом, три указанных способа интеграции когниции и аффекта соответствуют трем конструктам высшего порядка или общим стилям: рациональному, эмпирическому и метафорическому (там же).

А. Миллер также предложил иерархическую модель когнитивных процессов и стилей, согласно которой КС включают индивидуальные различия в способах переработки информации по трем фундаментальным типам когнитивных процессов – восприятию, памяти и мышлению. Каждому этапу переработки информации соответствует определенный когнитивный стиль (Miller, 1987).

Модели второго типа более многочисленны. Наиболее часто встречающееся основание группировки КС – выделение дихотомии аналитичность-целостность или аналитичность-интуитивность (Колга, 1976; Allinson, Hayes, 1996; Hodgkinson, Sadler-Smith, 2003; Riding, 2011; Riding, Cheema, 1991; Sadler-Smith, 2009). Р. Райдинг проанализировал более 30 когнитивных стилей и выделил две большие группы по способу организации и репрезентации информации, который лежит в основе предложенного им определения КС. Тенденция к организации информации целостно или частями соответствует измерению холистичность-аналитичность, а вербальность-образность связана со способом ее репрезентации – вербально или посредством образов, соответственно (Riding, 2011; Riding, Cheema, 1991).

Описанные выше в разделе «Стили и способности» классификации также вносят вклад в решение проблемы укрупнения стилевых измерений.

Более редкий способ объединения когнитивных стилей в интегративную модель соответствует матричной

организации, предложенной Ч. Носалом (Nosal, 1990). Автор систематизировал КС в контексте теории переработки информации, также внося вклад в выявление связей между когнитивными стилями и другими когнитивными функциями, в частности, процессами переработки информации и когнитивным контролем. Строки и столбцы матрицы сформированы уровнями (восприятие, формирование понятий, моделирование и программирование) и способами (структурирование поля, сканирование поля, понятийная эквивалентность и распределение контроля) переработки информации, соответственно. На их пересечении располагаются когнитивные стили. Основываясь на идеях Ч. Носала, М. Кожевникова, К. Эванс и М. Косслин предложили свой вариант организации КС также в виде матрицы, однако, в отличие от модели Носала, на пересечении строк и столбцов находятся не только когнитивные стили, но и стили обучения и принятия решений (Kozhevnikov et al., 2014).

Для стилей мышления Р. Стернберг предложил модель психического самоуправления (mental self-government). Структура «правительства» использовалась как метафора для понимания индивидуальных различий в регуляции интеллектуальной деятельности (Sternberg, 1997; Sternberg, Grigorenko, 1997; Zhang et al., 2012).

На наш взгляд, основное значение указанных моделей состоит в выявлении отношений и связей между отдельными когнитивными стилями, а также в стремлении уменьшить число независимых друг от друга единиц путем объединения их в группы на основании ключевых характеристик.

Дискуссионные вопросы

По мнению Л.Ф. Чанг, Р. Стернберга и С. Райнера, главными дискуссионными вопросами о природе стилей выступают проблемы:

- 1) взаимосвязи между стилевыми конструктами;
- 2) стабильности;
- 3) ценности или полезности в связи с продуктивностью деятельности. (Zhang et al., 2012)

Несмотря на то, что авторы пишут об интеллектуальных стилях, поднятая ими проблематика применима в целом и к изучению КС.

Первая полемика касается проблемы связи между собой различных стилевых конструктов: когнитивных стилей, стилей обучения и преподавания, интеллектуальных стилей, стилей мышления, принятия решений и др. (Cools, Rayner, 2011; Zhang et al., 2012). Указанная проблематика выступает как на эмпирическом, так и на концептуальном уровнях. Нам представляется оптимальной и продуктивной позиция, согласно которой все стилевые конструкты представляют собой «чувствительные к среде индивидуальные различия в познании, развивающиеся в результате адаптации к физическим и социо-культурным событиям и условиям» (Kozhevnikov et al., 2014, P. 3).

Проблема стабильности стилей является, возможно, наиболее противоречивой, актуальной и дискуссионной (Холодная, 2004; Kozhevnikov, 2007; Kozhevnikov et al., 2014; Cools, Rayner, 2011; Zhang et al., 2012). Принятое определение когнитивных стилей, берущее свое начало в ранних работах (Witkin et al., 1954; Холодная, 2004) и многократно приводимое в различных вариациях разными авторами, ставит стабильность в основу теоретического осмысления КС как психологического конструкта, предполагая наличие у субъекта некоторого устойчивого способа переработки информации при решении познавательных задач. Многие концепции развиваются в рамках таких представлений (Либин и др., 1998; Messick, 1976; Miller, 1987; Wardell, Royce, 1978).

Однако в литературе можно найти данные, свидетельствующие в пользу противоположной точки зрения, в частности, данные о потенциальной возможности изменения стилевого полюса субъекта при определенных условиях, вследствие тренировки и представления о гибкости при использовании стилей для адаптации к требованиям конкретной ситуации. Например, развитие полюса рефлексивности (КС импульсивность-рефлексивность) осуществлялось после получения прямой инструкции откладывать ответы (Messer, 1976), исследовать все возможные альтернати-

вы (Bostic, 1989), а также после обучения стратегиям сканирования (Messer, 1976) и вербализации (Digate et al., 1978). Было продемонстрировано, что различия в эффективности полнезависимых и полнезависимых учащихся нивелировались, если последним предоставлялись подсказки от учителей (Nakamura, Finck, 1980) или давалась инструкция выделять ключевые части информации, необходимой для решения задачи (Vaidya, Chansky, 1980). В работе В.В. Селиванова отмечались изменения полнезависимости-полнезависимости, вследствие приобретения испытуемыми опыта решения мыслительных задач (Селиванов, 2003). Вслед за идеями Дж. Келли (Kelly, 1955) о творческом цикле как о постоянно изменяющейся системе личностных конструктов, И.П. Шкуратова, анализируя проблему устойчивости стилей в онтогенезе и в ходе психотерапии, высказывает предположение, что в основе феномена мобильности лежит механизм творчества (Шкуратова, 1998).

Кроме того, уже в работах Г. Виткина (Witkin, 1965; Witkin, Goodenough, 1981) отмечалась возможность субъекта быть фиксированным или мобильным относительно своего стиля. Мобильность предполагает проявление обоих полюсов некоторого когнитивного стиля. Гибкость КС демонстрирует также исследование М. Ниаз, в котором было выявлено, что для стиля полнезависимость-полнезависимость каждый полюс делится на две дополнительные группы: фиксированную и мобильную (Niaz, 1987). М.А. Холодная обнаружила очень важный феномен расщепления полюсов когнитивных стилей, в соответствии с которым каждый КС является принципиально не биполярным, а квадриполярным измерением (Холодная, 2004). Квадриполярность некоторых когнитивных стилей предполагает наличие мобильных и фиксированных подгрупп, а чувствительность КС к ситуационным факторам способствует адаптации человека к конкретным условиям деятельности (Холодная, 2004). Мобильность-фиксированность часто рассматривается как проявление стиля более высокого порядка – метастиль, выполняющего в первую очередь регулирующую функцию. Так, в модели Ч. Носала стиль мобильность-фиксированность относит-

ся к высшему уровню переработки информации – программному, или метакогнитивному (Nosal, 1990). М. Кожевникова также понимает мобильность-фиксированность как метастиль, определяющий гибкость в выборе и использовании того или иного стиля для адаптации субъекта к наличной ситуации деятельности (Kozhevnikov, 2007; Kozhevnikov et al., 2014).

Следует отметить, что в приведенных выше работах мобильностью характеризуются только некоторые группы когнитивных стилей – так называемые мобильные КС, в то время как другие – фиксированные КС достаточно стабильны в своих проявлениях. Однако существует и иная точка зрения, согласно которой любой человек может выбрать любой стиль в соответствии с условиями ситуации. А.Г. Асмолов определял когнитивные стили как средства, регулирующие деятельность путем выбора того стиля, который наилучшим образом соответствует ее целям и установкам (Асмолов, 1986). Р. Стернберг также выдвинул концепцию стилей как выборов или предпочтений (Sternberg, 2011; Zhang et al., 2012). Дж. Биггс сделал аналогичное предположение о стиле как о подходе к обучению, решению задач или жизни в целом (Biggs, 2011).

Некоторые исследования, направленные на изучение вопроса о стабильности-мобильности стилей, обостряют иную проблематику, связанную с наличием полюсов когнитивных стилей более социально ценных и «востребованных», т.е. обеспечивающих человеку принципиально более высокую продуктивность деятельности (Cools, Rayner, 2011; Nosal, 2009; Zhang et al., 2012), или их нагруженностью значимостью (Zhang et al., 2012). В данном контексте подавляющее большинство попыток развития у субъекта несвойственного ему стилового полюса направлены на формирование полюса, который социально признается более эффективным или связан с большим пре-

имуществом. Это демонстрируют примеры, приведенные выше (см. также Либин и др., 1998). По мнению И.В. Тихомировой (Тихомирова, 1988), М.А. Холодной (Холодная, 2004), Н. Когана (Kogan, 1989) и др., один из полюсов стилей обязательно является более предпочтительным и востребованным из-за его связи с эффективностью обучения. Согласно противоположному мнению, стили не могут оцениваться с точки зрения их принципиальной ценностной нагрузки (Nosal, 2009; Zhang, Sternberg, 2005; Zhang et al., 2012), а могут только соответствовать или не соответствовать когнитивной деятельности, протекающей в определенной ситуации (Nosal, 2009; Sternberg, Grigorenko, 1997; Zhang et al., 2012). На наш взгляд, крайние точки зрения на проблему «ценности» КС вряд ли оправданы. По-видимому, более продуктивным будет несколько иное понимание этой проблемы: для решения конкретной познавательной задачи в конкретных условиях и с наличным набором когнитивных ресурсов субъекта формируется адекватная ситуации функциональная система, функциональный орган (понимаемые в рамках идей А.А. Ухтомского, А.Н. Леонтьева), включающие те или иные когнитивные стили.

Заключение

Мы постарались показать, что вопрос актуальности, перспективности, теоретической и практической значимости исследования когнитивных стилей продолжает обсуждаться в рамках стилового подхода. Период активного эмпирического изучения КС сменился заметным падением интереса к дальнейшим теоретическим разработкам, однако лежащая в их основе проблематика по-прежнему остается актуальной. В широком смысле это вопрос о том, как и почему люди отличаются друг от друга при вы-

полнении той или иной познавательной деятельности, о природе индивидуальных различий, не относящихся к области способностей и личностных характеристик. Вслед за многими авторами мы полагаем, что проблематика когнитивных стилей может стать основой для интеграции исследований когнитивной и личностной сфер, поскольку позволяет прояснить психологические механизмы взаимодействия личности со средой.

В последние годы вышел ряд теоретико-методологических работ, нацеленных на поиск перспектив изучения КС, и формулирующих принципиальные предложения для дальнейшего развития исследований в данной предметной области. Они затрагивают теорию, методологию, проблемы измерения и практического использования когнитивных стилей. В частности, отмечается необходимость:

- 1) опоры на адекватную этому конструкту теоретико-методологическую базу;
- 2) формулирования единого понятийного аппарата;
- 3) уточнения места КС в системе индивидуально-психологических различий;
- 4) интеграции и систематизации множества известных измерений КС.

Подчеркнем, что данное направление нам представляется перспективным при условии изучения когнитивных стилей не как просто совокупности отдельных индивидуальных особенностей субъекта познания, имеющей преимущественно описательный характер, а в контексте взаимодействия человека со средой. На наш взгляд, современные исследования характеризуются пониманием функционального значения КС как психологических средств регуляции познавательной деятельности и адаптации субъекта к ее условиям. В целом когнитивные стили можно представить как систему, регулирующую взаимоотношения между индивидуально-психологическими характеристиками человека и требованиями среды.

Литература:

Асмолов А.Г. Когнитивный стиль как средство разрешения проблемно-конфликтных ситуаций // Когнитивные стили. – Таллинн, 1986. – С. 21–23.

Колга В.А. Дифференциально-психологическое исследование когнитивного стиля и обучаемости: автореферат дис. ... канд. психол. наук. – Ленинград: ЛГУ, 1976.

Корнилова Т.В., Парамей Г.В. Подходы к изучению когнитивных стилей: двадцать лет спустя // Вопросы психологии. – 1989. – № 6. – С. 140–146.

- Либин А.В., Моросанова В.И., Скотникова И.Г. и др. Комментарии: Феноменология – анализ понятий – экспериментальные гипотезы // *Стиль человека: психологический анализ* / под ред. А.В. Либина. – Москва : Смысл, 1998. – С. 125–141.
- Либин А.В. Единая концепция стиля человека: метафора или реальность? // *Стиль человека: психологический анализ* / под ред. А.В. Либина. – Москва : Смысл, 1998. – С. 131–139.
- Скотникова И. Г. Когнитивные стили и стратегии решений // *Стиль человека: психологический анализ* / под ред. А.В. Либина. – Москва: Смысл, 1998. – С. 63–78.
- Селиванов В. В. Мышление в личностном развитии субъекта. – Смоленск: Универсум, 2003.
- Тихомирова И.В. Стилевые и продуктивные характеристики способностей: типологический подход // *Вопросы психологии*. – 1988. – №3. – С. 106–115.
- Толочек В.А. Проблема стилей в психологии: историко-теоретический анализ. – Москва : Институт психологии РАН, 2013.
- Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. – Санкт-Петербург : Питер, 2004.
- Шкуратова, И.П. Исследование стиля в психологии: оппозиция и консолидация // *Стиль человека: психологический анализ* / под ред. А.В. Либина. – Москва : Смысл, 1998. – С. 13–33.
- Allinson, J., & Hayes, C. (1996) The Cognitive Style Index, a measure of intuition-analysis for organizational research. *Journal of Management Studies*. 33, 119–135.
- Biggs, J. (2011) Enhancing learning: A matter of style or approach? Perspectives on thinking, learning, and cognitive styles. New York, Routledge. 73–102.
- Bostic, J.Q. (1989) Cognitive styles: Their consolidation and relationship, beyond cognitive developmental level and critical thinking ability, to understanding science. *Dissertation Abstracts International: Humanities and Social Sciences*. 49 (11A), 3320.
- Cools, E. (2009) A reflection on the future of the cognitive style field: A proposed research agenda. *Reflecting Education*. 5, 19–34.
- Cools, E., Rayner S. (2011) Researching style: More of the same or moving forward? *Style Differences in Cognition, Learning, and Management: theory, research and practice*. New York, NY, Routledge, 295–306.
- Digate, G., Epstein, M.H., Cullinan, D., & Switzky, H.N. (1978) Modification of impulsivity: Implications for improved efficiency in learning for exceptional children. *Journal of Special Education*. 12, 459–468.
- Evans, C., & Waring, M. (2009) The place of cognitive style in pedagogy: Realizing potential in practice. Perspectives on the nature of intellectual styles. New York, NY, Springer Publishing Company. 169–208.
- Furnham, A. (1995) The relationship of personality and intelligence to cognitive learning style and achievement. *International handbook of personality and intelligence*. New York, Plenum Press. 397–413.
- Hodgkinson, G.P., Sadler-Smith, E. (2003) Complex or unitary? A critique and empirical re-assessment of the Allinson-Hayes Cognitive Style Index. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 76, 243–268.
- Kagan, J., & Kogan, N. (1970) Individual variation in cognitive processes. *Carmichael's manual of child psychology*. New York, NY, Wiley. 1, 1273–1365.
- Kelly, G. (1995) *The psychology of personal constructs*. New York.
- Kogan, N. (1973) Creativity and cognitive style: A life-span perspective. *Life-span developmental psychology: Personality and socialization*. New York, NY, Academic Press, 146–160.
- Kogan, N. (1989) A stylistic perspective on metaphor and aesthetic sensitivity in children. *Cognitive style and cognitive development: Vol. 3. Human development*. Norwood, NJ, Ablex, 192–213.
- Kozhevnikov, M. (2007). Cognitive styles in the context of modern psychology: toward an integrated framework of cognitive style. *Psychological Bulletin*. 133, 464–481.
19. Kozhevnikov, M., Evans, C., & Kosslyn, S. M. (2014) Cognitive style as environmentally sensitive individual differences in cognition: A modern synthesis and applications in education, business, and management. *Psychological Science In The Public Interest*. 15, 3–33.
- Messer, S. B. (1976) Reflection-impulsivity: A review. *Psychological Bulletin*. 83, 1026–1053.
- Messick, S. (1976) Personality consistencies in cognition and creativity. *Individuality and learning*. San Francisco, CA, Jossey-Bass. 4–22.
- Messick, S. (1984) The nature of cognitive styles: Problems and promise in educational practice. *Educational Psychologist*. 19, 59–74.
- Miller, A. (1987) Cognitive styles: An integrated model. *Educational Psychology*. 11, 217–238.
- Moskvina, V., & Kozhevnikov, M. (2011) Determining cognitive style: Historical perspective and directions for future research. *Style differences in cognition, learning, and management: Theory, research, and practice* New York, NY, Taylor & Francis Group. 19–31.
- Nakamura, C.Y., & Finck, D.N. (1980) Relative effectiveness of socially oriented and task-oriented children and predictability of their behaviors. *Monographs of the Society for Research in Child Development*. 185.
- Niaz, M. (1987) Mobility-fixity dimension in Witkin's theory of field-dependence-independence and its implication for problems solving in science. *Perceptual and Motor Skills*. 65, 755–764.
- Nosal, C.S. (1990) *Psychologiczne modele umyslu*. Warszawa, Panstwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Nosal, C.S. (2009) The structure and regulative function of the cognitive styles: a new theory. *Polish Psychological Bulletin*. 40, 122–126.
- Renzulli, J. S., & Dai, D. Y. (2011) Abilities, interests, and styles as aptitudes for learning: A person–situation interaction perspective. Perspectives on thinking, learning, and cognitive styles. New York, Routledge. 23–46.
- Riding, R.J., & Cheema, I. (1991) Cognitive styles – An overview and integration. *Educational Psychology*. 11, 193–215.
- Riding, R.J., & Rayner, S. (1998) *Cognitive styles and learning strategies: Understanding style differences in learning and behavior*. London, David Fulton Publishers.
- Riding, R.J. Cognitive style: a strategic approach for advancement. *International Perspectives on Individual Differences*. 1, 365–377.

- Riding, R.J. (2011) The nature and effects of cognitive style. Perspectives on thinking, learning, and cognitive styles. New York, Routledge. 47-72.
- Sadler-Smith, E. (2009) A duplex model of cognitive style. Perspectives on the Nature of Intellectual Styles. 3-28.
- Sternberg, R.J. (1997) Thinking Styles. New York, NY, Cambridge University Press.
- Sternberg, R. J. (2011) Epilogue: Another mysterious affair at styles. Perspectives on thinking, learning, and cognitive styles. New York, Routledge. 249-252.
- Sternberg, R. J., Grigorenko E. L. (1997) Are cognitive styles still in style? American Psychologist. 52, 700-712.
- Sternberg, R. J., & Grigorenko, E. L. (2011) A capsule history of theory and research on styles. Perspectives on thinking, learning, and cognitive styles. New York, Routledge, 1-21.
- Vaidya, S., & Chansky, N. (1980) Cognitive development and cognitive style factors in mathematics achievement. Journal of Educational Psychology. 72, 326-330.
- Wardell, D. M., & Royce, J. R. (1978) Toward a multifactor theory of styles and their relationship to cognition and affect. Journal of Personality. 46, 474-505.
- Witkin, H.A. (1965). Psychological differentiation and forms of pathology. Journal of Abnormal Psychology. 70, 317-336.
- Witkin, H.A., & Goodenough, D.R. (1981) Cognitive style: Essence and origins. New York, International Universities Press.
- Witkin, H.A., Goodenough, D.R., & Karp, S.A. (1967) Stability of cognitive style from childhood to young adulthood. Journal of person and social psychology. 7, 291-300.
- Witkin, H.A., Lewis, H.B., Hertzman, M., Machover, K., Bretnall, P.M., & Wapner, S. (1954) Personality through perception: An experimental and clinical study. New York, Harper & Brothers.
- Witkin, H.A., & Oltman, P.I. (1967) Cognitive style. International Journal of Neurology. 6, 119-137.
- Zhang, L.F., & Sternberg, R.J. (2005) A threefold model of intellectual styles. Educational Psychology Review. 17, 1-53.
- Zhang, L.F., Sternberg, R.J., & Rayner, S. (2012) Intellectual styles: Challenges, milestones, and agenda. Handbook of intellectual styles: Preferences in cognition, learning, and thinking New York, Springer Publishing Company. 1-20.

References:

- Allinson, J., & Hayes, C. (1996) The Cognitive Style Index, a measure of intuition-analysis for organizational research. *Journal of Management Studies*. 33, 119-135.
- Asmolov, A.G. (1986) Cognitive style as a tool for solving conflict situations. *Cognitive Styles [Kognitivnye stili]*. Tallin. 21-23.
- Biggs, J. (2011) Enhancing learning: A matter of style or approach? Perspectives on thinking, learning, and cognitive styles. New York, Routledge. 73-102.
- Bostic, J.Q. (1989) Cognitive styles: Their consolidation and relationship, beyond cognitive developmental level and critical thinking ability, to understanding science. *Dissertation Abstracts International: Humanities and Social Sciences*. 49 (11A), 3320.
- Cools, E. (2009) A reflection on the future of the cognitive style field: A proposed research agenda. *Reflecting Education*. 5, 19-34.
- Cools, E., Rayner S. (2011) Researching style: More of the same or moving forward? *Style Differences in Cognition, Learning, and Management: theory, research and practice*. New York, NY, Routledge, 295-306.
- Digate, G., Epstein, M.H., Cullinan, D., & Switzky, H.N. (1978) Modification of impulsivity: Implications for improved efficiency in learning for exceptional children. *Journal of Special Education*. 12, 459-468.
- Evans, C., & Waring, M. (2009) The place of cognitive style in pedagogy: Realizing potential in practice. *Perspectives on the nature of intellectual styles*. New York, NY, Springer Publishing Company. 169-208.
- Furnham, A. (1995) The relationship of personality and intelligence to cognitive learning style and achievement. *International handbook of personality and intelligence*. New York, Plenum Press. 397-413.
- Hodgkinson, G.P., Sadler-Smith, E. (2003) Complex or unitary? A critique and empirical re-assessment of the Allinson-Hayes Cognitive Style Index. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 76, 243-268.
- Kagan, J., & Kogan, N. (1970) Individual variation in cognitive processes. *Carmichael's manual of child psychology*. New York, NY, Wiley. 1, 1273-1365.
- Kelly, G. (1995) The psychology of personal constructs. New York.
- Kholodnaya, M.A. (2004) Cognitive styles. On the nature of individual mind - 2nd ed. Saint-Petersburg, Piter.
- Kogan, N. (1973) Creativity and cognitive style: A life-span perspective. *Life-span developmental psychology: Personality and socialization*. New York, NY, Academic Press, 146-160.
- Kogan, N. (1989) A stylistic perspective on metaphor and aesthetic sensitivity in children. *Cognitive style and cognitive development: Vol. 3. Human development*. Norwood, NJ, Ablex, 199. 192-213.
- Kolga, V.A. (1976) Differential psychological study of cognitive style and trainability, PhD Thesis. LGU.
- Kornilova, T.V., & Paramey, G.V. (1989) Approach to cognitive styles studies: twenty years after. *Psychological Issues [Voprosy psikhologii]*. 6, 140-146.
- Kozhevnikov, M. (2007). Cognitive styles in the context of modern psychology: toward an integrated framework of cognitive style. *Psychological Bulletin*. 133, 464-481.
- Kozhevnikov, M., Evans, C., & Kosslyn, S. M. (2014) Cognitive style as environmentally sensitive individual differences in cognition: A modern synthesis and applications in education, business, and management. *Psychological Science In The Public Interest*. 15, 3-33.
- Libin, A.V., Morosanova, V.I., Skotnikova, I.G., Kholodnaya, M.A., & Shkuratova, I.P. (1998) Comments: Phenomenology - notions analysis - experimental hypothesis. *Human Style: psychological analysis [Stil' cheloveka: psikhologicheskii analiz]*. Moscow, Smysl. 125-141.

- Libin, A.V. Universal human style conception: Metaphor or Reality? *Human Style: psychological analysis [Stil' cheloveka: psikhologicheskii analiz]*. Moscow, Smisl. 131–139.
- Messer, S. B. (1976) Reflection-impulsivity: A review. *Psychological Bulletin*. 83, 1026–1053.
- Messick, S. (1976) Personality consistencies in cognition and creativity. *Individuality and learning*. San Francisco, CA, Jossey-Bass. 4–22.
- Messick, S. (1984) The nature of cognitive styles: Problems and promise in educational practice. *Educational Psychologist*. 19, 59–74.
- Miller, A. (1987) Cognitive styles: An integrated model. *Educational Psychology*. 11, 217–238.
- Moskvina, V., & Kozhevnikov, M. (2011) Determining cognitive style: Historical perspective and directions for future research. *Style differences in cognition, learning, and management: Theory, research, and practice* New York, NY, Taylor & Francis Group. 19–31.
- Nakamura, C.Y., & Finck, D.N. (1980) Relative effectiveness of socially oriented and task-oriented children and predictability of their behaviors. *Monographs of the Society for Research in Child Development*. 185.
- Niaz, M. (1987) Mobility-fixity dimension in Witkin's theory of field-dependence-independence and its implication for problems solving in science. *Perceptual and Motor Skills*. 65, 755–764.
- Nosal, C.S. (1990) *Psychologiczne modele umyslu*. Warszawa, Panstwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Nosal, C.S. (2009) The structure and regulative function of the cognitive styles: a new theory. *Polish Psychological Bulletin*. 40, 122–126.
- Renzulli, J. S., & Dai, D. Y. (2011) Abilities, interests, and styles as aptitudes for learning: A person–situation interaction perspective. *Perspectives on thinking, learning, and cognitive styles*. New York, Routledge. 23–46.
- Riding, R.J., & Cheema, I. (1991) Cognitive styles – An overview and integration. *Educational Psychology*. 11, 193–215.
- Riding, R.J., & Rayner, S. (1998) *Cognitive styles and learning strategies: Understanding style differences in learning and behavior*. London, David Fulton Publishers.
- Riding, R.J. Cognitive style: a strategic approach for advancement. *International Perspectives on Individual Differences*. 1, 365–377.
- Riding, R.J. (2011) The nature and effects of cognitive style. *Perspectives on thinking, learning, and cognitive styles*. New York, Routledge. 47–72.
- Sadler-Smith, E. (2009) A duplex model of cognitive style. *Perspectives on the Nature of Intellectual Styles*. 3–28.
- Selivanov, V.V. (2003) The place of thinking in personal development. Smolensk, Universum.
- Shkuratova, I.P. Style studies in psychology: opposition and consolidation. *Human Style: psychological analysis [Stil' cheloveka: psikhologicheskii analiz]*. Moscow, Smisl. 13–33.
- Skotnikova, I.G. Cognitive styles and decision-making strategies. *Human Style: psychological analysis [Stil' cheloveka: psikhologicheskii analiz]*. Moscow, Smisl. 63–78.
- Sternberg, R.J. (1997) *Thinking Styles*. New York, NY, Cambridge University Press.
- Sternberg, R. J. (2011) Epilogue: Another mysterious affair at styles. *Perspectives on thinking, learning, and cognitive styles*. New York, Routledge. 249–252.
- Sternberg, R. J., Grigorenko E. L. (1997) Are cognitive styles still in style? *American Psychologist*. 52, 700–712.
- Sternberg, R. J., & Grigorenko, E. L. (2011) A capsule history of theory and research on styles. *Perspectives on thinking, learning, and cognitive styles*. New York, Routledge, 1–21.
- Tikhomirova, I.V. (1988) Style and productive characteristics of human abilities: typological approach. *Psychological Issues [Voprosy Psikhologii]*. 3, 106–115.
- Tolochek, V.A. (2013) Problem of psychological styles: history-theoretical analysis. Moscow, RAN Institute of Psychology.
- Vaidya, S., & Chansky, N. (1980) Cognitive development and cognitive style factors in mathematics achievement. *Journal of Educational Psychology*. 72, 326–330.
- Wardell, D. M., & Royce, J. R. (1978) Toward a multifactor theory of styles and their relationship to cognition and affect. *Journal of Personality*. 46, 474–505.
- Witkin, H.A. (1965). Psychological differentiation and forms of pathology. *Journal of Abnormal Psychology*. 70, 317–336.
- Witkin, H.A., & Goodenough, D.R. (1981) *Cognitive style: Essence and origins*. New York, International Universities Press.
- Witkin, H.A., Goodenough, D.R., & Karp, S.A. (1967) Stability of cognitive style from childhood to young adulthood. *Journal of person and social psychology*. 7, 291–300.
- Witkin, H.A., Lewis, H.B., Hertzman, M., Machover, K., Brettnall, P.M., & Wapner, S. (1954) *Personality through perception: An experimental and clinical study*. New York, Harper & Brothers.
- Witkin, H.A., & Oltman, P.I. (1967) Cognitive style. *International Journal of Neurology*. 6, 119–137.
- Zhang, L.F., & Sternberg, R.J. (2005) A threefold model of intellectual styles. *Educational Psychology Review*. 17, 1–53.
- Zhang, L.F., Sternberg, R.J., & Rayner, S. (2012) Intellectual styles: Challenges, milestones, and agenda. *Handbook of intellectual styles: Preferences in cognition, learning, and thinking* New York, Springer Publishing Company. 1–20.

Ревность в любовных отношениях в среднем возрасте: спасение или разрушение?

Г.М. Бреслав

доктор психологических наук, реабилитированный доктор Латвии, ассоциированный профессор Балтийской Международной Академии (Рига, Латвия)

Поступила: 28 апреля 2016/ Принята к публикации: 20 мая 2016

Is Jealousy Danger or Escape in Partnerships in the Middle of Life?

Gershon M. Breslavs

Dr. Habilitatis Psychology, associate professor, Baltic International Academy (Baltijas Starptautiskā Akadēmija)

Received: April 28, 2016 / Accepted for publication: May 20, 2016

Последние десятилетия психология все смелее проникает в сферу наиболее социально важных и долговременных психических явлений — чувств. Вслед за изучением партнерской или романтической любви предметом серьезных научных исследований стала ревность. В оценке значения этого чувства одним из центральных является вопрос о роли ревности в любовных отношениях, который весьма по-разному интерпретируется в популярной и научной литературе. Чаще всего такие отношения изучаются в ранней взрослости, но эти данные носят противоречивый характер в силу кратковременного и неоднозначного опыта партнерских отношений в молодости.

Мы решили рассмотреть более длительные супружеские (партнерские) отношения, что позволяет проверить гипотезу о связи между ревностью и любовью в среднем возрасте и дает возможность прояснить роль ревности в любовных отношениях не только в молодые, но и в более зрелые годы. Анализируется связь этих чувств с таким важным фактором партнерских отношений и удовлетворенности взаимоотношениями, как сексуальная удовлетворенность. Результаты данного исследования указывают на наличие положительной связи между ревностью и любовью лишь у мужчин среднего возраста (35–45 лет), но не у женщин, что позволяет предполагать существенные половые различия в проявлениях ревности в длительных супружеских (партнерских) отношениях. При этом чувства ревности и любви значимо связаны с сексуальной удовлетворенностью у обоих полов при более выраженном проявлении у мужчин. Данные факты представляют известную прикладную ценность, прежде всего, для семейного консультирования и психотерапии. Но они нуждаются в более тщательной проверке и изучении разных возрастных групп с учетом длительности и характера партнерских отношений, а также степени взаимности, личных инвестиций, ожиданий, социальной толерантности, наличия или отсутствия общих или приемных детей и т.п.

Ключевые слова: ревность, любовь, партнерские взаимоотношения, неверность, сексуальная удовлетворенность

In recent decades, psychology delves more and more bravely into the socially most important and long-term mental phenomena, i.e. sentiments. Following the study of partnership or romantic love the issue of serious psychological study is jealousy in partnerships. The most essential issue is the role of jealousy in loving relationships, which is interpreted in various ways in popular and scientific literature. Since these relationships are studied more often on undergraduates' samples, different research data seem contradictory, because young people have only a short-term and indefinite experience of partnerships. More long-term involvement in a romantic partnership could verify the hypothesis on the link between jealousy and love, which appears to clarify the role of jealousy in partnership not only in early adulthood, but also in middle adulthood. Both sentiments could be connected with such an important aspect of partners' satisfaction as sexual satisfaction. The results of this research show a positive link between love and jealousy for 35–45 year-old males, but not for women, which revealed significant gender differences of the role of jealousy in long-term partnerships. At the same time, jealousy and love are positively connected with sexual satisfaction for both genders, but these links appear to be stronger for males. The data obtained have applied significance for family and couple counsel and psychotherapy, but many other factors should be studied and controlled at that, including the duration and the type of partnership, partners' age, equality and symmetry in relationships, expectations, social tolerance, personal investments, own or adopted children, etc.

Key words: jealousy, love, romantic partnership, infidelity, sexual satisfaction

Ставя вопрос о роли ревности в развитии партнерских взаимоотношений, желательно различать нормальную и аномальную ревность. Под нормальной ревностью чаще понимают долгосрочную реакцию на реальную угрозу взаимоотношениям с близким человеком со стороны другого человека, в то время как аномальная порождается иллюзорным восприятием или воображением такой угрозы. Некоторые ученые различают три компонента ревности – эмоциональный, когнитивный и поведенческий (Pfeiffer, Wong, 1989; White, Mullen, 1989). По мнению Риделла и Брингла, реактивная разновидность представляет эмоциональный компонент ревности, а подозрительная – ее когнитивный и поведенческий элементы. Реактивная ревность порождается внешними явлениями (ситуацией адюльтера, угрозой взаимозависимости и доверию) и положительно связана с качеством взаимоотношений у гетеросексуалов. Подозрительная ревность порождается внутренними факторами (самооценкой, тревогой) и отрицательно связана с качеством взаимоотношений у гетеросексуалов (Barelds, Dijkstra, 2006; Rydell, Bringle, 2007). Этридж также различал эти две разновидности ревности, связав подозрительную ревность лишь с когнитивным компонентом (Attridge, 2013). Скорее всего, каждый вид эмпирически различаемой ревности должен характеризоваться своими эмоциональными, когнитивными и поведенческими проявлениями. Однако в норме ревность не становится помехой в развитии любовных взаимоотношений, то есть не переходит в типичные для некоторых разновидностей ревности деструктивные тягостные раздумья или в слезку за партнером. Этот факт и привел исследователей к выделению эмоционально-

го компонента в понимании реактивной ревности.

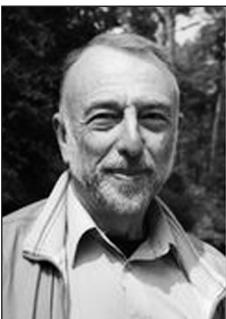
При подозрительной ревности доминируют эндогенные факторы (Bringle, 1991). Этот тип ревности (также как и другие эндогенные типы: собственническая, навязчивая, патологическая и тревожная ревность) может считаться деструктивным для любовных взаимоотношений. При этом надо отдавать отчет в том, что в более патриархальном обществе маскулинные нормы предписывают мужчине обязанность сурово наказывать женщину за сексуальную неверность, вплоть до убийства. У персонажа Шекспира Отелло нет выбора в ситуации предоставления «улики» неверности жены – он должен ее убить и это рассматривается не как проявление ревности, а как проявление долга мужа. Парадоксально, что в популярной литературе термин «синдром Отелло» стал использоваться для обозначения именно патологической ревности.

Роль нормальной ревности для любовных взаимоотношений варьируется в разных исследованиях от весьма негативной (Buss, 2000; Harris, Darby, 2010) до более или менее положительной (Barelds, Dijkstra, 2006; Dugosh, 2000; Pines, 1992; Salovey, Rodin, 1986). При этом Басс считает ревность вполне эволюционно необходимым явлением и, также как и другие исследователи, находит позитивные стороны ревности. В частности, сторонники эволюционной теории считают ревность необходимой в случае имеющих различий партнеров по внешней привлекательности. Это в известной степени подтверждается фактом связи признаваемой флуктуирующей асимметрии внешних данных с уровнем ревности (Brown, Moore, 2003). В то же время граница между эндогенно-детерминированной и экзогенно-детерминированной ревностью

выглядит не очень определенной в силу того, что аномальная ревность не может считаться независимой от внешних стимулов и ситуаций (Bringle, 1991). Нормальная ревность также не может считаться независимой от воображения и ошибочных интерпретаций происходящего с партнером.

Ревность часто определяется как эмоциональное состояние (Reber, 1985) или негативная эмоция (APA, 2007). Это способствует неправильному пониманию данного явления, ибо исследования ревности указывают на очень сложный характер этого явления, включающего большое количество разных эмоций, установок и действий (Guerrero, Andersen, 1998; White, Mullen, 1989). Хотя это не столь принципиально, но лучше относить ревность, так же как любовь и ненависть, к особой группе внеситуативных эмоциональных явлений, получившей в наиболее сильной французской традиции название 'sentiment' (Nicolas, 2001), а в русскоязычной традиции, относимой к чувствам (Бреслав, 2016; Лентьев, 1971). Правда, в русскоязычной традиции к чувствам относят и множество других, гораздо более кратковременных эмоциональных и когнитивных явлений (чувство стыда, чувство выполненного долга, чувство справедливости, чувство прекрасного, чувство насыщения и т.д.), что оставляет вопрос о более подходящем термине для данной группы эмоциональных явлений открытым.

Большая часть психологических исследований ревности была посвящена половым различиям в реакции на эмоциональную или сексуальную неверность. Они рассматривались в рамках дискуссии между сторонниками эволюционной теории и социально-когнитивной теории (Bendixen, Kennair, Buss, 2015; Buss, Larsen, Westen, Semmelroth, 1992; DeSteno, Bartlett, Braverman, Salovey, 2002; Harris, 2003; Varga, Gee, Munro, 2011; Ward, Voracek, 2004; Zengel, Edlund, Sagarin, 2013). В данной дискуссии о половых различиях в восприятии двух видов неверности эти теории выглядят противоположными, однако те же теории могут рассматриваться и как взаимодополняющие (Buunk, Massar, Dijkstra, 2007). В частности, данные о более высокой ревности женщин к виртуальным контактам пар-

Гершон Моисеевич Бреслав – доктор психологических наук, хабилитированный доктор Латвии, ассоциированный профессор Балтийской Международной Академии (Рига, Латвия), автор более ста публикаций в научных журналах и сборниках
E-mail: g_breslav@latnet.lv

Для цитирования: Г.М. Бреслав Ревность в любовных отношениях в среднем возрасте: спасение или разрушение? // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 2(22). – С. 38–49. doi: 10.11621/npj.2016.0204

For citation: Gershon M. Breslav (2016). Is Jealousy Danger or Escape in Partnerships in the Middle of Life?. National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 2, 38–49. doi: 10.11621/npj.2016.0204

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2016
© Russian Psychological Society, 2016

тнера, потенциально чреватым изменой (Dijkstra, Barelds, Groothof, 2013), могут быть интерпретированы с использованием обеих теорий.

Вряд ли можно сомневаться в неизбежности половых различий в восприятии событий, провоцирующих ревность, ибо мужчина и женщина по-разному включены в репродуктивный процесс. В то же время, понимание причинно-следственных связей неверности с партнерскими отношениями основаны как на различиях в этой включенности, так и на культурно варьирующих поло-ролевых стереотипах. Любовные отношения партнерши с другим порождают у мужчины проблему неясности отцовства, что ведет, с точки зрения эволюционной теории ревности, к различию в содержании и проявлениях ревности. Мужчины предпочитают применять ограничение контактов партнерши с потенциальными конкурентами или насилие (Boyse, Zeledón, Tellez, Barrington, 2016), в то время как женщины пытаются улучшить свою внешность (Buss, 2000) или дистанцироваться от партнера (Jankowiak, Nell, Buckmaster, 2002). Эти различные реакции основаны не только на различной роли партнеров в репродуктивном процессе, но и на процессах атрибуции чувств и действий каждого, которые, в свою очередь, зависят от социальных норм, образцов и ожиданий. Кроме того некоторые половые различия романтической ревности могут быть объяснены возрастными особенностями и разным опытом реальной неверности (Varga, Gee, Munro, 2011).

Нейропсихологическое исследование реакций в японской выборке на воображаемые сценарии, провоцирующие ревность, показало с помощью fMRI¹ различные паттерны мозговой активности (Takahashi, Matsuura, Yahata, Koeda, Suhara, Okubo, 2006). У мужчин большая активация в ответ на два типа неверности проявляется в таких зонах как гипоталамус и миндаля, участвующих в обеспечении сексуального и агрессивного поведения. У женщин большая активация наблюдается в неокортексе, что означает более выраженную когнитивную реакцию. Однако Панксепп рекомендует с известной

осторожностью относиться к этим данным, учитывая сложный и производный характер ревности (Panksepp, 2013).

В соответствии с композиционной теорией эмоций, развитие ревности может быть рассмотрено как долговременный процесс озабоченности стабильностью взаимоотношений, защитой близких отношений с партнером и Я-концепции от мешающего влияния третьей стороны, при том, что субъект ревности исходно обладает реальным или воображаемым приоритетом во взаимоотношениях со своим ценным партнером

По-видимому, более продуктивно было бы сдвинуть акцент в исследовании от поисков половой специфики ревности к поиску связей ревности с другими важными сторонами партнерских взаимоотношений, а также перейти от исследований, ориентированных на индивидуальные характеристики, к исследованиям, ориентированным на взаимоотношения, а также от одноразовых – к лонгитудным исследованиям (Kolak, Volling, 2011). Учитывая большое разнообразие интерпретаций ревности, следует уточнить понимание ее содержания и путей развития.

В соответствии с композиционной теорией эмоций (Бреслав, 1977; 2015), развитие ревности может быть рассмотрено как долговременный процесс озабоченности стабильностью взаимоотношений, защитой близких отношений с партнером и Я-концепции от мешающего влияния третьей стороны, при том, что субъект ревности исходно обладает реальным или воображаемым приоритетом во взаимоотношениях со своим ценным партнером.

В детстве появление ревности связано с первичными привязанностями ребенка. Ребенок испытывает дискомфорт, тревогу или гнев, когда в процессе взаимодействия с ним мать или другой объект его привязанности переводит свое внимание на другого взрослого, ребенка или куклу (Hart, 2013). Этот человек-помеха приобретает чрезвычайно негативную валентность, что сопровождается рядом негативных эмоций у ребенка. Позднее, а не в раннем детстве, как предлагают некоторые энтузиасты раннего обнаружения ревности (Hart, 2013; Draghi-Lorenz, 2013), эти эмоции обобщаются в устой-

чивом стремлении минимизировать контакты объекта привязанности с соперником, претендующим на его время,

внимание и ресурсы. В свою очередь, появление такой мотивации ведет к появлению соответствующих эмоций, действий и установок, направленных на сохранение и/или развитие взаимоотношений с объектом привязанности. Учитывая известное сходство между любовными взаимоотношениями и привязанностью (Hazan, Shaver, 1997), мы можем предположить наличие подобного процесса и в романтических отношениях. Можно согласиться с большинством исследователей в том, что и нормальная ревность может иметь не только положительные, но и деструктивные последствия.

Деструктивная траектория ревности ведет к переоценке партнера по любовным взаимоотношениям, восприятию его в качестве обманщика, равнодушного к нашим потребностям, интересам и чувствам. Предшествующая, безусловно, позитивная валентность объекта любви становится при этом амбивалентной, а позднее, скорее, негативной (Бреслав, 2015). Даже положительный опыт предыдущей совместной жизни может быть пересмотрен, поскольку начинает восприниматься как целенаправленный обман для получения односторонней выгоды. А отрицательный опыт превращается в глазах ревнующего в драматизированное страдание под воздействием одностороннего издевательства и эксплуатации со стороны партнера. В частности, подобные метаморфозы восприятия партнера позволяют понять, почему агрессия при ревности направляется чаще на партнера, нежели на соперника (Shackelford, Goetz, Buss, Euler, Hoier, 2005). Такое разочарование и движение к разрыву отношений, наряду с физической доступностью, могут считаться объяснением значительной большей агрессии ревнивцев имен-

¹ *Functional magnetic resonance imaging* – разновидность магнитно-резонансной томографии

но по отношению к бывшим партнерам (Paul, Galloway, 1994).

Будучи порождением исходной привязанности, дружбы или любви, ревность может возникнуть гораздо быстрее любви и выражаться эмоциями страха, гнева, тревоги, тягостными раздумьями или агрессией (Bringle, 1991; White, Mullen, 1989). Согласно нашим данным, склонность к ревности положительно связана с эмоцией гнева и, особенно, со склонностью к гневу и тревоге, измеряемой с помощью теста STPI (Spielberger, 1979), но не связана с депрессией и любознательностью (Breslavs, 2007). Естественно, что романтическая ревность бывает более сильной, ибо включает реакцию на реальную или предполагаемую сексуальную неверность, чреватую серьезными последствиями для партнерских отношений. В европейской культуре, где моногамные романтические отношения являются почти универсальной нормой, участники этих отношений претендуют не только на внимание партнера, но и на исключительность самих отношений. Согласно этой норме, от партнера ожидается верность даже в тех ситуациях, где активность во флирте принадлежит третьей стороне, не говоря уже о ситуациях, где сам партнер проявляет инициативу. Поэтому вполне естественно, что ревность оказывается наиболее высокой в том случае, когда флирт с третьей стороной определяется партнером-жертвой как вполне произвольный и контролируемый (Bauerle, Amirkhan, Nurka, 2002).

Женщины проявляют большую ревность при наличии физически более привлекательной соперницы, в то время как мужчины проявляют большую ревность при наличии более социально престижного соперника (Dijkstra, Buunk, 1998; Yarab, Allgeier, 1999). Женская ревность в большей степени связана со сравнением себя с соперницей (Dijkstra, Buunk, 2001). Это приводит к более сильной ревности у женщин с низкой привлекательностью, женщины же с высокой привлекательностью становятся ревнивыми лишь в том случае, когда сталкиваются с привлекательной соперницей, представляющей реальную угрозу (Massar, Buunk, Dechesne, 2009). В то же время представители обоих полов испытывают

более сильную ревность при предъявлении провоцирующих сценариев в случае подпорогового предъявления привлекательного тела, по сравнению с предъявлением непривлекательного (Massar, Buunk, 2009).

Сдвиг фокуса исследования от индивидуального переживания ревности к переменам взаимоотношений предполагает учет переживаний обоих партнеров, включенных во взаимоотношения. В частности, это могут быть переживания субъекта флирта с третьей стороной, т.е. субъекта неверности. При романтической ревности партнер, проявляющий сексуальную или эмоциональную неверность, может испытывать чувство вины, ведущее к возникновению намерения внести коррекцию в собственное поведение. Исследования показывают, что мужчины испытывают большую вину в случае сексуальной неверности, в то время как женщины – в случае эмоциональной неверности (Fisher, Voracek, Rekkas, Cox, 2008). В этом исследовании представители обоих полов считали, что их партнеры имели бы больше проблем в случае необходимости простить сексуальную, а не эмоциональную неверность, однако только женщины сообщали, что сексуальная неверность с большей легкостью должна вести к разрыву отношений. Эти данные свидетельствуют, что оба пола разделяют поло-ролевые стереотипы не только как субъекты ревности, но также и как субъекты неверности.

Учитывая производный характер ревности, ее сила зависит от силы и качества базовых взаимоотношений, опосредствованных громадным количеством культурных, индивидуальных и контекстуальных факторов. В частности, подозрительная ревность связана с низкой самооценкой и небезопасным видом привязанности ревнующего (Rydell, Bringle, 2007). Одним из наиболее влиятельных контекстуальных факторов в романтической ревности может быть возможность флирта в Интернете (Ben-Zeev, 2004; Young, Griffin-Shelley, Cooper, O'Mara, Buchanan, 2000). Женщины считают сексуальную онлайн-активность рядоположной реальному адюльтеру (Schneider, 2003). Подобные данные были выявлены и для мужчин и женщин (Whitty, 2005). В то же время, указываются некоторые различия в пережи-

ваниях участников реального и онлайн-флирта (Dijkstra, Barelds, Groothof, 2013).

Наиболее важными выглядят связи ревности с любовью и различными аспектами субъективного благополучия и удовлетворенности взаимоотношениями. По данным Пфайфер и Вонга, любовь к партнеру позитивно связана с эмоциональным компонентом ревности, но негативно – с когнитивным компонентом (Pfeffer, Wong, 1989). Согласно венгерским данным, сообщение о взаимоотношениях в Фейсбуке связано с усилением и любви, и ревности (Orosz, Szekeres, Kiss, Farkas, Roland-Lévy, 2015). Публичное объявление ведет к принятию рациональных и эмоциональных обязательств, что, в свою очередь, ведет к росту любви и ревности. Известно также о наличии положительной связи между когнитивной ревностью (т.е. мыслями о возможной или реальной неверности) и неудовлетворенностью взаимоотношениями, что опосредуется тягостными раздумьями (Elphinston, Feeney, Noller, Connor, Fitzgerald, 2013). Выявлено также, что более высокая склонность к ревности (или диспозициональная ревность) связана с более низким уровнем удовлетворенности жизнью и качеством супружеских отношений (Bringle, 1991).

Такие стили любви как людус и маниа могут вызывать провоцирующее ревность поведение, но интенсивность эмоциональной привязанности партнера негативно связана с этими формами поведения (Goodboy, Horan, Booth-Butterfield, 2012). Наши данные, собранные в 2005-2007 годах, показали, что у молодых женщин 20–30 лет уровень любви, измеренный с помощью трехмерной шкалы Стернберга, не связан со склонностью к ревности (Breslavs, 2007) или диспозиционной ревностью, измеренной посредством 25-пунктной шкалы ревности (Bringle, Roach, Andier, Evenbeck, 1979). Эта шкала включает 18 утверждений о романтической ревности и основана на транзактной модели Брингла. В соответствии с этой моделью, за появление ревности отвечают совместно действующие обязательства, возбудимость и небезопасность, которые, в свою очередь, зависят от переменных отношений, от ситуативных и личностных переменных

(Bringle, 1991). Человек с тревожно-амбивалентной привязанностью может в силу последующего профессионального обучения и опыта становиться более спокойным и уверенным в себе, что, в свою очередь, меняет и склонность к ревности.

Несмотря на наличие некоторых данных о позитивной связи этих чувств (Buunk, 1981; Mathes, 1986; White, 1984), взаимоотношения между ними остаются неясными из-за большого числа факторов их развития и состава. В частности, согласно некоторым данным, любовь к партнеру позитивно связана с эмоциональным компонентом ревности, но негативно – с когнитивным компонентом (Pfeiffer, Wong, 1989), в то время, как между любовью и поведенческим аспектом ревности не обнаружилось значимой связи, что не относится к таким стилям любви как людус и мания (Attridge, 2013). Таким образом, различия в связях может быть вызвано целым рядом факторов, отмеченных в этих исследованиях: типом любви, типом оценки разных проявлений ревности в соответствии с прошлым опытом или потенциально возможной реакцией на ситуации, провоцирующие ревность.

К тому же большинство предшествующих исследований этих чувств использовали выборки студентов первых курсов, что в известной мере объясняет противоречивость получаемых данных, ибо в период ранней взрослости немногие молодые люди обладают зрелой идентичностью (Shulman, Ben-Artzi, 2003), а их романтические отношения не являются достаточно стабильными и ответственными (Brown, 1999; Furman, Wehner, 1997). Для получения более определенных результатов надо делать более возрастную выборку и использовать психометрически достоверные методы изучения любви и ревности.

Одним из наиболее важных факторов, обуславливающих появление сексуальной неверности, а также наиболее избегаемым аспектом изучения удовлетворенности партнерскими взаимоотношениями, является сексуальная удовлетворенность. Был разработан целый ряд клинических шкал для измерения степени сексуальных проблем (Derogatis, Melisaratos, 1979; Hudson, 1992; MacNeil,

Byers, 2005), которые позволяют оценивать широкий спектр разнообразных их нарушений и у женщин, и у мужчин. Однако отсутствие сексуальных проблем вовсе не означает сексуальную удовлетворенность. Какое психологическое содержание стоит за утверждением – «Я сексуально удовлетворен/на», часто используемым в психологических исследованиях этой сферы (Butzer, Campbell, 2008; Litzinger, Gordon, 2005; MacNeil, Byers 2005; Sprecher, 2002)?

В серьезной психологической литературе по романтическим отношениям невозможно найти ни ответ на данный вопрос, ни специализированную методiku, направленную на изучение этого аспекта удовлетворенности. Хорватская методика по сексуальной удовлетворенности (Stulhofer, Busko Brouillard, 2010) не может быть использована и по причине методологической (сложные и туманные утверждения), и по причине концептуальной несостоятельности (разделение переживаний партнеров). Короткая – из пяти пунктов шкала сексуальной жизни (Neto, 2012) является слишком общей, ничего не говорящей о психологическом содержании данного явления. В связи с таким состоянием дел в этой сфере, нами была разработана новая шкала для мужчин и женщин отдельно – частотный индекс сексуальной удовлетворенности (ЧИСУ) с 16 пунктами и частотной шкалой семантического дифференциала (Бреслав, 2013).

Метод

Целью нашего исследования было определение половых различий в чувствах ревности, любви и сексуальной удовлетворенности, а также во взаимоотношениях между этими переменными. Возраст выборки участников был предопределен необходимостью выйти за рамки большинства исследований в этой сфере, охватывавших студентов начальных курсов, имеющих ограниченный опыт совместной жизни. Учитывая специфику развития вышеназванных чувств, мы обратились к их изучению у представителей среднего возраста, имеющих более обширный и глубокий опыт партнерских отношений.

В исследовании приняли участие 52 мужчины и 56 женщин в возрасте 35–45 лет. Было получено 100 полностью заполненных опросников, из которых 97 (49 женщин и 48 мужчин) были признаны годными для последующего анализа. Среди женщин 10 человек не находились на момент опроса в партнерских отношениях, в то время как среди мужчин таких было 13 человек. Все участники заполняли три опросника: 45-ти пунктный опросник трехмерной любви, 25-ти пунктная шкала ревности SRJS (The Self-Report Jealousy Scale), и 16-ти пунктная шкала ЧИСУ (Бреслав, 2013).

Одна из лучших опросных методик изучения любви основана на трехмерной модели любви Стернберга (Sternberg, 1988). Ее привлекательность объясняется ее высокими психометрическими показателями (Sternberg, 1997) и соответствием другим моделям любви (Aron, Westbay, 1996; Shaver, Hazan, Bradshaw, 1988). Согласно и нашим данным, методика любви Стернберга обладает высокой надежностью по внутренней согласованности (α Кронбаха по подшкалам любви у женщин составляет по интимности, страсти и обязательствам, соответственно – 0.889, 0.904, 0.937; у мужчин, соответственно – 0.919, 0.945, 0.945). Также высокой надежностью отличается методика SRJS Брингла и его коллег (α Кронбаха = 0.88-0.92, а двухнедельная ретестовая надежность – 0.77, согласно данным Брингла) (Bringle, Roach, Andier, Evenbeck, 1979), где α Кронбаха по нашим данным у женщин – 0.906 и 0.953 у мужчин. Не менее высокая надежность и у шкалы ЧИСУ – у женщин 0.928, у мужчин – 0.943 (Бреслав, 2013).

Гипотеза

В том случае, если ревность способствует сохранению любовных взаимоотношений, то следует ожидать положительную связь между ревностью и всеми компонентами любви. Учитывая данные об имеющихся различиях в реакциях на сексуальную и эмоциональную неверность, можно ожидать и некоторые половые различия в ревности, любви и сексуальной удовлетворенности, а также в их взаимоотношениях у человека в середине его жизни.

Результаты

Табл. 1. Средние, стандартные отклонения и половые различия ревности, любви и сексуальной удовлетворенности по d-Cohen.

Пол	Муж. (N=48)		Жен. (N=49)		d Cohen
	М	SD	М	SD	
Ревность	67.25	21.72	67.98	16.13	0.04
Любовь – интимность	7.24	1.14	7.86	0.73	0.66**
Любовь – страсть	6.99	1.42	7.56	1.01	0.47*
Любовь – обязательства	7.27	1.45	7.85	1.05	0.46*
Сексуальная удовлетворенность	75.89	16.21	74.99	14.42	0.06

Значимость различий в соответствии с двухсторонним t-критерием *p ≤ 0.05, ** p ≤ 0.01.

Table 1. Mean, standard deviation and sex differences of jealousy, love and sexual satisfaction using d-Cohen.

Sex	Male (N=48)		Female (N=49)		d Cohen
	M	SD	M	SD	
Jealousy	67.25	21.72	67.98	16.13	0.04
Love – Intimacy	7.24	1.14	7.86	0.73	0.66**
Love – Passion	6.99	1.42	7.56	1.01	0.47*
Love – Commitment	7.27	1.45	7.85	1.05	0.46*
Sexual Satisfaction	75.89	16.21	74.99	14.42	0.06

Significance of differences in accordance with the two-sided t-criterion * p ≤ 0.05, ** p ≤ 0.01.

Табл. 2. Корреляции между ревностью, любовью и сексуальной удовлетворенностью.

	Любовь – интимность	Любовь – страсть	Любовь – обязательства	Ревность	Сексуальная удовлетворенность
1. Любовь – интимность	1	0.83***	0.85***	0.47***	0.75***
2. Любовь – страсть	0.78***	1	0.91***	0.58***	0.73***
3. Любовь – обязательства	0.74***	0.83***	1	0.53***	0.69***
4. Ревность	0.06	0.10	0.17	1	0.45***
5. Сексуальная удовлетворенность	0.49***	0.41***	0.20	0.25*	1

Note: Женские интеркорреляции ниже диагонали (N=49), мужские – выше диагонали (N=48); *p ≤ 0.05, ** p ≤ 0.01, *** p ≤ 0.001

Table 2. Correlations between jealousy, love and sexual satisfaction.

	Love – Intimacy	Love – Passion	Love – Commitment	Jealousy	Sexual Satisfaction
1. Love – Intimacy	1	0.83***	0.85***	0.47***	0.75***
2. Love – Passion	0.78***	1	0.91***	0.58***	0.73***
3. Love – Commitment	0.74***	0.83***	1	0.53***	0.69***
4. Jealousy	0.06	0.10	0.17	1	0.45***
5. Sexual Satisfaction	0.49***	0.41***	0.20	0.25*	1

Note: Female intercorrelations are below the diagonal (N = 49), male intercorrelations are above the diagonal (N = 48); * P ≤ 0.05, ** p ≤ 0.01, *** p ≤ 0.001

Результаты указывают на наличие половых различий по всем трем подшкалам любви: у женщин они выше (d Cohen – 0.66** для интимности, p ≤ 0.01; 0.47* – для страсти, 0.46* – для обязательств, p ≤ 0.05), но указывают на отсутствие различий по ревности и сексуальной удовлетворенности. В то же время, для обоих полов наблюдаются положительные корреляции между сексуальной удовлетворенностью и любовью (соответственно, 0.75***, 0.73***, 0.69*** для мужчин, 0.49***, 0.41***, 0.20 – для женщин), а также между ревностью и сексуальной удовлетворенностью (0.45*** для мужчин, 0.25* для женщин). Только у мужчин имеют место положительные корреляции между компонентами любви и ревностью (соответственно, 0.47***, 0.58***, 0.53***). Все остальные значимые корреляции у них также выражены более сильно.

Обсуждение результатов

Выдвинутая гипотеза частично подтвердилась. Половые различия были обнаружены во всех подшкалах любви, но не в ревности и в сексуальной удовлетворенности. Женщины сильнее любят, но по уровню ревности и сексуальной удовлетворенности не отличаются от мужчин. Выявилось, что также как и в нашем предшествующем исследовании (Breslavs, 2007), склонность к ревности у женщин не связана с любовью, а у мужчин связана. Для обоих полов сексуальная удовлетворенность связана с любовью и ревностью, но, ожидаемо, эти связи более сильно выражены у мужчин, ибо сексуальная удовлетворенность у мужчин более явно связана с качеством взаимоотношений, чем у женщин (Sprecher, 2002).

Полученные половые различия могут быть интерпретированы на основе модели инвестиций Расбалта (Rusbult, 1983) и эволюционных и социо-культурных идей о полоролевых ожиданиях. В то время как финансовые и психологические инвестиции мужчины, в основном, фокусируются на жизни партнерши, инвестиции женщины фокусируются на жизни детей и на создании домашнего очага. Это вовсе не означает более слабую любовь женщины к партнеру. Женщина сочетает любовь к партнеру и любовь к ребен-

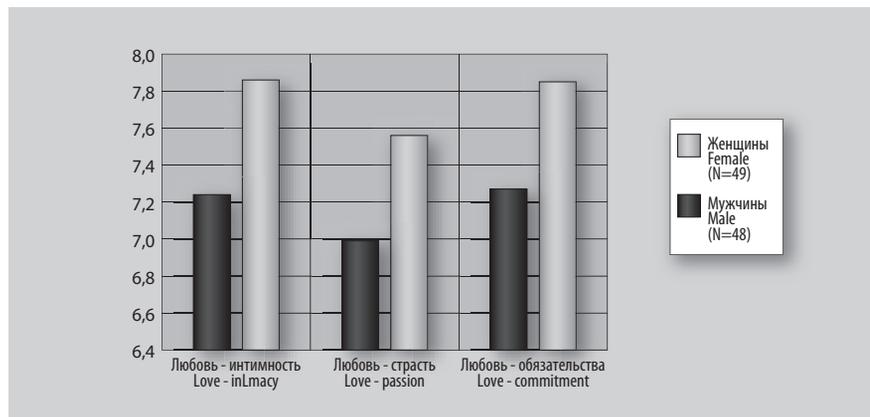

Рис. 1. Средние показатели любви.

Figure 1. Mean love.

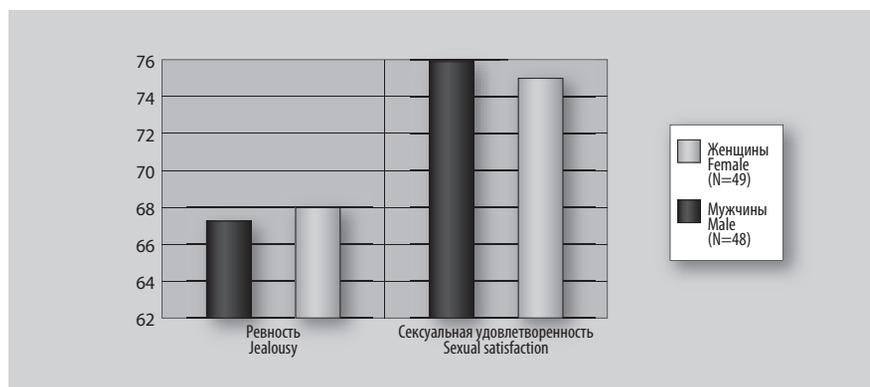

Рис. 2. Средние показатели ревности и сексуальной удовлетворенности.

Figure 2. Mean jealousy and sexual satisfaction

ку, так же как и любовь к другим близким людям. В то время как мужская любовь в большей степени фокусирована на сексуальных отношениях и поэтому носит более собственнический и персонифицированный характер. Изучение мужских приоритетов обнаружило существенные корреляции между удовлетворенностью взаимоотношениями и инвестированием в эти взаимоотношения (Buunk, Bakker, 1997). Наличие ответственных отношений предопределяет большее огорчение неверностью партнера и большую ревность у мужчин, чем у женщин (Buss, Larsen, Westen, Semmelroth, 1992; Murphy, Vallacher, Shackelford, Bjorklund, Yunger, 2006).

В европейской культуре обязательства являются естественной частью любовных взаимоотношений, также как и удовлетворенность этими взаимоотношениями, где сексуальная составляющая является весьма значимой. Это объясняет позитивную и устойчивую связь между любовью и ревностью у мужчин, которые боятся потерять ценный объект любовных взаимоотношений и финансовых инвестиций. Мужчина стремится сохранить близкие взаимоотношения, пытается разрушить связи партнерши с другим мужчиной, в соответствии с полоролевыми стереотипами. Женщина же ценит не только своего партнера, но и все последствия этих отношений, поэтому у нее

связь между любовью и ревностью значительно слабее. Ее ревность основана не только на любви к партнеру, но и на всех других обстоятельствах жизни. К тому же она боится выражать гнев в ответ на действия партнера, в соответствии с полоролевыми стереотипами о выражении «правильных» эмоций (Бреслав, 2016). Женщина предпочитает фокусироваться на своем будущем и будущем своего ребенка, и ее ревность в большей мере направлена на защиту от разрушения жизненной перспективы для себя и ребенка, чем на защиту взаимоотношений с партнером как таковым.

Выводы

Согласно полученным данным, положительная связь между ревностью и любовью обнаружилась только у мужчин. Это означает, что ревность вряд ли можно причислить к универсальным механизмам сохранения партнерских отношений, но ее можно рассматривать как защитное сопровождение любви у мужчин средних лет. Согласно этим данным, ревность можно считать позитивным фактором сохранения партнерских отношений у мужчин. Для проверки обоснованности такого вывода надо также изучать разные аспекты удовлетворенности партнерскими отношениями, убеждения, ожидания и инвестиции в эти отношения. Особую важность представляет контроль типа и длительности партнерских отношений в разных возрастных группах, ибо наши данные говорят о том, что в середине жизни происходит существенное снижение такого компонента любви как страсть (Breslavs, 2009). Данные факты представляют известную прикладную ценность, но нуждаются в более тщательном контроле всех наиболее важных факторов, включая вопросы наличия или отсутствия общих детей.

Литература:

- Бреслав Г.М. Предметность эмоциональных явлений // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 1977. – № 4. – С. 3–11.
 Бреслав Г. Ненависть как предмет психологического исследования // Вопросы психологии. – 2011. – № 2. – С. 138–148.
 Бреслав Г. Разработка частотного индекса сексуальной удовлетворенности (ЧИСУ) в диагностике супружеских отношений // Психология. Журнал Высшей Школы Экономики. – 2013. – Т. 10 (1). – С. 25–36.
 Бреслав Г. Композиционная теория эмоций: к пониманию моральных эмоций и любви // Психология. Журнал Высшей Школы Экономики. – 2015. – Т. 12. – № 4. – С. 81–102.

- Бреслав Г. Психология эмоций. – Москва : Смысл, 2016.
- Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции. – Москва : Изд-во МГУ, 1971.
- Aron, A., Westbay, L. (1996). Dimensions of the Prototype of Love. *Journal of Personality & Social Psychology*, 70 (3), 535-551.
- Attridge, M. (2013). Jealousy and Relationship Closeness: Exploring the Good (Reactive) and Bad (Suspicious) Sides of Romantic Jealousy. *SAGE Open*, January-March XX(X) : 1–16, DOI: 10.1177/2158244013476054
- Barelds, D. P. H., Dijkstra, P. (2006). Reactive, Anxious and Possessive Forms of Jealousy and Their Relation to Relationship Quality Among Heterosexuals and Homosexuals. *Journal of Homosexuality*, 2006, V. 51 (3), 183-198.
- Bauerle, S. Y., Amirkhan, J. H. & Hupka, R. B. (2002). An Attribution Theory Analysis of Romantic Jealousy. *Motivation and Emotion*, 26 (4), 297-319.
- Bendixen, M., Kennair, L. E. O., Buss, D. M. (2015). Jealousy: Evidence of strong sex differences using both forced choice and continuous measure paradigms. *Personality & Individual Differences*. Nov, Vol. 86, 212-216. DOI: 10.1016/j.paid.2015.05.035.
- Ben-Zeev, A. (2004). *Love online: Emotions on the internet*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Boyce, S., Zeledón, P., Tellez, E., Barrington, C. (2016). Gender-Specific Jealousy and Infidelity Norms as Sources of Sexual Health Risk and Violence Among Young Coupled Nicaraguans. *American Journal of Public Health*. Apr, Vol. 106 (4), 625-632. DOI: 10.2105/AJPH.2015.303016.
- Breslavs, G. (2007). *Personality assessment. Lectures' course in Power Point*, Riga: SPPA.
- Breslavs, G. (2009). Are adults' love and hate more advanced? The paper presented at the XIVth European Conference on Developmental Psychology, Vilnius, August 17-23, 2009.
- Bingle, R. G. (1991). Psychosocial aspects of jealousy: A transactional model. In P. Salovey (Ed.), *The psychology of jealousy and envy* (pp. 103-131). New York: Guilford.
- Bingle, R. G., Roach, S., Andier, C., & Evenbeck, S. (1979). Measuring the intensity of jealous reactions. *Catalog of Selected Documents in Psychology*, 9, 23-24.
- Brown, B.B. (1999). "You're going out with who?": Peer group influences on adolescent romantic relationships. In W. Furman, B.B. Brown, & C. Feiring (Eds.), *The development of romantic relationships in adolescence* (pp. 291–329). Cambridge: Cambridge University Press.
- Brown, W. & Moore, C. (2003). Fluctuating Asymmetry and Romantic Jealousy. *Evolution and Human Behavior*, 24(2), 113-117. doi:10.1016/S1090-5138(02)00148-4
- Buss, D. M. (2000). *The dangerous passion: Why jealousy is as necessary as love and sex*. New York: The Free Press.
- Buss, D. M., Larsen, R. J., Westen, D., & Semmelroth, J. (1992). Sex differences in jealousy: Evolution, physiology, and psychology. *Psychological Science*, 3, 251-255. doi:10.1111/j.1467-9280.1992.tb00038.x
- Butzer, Bethany & Campbell, Lorne (2008). Adult attachment, sexual satisfaction, and relationship satisfaction: A study of married couples. *Personal Relationships*, 15, 141–154. DOI: 10.1111/j.1475-6811.2007.00189.x
- Buunk, B. P. (1981). Jealousy in sexually open marriages. *Alternative Lifestyles*, 4, 357–372.
- Buunk, A. P., Massar, K., and Dijkstra, P. (2007). A social cognitive evolutionary approach to jealousy: The automatic evaluation of one's romantic rivals. In Forgas, J., Haselton, M., and Von Hippel, W. (Eds.) *Evolution and the social Mind: Evolutionary psychology and social cognition* (pp. 213-228) New York: Psychology Press.
- Derogatis, L.R., & Melisaratos, N. (1979). The DSFI: A multidimensional measure of sexual functioning. *Journal of Sex and Marital Therapy*, 5, 244-281.
- DeSteno, David; Bartlett, Monica Y.; Braverman, Julia; Salovey, Peter. (2002). Sex Differences in Jealousy: Evolutionary Mechanism or Artifact of Measurement? *Journal of Personality & Social Psychology*, Vol. 83 Issue 5, 1103-16.
- Dijkstra, P., Barelds, D. P. H.; Groothof, H. A. K. (2013). Jealousy in response to online and offline infidelity: the role of sex and sexual orientation. *Scandinavian Journal of Psychology*. Vol. 54 Issue 4, 328-336.
- Dijkstra, P., & Buunk, A. P. (2001). Gender differences in the jealousy-evoking nature of arrival's body build. *Evolution and Human Behavior*, 22, 335–341.
- Draghi-Lorenz, R. (2013). Parental Reports of Jealousy in Early Infancy: Growing Tensions between Evidence and Theory. In S.L. Hart & Legerstee (Eds.), *Handbook of Jealousy: Theory, Research, and Multidisciplinary Approaches* (pp.235-266). Oxford, UK: Wiley-Blackwell.
- Dugosh, J. W. (2000). On predicting relationship satisfaction from jealousy: the moderating effects of love. *Current research in social psychology*, Vol. 5, (17), 254-263.
- Elphinston, R. A.; Feeney, J. A., Noller, P., Connor, J. P., Fitzgerald, J. (2013). Romantic Jealousy and Relationship Satisfaction: The Costs of Rumination. *Western Journal of Communication*. Vol. 77 (3), 293-304.
- Fisher, M., Voracek, M., Rekkas, P. V., Cox, A. (2008). Sex Differences in Feelings of Guilt Arising from Infidelity. *Evolutionary Psychology*, Vol. 6 (3), 436-446.
- Furman, W., & Wehner, E.A. (1997). Adolescent romantic relationships: A developmental perspective. In S. Shulman & A. Collins (Eds.), *Romantic relationships in adolescence: New Directions for Child Development* (pp. 21–36). San Francisco: Jossey-Bass.
- Goodboy, A. K.; Horan, S. M.; Booth-Butterfield, M. (2012). Intentional Jealousy-Evoking Behavior in Romantic Relationships as a Function of Received Partner Affection and Love Styles. *Communication Quarterly*, Vol. 60 (3), 370-385. DOI: 10.1080/01463373.2012.688792.
- Harris, C. R.. (2003). Factors Associated with Jealousy Over Real and Imagined Infidelity: an Examination of the Social-Cognitive and Evolutionary Psychology Perspectives. *Psychology of Women Quarterly*, Vol. 27 (4), 319-329.
- Harris, C. R., & Darby, R. S. (2010). Jealousy in adulthood. In S. L. Hart & M. Legerstee (Eds.), *Handbook of jealousy: The theory, research, and multidisciplinary approaches* (pp. 547-571). New York, NY: Wiley-Blackwell.
- Hart, S.L. (2013). The Ontogenesis of Jealousy in the First Year of Life. In S.L. Hart & Legerstee (Eds.), *Handbook of Jealousy: Theory, Research, and Multidisciplinary Approaches* (pp.57-82). Oxford, UK: Wiley-Blackwell.
- Hazan, C., Shaver, P. (1997). Romantic love conceptualised as an attachment process. In Hewstone, M., Manstead, A.S., & Stroebe, W.(Eds.), *The Blackwell*

- Reader in Social Psychology, (pp.377-406). Oxford: Blackwell.
- Hudson W.W. (1992). The Walmyr Assessment Scales Scoring Manual. Tempe, AZ: WALMYR Publishing Co.
- Jankowiak, W., Nell, M. D., & Buckmaster, A. (2002). Managing infidelity: A cross-cultural perspective. *Ethnology*, 41, 85-101.
- Kolak, Amy M.; Volling, Brenda L. (2011). Sibling jealousy in early childhood: longitudinal links to sibling relationship quality. *Infant & Child Development*. Vol. 20 (2), 213-226.
- Litzinger, S. & Gordon, K. C. (2005). Exploring Relationships Among Communication, Sexual Satisfaction, and Marital Satisfaction. *Journal of Sex & Marital Therapy*, 31:409-424.
- MacNeil, S., & Byers, E. S. (2009). Role of Sexual Self-Disclosure in the Sexual Satisfaction of Long-Term Heterosexual Couples. *Journal of Sex Research*, 46(1), 3-14.
- Massar, K., Buunk, A. P. (2009). Rivals in the mind's eye: Jealous responses after subliminal exposure to body shapes. *Personality & Individual Differences*, Vol. 46 (2), 129-134.
- Massar, K., Buunk, A. P.; Dechesne, M. (2009). Jealousy in the blink of an eye: Jealous reactions following subliminal exposure to rival characteristics. *European Journal of Social Psychology*, Vol. 39 (5), 768-779.
- Mathes, E. W. (1986). Jealousy and romantic love: A longitudinal study. *Psychological Reports*, 58(3), 885-886.
- Murphy, S. M.; Vallacher, R. R.; Shackelford, T. K.; Bjorklund, D. F.; Yunger, J. L. (2006). Relationship experience as a predictor of romantic jealousy. *Personality & Individual Differences*, V. 40 (4), 761-769.
- Neto, F. (2012). The Satisfaction with Sex Life Scale. *Measurement and Evaluation in Counseling and Development*, 45, 18-31. DOI: 10.1177/0748175611422898.
- Orosz, G., Szekeres, Á., Kiss, Z. G., Farkas, P., Roland-Lévy, C. (2015). Elevated romantic love and jealousy if relationship status is declared on Facebook. *Frontiers in Psychology*. Vol. 6, 1-6. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.00214.
- Panksepp, Jaak (2013). The Evolutionary Sources of Jealousy: Cross-Species Approaches to Fundamental Issues. In S.L. Hart & Legerstee (Eds.), *Handbook of Jealousy: Theory, Research, and Multidisciplinary Approaches* (pp. 101-120). Oxford, UK: Wiley-Blackwell.
- Paul, L. & Galloway, J. (1994). Sexual jealousy: Gender differences in response to partner and rival. *Aggressive Behavior*, 20, 203-211.
- Pfeiffer, S. M. & Wong, P. T. P. (1989). Multidimensional jealousy. *Journal of Social and Personal Relationships*, 6, 181-196.
- Pines, A. (1992). *Romantic jealousy: Understanding and conquering the shadow of love*. New York: St. Martin's Press.
- Rusbult, C. E. (1983). A longitudinal test of the investment model: The development (and deterioration) of satisfaction and commitment in heterosexual involvements. *Journal of Personality and Social Psychology*, 45, 101-117.
- Rusbult, C.E. & Buunk, A.P. (1993). Commitment processes in close relationships: an interdependence analysis. *Journal of Social and Personal Relationships*, 10,175-204.
- Rydell, R. J., Bringle, R. G. (2007). Differentiating Reactive and Suspicious Jealousy. *Social Behavior & Personality: An International Journal*. 2007, Vol. 35 Issue 8, 1099-1114.
- Salovey, P., & Rodin, J. (1986). Differentiation of social-comparison jealousy and romantic jealousy. *Journal of Personality and Social Psychology*, 50, 1100-1112.
- Schneider, J.P. (2003). The impact of compulsive cybersex behaviors on the family. *Sexual and Relationship Therapy*, 18, 329-354.
- Shackelford, T. K., Goetz, A.T., Buss, D. M., Euler, H. A., Hoier, S. (2005). When we hurt the ones we love: Predicting violence against women from men's mate retention. *Personal Relationships*, 12 (4), 447-463.
- Shaver, Ph., Hazan, C., Bradshaw, D. (1988). Love as Attachment: The Integration of Three Behavioural Systems. In: R.Sternberg & M.Barnes (Eds.) *The Psychology of Love* (pp.68-99). New Haven: Yale University Press.
- Shulman, S., Ben-Artzi, E. (2003). Age-Related Differences in the Transition from Adolescence to Adulthood and Links with Family Relationships. *Journal of Adult Development*, Vol. 10 Issue 4, 217-226.
- Spielberger, C. D. (1979). Preliminary manual for the State-Trait Personality Inventory. Unpublished manual, University of South Florida, Tampa.
- Sprecher, S. (2002a). Sexual satisfaction in premarital relationships: Associations with satisfaction, love, commitment, and stability. *The Journal of Sex Research*, 3, 1-7.
- Sprecher, Susan. (2002b). Sexual Satisfaction in Premarital Relationships: Associations With Satisfaction, Love, Commitment, and Stability. *Journal of Sex Research*. Vol. 39 Issue 3, 190-196.
- Sternberg, R. J. (1988). Triangulating Love. In: R.Sternberg & M.Barnes (Eds.) *The Psychology of Love* (pp.119-138). New Haven: Yale University Press.
- Sternberg, R. J. (1997). Construct validation of a triangular love scale. *European Journal of Social Psychology*, 27(3), 313-335.
- Stulhofer A, Busko V, Brouillard P. (2010). Development and bicultural validation of the new sexual satisfaction scale. *Journal of Sex Research* 47(4):257-68. doi: 10.1080/00224490903100561.
- Takahashi, H., Matsuura, M., Yahata, Noriaki; K., Michihiko; S. T., Okubo, Y. (2006). Men and women show distinct brain activations during imagery of sexual and emotional infidelity. *NeuroImage*. Vol. 32 (3), 1299-1307. DOI: 10.1016/j.neuroimage.2006.05.049.
- Varga, Colleen; Gee, Christina; Munro, Geoffrey. (2011). The Effects of Sample Characteristics and Experience with Infidelity on Romantic Jealousy. *Sex Roles*. Vol. 65 Issue 11/12, p854-866. DOI: 10.1007/s11199-011-0048-8
- Ward, J. & Voracek, M. (2004). Evolutionary and social cognitive explanations of sex differences in romantic jealousy. *Australian Journal of Psychology*, Vol. 56 (3), 165-171.
- White, G. L. (1984). Comparison of four jealousy scales. *Journal of Research on Personality*, 18, 115-130.
- White, G. L. & Mullen, P.E. (1989). *Jealousy: Theory, research and clinical strategies*. New York: Guilford.

- Whitty, M.T. (2005). The realness of cyber cheating: Men's and women's representations of unfaithful internet relationships. *Social Science Computer Review*, 23, 57–67.
- Yarab, P. E., & Allgeier, E. R. (1999). Young adults' reactions of jealousy and perceived threat based on the characteristics of a hypothetical rival. *Journal of Sex Education and Therapy*, 24, 171–175.
- Young, K.S., Griffin-Shelley, E., Cooper, A., O'Mara, J., & Buchanan, J. (2000). Online infidelity: A new dimension in couple relationships with implications for evaluation and treatment. *Sexual Addiction and Compulsivity*, 7, 59–74.
- Zengel, Bettina; Edlund, John E.; Sagarin, Brad J. (2013). Sex differences in jealousy in response to infidelity: Evaluation of demographic moderators in a national random sample. *Personality & Individual Differences*. Vol. 54 Issue 1, 47-51. DOI: 10.1016/j.paid.2012.08.001.

References:

- Aron, A., & Westbay, L. (1996). Dimensions of the Prototype of Love. *Journal of Personality & Social Psychology*, 70 (3), 535-551.
- Attridge, M. (2013). Jealousy and Relationship Closeness: Exploring the Good (Reactive) and Bad (Suspicious) Sides of Romantic Jealousy. *SAGE Open*, January-March XX(X): 1–16, DOI: 10.1177/2158244013476054
- Barelds, D. P. H., & Dijkstra, P. (2006) Reactive, Anxious and Possessive Forms of Jealousy and Their Relation to Relationship Quality Among Heterosexuals and Homosexuals. *Journal of Homosexuality*, Vol. 51 (3), 183-198.
- Bauerle, S. Y., Amirkhan, J. H. & Hupka, R. B. (2002) An Attribution Theory Analysis of Romantic Jealousy. *Motivation and Emotion*, 26 (4), 297-319.
- Bendixen, M., Kennair, L. E. O., & Buss, D. M. (2015). Jealousy: Evidence of strong sex differences using both forced choice and continuous measure paradigms. *Personality & Individual Differences*. Nov, Vol. 86, 212-216. DOI: 10.1016/j.paid.2015.05.035.
- Ben-Zeev, A. (2004) *Love online: Emotions on the internet*. Cambridge, UK, Cambridge University Press.
- Boyce, S., Zeledón, P., Tellez, E., & Barrington, C. (2016) Gender-Specific Jealousy and Infidelity Norms as Sources of Sexual Health Risk and Violence Among Young Coupled Nicaraguans. *American Journal of Public Health*. Apr, Vol. 106 (4), 625-632. DOI: 10.2105/AJPH.2015.303016.
- Breslav, G. (2007) Personality assessment. Lectures' course in Power Point, Riga, SPPA.
- Breslav, G. (2009) Are adults' love and hate more advanced? *The paper presented at the XIVth European Conference on Developmental Psychology*, Vilnius, August 17-23, 2009.
- Breslav, G.M. (1977) Objectivity of emotional phenomena. *Bulletin of Moscow University [Vestnik Moskovskogo universiteta]*. Series 14. Psychology. 4, 3-11.
- Breslav, G. (2011) Hatred as an object of psychological research. *Issues of psychology [Voprosy psikhologii]*. 2, 138-148.
- Breslav, G. (2013) Development of sexual satisfaction frequency index in diagnosing marital relations. *Psychology. Journal of Higher School of Economics [Psikhologiya. Zhurnal Vysshey Shkoly Ekonomiki]*. Vol. 10 (1), 25-36.
- Breslav, G. (2015) Compositional theory of emotions: to understand the moral emotions and love. *Psychology. Journal of Higher School of Economics [Psikhologiya. Zhurnal Vysshey Shkoly Ekonomiki]*. Vol. 12, 4, 81-102.
- Breslav, G. (2016) Psychology of emotions. Moscow, Smysl.
- Bingle, R. G. (1991) Psychosocial aspects of jealousy: A transactional model. In P. Salovey (Ed.), *The psychology of jealousy and envy*. New York, Guilford, 103-131.
- Bingle, R. G., Roach, S., Andier, C., & Evenbeck, S. (1979) Measuring the intensity of jealous reactions. *Catalogue of Selected Documents in Psychology*, 9, 23-24.
- Brown, B.B. (1999) "You're going out with who?": Peer group influences on adolescent romantic relationships. In W. Furman, B.B. Brown, & C. Feiring (Eds.). *The development of romantic relationships in adolescence*. Cambridge: Cambridge University Press, 291–329.
- Brown, W& . Moore, C. (2003) Fluctuating Asymmetry and Romantic Jealousy. *Evolution and Human Behavior*, 24(2), 113-117. doi:10.1016/S1090-5138(02)00148-4
- Buss, D. M. (2000) *The dangerous passion: Why jealousy is as necessary as love and sex*. New York, The Free Press.
- Buss, D. M., Larsen, R. J., Westen, D., & Semmelroth, J. (1992) Sex differences in jealousy: Evolution, physiology, and psychology. *Psychological Science*, 3, 251-255. doi:10.1111/j.1467-9280.1992.tb00038.x
- Butzer, Bethany & Campbell, Lorne (2008) Adult attachment, sexual satisfaction, and relationship satisfaction: A study of married couples. *Personal Relationships*, 15, 141–154. DOI: 10.1111/j.1475-6811.2007.00189.x
- Buunk, B. P. (1981) Jealousy in sexually open marriages. *Alternative Lifestyles*, 4, 357–372.
- Buunk, A. P., Massar, K., & Dijkstra, P. (2007) A social cognitive evolutionary approach to jealousy: The automatic evaluation of one's romantic rivals. In Forgas, J., Haselton, M., and Von Hippel, W. (Eds.) *Evolution and the social Mind: Evolutionary psychology and social cognition*. New York: Psychology Press, 213-228.
- Derogatis, L.R., & Melisaratos, N. (1979). The DSFI: A multidimensional measure of sexual functioning. *Journal of Sex and Marital Therapy*, 5, 244-281.
- DeSteno, David, Bartlett, Monica Y., Braverman, Julia, & Salovey, Peter. (2002) Sex Differences in Jealousy: Evolutionary Mechanism or Artifact of Measurement? *Оцѣктѣд џа Зукџџѣѣдѣен . Ыџџџѣѣд Зџнџџѣѣдѣн*, Vol. 83 Issue 5, 1103-16.
- Dijkstra, P., Barelds, D. P. H., & Groothof, H. A. K. (2013) Jealousy in response to online and offline infidelity: the role of sex and sexual orientation. *Scandinavian Journal of Psychology*. Vol. 54 Issue 4, 328-336.
- Dijkstra, P., & Buunk, A. P. (2001) Gender differences in the jealousy-evoking nature of arival's body build. *Evolution and Human Behavior*, 22, 335–341.
- Draghi-Lorenz, R. (2013) Parental Reports of Jealousy in Early Infancy: Growing Tensions between Evidence and Theory. In S.L. Hart & Legerstee (Eds.) *Handbook of Jealousy: Theory, Research, and Multidisciplinary Approaches*. Oxford, UK: Wiley-Blackwell, 235-266.
- Dugosh, J. W. (2000) On predicting relationship satisfaction from jealousy: the moderating effects of love. *Current research in social psychology*, Vol. 5,

(17), 254-263.

- Elphinston, R. A., Feeney, J. A., Noller, P., Connor, J. P., & Fitzgerald, J. (2013) *Romantic Jealousy and Relationship Satisfaction: The Costs of Rumination*. *Western Journal of Communication*. Vol. 77 (3), 293-304.
- Fisher, M., Voracek, M., Rekkas, P. V., & Cox, A. (2008) Sex Differences in Feelings of Guilt Arising from Infidelity. *Evolutionary Psychology*. Vol. 6 (3), 436-446.
- Furman, W., & Wehner, E.A. (1997) Adolescent romantic relationships: A developmental perspective. In S. Shulman & A. Collins (Eds.) *Romantic relationships in adolescence: New Directions for Child Development*. San Francisco: Jossey-Bass, 21-36.
- Goodboy, A. K.; Horan, S. M.; Booth-Butterfield, M. (2012). Intentional Jealousy-Evoking Behavior in Romantic Relationships as a Function of Received Partner Affection and Love Styles. *Communication Quarterly*. Vol. 60 (3), 370-385. DOI: 10.1080/01463373.2012.688792.
- Harris, C. R. (2003) Factors Associated with Jealousy Over Real and Imagined Infidelity: an Examination of the Social-Cognitive and Evolutionary Psychology Perspectives. *Psychology of Women Quarterly*, Vol. 27 (4), 319-329.
- Harris, C. R., & Darby, R. S. (2010). Jealousy in adulthood. In S. L. Hart & M. Legerstee (Eds.) *Handbook of jealousy: Theory, research, and multidisciplinary approaches*. New York, NY: Wiley-Blackwell, 547-571.
- Hart, S.L. (2013) The Ontogenesis of Jealousy in the First Year of Life. In S.L. Hart & Legerstee (Eds.) *Handbook of Jealousy: Theory, Research, and Multidisciplinary Approaches* (pp.57-82). Oxford, UK: Wiley-Blackwell.
- Hazan, C., Shaver, P. (1997). Romantic love conceptualised as an attachment process. In Hewstone, M., Manstead, A.S., & Stroebe, W. (Eds.) *The Blackwell Reader in Social Psychology*, 377-406. Oxford: Blackwell.
- Hudson, W.W. (1992) *The Walmyr Assessment Scales Scoring Manual*. Tempe, AZ: WALMYR Publishing Co.
- Jankowiak, W., Nell, M. D., & Buckmaster, A. (2002) Managing infidelity: A cross-cultural perspective. *Ethnology*, 41, 85-101.
- Kolak, Amy M., & Volling, Brenda L. (2011) Sibling jealousy in early childhood: longitudinal links to sibling relationship quality. *Infant & Child Development*. Vol. 20 (2), 213-226.
- Leontiev, A.N. (1971) Needs, motives and emotions. Moscow, MGU.
- Litzinger, S. & Gordon, K. C. (2005) Exploring Relationships Among Communication, Sexual Satisfaction, and Marital Satisfaction. *Journal of Sex & Marital Therapy*, 31, 409-424.
- MacNeil, S., & Byers, E. S. (2009) Role of Sexual Self-Disclosure in the Sexual Satisfaction of Long-Term Heterosexual Couples. *Journal of Sex Research*, 46(1), 3-14.
- Massar, K., & Buunk, A. P. (2009) Rivals in the mind's eye: Jealous responses after subliminal exposure to body shapes. *Personality & Individual Differences*, Vol. 46 (2), 129-134.
- Massar, K., Buunk, A. P., & Dechesne, M. (2009) Jealousy in the blink of an eye: Jealous reactions following subliminal exposure to rival characteristics. *European Journal of Social Psychology*, Vol. 39 (5), 768-779.
- Mathes, E. W. (1986) Jealousy and romantic love: A longitudinal study. *Psychological Reports*, 58(3), 885-886.
- Murphy, S. M., Vallacher, R. R., Shackelford, T. K., Bjorklund, D. F., & Yunger, J. L. (2006). Relationship experience as a predictor of romantic jealousy. *Personality & Individual Differences*, Vol. 40 (4), 761-769.
- Neto, F. (2012) The Satisfaction with Sex Life Scale. *Measurement and Evaluation in Counseling and Development*, 45, 18-31. DOI: 10.1177/0748175611422898.
- Orosz, G., Szekeres, Á., Kiss, Z. G., Farkas, P., & Roland-Lévy, C. (2015) Elevated romantic love and jealousy if relationship status is declared on Facebook. *Frontiers in Psychology*. Vol. 6, 1-6. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.00214.
- Panksepp, Jaak (2013) The Evolutionary Sources of Jealousy: Cross-Species Approaches to Fundamental Issues. In S.L. Hart & Legerstee (Eds.) *Handbook of Jealousy: Theory, Research, and Multidisciplinary Approaches*. Oxford, UK: Wiley-Blackwell, 101-120.
- Paul, L. & Galloway, J. (1994) Sexual jealousy: Gender differences in response to partner and rival. *Aggressive Behavior*, 20, 203-211.
- Pfeiffer, S. M. & Wong, P. T. P. (1989) Multidimensional jealousy. *Journal of Social and Personal Relationships*, 6, 181-196.
- Pines, A. (1992) *Romantic jealousy: Understanding and conquering the shadow of love*. New York: St. Martin's Press.
- Rusbult, C. E. (1983) A longitudinal test of the investment model: The development (and deterioration) of satisfaction and commitment in heterosexual involvements. *Journal of Personality and Social Psychology*, 45, 101-117.
- Rusbult, C.E. & Buunk, A.P. (1993) Commitment processes in close relationships: an interdependence analysis. *Journal of Social and Personal Relationships*, 10,175-204.
- Rydell, R. J., & Bringle, R. G. (2007) Differentiating Reactive and Suspicious Jealousy. *Social Behavior & Personality: An International Journal*. Vol. 35, Issue 8, 1099-1114.
- Salovey, P., & Rodin, J. (1986) Differentiation of social-comparison jealousy and romantic jealousy. *Journal of Personality and Social Psychology*, 50, 1100-1112.
- Schneider, J.P. (2003) The impact of compulsive cybersex behaviors on the family. *Sexual and Relationship Therapy*, 18, 329-354.
- Shackelford, T. K., Goetz, A.T., Buss, D. M., Euler, H. A., & Hoier, S. (2005) When we hurt the ones we love: Predicting violence against women from men's mate retention. *Personal Relationships*, 12 (4), 447-463.
- Shaver, Ph., Hazan, C., & Bradshaw, D. (1988) Love as Attachment: The Integration of Three Behavioural Systems. In: R.Sternberg & M.Barnes (Eds.) *The Psychology of Love*. New Haven: Yale University Press, 68-99.
- Shulman, S., Ben-Artzi, E. (2003) Age-Related Differences in the Transition from Adolescence to Adulthood and Links with Family Relationships. *Journal of Adult Development*, Vol. 10 Issue 4, 217-226.
- Spielberger, C. D. (1979). Preliminary manual for the State-Trait Personality Inventory. *Unpublished manual*. University of South Florida, Tampa.

- Sprecher, S. (2002a) Sexual satisfaction in premarital relationships: Associations with satisfaction, love, commitment, and stability. *The Journal of Sex Research*, 3, 1-7.
- Sprecher, Susan. (2002b) Sexual Satisfaction in Premarital Relationships: Associations With Satisfaction, Love, Commitment, and Stability. *Journal of Sex Research*. Vol. 39 Issue 3, 190-196.
- Sternberg, R. J. (1988) Triangulating Love. In: R.Sternberg & M.Barnes (Eds.) *The Psychology of Love*. New Haven: Yale University Press, 119-138.
- Sternberg, R. J. (1997). Construct validation of a triangular love scale. *European Journal of Social Psychology*, 27(3), 313-335.
- Stulhofer A, Busko V, & Brouillard P. (2010) Development and bicultural validation of the new sexual satisfaction scale. *Journal of Sex Research*, 47(4), 257-68. doi: 10.1080/00224490903100561.
- Takahashi, H., Matsuura, M., Yahata, Noriaki; K., Michihiko; S. T., & Okubo, Y. (2006) Men and women show distinct brain activations during imagery of sexual and emotional infidelity. *NeuroImage*. Vol. 32 (3), 1299-1307. DOI: 10.1016/j.neuroimage.2006.05.049.
- Varga, Colleen, Gee, Christina, & Munro, Geoffrey (2011) The Effects of Sample Characteristics and Experience with Infidelity on Romantic Jealousy. *Sex Roles*. Vol. 65 Issue 11/12, p854-866. DOI: 10.1007/s11199-011-0048-8
- Ward, J. & Voracek, M. (2004) Evolutionary and social cognitive explanations of sex differences in romantic jealousy. *Australian Journal of Psychology*. Vol. 56 (3), 165-171.
- White, G. L. (1984) Comparison of four jealousy scales. *Journal of Research on Personality*, 18, 115-130.
- White, G. L. & Mullen, P.E. (1989) *Jealousy: Theory, research and clinical strategies*. New York: Guilford.
- Whitty, M.T. (2005). The realness of cyber cheating: Men's and women's representations of unfaithful internet relationships. *Social Science Computer Review*, 23, 57-67.
- Yarab, P. E., & Allgeier, E. R. (1999) Young adults' reactions of jealousy and perceived threat based on the characteristics of a hypothetical rival. *Journal of Sex Education and Therapy*. 24, 171-175.
- Young, K.S., Griffin-Shelley, E., Cooper, A., O'Mara, J., & Buchanan, J. (2000) Online infidelity: A new dimension in couple relationships with implications for evaluation and treatment. *Sexual Addiction and Compulsivity*, 7, 59-74.
- Zengel, Bettina; Edlund, John E.; Sagarin, Brad J. (2013). Sex differences in jealousy in response to infidelity: Evaluation of demographic moderators in a national random sample. *Personality & Individual Differences*. Vol. 54 Issue 1, 47-51. DOI: 10.1016/j.paid.2012.08.001.

Модели цифровой компетентности и деятельность российских подростков онлайн

Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила: 26 мая 2016/ Принята к публикации: 2 июня 2016

Models of digital competence and online activity of Russian adolescents

Galina U. Soldatova, Elena I. Rasskazova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

* Corresponding author E-mail: soldatova.galina@gmail.com

Received: May 26, 2016 / Accepted for publication: June 2, 2016

Представлена концепция цифровой компетентности, включающая четыре компонента (знания, умения, мотивация и ответственность), реализующихся в четырех сферах (контент, коммуникация, потребление и техносфера). Предлагается понятие модели цифровой компетентности как специфической системы представлений подростков о своих возможностях и желаниях в онлайн мире. Развитие этой системы опосредуется особенностями мотивации и деятельности онлайн, система регулирует как дальнейшую деятельность онлайн, так и дальнейшее развитие цифровой компетентности, она может быть реалистичной или «иллюзорной». На основе данных всероссийского исследования цифровой компетентности (1203 подростка 12–17 лет) методом латентных классов было выделено пять моделей цифровой компетентности, соответствующих ее низкому и среднему уровням при высокой и низкой мотивации, высокому специфическому (по компонентам умений и безопасности) и общему уровням. Показано, что более высокая оценка цифровой компетентности связана с возможностями более длительного и самостоятельного доступа в интернет, а также с историей его самостоятельного освоения. Иллюзия цифровой компетентности связана с широким, но поверхностным освоением деятельности онлайн. Мотивация развития цифровой компетентности связана с участием других людей в освоении интернета и признанием их роли, сравнением собственных умений и знаний с умениями и знаниями этих людей, а также с субъективно меньшим «цифровым разрывом» с родителями. Выдвигается предположение, что мотивационный компонент цифровой компетентности развивается в успешном взаимодействии с другими людьми по поводу интернета, при обучении у них и в сравнении с ними, если круг деятельности и интересов онлайн предполагает активность и требует развития новых умений. На основе анализа моделей цифровой компетентности выделяются начинающие, опытные и продвинутые пользователи, находящиеся в разных группах риска по возможности столкновения с контентными, коммуникационными, техническими и потребительскими онлайн-угрозами.

Ключевые слова: цифровая компетентность, пользовательская активность, деятельность онлайн, подростки, модели цифровой компетентности, иллюзия цифровой компетентности.

Having established the conception of digital competence consisting of four components (knowledge, skills, motivation and responsibility) implemented in four areas (content, communication, consumption, and the techno-sphere), we propose the idea of models of digital competence as a specific systems of adolescents' beliefs about their abilities and desires in the online world. These models (1) may be realistic or illusory, (2) their development is mediated by the motivation and online activity and (3) they regulate further online activities as well as the further development of digital competence. On the basis of nationwide study of digital competence (N=1203 Russian adolescents of 12-17 years) using latent class method we revealed 5 models of digital competence corresponding to its lowest level, the average level at high and low motivation, high specific (in the components of skill and safety) and high general level. It has been shown that higher appraisal of their digital competence is related to the opportunity of a more prolonged and self-service access to the Internet as well as the history of independent development of skills online. The illusion of digital competence is associated with a wide but shallow exploration activities online. Motivational component is related to the participation and recognition of the role of others in the development of digital competence, in comparison with others' online skills and knowledge, as well as subjectively lower «digital divide» with parents. We suggest that the motivational component of the digital competence is developed if adolescent has a successful interaction via Internet, learn from other people and also if the range of her activities and interests online activity involves and requires the development of new skills.

Based on digital competence model's analysis, we have figured out 3 main types of Internet-users: (1) beginners, (2) experienced users, (3) advanced users. All these types fall into different risk groups, determined by variable possibilities of facing content-, communication-, technical- and customers- online-threats.

Keywords: digital competence, online activities, adolescents, digital model of competence, the illusion of digital competence.

Представления об информационной или цифровой грамотности (Асмолов, Семенов, Уваров, 2010; Лау, 2006; Медиа- и информационная грамотность ..., 2013; Информационные и коммуникационные технологии ..., 2013; Медийно-информационная грамотность ..., 2014; Gilster, 1997; Martin, Madigan, 2006), цифровой компетентности (Структура ИКТ-компетентности ..., 2011, Pomäki, Lakkala, Kantosalo, 2011) и даже цифровом гражданстве (Mossberger, Tolbert, McNeal, 2008) все прочее входят в русло психологических исследований интернета. В своей концепции цифровой компетентности (ЦК) (Солдатова и др., 2013) мы предлагаем понимать ее как составляющую социальной компетентности, включающую четыре компонента (знания, умения, мотивация, ответственность и безопасность), реализующихся в четырех сферах (контент, коммуникация, потребление и техносфера). Эмпирическая проверка данной модели в рамках популяционного исследования российских подростков и их родителей подтверждает ее валидность и эвристичность, в том числе, в отношении понимания детско-родительского взаимодействия по поводу интернета и реакции на онлайн риски и угрозы. Полученные результаты позволили сформулировать ряд исследовательских вопросов, связанных с особенностями моделей цифровой компетентности.

Во-первых, общий уровень цифровой компетентности в России оказался низким – 31% от максимально возможного у родителей и 34% у подростков. При этом наиболее дефицитным оказалось мотивационное звено, что согласовалось с нашим представлением о его ключевой и системообразующей роли в развитии ЦК. Отмечался «разрыв» между относительно высокой общей мотивацией к освоению интернета и дефицитом конкретных намерений по улучшению своих знаний и навыков. Как следствие, на первый план выступил вопрос о том, как развивается конкретная мотивация. Мы предположили, что низкая конкретная

стает себя действительно компетентным и не видит необходимости учиться.

Во-вторых, такая неоднородность в структуре цифровой компетентности позволяет поставить вопрос: речь идет о единой ЦК у всех подростков или можно выделить ее отдельные специфические типы, характеризующиеся особым усредненным профилем? В данной работе центральным является понятие модели цифровой компетентности как специфической системы представлений подростков о своих возможностях и желаниях в онлайн мире. Акцентируя внимание на разделении различных моделей ЦК, их факторов и проявлений, это

Привыкнув осваивать интернет стихийно и самостоятельно, нередко поверхностно или по «проторенным дорожкам» своих интересов, сравнивая себя с также осваивающими интернет друзьями (а нередко родителями и учителями) и защищая свой мир от вмешательства родителей, подросток часто чувствует себя действительно компетентным и не видит необходимости учиться

мотивация объясняется узостью кругозора и особенностями социального сравнения. Так, привыкнув осваивать интернет стихийно и самостоятельно, нередко поверхностно или по «проторенным дорожкам» своих интересов, сравнивая себя с также осваивающими интернет друзьями (а нередко родителями и учителями) и защищая свой мир от вмешательства родителей, подросток часто чув-

понятие подчеркивает также субъективный статус компетентности при сохранении ее регуляторной функции. С одной стороны, представления подростка могут не совпадать с его объективными знаниями и умениями. С другой стороны, они – реалистичные или мнимые – выполняют регуляторную функцию в отношении деятельности подростка в интернете, именно от этих представлений зависит его активность, действия при столкновении с онлайн рисками, готовность обратиться за помощью и, в целом, дальнейшее развитие цифровой компетентности. Еще одно следствие такого понимания: так называемый «цифровой разрыв» (который, по нашим данным, свидетельствует не об «отставании» родителей от детей, а об отсутствии существенного опережения, и не позволяет им делиться опытом и критично обсуждать онлайн деятельность ребенка) может быть рассмотрен как разрыв субъективный. Имеют место представления подростка о том, что его знания и умения превышают родительские, или представления родителей о том, что подросток знает и может в интернете больше них.

В-третьих, полученные ранее данные позволили сформулировать гипотезу об «иллюзорной компетентности» –

Галина Уртанбековна Солдатова – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заместитель заведующего кафедрой психологии личности
E-mail: soldatova.galina@gmail.com

Елена Игоревна Рассказова – кандидат психологических наук, доцент кафедры нейробиологии и патопсихологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: kmp@psy.msu.ru

Можно предполагать, что частая и разнообразная поверхностная активность в интернете создает у подростка ложное ощущение, что он может и знает «все». И эта иллюзия, включенная в его модель цифровой компетентности и, возможно, подкрепленная субъективным «цифровым разрывом»: представлениями о том, что он знает и умеет больше, чем взрослые, и не меньше, чем друзья, регулирует его дальнейшую деятельность онлайн

чрезмерной уверенности в себе и заведомо рискованных действиях, на ней основанных. Например, обнаружилось, что подростки с высоким уровнем цифровой компетентности, по сравнению с подростками с низким уровнем ЦК, чаще готовы лично встретиться с онлайн знакомыми, никому об этом не сообщая или сообщая лишь близким друзьям. Ранее мы предполагали, что феномен иллюзорной компетентности особенно ярко проявляется в неоднозначных социальных ситуациях, например, решение встретиться с онлайн знакомым может привести к негативным последствиям, а может и нет, и у подростка есть ощущение, что он точно различает эти ситуации. В данной работе иллюзорная компетентность рассматривается как общее понятие, тесно связанное с субъективностью моделей цифровой компетентности. Одной из причин иллюзии цифровой компетентности может быть разрыв между знаниями и информацией (How technologies ..., 2009), характерный для цифрового мира – информация и ее доступность подменяет переработку и усвоение опыта. Предлагается даже метафора «многооконности» – поддержание большого количества «открытых окон» при поверхностном использовании каждого и быстром переключении между ними характеризует мир интернет-пользователя. В качестве дополнения этой картины, по некоторым данным, подростки не видят разницы между онлайн и непосредственным межличностным общением, а по некоторым параметрам (например, для извинения) онлайн общение становится предпочтительным (Madell, Muncher, 2004). В целом, можно предполагать, что частая и разнообразная поверхностная активность в интернете создает у подростка ложное ощущение, что он может и знает «все». И эта иллюзия, включенная в его модель цифровой компетентности и, возможно, подкрепленная субъективным «цифровым разрывом»: представ-

лениями о том, что он знает и умеет больше, чем взрослые, и не меньше, чем друзья, регулирует его дальнейшую деятельность онлайн.

Цель данной работы – выявление моделей цифровой компетентности российских подростков, их связи с особенностями пользовательской активности, широтой и содержанием деятельности онлайн, а также оценками онлайн деятельности и умений родителей. Выдвигались следующие гипотезы:

1. Можно выделить несколько моделей цифровой компетентности, характерных для российских подростков. В частности, мы предполагали, что можно выявить группы подростков с высокой и низкой мотивацией к развитию ЦК при одинаковом среднем уровне других компонентов цифровой компетентности, а также группы подростков со специфическим и общим высоким уровнем ЦК (по некоторым или по всем сферам и компонентам, соответственно). В ряде случаев высокий уровень цифровой компетентности может свидетельствовать о наличии феномена иллюзорной компетентности.
2. Более высокая оценка своей цифровой компетентности у детей связана с большей пользовательской активностью, опытом самостоятельного освоения и самостоятельного (неконтролируемого) доступа в интернет и более широким кругом деятельности там, а также субъективным «цифровым разрывом» – высокой оценкой своих пользовательских умений, по сравнению с умениями родителей. При этом чрезмерно широкий круг деятельности онлайн может быть признаком иллюзорной ЦК («многооконности» вместо действительного освоения этой деятельности), а чрезмерно узкий круг – признаком ее дефицита.
3. Для подростков с относительно высокой мотивацией развития ЦК характерно большее признание участия

других людей в освоении интернета, а также меньший субъективный «цифровой разрыв» с родителями.

Процедура и методы исследования

В работе использовались данные исследования, проводившегося в 2013 г. Фондом развития интернет и факультетом психологии МГУ имени М.В. Ломоносова при поддержке Google (Солдатова и др, 2013; Солдатова, Рассказова, 2014; Soldatova & Rasskazova, 2014).

Опрос проводился Аналитическим центром Юрия Левады (Левада-Центром) по многоступенчатому стратифицированному репрезентативным выборкам подростков в возрасте 12–17 лет и родителей, имеющих детей 12–17-летнего возраста, проживающих в городах России с населением от 100 тысяч человек и более. Для проведения исследования было отобрано 58 городов из 45 регионов всех 8 федеральных округов России. Выборки подростков и родителей подростков были распределены между отобранными городами пропорционально численности проживающего в них населения.

Всего было опрошено 1203 подростка: 300 мальчиков в возрасте 12–14 лет, 296 девочек в возрасте 12–14 лет, 304 юноши в возрасте 15–17 лет, 303 девушки в возрасте 15–17 лет.

В соответствии с целями данной работы использовались результаты следующих методик:

1. Методика индекса цифровой компетентности представляет собой опросниковый инструмент, позволяющий оценить уровень знаний (10 пунктов), умений (25 пунктов), мотивации (10 пунктов) и ответственности (11 пунктов) в четырех сферах (работа с контентом, коммуникация, техносфера и потребление). По результатам апробации (Солдатова и др, 2013) были продемонстрированы достаточные надежность-согласованность, факторная и критериальная валидность (соответствие ответам на тестовые задания) методики. В данной работе показатели по 16 субшкалам методики (5 компонентов в четырех сферах) ис-

пользовались для выявления моделей цифровой компетентности. Кроме того, дополнительно подростков просили оценить онлайн умения их родителей – по тем же 25 пунктам шкалы умений (альфа Кронбаха для оценок своих умений составила 0,86, для оценок умений родителей – 0,90)

2. Особенности пользовательской активности оценивались при помощи четырех вопросов: «Как часто Вы пользуетесь интернетом за последние 12 месяцев?» – с оценкой по шкале Лайкерта от 1 до 5 баллов, «Сколько времени, в среднем, ты проводишь в интернете в будний день?», «Сколько времени, в среднем, ты проводишь в интернете в выходные дни?» – с оценкой по шкале Лайкерта от 1 до 6 баллов и «Насколько уверенным пользователем интернета ты себя считаешь?» – с оценкой по шкале Лайкерта от 1 до 4 баллов. Баллы по двум вопросам длительности пользования интернетом в будни и выходные дни усреднялись (альфа Кронбаха 0,82).
3. Для оценки источников знаний об интернете респондентов спрашивали: «Как Вы научились пользоваться интернетом?». Им предлагалось выбрать все подходящие варианты из списка: «самостоятельно», «в школе – научили учителя», «научили друзья», «научили братья/сестры», «научили мои родители», «на специальных курсах». Кроме того, в бланке были варианты «другое» и «затрудняюсь ответить».
4. Деятельность подростков онлайн и их представления о деятельности их родителей онлайн оценивались при помощи вопросов: «Что ты чаще всего делаешь, чем занимаешься в интернете? Выбери три варианта» и «Что твои родители чаще всего делают, чем занимаются в интернете? Выбери три варианта». Список вариантов включал 15 различных пунктов. Например, «поиск разнообразной интересной информации, фото, видео, музыки, новостей и пр.» (см. табл. 3). Лишь 70,8% подростков дали ровно три от-

вета о себе и лишь 38,0% – о родителях, общее количество ответов варьировало в обоих случаях от 0 до 14.

5. Для оценки иллюзии цифровой компетентности методика была дополнена тестовыми заданиями. В данном исследовании использовались три из них, представляющие описания типичных онлайн ситуаций (например, «Тебе пришло сообщение о том, что ты выиграл(а) неделю проживания в пятизвездочном отеле на курорте. Для получения приза тебя просят немедленно оплатить билеты. Для этого нужно прислать номер банковской карты. Что ты скорее всего сделаешь в данном случае?»). В качестве ошибочных мы использовали только ответы, сопряженные с очевидным незнанием или нарушением безопасности в интернете (например, ответ «Напишу в компанию, от которой пришло письмо» не рассматривался как ошибочный). Наличие хотя бы одной ошибки расценивалось как недостаточная ЦК.

Обработка данных проводилась в программах SPSS Statistics 22.0 и Mplus 7.

Результаты

Модели цифровой компетентности: выявление латентных классов

С целью выявления групп подростков с разной структурой цифровой компетентности мы использовали метод латентных классов. В отличие от кластерного анализа, в котором респонденты классифицируются на основе «близости» их показателей (расстояний), метод латентных классов предполагает, что связи между ответами людей на разные пункты объясняются неоднородностью выборки: респонденты представляют несколько разных однородных групп, для каждой из которых характерен свой паттерн ответов (Geiser, 2013). Метод относится к смешанным моделям (mixture models) и направлен на выявление категориальной латентной переменной – классов (подгрупп) респон-

дентов – которая могла бы объяснить неоднородные паттерны ответов принадлежностью респондентов к разным однородным подгруппам. Иными словами, мы предполагали, что существует несколько характерных профилей компонентов цифровой компетентности в разных сферах. В таблице 1 представлены результаты сравнения показателей моделей с разным числом классов¹.

- Во всех моделях качество классификации по показателю энтропии достаточно хорошее: средняя вероятность того, что испытуемые относятся к «своим» классам составляет 0,85-0,99, что к другим классам – <0,10.
- Все информационные критерии снижаются с увеличением числа классов – иными словами, если ориентироваться исключительно на них, предпочтение должно быть отдано последней модели с шестью классами.
- Согласно абсолютному и относительному показателям теста соотношения вероятностей, LRT модель с тремя классами должна быть признана лучше описывающей данные, по сравнению с моделями с одним и двумя классами. Модели с четырьмя, пятью и шестью классами по этим критериям не превосходят значимо модель с тремя классами и друг друга. Однако, расчет LRT методом бутстрепа свидетельствует о превосходстве модели с большим числом классов, по сравнению с моделями с меньшим числом классов ($p < 0,0001$). Следует, однако, отметить, что результаты бутстрепа при сравнении модели с шестью классами и модели с пятью классами менее надежны.

Поскольку средние профили при выделении трех классов соответствовали лишь низкому, среднему и высокому уровню цифровой компетентности (т.е. описывали ее выраженность, а не содержательные типы или модели), а также, учитывая общую рекомендацию учета результатов бутстрепа, мы выбирали далее между пятью и шестью классами (Geiser, 2013). Помимо того, что ре-

¹ Модель, включающая семь классов, не рассматривалась, поскольку логарифмированная вероятность для нее не воспроизводилась при разных стартовых показателях, что позволяет подозревать, что это значение локальное и результатам доверять нельзя (Geiser, 2013), а в 28 случаях из 50 модель не сошлась. В моделях с 2–6 классами лучший показатель логарифмической вероятности (Loglikelihood) воспроизводился при нескольких стартовых показателях модели. По мере нарастания числа классов, эта воспроизводимость снижалась: если для двух классов все 50 стартовых показателей привели к одинаковой оценке лучшей логарифмической вероятности, то для шести классов – лишь 3 из 50.

Табл. 1. Сравнение показателей абсолютного и относительного соответствия моделей с разным числом классов.

Показатели	2 класса	3 класса	4 класса	5 классов	6 классов
LogLikelihood	-1749,87	-1156,55	-900,15	-755,91	-565,37
Информационные критерии					
AIC (Akaike information criteria)	3597,74	2445,10	1966,30	1711,83	1364,74
BIC (Bayesian information criteria)	3847,27	2781,21	2388,98	2221,09	1960,58
BIC с учетом размера выборки (sample-size adjusted BIC)	3691,63	2571,57	2125,34	1903,45	1588,94
Энтропия	0,90	0,91	0,85	0,88	0,84
Тест соотношения вероятностей (LRT) Вуонга-Ло-Менделла-Рубина					
Удвоенная разность логарифмических вероятностей (2 Times the LogLikelihood Difference)	3860,97	1186,64	512,80	288,47	381,08
Среднее (ст. откл.)	117,63 (181,36)	82,15 (290,66)	163,65 (298,81)	117,31 (313,63)	89,30 (473,05)
Уровень значимости	0,00	0,01	0,12	0,29	0,27
Относительный LRT тест Ло-Менделла-Рубина					
Значение теста	3829,21	1176,88	508,59	286,10	377,95
Уровень значимости	0,00	0,01	0,12	0,30	0,27
Параметрический LRT тест, полученный методом бутстрэпа (число извлечений – 500)					
Удвоенная разность логарифмических вероятностей	3860,97	1186,64	512,80	288,47	381,08
Уровень значимости	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00

Table 1. Comparison of absolute and relative conformities figured out among models with diverse number of student groups.

Parameter	2 groups	3 groups	4 groups	5 groups	6 groups
LogLikelihood	-1749,87	-1156,55	-900,15	-755,91	-565,37
Informational criteria					
AIC (Akaike information criteria)	3597,74	2445,10	1966,30	1711,83	1364,74
BIC (Bayesian information criteria)	3847,27	2781,21	2388,98	2221,09	1960,58
Sample-size adjusted BIC	3691,63	2571,57	2125,34	1903,45	1588,94
Entropy	0,90	0,91	0,85	0,88	0,84
Vuong-Lo-Mendell-Rubin Likelihood ratio test (LRT)					
Double LogLikelihood Difference	3860,97	1186,64	512,80	288,47	381,08
Medium (stand. dev.)	117,63 (181,36)	82,15 (290,66)	163,65 (298,81)	117,31 (313,63)	89,30 (473,05)
Significance level	0,00	0,01	0,12	0,29	0,27
Relative Lo-Mendell-Rubin LRT test					
Test results	3829,21	1176,88	508,59	286,10	377,95
Significance level	0,00	0,01	0,12	0,30	0,27
Parametric LRT test, based on bootstrap (500 resamples)					
Double difference of LogLikelihood	3860,97	1186,64	512,80	288,47	381,08
Significance level	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00

шение с шестью классами было труднее воспроизвести, две из шести групп при таком решении были малы, по сравнению с общей выборкой (39 и 50 человек), что не только затрудняло дальнейший статистический анализ, но и ставило вопрос об их практической значимости (Henson, 2006) – не отражали ли они скорее отдельные исключения, нежели систематические закономерности?

Лишь при выделении пяти классов была выявлена специфическая группа подростков со средним уровнем цифровой компетентности, но с высоким уровнем мотивации, представлявшая для нас особый теоретический интерес (Солдатова и др., 2013). Опираясь на эти содержательные и практические основания, мы сделали выбор в пользу решения с пятью классами. Средняя вероятность

правильной классификации испытуемых в «свои» классы при такой модели составляет 0,86–0,96, а вероятность их принадлежности к какому-либо другому классу ниже 0,06. На рисунке 1 показаны средние профили 5 групп подростков с разной структурой цифровой компетентности: в первую (74 человек, 6,1%) и третью группы (374 человека, 31,1%) вошли подростки со средним уровнем зна-

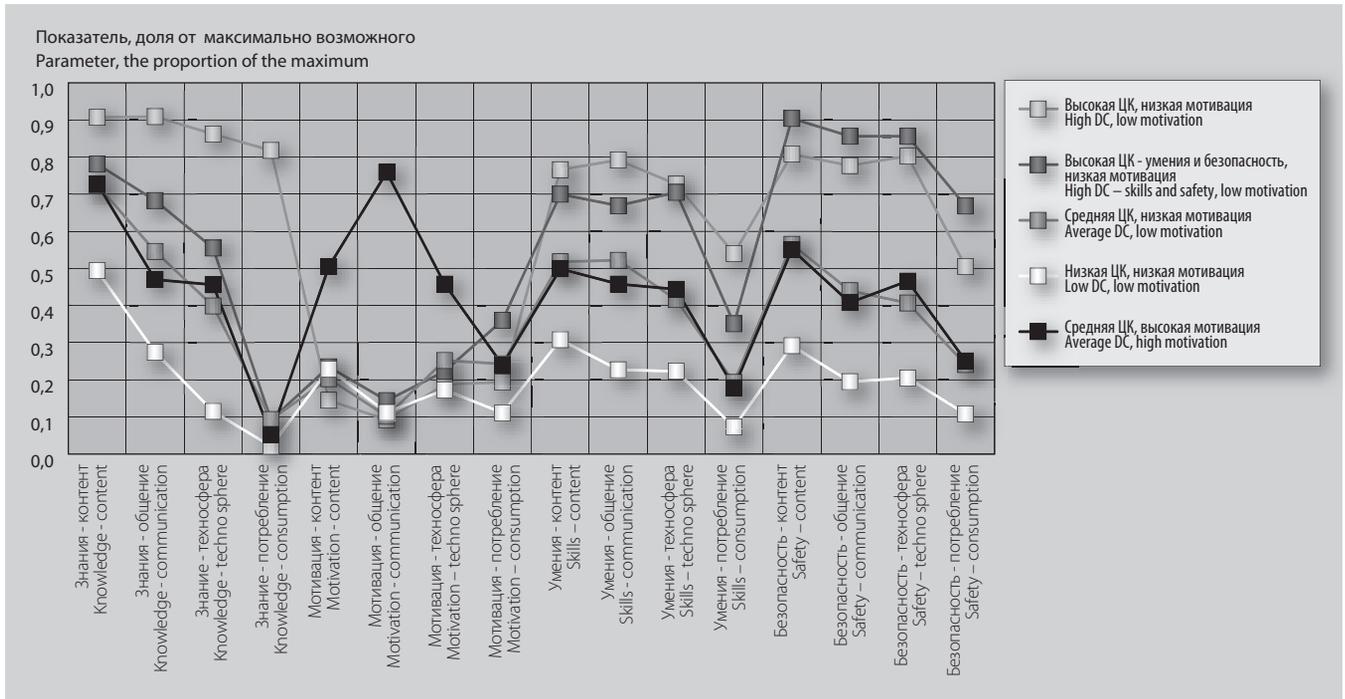

Рис. 1. Средний профиль цифровой компетентности в 5 группах подростков.

Figure 1. An average digital competence profile in 5 groups of adolescents.

ний, умений и возможностей обеспечения безопасности в большинстве сфер, кроме сферы потребления. Кроме того, для этих подростков характерен довольно высокий уровень знаний в сфере контента. Разница между этими двумя группами (по *post hoc* попарным сравнениям по критерию Шеффе) в уровне мотивации: подростки первой группы хотят улучшить свои знания, особенно в сфере онлайн общения, а подростки более многочисленной третьей группы – нет. Вторая группа состоит из подростков с общим низким уровнем цифровой компетентности на фоне среднего уровня знаний в сфере контента (560 человек, 46,6%). Респонденты четвертой (103 человека, 8,6%) и пятой групп (92 человека, 7,6%) характеризуются высоким уровнем цифровой компетентности, однако, в четвертой группе эта компетентность специфическая и касается умений и безопасности, а в пятой группе она носит общий характер.

Модели цифровой компетентности различаются в зависимости от пола и возрастной группы подростков ($\chi^2=65,73$, $p<0,01$), хотя величина

на статистического эффекта небольшая (Contingency Coefficient $CC=0,23$). В целом, старшие подростки 15–17 лет чаще оценивают высоко либо свои умения и возможности обеспечивать безопасность онлайн (группа 4), либо еще и знания (группа 5), по сравнению с младшими подростками, этот эффект небольшой, но одинаково характерен как для мальчиков, так и для девочек ($CC=0,21$ и $CC=0,20$ соответственно). Среди старших подростков мальчики несколько чаще считают себя более компетентными, чем девочки ($CC=0,08$ у подростков 12–14 лет и $CC=0,13$ у подростков 15–17 лет).

Особенности пользовательской активности при разных моделях цифровой компетентности

Уровень цифровой компетентности и уверенность в себе, как пользователи, линейно нарастают при увеличении времени, проводимом в интернете. Подростки с низкой компетентностью меньше всего находятся онлайн и наименее уверены в себе как пользователи с высокой – дольше бывают онлайн и

более уверены, тогда как подростки со средней компетентностью (как мотивированные, так и немотивированные) занимают между ними промежуточное положение ($F=13,77$, $p<0,01$, $\eta^2=0,21$ и $F=22,52$, $p<0,01$, $\eta^2=0,27$ соответственно)². В отношении частоты пользования интернетом этот эффект значительно ниже ($F=5,56$, $p<0,01$, $\eta^2=0,14$), он указывает на то, что эти группы практически не различаются. Дело в том, что абсолютное большинство подростков с любыми моделями цифровой компетентности (83,6%–97,8%) пользуется интернетом каждый или почти каждый день.

Модели цифровой компетентности, деятельность онлайн и оценка родительской деятельности онлайн

Подростки с более высоким уровнем цифровой компетентности отмечают не только больше умений, но и больший круг деятельностей – того, что они чаще всего делают в интернете (см. табл. 2). Однако, оценивая своих родителей, максимально широкий круг их онлайн деятельности и умений отмечают мотивированные подростки со средним уровнем цифро-

² Здесь и далее, следуя рекомендациям (Кричевец и соавт., 2013), результаты параметрической обработки проверялись непараметрическими методами (а при анализе отдельных пунктов для выявления возможных нелинейных связей – также критерием χ^2 .) Поскольку результаты были согласованы, ниже представлены только параметрические показатели.

Табл. 2. Среднее количество онлайн деятельности и умений подростков и их родителей (по оценке подростков).

Модели цифровой компетентности	Онлайн деятельности – подросток	Онлайн умения – подросток	Онлайн деятельности – родители	Онлайн умения – родители
Средняя ЦК, мотивированные	3,36	10,07 a	2,77 a	7,72 a
Низкая ЦК, не мотивированные	2,90 a,b	5,19 a,b	1,63 a,b,c	3,19 a,b,c
Средняя ЦК, не мотивированные	3,66 a	10,60 b	1,99 a	5,24 a,b
Высокая специфическая ЦК – навыки и безопасность	3,77 b	15,47 a,b	2,29 b	6,80 c
Высокая общая ЦК	3,99	17,77 a,b	2,25 c	7,43 b
Критерий Фишера F	19,75***	640,09***	15,42***	34,31***
Величина статистического эффекта eta	0,25	0,83	0,22	0,32

Примечания. *** - $p < 0,001$. a,b,c – Показатели групп с одинаковыми буквами попарно различаются по данному показателю при post hoc сравнении по критерию Шеффе $p < 0,05$.

Table 2. Average amount of online activity and applicable skills of adolescents and their parents (as viewed by adolescents).

Digital competence models	Online activity – adolescents	Online skill – adolescents	Online activity - parents	Online skills - parents
Average DC, high motivation	3,36	10,07 a	2,77 a	7,72 a
Low DC, low motivation	2,90 a,b	5,19 a,b	1,63 a,b,c	3,19 a,b,c
Average DC, low motivation	3,66 a	10,60 b	1,99 a	5,24 a,b
High specific DC – skills and safety, low motivation	3,77 b	15,47 a,b	2,29 b	6,80 c
High common DC	3,99	17,77 a,b	2,25 c	7,43 b
F-test	19,75***	640,09***	15,42***	34,31***
Static eta effect	0,25	0,83	0,22	0,32

Note. *** - $p < 0,001$. a,b,c – Groups with the same letters differ pairwise if taken under post hoc analysis by Scheffe's method with $p < 0,05$.

вой компетентности. Заметим также, что во всех группах подростки считают, что их деятельность в интернете более разнообразна, а умения больше, чем у родителей (по результатам ANOVA с повторными измерениями, $F=321,27$, $p < 0,01$, $\eta^2=0,46$ и $F=777,76$, $p < 0,01$, $\eta^2=0,63$ соответственно). Кроме того, подростки с разными моделями цифровой компетентности по-разному оценивают круг деятельности и умений, применительно к себе и по отношению к родителям (эффект взаимодействия группы и оценки – $F=6,59$, $p < 0,01$, $\eta^2=0,15$ и $F=81,38$, $p < 0,01$, $\eta^2=0,46$ соответственно). В группе мотивированных подростков со средней цифровой компетентностью «разрыв» между оценками своего и родительского круга активности и умений минимален. В группе с низким уровнем ЦК «разрыв» между оценками своих и родительских умений (но не активности) также мал, однако, этот эффект объясняется тем, что обе их оценки низки.

В целом подростки в интернете часто ищут интересную информацию или информацию по учебе, общаются и ищут новых друзей, а также играют в онлайн игры. Однако в онлайн деятельности под-

ростков с разными моделями цифровой компетентности есть и различия, хотя величина статистического эффекта во всех случаях низкая (см. табл. 3).

Цифровая компетентность как реальность и как иллюзия

Выделяя разные модели цифровой компетентности, мы предполагали, что они могут быть более или менее реалистичными. Как проверка валидности индекса ЦК (Солдатова и др., 2013), так и результат – подростки с более высокой ЦК чаще создают и размещают свой контент, создают сайты и пишут программы – свидетельствуют в пользу того, что, по крайней мере, в части случаев оценка ЦК реалистична. Однако сравнение подростков, имеющих разные модели цифровой компетентности, по такому параметру, как совершение грубых ошибок при ответе на тестовые задания, обнаруживает и обратную сторону медали. Хотя в целом подростки с более высокой оценкой своей ЦК ошибаются реже ($\chi^2=33,19$, $p < 0,01$, $CC=0,16$), даже в группах с высокой спе-

цифической и общей ЦК каждый второй подросток совершает хотя бы одну ошибку (57,3% и 60,9% соответственно).

Более того, количество деятельности онлайн не только различается у подростков с разными моделями цифровой компетентности, но и это различие зависит от ответов на тестовые задания (эффект взаимодействия группы и ошибки в тестовых заданиях, $F=3,56$, $p < 0,01$, $\eta^2=0,11$, см. рис. 2). Если при низкой общей ЦК правильно и неправильно отвечающие подростки отмечают одинаково узкий круг активности онлайн, то при средней и высокой специфической ЦК правильно решающие подростки вовлечены в более широкий круг онлайн активности. Причем, это различие максимально для мотивированных подростков со средней цифровой компетентностью.

Обсуждение результатов

В соответствии с нашей гипотезой метод латентных классов позволил выделить пять моделей цифровой компетентности. Две наиболее многочисленные группы со-

Табл. 3. Особенности деятельности онлайн у подростков с разными моделями цифровой компетентности.

Деятельность в интернете	Средняя ЦК, мотивированные	Низкая ЦК, не мотивированные	Средняя ЦК, не мотивированные	Высокая специфическая ЦК - навыки и безопасность	Высокая общая ЦК	Критерий Хи-квадрат Пирсона	Величина статистического эффекта СС
Поиск разнообразной интересной информации	62 (83,8%)	402 (71,8%)	293 (78,3%)	85 (82,5%)	68 (73,9%)	11,46*	0,10
Чтение новостных лент	11 (14,9%)	135 (24,1%)	117 (31,3%)	27 (26,2%)	32 (34,8%)	14,29**	0,11
Поиск новых друзей в социальных сетях	30 (40,5%)	238 (42,5%)	157 (42,0%)	31 (30,1%)	30 (32,6%)	8,27	0,08
Общение в интернете всеми возможными способами	28 (37,8%)	192 (34,3%)	182 (48,7%)	47 (45,6%)	48 (52,2%)	25,38**	0,14
Скачивание бесплатно всего, что можно скачать	25 (33,8%)	101 (18,0%)	103 (27,5%)	36 (35,0%)	29 (31,5%)	26,54**	0,15
Критика, споры, издевательства в комментариях	2 (2,7%)	13 (2,3%)	19 (5,1%)	9 (8,7%)	12 (13,0%)	26,55**	0,15
Поиск информации для учебы (работы)	37 (50,0%)	264 (47,1%)	191 (51,1%)	52 (50,5%)	48 (52,2%)	1,88	0,04
Пользование образовательными порталами, онлайн курсами	5 (6,8%)	25 (4,5%)	34 (9,1%)	9 (8,7%)	15 (16,3%)	19,76**	0,13
Создание сайтов, программ, приложений	2 (2,7%)	13 (2,3%)	25 (6,7%)	4 (3,9%)	13 (14,1%)	29,21**	0,15
Поиск возможности заработать	1 (1,4%)	7 (1,3%)	12 (3,2%)	6 (5,8%)	7 (7,6%)	17,35**	0,12
Онлайн игры и мобильные игры	27 (36,5%)	159 (28,4%)	121 (32,4%)	47 (45,6%)	39 (42,4%)	16,98**	0,12
Общение с другими людьми в онлайн играх	11 (14,9%)	57 (10,2%)	61 (16,3%)	22 (21,4%)	15 (16,3%)	13,66**	0,11
Поиск информации о новинках в интернет-магазинах	3 (4,1%)	10 (1,8%)	19 (5,1%)	6 (5,8%)	10 (10,9%)	20,54**	0,13
Заказ и покупки разных товаров	3 (4,1%)	9 (1,6%)	23 (6,1%)	5 (4,9%)	5 (5,4%)	14,22**	0,11
Создание и размещение своего контента	5 (6,8%)	7 (1,3%)	31 (8,3%)	8 (7,8%)	6 (6,5%)	28,95**	0,15

Примечания. * - $p < 0,05$, ** - $p < 0,01$.

Table 3. Peculiarities of online-activity among adolescents with different DC models.

Internet activity	Average DC, motivated	Low DC, not motivated	Average DC, not motivated	High specific DC - skills and safety	High common DC	A chi-squared test	Static effect
Searching for various interesting information	62 (83,8%)	402 (71,8%)	293 (78,3%)	85 (82,5%)	68 (73,9%)	11,46*	0,10
Reading news	11 (14,9%)	135 (24,1%)	117 (31,3%)	27 (26,2%)	32 (34,8%)	14,29**	0,11
Looking for new friends in social networks	30 (40,5%)	238 (42,5%)	157 (42,0%)	31 (30,1%)	30 (32,6%)	8,27	0,08
Various types of online communication	28 (37,8%)	192 (34,3%)	182 (48,7%)	47 (45,6%)	48 (52,2%)	25,38**	0,14
Free-of-charge downloads	25 (33,8%)	101 (18,0%)	103 (27,5%)	36 (35,0%)	29 (31,5%)	26,54**	0,15
Critics, quarrels, trolling	2 (2,7%)	13 (2,3%)	19 (5,1%)	9 (8,7%)	12 (13,0%)	26,55**	0,15
Looking for data needed for studies/job	37 (50,0%)	264 (47,1%)	191 (51,1%)	52 (50,5%)	48 (52,2%)	1,88	0,04
Visiting educational websites, watching online-courses	5 (6,8%)	25 (4,5%)	34 (9,1%)	9 (8,7%)	15 (16,3%)	19,76**	0,13
Programming	2 (2,7%)	13 (2,3%)	25 (6,7%)	4 (3,9%)	13 (14,1%)	29,21**	0,15
Looking for part time job	1 (1,4%)	7 (1,3%)	12 (3,2%)	6 (5,8%)	7 (7,6%)	17,35**	0,12
Online and mobile games	27 (36,5%)	159 (28,4%)	121 (32,4%)	47 (45,6%)	39 (42,4%)	16,98**	0,12
Chatting with other online gamers while playing	11 (14,9%)	57 (10,2%)	61 (16,3%)	22 (21,4%)	15 (16,3%)	13,66**	0,11
Looking for new arrivals in online-shops	3 (4,1%)	10 (1,8%)	19 (5,1%)	6 (5,8%)	10 (10,9%)	20,54**	0,13
Online-purchases	3 (4,1%)	9 (1,6%)	23 (6,1%)	5 (4,9%)	5 (5,4%)	14,22**	0,11
Creating and uploading new content	5 (6,8%)	7 (1,3%)	31 (8,3%)	8 (7,8%)	6 (6,5%)	28,95**	0,15

Notes. * - $p < 0,05$, ** - $p < 0,01$.

ставили подростки с низким или средним уровнями цифровой компетентности по всем компонентам, но с низкой мотивацией улучшения ЦК (группы 2 и 3). К трем другим группам относятся подростки, высоко оценивающие свои онлайн навыки, особенно по обеспечению безопасности (группа 4), подростки, высоко оценивающие свою компетентность в целом (группа 5) и подростки со средним уровнем ЦК,

но высокой мотивацией к улучшению своей компетентности, которой не наблюдалось ни в одной другой группе.

Модели цифровой компетентности, пользовательская активность и деятельность онлайн

Модели цифровой компетентности связаны с формальными особенностями пользовательской активности и спо-

собами освоения интернета, хотя связи эти довольно слабые. Подростки с более высоким уровнем цифровой компетентности отмечают больший круг деятельностей, которые «чаще всего» выполняют онлайн. Напротив, при низком уровне цифровой компетентности подросткам трудно выбрать даже те три дела онлайн, которые обозначены как минимум в инструкции.

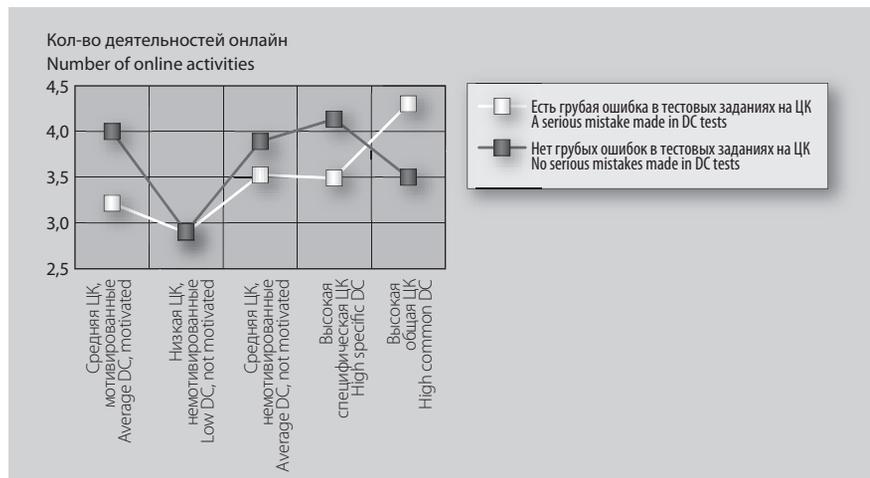

Рис. 2. Среднее количество деятельностей онлайн при разных моделях цифровой компетентности у подростков, совершающих и не совершающих грубые ошибки в тестовых заданиях.

Figure 2. Average number of online activities among adolescents with different DC models, making and not making serious grammar mistakes while being tested.

Феномен иллюзорной цифровой компетентности в контексте взаимодействия между поколениями

Более половины подростков, оценивших свою компетентность высоко (57,3% в группе 4 и 60,9% в группе 5), тем не менее, совершают как минимум одну грубую ошибку при ответе на три тестовых задания. Более широкий круг деятельности выступает в этом случае как основание для субъективного переживания компетентности, тогда как в реальности содержание этой деятельности может

«окнами» в поисках интересного. Особенно это характерно для подростков с общей высокой оценкой своей ЦК. Те из них, кто делал грубые ошибки в тестовых заданиях (т.е. чья ЦК была иллюзорным представлением), отмечали больше видов деятельности в интернете, тогда как при специфической высокой и средней ЦК широкий круг деятельности был сопряжен с правильным решением задач. Можно предположить, что разнообразие онлайн деятельности способствовало действительной компетентности даже при невысокой ее оценке.

В пользу гипотезы о том, что дефицит мотивации развития ЦК объясняется узостью круга онлайн деятельности и субъективным «цифровым разрывом», говорит тот факт, что немногие мотивированные подростки чаще обращались к разным источникам информации при освоении интернета, особенно, к помощи друзей, братьев/сестер, учителей, и чаще были готовы пользоваться общественными компьютерами

быть поверхностным и ограниченным. Это результат, созвучный тезису о предпочтении подростками в цифровом мире информации как доступных сведений, в противовес знаниям как переработанному и критически оцененному опыту (How technologies ..., 2009). Немаловажно, что мы спрашивали, что подростки делают онлайн чаще всего, и выбор большого количества пунктов («все подряд») может свидетельствовать не столько о содержательном разнообразии деятельности, сколько о трудности в выборе главного, ситуативном переключении между

В этом контексте интересно, что ошибки в ответах на тестовые задания, одинаково часты в обеих возрастных группах, но старшие подростки оценивают свою цифровую компетентность выше, чем младшие. Хотя эта «аккумуляция иллюзии с возрастом» может быть следствием большего и бесконтрольного пользования интернетом в старшем подростковом возрасте, она может объясняться и особенностями поколений (в смысле освоения интернета) и межпоколенческих взаимодействий. По нашим данным, современные старшие подрост-

ки действительно чаще осваивали интернет сами и бесконтрольно, а их родители нередко чувствовали себя менее компетентными и скорее учениками, чем учителями (Солдатова, Рассказова, 2014а; Солдатова, Рассказова, 2015). При этом интернет субъективно становился для старших подростков тем местом, где они чувствуют себя свободными и куда не хотят допускать родителей. Наоборот, в освоении интернета современными младшими подростками появляются постфигуративные элементы – в нем чаще участвуют другие люди, особенно родители, сами подростки больше замечают и ценят их участие.

Источники и роль мотивации в структуре цифровой компетентности

В пользу гипотезы о том, что дефицит мотивации развития ЦК объясняется узостью круга онлайн деятельности и субъективным «цифровым разрывом», говорит тот факт, что немногие мотивированные подростки чаще обращались к разным источникам информации при освоении интернета, особенно, к помощи друзей, братьев/сестер, учителей, и чаще были готовы пользоваться общественными компьютерами. Иными словами, деятельность по освоению интернета является для них разделенной с другими людьми и происходит в непосредственном межличностном общении (по крайней мере, часть которого оффлайн).

Далее, мотивированные подростки, по сравнению с подростками из других групп, выше оценивают онлайн умения своих родителей и считают более широким круг их онлайн деятельности, а «разрыв» между оценкой себя и родителей в этой группе минимален. Можно предварительно предполагать, что мотивационный компонент цифровой компетентности развивается в системе взаимодействия подростка и родителей (а также друзей и близких) по поводу интернета.

Кроме того, виды онлайн деятельности различаются по тому, какие уровни активности, заинтересованности и цифровой компетентности необходимы для их осуществления. Так, поиск интересной информации (и ее отбор), скачивание, создание своего контента и программ –

это более активные и неоднозначные занятия, нежели чтение новостных лент. В этом смысле закономерно, что мотивация к улучшению ЦК высока у тех, кто больше интересуется поиском информации и ее скачиванием и реже – чтением новостей. Интересно, что именно в группе мотивированных подростков различие по количеству деятельностей в интернете между решающими и нерешающими задание ребятами максимально. Хотя этот результат должен быть проверен в дальнейшем, он согласуется с предположением, что именно мотивация и круг видов деятельности являются условиями развития ЦК. Широкий круг активных и требующих освоения новых видов деятельности создает предпосылки для развития знаний и навыков, а конкретная (в отличие от общей) мотивация способствует тому, что подросток замечает, критически оценивает и усваивает полученный опыт.

На основе анализа моделей ЦК выделяются группы подростков, которые попадают в разные группы риска по возможности столкновения с онлайн-угрозами. Первая группа (практически каждый второй опрошенный подросток) – начинающие пользователи (низкий уровень ЦК, низкая пользовательская активность, самостоятельно научились пользоваться, не мотивированы на повышение ЦК) – находятся в зоне риска по столкновению со всеми онлайн-угрозами (контентными, коммуникационными, техническими и потребительскими). Вторая группа (примерно каждый третий опрошенный) – опытные пользователи (средний уровень ЦК, с повышенным уровнем компетенций в сфере контента, в основном, не мотивированные на повышение ЦК, чаще использующие общие компьютеры, повы-

шающие уровень ЦК вместе с сестрами/братьями, родителями или учителями) – лучше справляются с контентными рисками, но слабо подготовлены к рискам в сфере коммуникации, техносфере и, особенно, потреблении. Третья группа (каждый седьмой из опрошенных) – продвинутые пользователи (высокий уровень ЦК, с высокой пользовательской активностью и широким кругом

Мотивация к улучшению ЦК высока у тех, кто больше интересуется поиском информации и ее скачиванием и реже – чтением новостей. Интересно, что именно в группе мотивированных подростков различие по количеству деятельностей в интернете между решающими и нерешающими задание ребятами максимально

интернет-деятельностей, использующие разнообразные девайсы, самостоятельно освоившие премудрости Сети и мотивированные на повышение ЦК) – имеют достаточный опыт не только столкновения с онлайн-рисками, но и совладания с ними, а также больше шансов успешно справиться с новыми и эволюционирующими старыми рисками.

Кроме того, данное исследование указывает на следующие моменты, важные для понимания и развития психологических представлений о цифровой компетентности современных российских подростков:

- Структура представлений о собственной цифровой компетентности (модели ЦК) у подростков не совпадает с их действительными умениями, но, с нашей точки зрения, играет центральную роль в регуляции их онлайн-деятельности и ее дальнейшего развития. Более высокая оценка своей цифровой компетентности связана с возможностями более длительного и самостоятельного доступа в интернет, а также с историей его самостоятельного освоения.

- Иллюзия цифровой компетентности, по-видимому, связана с широким, но поверхностным освоением онлайн-деятельности, попытками испробовать все доступные возможности при испытывании трудностей при выборе основных видов деятельности и систематического их освоения (так называемая «многооконность»).
- Мотивация – наиболее дефицитар-

ный компонент ЦК у современных подростков. Его более высокий уровень связан с участием и признанием роли других людей в освоении интернета, со сравнением с их умениями и знаниями. Подростки с высоким уровнем мотивации выше оценивают круг онлайн-деятельности и умений родителей, а «цифровой разрыв» со своими родителями считают минимальным. Мы предполагаем, что мотивационный компонент цифровой компетентности у подростков развивается в успешном взаимодействии с другими людьми по поводу интернета, при обучении у последних и сравнении с ними, если круг онлайн-деятельностей и интересов предполагает активность и требует развития новых умений.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГФ в рамках научно-исследовательского проекта проведения научных исследований «Модели цифровой компетентности у различных типов интернет-пользователей», проект 14-06-00646.

Литература:

- Асмолов А.Г., Семенов А.Л., Уваров А.Ю. Российская школа и новые информационные технологии: взгляд в будущее десятилетие. – Москва: НексПринт, 2010.
- Информационные и коммуникационные технологии в образовании / под ред. Б. Дендева – Москва: ИИТО ЮНЕСКО, 2013.
- Кричевец А.Н., Корнеев А.А., Рассказова Е.И. Математическая статистика для психологов. – Москва: Академия, 2012.
- Лау Х. Руководство по информационной грамотности для образования на протяжении всей жизни. – Москва: Информация для всех, 2006.
- Медиа- и информационная грамотность в обществах знания / сост. Е.И. Кузьмин, А.В. Паршакова. – Москва: МЦБС, 2013.
- Медийно-информационная грамотность в России: дорога в будущее: сб. матер. Всероссийской научно-практической конференции «Медиа- и информационная грамотность в информационном обществе» / под ред. И.В. Жилавской. – Москва, 2014.
- Солдатова Г.У. и др. Цифровая компетентность российских подростков и родителей: результаты всероссийского исследования. – Москва: Фонд Развития Интернет, 2013.

- Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Психологические модели цифровой компетентности российских подростков и родителей // Национальный психологический журнал. – 2014а. – № 2(14). – С. 27–33. DOI: 10.11621/npj.2014.0204
- Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Безопасность подростков в Интернете: риски, совладание и родительская медиация // Национальный психологический журнал. – 2014б. – № 3(15). – С. 39–51. DOI: 10.11621/npj.2014.0305
- Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Модели передачи опыта между поколениями при освоении и использовании Интернета // Вопросы психологии. – 2015. – № 2. – С. 56–66.
- Структура ИКТ-компетентности учителей : рекомендации ЮНЕСКО. – Париж : UNESCO, 2011.
- Geiser, C. (2013) *Data analysis with Mplus*. New York, The Guilford Press.
- Gilster P. (1997) *Digital Literacy*. N.Y., Wiley Computer Publishing.
- (2009) How technology changes everything (and nothing) in psychology. 2008 annual report of the APA Policy and Planning Board. *American Psychologist*. 64, 454–463.
- Ilomäki, L., Lakkala, M. & Kantosalo, A. (2011) What is digital competence? *Linked portal*. Brussels, European Schoolnet (EUN). 1–12.
- Henson, R. K. (2006) Effect-Size Measures and Meta-Analytic Thinking in Counseling Psychology Research. *The Counseling Psychologist*. 34, 601–629.
- Madell, D., & Muncher, S. (2004) Back from the beach but hanging on telephone? English adolescents' attitudes and experiences of mobile phone and the Internet. *Cyberpsychology and Behavior*. 7, 359–367.
- Martin, A., & Madigan, D. (Eds.). (2006) *Digital literacies for learning*. L., Facet.
- Mossberger, K., Tolbert, C.J., & McNeal, R.S. (2008) *Digital citizenship: The internet, society, and participation*. Cambridge, MA, MIT Press.
- Soldatova, G.V., & Rasskazova, E.I. (2014). Assessment of the digital competence in Russian adolescents and parents: Digital competence index. *Psychology in Russia: State of the Art*, 7. Doi: 10.11621/pir.2014.0406

References:

- Asmolov A.G., Semyonov A.L., Uvarov A.Yu. (2010) *Russian school and new informational technologies: looking into the next decade*. Moscow, NeksPrint.
- Dendev B. (2013) *Informational and communicative technologies in education*. Moscow, IITO UNESCO.
- Geiser, C. (2013) *Data analysis with Mplus*. New York, The Guilford Press.
- Gilster P. (1997) *Digital Literacy*. N.Y., Wiley Computer Publishing.
- (2009) How technology changes everything (and nothing) in psychology. 2008 annual report of the APA Policy and Planning Board. *American Psychologist*. 64, 454–463.
- Ilomäki, L., Lakkala, M. & Kantosalo, A. (2011) What is digital competence? *Linked portal*. Brussels, European Schoolnet (EUN). 1–12.
- Henson, R. K. (2006) Effect-Size Measures and Meta-Analytic Thinking in Counseling Psychology Research. *The Counseling Psychologist*. 34, 601–629.
- Krichevets, A.N., Korneev, A.A., & Rasskazova, E.I. (2012) *Mathematical statistics for psychologists*. Moscow, Akademia.
- Kuz'min, A.V., & Parshakova, A.V. (2013) *Media- and informational literacy among educated societies*. Moscow, MTsBS.
- Lau, H. (2006) *Manual on informational literacy for continuous life-lasting education*. Moscow, Informatsiya dlya vsekh.
- Madell, D., & Muncher, S. (2004) Back from the beach but hanging on telephone? English adolescents' attitudes and experiences of mobile phone and the Internet. *Cyberpsychology and Behavior*. 7, 359–367.
- Martin, A., & Madigan, D. (Eds.). (2006) *Digital literacies for learning*. L., Facet.
- Mossberger, K., Tolbert, C.J., & McNeal, R.S. (2008) *Digital citizenship: The internet, society, and participation*. Cambridge, MA, MIT Press.
- Soldatova, G.U., & Rasskazova, E.I. (2014) Adolescents' safety in the Internet : risks, control and parent meditation. *National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*. 3, 39–51. DOI: 10.11621/npj.2014.0305
- Soldatova, G.V., & Rasskazova, E.I. (2014). Assessment of the digital competence in Russian adolescents and parents: Digital competence index. *Psychology in Russia: State of the Art*, 7.
- Soldatova, G.U. et al. (2013) Digital competence of Russian adolescents and their parents: the results of a national-scale study. Moscow, Fond Razvitiya.
- Soldatova, G.U., & Rasskazova, E.I. (2015) Modes of transmitting life experience among different generations in the context of Internet acquisition. *Psychological Issues [Voprosy psikhologii]*. 2, 56–66.
- Soldatova, G.U., & Rasskazova, E.I. (2014) Psychological models of digital competence of Russian adolescents and their parents. *National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*. 2, 27–33. DOI: 10.11621/npj.2014.0204
- UNESCO (2011) *Teacher's informational-communicative competence structure: UNESCO manual*. Paris.
- Zhilavskaya, I.V. (2014) Media-informational literacy in Russia: a road to the future. *Proceedings of National science-practical conference "Media-and informational literacy in informational society" [Sbornik materialov Vserossiyskoy konferentsii "Media- i informatsionnaya gramotnost' v informatsionnom obschestve"]*. Moscow.

Личностный смысл болезни ребенка как фактор приверженности семьи лечению (исследование семей, воспитывающих детей с детским церебральным параличом)

Е.И. Первичко, Д.В. Довбыш

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила: 27 мая 2016 / Принята к публикации: 12 июня 2016

Personal meaning of child disease as a factor of family adherence to treatment (study of families raising children with cerebral palsy)

Elena I. Pervichko*, Daria V. Dovbysh

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

*Corresponding author. E-mail: elena_pervichko@mail.ru

Received: May 27, 2016 / Accepted for publication: June 12, 2016

В статье обосновывается возможность использования терминов «личностный смысл болезни» и «приверженность лечению» для описания вариантов отношения матери к заболеванию ребенка. На основании анализа 25 матерей, воспитывающих детей с детским церебральным параличом, были выделены такие личностные смыслы в отношении к болезни ребенка, как конфликтный и преградный, описаны примеры возможных вторичных выгод от болезни ребенка. Отдельно описана группа матерей после процедуры ЭКО со смешанным (преградным и конфликтным) личностным смыслом болезни. Высказываются предположения о факторах, определяющих гармоничный личностно-смысловой контекст отношения к болезни ребенка. В рамках выделенных групп проанализированы представления матерей о причинах болезни ребенка. Выделены три степени приверженности лечению больного ребенка у матерей, воспитывающих детей с детским церебральным параличом, показана их связь с личностным смыслом болезни ребенка для родителей и их представлениями о болезни ребенка. Описаны особенности понимания приверженности лечению при подобных заболеваниях детей. Полученные результаты обосновывают необходимость программ психологического сопровождения семей, имеющих детей с детским церебральным параличом. Они позволяют индивидуализировать стратегии психологической работы, открывают перспективы дальнейших исследований в целях разработки и совершенствования программ психологической помощи семьям, имеющим детей с хроническими инвалидизирующими заболеваниями.

Ключевые слова: приверженность лечению, комплаенс, личностный смысл болезни, детский церебральный паралич.

The paper explains the usage of the terms «personal meaning of disease» and «adherence» to describe variants of mother's attitude to her child's disease. Based on the analysis of 25 mothers raising infants suffering from cerebral palsy, such personal meanings in relation to the child's illness as conflict and barrier were identified; examples of possible secondary benefits from the child's illness were depicted. Separately, a group of mothers after IVF with a mixed (barrier and conflict) personal meaning of the disease was described. Several assumptions were made about the factors that determine the harmonious person-notional context related to the infant's illness. Within the framework of selected groups, mothers' suppositions about the causes of their children's illnesses were examined. Three degrees of adherence to the treatment of a disabled infant were outlined to illustrate the process of up-bringing infants with cerebral palsy. Also, their connection with the personal meaning of a child's disease for parents and their suppositions about it was shown. The characteristic features of understanding adherence to treatment of similar diseases were marked out. The results demonstrate the necessity of psychological support programs for families with infants with cerebral palsy. Moreover, the obtained data will allow to individualize the strategy of psychological work, and it can become the basis of further research conducted in order to develop and improve the psychological support programs for families with children suffering chronic disabling diseases.

Keywords: treatment adherence, compliance, personal meaning of disease, cerebral palsy

Воспитание и лечение детей с врожденными инвалидирующими заболеваниями опорно-двигательного аппарата, такими как детский церебральный паралич (ДЦП)¹, представляют собой большую проблему для их родителей. Хронический характер заболевания, имеющего часто достаточно сложный прогноз, предполагает необходимость плановых госпитализаций, выполнение большого количества рекомендаций врачей, своевременный прием лекарственных препаратов, постоянный физический контакт с ребенком, невозможность оставить его одного надолго, дополнительные занятия с ним. Эти моменты наделяют уход за маленьким ребенком –

Turner, 1993). В ситуации тяжелой болезни маленького ребенка ответственность за его лечение ложится на взрослых, прежде всего, родителей. Поэтому будет оправданным говорить о формировании приверженности лечению не у самого маленького пациента, а о приверженности лечению ребенка у его родителей.

В современной литературе термины «комплаенс» и «приверженность лечению» часто используются в качестве синонимов, однако второй вариант в последние годы рассматривается как более предпочтительный в связи с признанием за пациентом в современном обществе права принимать участие в определении стратегии лечения и восстановитель-

ценность снижения угрозы болезни, вероятность того, что комплаентное поведение снизит угрозу жизни, демографические факторы, особенности схемы лечения, установки пациента, особенности коммуникации с врачом и пр. (отношение значимых близких к лечению, предыдущий опыт болезни и т.п.)² (Becker, Maiman, 1975, 1983; George, Kong, Stewart, 2007). Допустимо предположить, что все перечисленные здесь факторы также будут играть большую роль и в формировании приверженности лечению у родителей больных детей.

С нашей точки зрения, при наличии у ребенка врожденной патологии и обусловленной ею хронической болезни в понятие «приверженность лечению» необходимо включать не только соблюдение медицинских рекомендаций по поводу лечения основного заболевания, но и всю особую деятельность, направленную на лечение основного и сопутствующих заболеваний, а также на развитие ребенка в ситуации хронической болезни.

Допустимо предположить, что первый фактор в данной модели – особенности мотивации пациента – может быть наилучшим образом описан с помощью существующего в отечественной психологии конструкта «личностный смысл болезни». В наиболее широком понимании личностный смысл болезни – «есть жизненное значение для субъекта обстоятельств болезни в отношении к мотивам его деятельности» (Тхостов, 2002, С. 143). Рассуждая в этой логике о личностном смысле болезни ребенка для его родителей, можно определить его как жизненное значе-

При наличии у ребенка врожденной патологии и обусловленной ею хронической болезни в понятие «приверженность лечению» необходимо включать не только соблюдение медицинских рекомендаций по поводу лечения основного заболевания, но и всю особую деятельность, направленную на лечение основного и сопутствующих заболеваний, а также на развитие ребенка в ситуации хронической болезни

нормальный и неизбежный компонент любого родительства – особым смыслом (Piggott, Hocking, Paterson, 2003). Соблюдение всех вышеперечисленных предписаний требует от родителей большой включенности и внимания, а также развития собственных адаптивных стратегий совладания с травматичной ситуацией и навыков саморегуляции (Sloper,

ных мероприятий, а не просто следовать жестко указаниям врача. Термин «приверженность лечению» отражает большую субъективную активность пациента в выборе стратегии терапии (Aronson, 2007). Согласно модели М. Бэжкера и Л. Майнмана, основными факторами, определяющими приверженность лечению, являются: особенности мотивации пациента,

Елена Ивановна Первичко – кандидат психологических наук, доцент кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: elena_pervichko@mail.ru

Дарья Вадимовна Довбыш – аспирант факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: dashadovbysh@gmail.com

¹ *Детские церебральные параличи – термин, объединяющий группу хронических непрогрессирующих симптомокомплексов двигательных нарушений, вторичных по отношению к поражениям или аномалиям головного мозга, возникающим в перинатальном периоде. Отмечается ложное прогрессирование по мере роста ребенка (Cerebral Palsy ..., 2013).*

² *Необходимо отметить, что в модели приверженности лечению М. Бэжкера и Л. Майнмана переменные, связанные с конкретными телесными ощущениями (например, усиление или ослабление боли), описываются как второстепенные и малозначимые. С точки зрения авторов, конкретные ощущения могут влиять на степень приверженности лечению лишь в короткие промежутки времени, не оказывая постоянного эффекта (Becker, Maiman, 1975).*

ние для них обстоятельств болезни ребенка в отношении к родительским мотивам.

Большой проблемой выделения личностного смысла болезни ребенка при хронических инвалидирующих заболеваниях является обязательное наличие сопутствующих нарушений. Как правило, это задержки психического развития, нарушения речи, расстройства настроения, расстройства аутистического спектра, а также трудности в детско-родительских отношениях (Foster et al., 2010). Фактически, у каждого такого ребенка можно наблюдать несколько заболеваний. Допустимо предположить, что отношение родителей к различным заболеваниям, коморбидным ДЦП, может быть неодинаковым.

Другим важным аспектом обозначенной модели М. Бэккера и Л. Майнмана представляется исследование установок пациента (и/или его родителей) в отношении болезни. В нашей работе этот фактор рассматривается через представления родителей о причинах заболевания детей. Согласно имеющимся данным, в ситуации выявления у ребенка тяжелой соматической патологии, причину и механизм возникновения которой сложно выделить, важнейшими прогностическими факторами приверженности лечению и адаптивного поведения семьи будут представления родственников ребенка о случившемся, соответствие или несоответствие этих представлений реальности, атрибутирование вины за возникновение такого заболевания внешним причинам, себе или другим людям (Kazak et al, 2004; Danseco, 1997).

Исходя из обозначенных представлений, была сформулирована цель данного исследования: выделение для родителей различных личностных смыслов болезни ребенка с детским церебральным параличом, их представлений о причинах заболевания и выявление их связи с комплаентным поведением семьи.

Понятие «личностный смысл болезни» и исследования отношения родителей к болезни ребенка

Изначально понятие личностного смысла вводится А.Н. Леонтьевым через

функцию мотивов. «Безразлично, осознаются или не осознаются субъектом мотивы, сигнализируют ли они о себе в форме переживаний интереса, желания или страсти; их функция, взятая со стороны сознания, состоит в том, что они как бы «оценивают» жизненное значение для субъекта объективных обстоятельств и его действий в этих обстоятельствах, придают им личностный смысл, который прямо не совпадает с понимаемым объективным их значением» (Леонтьев, 1975). В психологическом словаре под редакцией В.П. Зинченко и Б.Г. Мещерякова личностный смысл определяется как «осознаваемая значимость для субъекта тех или иных объектов и явлений действительности, определяемая их истинным местом и ролью в жизнедеятельности субъекта, их жизненным смыслом для него» (Большой психологический ..., 2003, С. 263). Болезнь человека, как было выявлено в многочисленных исследованиях, также может обладать для него особым смыслом (Николаева, 1987; Соколова, Николаева, 1995; Тхостов, 2002). А.Ш. Тхостов выделяет следующие виды личностных смыслов болезни: преградный, позитивный и конфликтный (Тхостов, 2002).

Преградный смысл болезни характеризуется тем, что ситуация болезни воспринимается как причиняющая человеку страдания, мешающая реализации привычной жизненной активности и достижению намеченных целей (Тхостов, 2002). Особую значимость в формировании такого смысла имеют негативное отношение общества к тем или иным заболеваниям и к наличию нездоровья как такового, нежелание устанавливать близкие отношения с больными людьми. Это особенно актуально для современного российского общества, характеризующегося высоким уровнем стигматизации по отношению к инвалидам и ценностью социальной успешности. На примере больных с онкологическими заболеваниями было показано, что преградный смысл болезни часто связан с попытками упростить картину заболевания, поставить под сомнение результаты диагностики, поиском дополнительных мнений. Для таких больных характерно игнорирование тяжелых симптомов болезни, построение малореалистичных планов на

будущее. Описывается наличие возможной семантико-перцептивной защиты, благодаря которой оказывается возможным перевод тревожных и негативных стимулов в разряд непонятных, неясных и незначимых (Тхостов, 2002).

Позитивный смысл болезни подразумевает возможность извлекать определенную выгоду из ситуации болезни. Наличие тяжелой болезни часто создает особую, более комфортную для человека систему взаимоотношений с окружающими. Это, а также возможность получать материальные выгоды и наличие особого статуса, дающего больше привилегий и внимания как в macrosociume, так и в семье. Болезнь может служить средством оправдания собственной неуспешности, «достойным» вариантом выхода из такой негативной ситуации (Тхостов, 2002; Craig et al., 1994).

О возникновении конфликтного смысла болезни можно говорить в тех случаях, когда наличие заболевания рассматривается как способствующее реализации одних мотивов и препятствующее – других (Тхостов, 2002). Наличие такого интрапсихического конфликта может приводить к изменению структуры ценностей и жизненных целей больного. На первый план выходит один из мотивов, например, сохранение жизни. Все, что способствует его реализации, начинает представлять собой особую ценность, остальные виды деятельности игнорируются. Нарастает отчужденность и замкнутость. Степень такого «ухода» в изоляцию и формирование единственного доминирующего мотива связано с общими характеристиками мотивационно-смысловой сферы: чем она более развита, структурирована и стабильна, тем меньше вероятность последующего сужения круга интересов (Николаева 1987; Соколова, Николаева, 1995; Тхостов, 2002).

Диагностика и учет личностных смыслов болезни являются необходимым условием успешности реабилитационных программ. Так, выстраивая стратегию реабилитационно-восстановительных мероприятий для пациентов с конфликтным смыслом болезни, необходимо учитывать, что мероприятия, не интерпретируемые такими больными как необходимые для сохранения жизни,

просто не будут ими выполняться. Рекомендации по восстановлению активных установок должны также согласовываться с основным мотивом и личностным смыслом болезни. Очевидно, что для пациентов с позитивным смыслом болезни избавление от рентных установок и преодоление вторичной выгоды от заболевания будет являться специальной психотерапевтической задачей, решение которой потребует и от всех специалистов, работающих с больным (врачей, медицинского персонала, психологов), и от самого пациента серьезных усилий.

Изначально понятие личностного смысла болезни рассматривалось применительно к собственной болезни человека. Однако в данной статье решается задача раскрытия личностных смыслов болезни ребенка для его матери.

Наличие маленького (затем и взрослеющего) ребенка, который не способен передвигаться самостоятельно, делает постоянное присутствие рядом с ним взрослого жизненно необходимым, затягивая и усиливая тем самым симбиотические отношения

В ситуации длительного хронического заболевания ребенка, особенно в первые годы жизни, именно мать (или другой значимый взрослый) оказывается наиболее включенным в ситуацию болезни. Мать госпитализируется вместе с ребенком, оценивает выраженность тех или иных симптомов, динамику состояния, эффективность лечения. В силу возрастных особенностей развития, а также из-за частых сопутствующих основному заболеванию задержек развития, в том числе и речевого, ребенок оказывается не способным на вербальном уровне сигнализировать о своем состоянии. Кроме того, для детей с детским церебральным параличом невозможность самостоятельно ходить сама по себе не переживается как состояние болезни, а является единственным знакомым им образом жизни, т.к. у них отсутствует опыт здоровья. В этом случае определение происходящего с ребенком в терминах болезни, «ненормальности», «отклонений» и т.п. делают именно значимые взрослые.

Отдельно стоит отметить значительный дискомфорт, доставляемый подобными заболеваниями родителям. Наличие маленького (затем и взрослеющего) ребенка, который не способен передвигаться

самостоятельно, делает постоянное присутствие рядом с ним взросло-го жизненно необходимым, затягивая и усиливая тем самым симбиотические отношения. Описанные особенности ситуации болезни детей младшего возраста объясняют повышенную включенность родителей в эту ситуацию, чрезмерную субъективную значимость для них темы здоровья/болезни ребенка и формирование особой деятельности, направленной на его лечение, что делает содержательно оправданным использование понятия «личностный смысл болезни ребенка для его родителей».

В зарубежной психологии фактически отсутствует такое понятие, как «отношение к болезни» в традиционном его понимании отечественной психологией (Квасенко, Зубарев, 1980; Личко, Иванов,

1980; Николаева, 1987). Наиболее близкими являются термины «восприятие болезни ребенка», «представления о болезни ребенка» (Giovanni, Molinari, Taverna, 1991; Danseco, 1997; Harkness, Super, 1994).

Первые исследования в этой области были посвящены изучению и сравнению представлений родителей о возможностях развития больных и здоровых детей. Часто проводится сопоставление между представлениями родителей о том, что может их больной ребенок, и представлениями врачей о том, чего он сможет достичь (Handen, Feldman, Honigman, 1987; Sexton et al., 1990; Danseco, 1997). В подобных работах, обращающих особое внимание на особенности больного ребенка, выделяются также особые паттерны семейного функционирования, связанные с негативными установками и представлениями о болезни ребенка. С одной стороны, появление подобных исследований и полученные в них эмпирические данные, безусловно, способствовали повышению родительской грамотности, формированию адекватных представлений о заболевании ребенка, его возможных последствиях и разработке специальных программ, обучающих родителей ухаживать за особыми детьми (Mittler,

McConachie, 1983). С другой стороны, знакомство родителей с этими представлениями без специального психологического сопровождения зачастую приводит к формированию идей о «плохой матери» (Danseco, 1997; Affleck et al., 1985), которая не верит в возможности своего ребенка, недостаточно заботится о его развитии и недостаточно принимает его и его особенности (Affleck et al., 1985).

Другая важная область зарубежных исследований в этой области – изучение представлений родителей о причинах заболевания ребенка. Двумя наиболее распространенными точками зрения относительно причин болезни ребенка являются медицинская или научная и магическая или суеверная (Danseco, 1997). Кроме того, широко распространено эклектическое сочетание этих причин (Mardiros, 1989; Danseco, 1997; Stahl, 1991). К медицинским рациональным объяснениям более склонны родители с высоким уровнем образования, проживающие в городах, имеющие высокий уровень дохода. «Магические» идеи о роли Бога, судьбы или провидения в возникновении болезни преобладают среди родителей с более низким социальным статусом, уровнем образования, а также у религиозных людей. В этом случае болезнь может восприниматься как кара, наказание либо как испытание, награда, выделение ребенка и его семьи. К этой же группе представлений относятся мысли о том, что ребенка могли сглазить, припоминание примет и ритуалов, которые могли быть реализованы на этапе беременности (Ryan, Smith, 1989; Stahl, 1991; Pebley, Hurtado, Goldmen, 1999; Mardiros, 1989).

Еще одним вариантом классификации представлений родителей о причинах заболеваний детей может быть такой, как поиск причин болезни в поведении. Родители видят причину болезни ребенка в собственном поведении (нежелание иметь ребенка, попытки избавиться от него, болезнь ребенка как наказание за собственные грехи), в поведении других людей (высокий уровень стресса на работе, конфликты с супругом, другими членами семьи) или же имеют так называемые «неповеденческие» представления о причинности заболевания (плохая экологическая обстановка, родовая травма) (Affleck et al., 1985).

Самостоятельное направление исследований представлено работами, посвященными обсуждению того, какие из представлений о причине болезни ребенка могут быть более «полезными» для дальнейшей адаптации семей и принятия больного ребенка (Lavelle, Keogh, 1980; Cramer, 1976; Danseco, 1997). Так, показано, что чаще в болезни ребенка обвиняют мать, а не отца. Именно ее поведение или генетические особенности являются «причинами» заболевания, с точки зрения большинства семей, опрошенных в исследовании Штала (Stahl, 1991). Тактика обвинения матери принимается, как правило, всеми членами семьи. В работе Аффлека и коллег (Affleck et al., 1985) было показано, что обвинение матерью себя в болезни ребенка и попытки найти причины болезни в собственном поведении прогностически является наиболее благоприятным для социальной адаптации семьи. В таких семьях шире распространены идеи о возможности контролировать течение болезни ребенка и влиять на ее исход, больше представлена деятельность, направленная на лечение. Кроме того, семьи, члены которых объясняют причины болезни ребенка своим поведением, демонстрируют более высокий уровень принятия ребенка с его особенностями, лучше справляются с задачей ухода за ним (Bulman, Wortman, 1977).

Существующие исследования позволяют высказать предположение, что представления о причинах возникновения болезни будут связаны не только с успешностью адаптации семьи, но и с типом комплаентного поведения, без которого подобная адаптация не представляется возможной.

Эмпирическое исследование личностного смысла болезни ребенка у матерей, воспитывающих детей с детским церебральным параличом

Организация исследования и его методическое обеспечение

После обоснования возможности использования понятия «личностный смысл болезни» в обозначенном контек-

сте и выдвижения гипотезы о том, что представления о причинах возникновения болезни могут быть связаны с типом комплаентного поведения, нами было выполнено исследование особенностей этих представлений и личностного смысла болезни ребенка у родителей.

В исследовании приняли участие 25 матерей, находящихся на плановой госпитализации в связи с хроническим инвалидизирующим заболеванием ребенка (детский церебральный паралич), возраст детей от 1 года до 5 лет.

Стоит отметить, что данная выборка не равномерна по возрасту матерей, их социальному, финансовому статусу и семейным факторам, однако может представлять собой некоторый срез популяции. Все обследованные семьи проживают в Подмоскowie и, в связи с этим по дан-

Каждая из этих групп разделялась на подгруппы в соответствии с представлениями о причинах болезни ребенка, описанных матерями в процессе беседы. Одна подгруппа – матери, видящие причину болезни ребенка в собственном поведении, другая – матери, объясняющие заболевание ребенка поведением других людей или приводящие так называемые «неповеденческие» объяснения болезни ребенка: религиозные или медицинские

ным самоотчета испытывают трудности в получении квалифицированной и своевременной медицинской помощи.

С каждой из матерей проводилось от 2 до 4 встреч, одна из которых была посвящена диагностике индивидуально-личностных особенностей матери и диагностике особенностей семейной системы, оставшиеся встречи – психотерапевтической работе. Кроме того, перед первой встречей и после последней с матерями проводились 10-минутные беседы с лечащим врачом ребенка.

Диагностика личностного смысла болезни ребенка для матери проводилась на основе клинического интервью и беседы. Все участники исследования были разделены на три группы в соответствии с типом личностного смысла болезни ребенка для родителей.

В группу с преградным смыслом болезни ребенка были отнесены матери, сообщавшие в беседе с психологом о том, что болезнь ребенка препятствует реализации их личных или семейных планов, профессиональных достижений, негативно сказывается на семей-

ном взаимодействии, а также те матери, у которых можно было предположить наличие семанико-перцептивных защит при описании заболевания ребенка и возможных путей его компенсации и декомпенсации. Данную группу составили 8 матерей (32%).

В группу с конфликтным личностным смыслом болезни ребенка попали матери с измененной мотивационно-потребностной сферой, в которой мотив лечения основного заболевания становился доминирующим, а также матери с фиксацией на болезни ребенка, для них успешное материнство сводилось к деятельности по лечению основного заболевания. В данную группу были отнесены 12 матерей (48%).

Наибольшую трудность при выделении составила группа с позитивным

смыслом болезни ребенка. В эту группу включались матери, у которых можно было выявить представление о наличии некоторой «вторичной выгоды» от болезни ребенка. Численность данной группы составила 4 человека (16%).

Отдельно в статье рассматриваются три случая (12%) материнского отношения к болезни детей, появившихся с помощью процедуры экстракорпорального оплодотворения (ЭКО). Отношение этих матерей объединяет в себе черты преградного и конфликтного личностных смыслов болезни ребенка. Отличаются от всех также два случая материнского отношения (8%), представляющие собой гармоничный смысл болезни ребенка, характеризующиеся отсутствием противоречий в понимании и описании причин, особенностей течения, прогнозов развития заболевания. Видение болезни ребенка и перспектив его развития у этих матерей совпадало с описанием врачей.

Каждая из этих групп разделялась на подгруппы в соответствии с представлениями о причинах болезни ребенка, описанных матерями в процессе беседы.

Одна подгруппа – матери, видящие причину болезни ребенка в собственном поведении, другая – матери, объясняющие заболевание ребенка поведением других людей, или приводящие так называемые «неповеденческие» объяснения болезни ребенка: религиозные или медицинские.

Специальной задачей являлась оценка у матерей степени приверженности лечению детей.

Для матерей с преградным личностным смыслом болезни ребенка характерна большая настороженность по отношению к новым исследованиям, поиск других, более авторитетных и компетентных специалистов. Формально зная о болезни своего ребенка и имея перед глазами фактические наглядные доказательства ее наличия, такие матери не учитывают подобные трудности в рассказах о будущем ребенка

В большинстве опрошенных семей (88%) именно мать отвечала за все необходимые действия, связанные с лечением основного заболевания: прием медикаментов, их покупку, выполнение лечебной гимнастики, организацию массажей и других дополнительных занятий. Роль отца в большинстве случаев ограничивалась пассивным участием в мероприятиях, финансированием или развивающими занятиями с детьми. Сложность в оценке приверженности лечению создавал тот факт, что на момент проведения беседы все опрошенные родители находились на плановой госпитализации в связи с лечением ребенка. Это означает, что в данной выборке приверженность лечению изначально сформирована у всех респондентов. Отчасти это может быть обусловлено тем, что двигательная дисфункция ребенка не может оставаться незамеченной в течение долгого времени и причиняет большой дискомфорт не только ребенку, но и родителям и окружающим.

Однако выполнение рекомендаций врача и в период госпитализации, и за пределами клиники, отличалось в различных группах. Для одних родителей такое выполнение ограничивалось соблюдением режима приема лекарств, без гимнастики, коррекционной обуви и упражнений, для других, наоборот, прием лекарственных препаратов вызывал большой протест, в то время как остальные виды лечебной помощи ребенок получал в полном объеме.

Отличалось также и отношение опрошенных родителей к самой ситуации госпитализации. Оценка ими госпитализации колебалась от резко негативной, мешающей привычному укладу жизни и не приносящей пользы ребенку, до максимально позитивной (несмотря на тяжелые условия проживания) с обоснованием ее медицинской необходимости и отмечанием значимых улучшений состояния ребенка.

Следующим фактором, различающим матерей, участвовавших в исследовании, является отношение к дополнительным развивающим и терапевтическим мероприятиям, не включенным в рекомендации врача. Это поиск новых методов лечения, обращение к нетрадиционной медицине, работа с логопедом, психологом, социализация ребенка.

Таким образом, на основании оценки степени следования различным рекомендациям врача, отношения к госпитализации и количества различных, дополнительно используемых средств лечения и развития ребенка, можно выделить три типа приверженности лечению.

Высокий – понимание необходимости госпитализации, соблюдение всех рекомендаций врача, в том числе инструментальных (конкретные схемы приема препаратов) и поведенческих (выполнение упражнений, массажей, других видов лечения), положительное отношение к госпитализации, знание диагноза ребенка и его специфики, дополнительная деятельность, направленная на развитие ребенка и снижение выраженности сопутствующих трудностей развития.

Низкий – соблюдение формальных рекомендаций врачей, не требующих изменения привычного уклада жизни семьи, негативное отношение к госпитализации, отсутствие знания точного диагноза ребенка, игнорирование других трудностей и особенностей развития ребенка.

Промежуточный – сочетание отдельных элементов высокого и низкого типов.

Основные результаты и их обсуждение

Группа матерей с преградным смыслом болезни ребенка (32% случаев) в первичной беседе чаще всего предъявляла жалобы на невозможность уделять большее количество времени здоровым детям, супругу, а также на невозможность реализовать в профессиональной деятельности.

Так же как при исследовании больных онкологическими заболеваниями (Тхостов, 2002), здесь можно увидеть большое количество феноменов, вызванных действиями семантико-перцептивной защиты. Для матерей с преградным личностным смыслом болезни ребенка характерна большая настороженность по отношению к новым исследованиям, поиск других, более авторитетных и компетентных специалистов. Формально зная о болезни своего ребенка и имея перед глазами фактические наглядные доказательства ее наличия: невозможность ребенка передвигаться, а зачастую и питаться, играть, соблюдать личную гигиену самостоятельно, такие матери не учитывают подобные трудности в рассказах о будущем ребенка. В них можно встретить фразы о том, что «ребенок вырастет и еще в футбол будет играть», «к школьному возрасту все наладится», «скоро пойдет в садик, тогда будет больше времени для себя». Примером перевода негативных стимулов в нейтральные может служить тот факт, что между собой и в беседе с психологом мамы избегают упоминания диагнозов, говоря о том, что ранний возраст нарушений не позволяет делать определенные прогнозы. К сожалению, такое мнение может быть справедливым только для некоторой части детей. Тяжесть состояния многих детей, с точки зрения лечащих врачей, позволяет делать вполне однозначные негативные прогнозы относительно выздоровления и возможных вариантов развития ребенка.

Для всех матерей, входящих в эту группу, разговор о причинах болезни ребенка оказывался крайне затруднительным. Среди 8 матерей, отнесенных нами к дан-

ной группе, 6 сообщили о том, что стараются «не думать об этом», «не видят смысла искать теперь причины», «сложилось так, как сложилось». При более детальном дальнейшем расспросе сообщают, именно факт непонимания причины болезни делает подобный разговор таким тяжелым. Ни в одной семье до этого не было случаев тяжелой хронической болезни детей. Можно предполагать, что у данной группы отсутствуют осознанные представления о собственном поведении как причине болезни ребенка. Две матери в данной группе сообщают о том, что причиной тяжелой беременности и рождения ребенка с особенностями могли послужить аборт, совершенные менее чем за год до рождения ребенка. Подобные представления о причинах болезни ребенка могут быть отнесены как к подгруппе поведенческих, так и к подгруппе прочих, медицинских причин болезни. При более подробном расспросе оказывается, что такая двойственность представлений действительно характерна для матерей данной подгруппы. С одной стороны, болезнь ребенка видится им как результат сбоя в работе собственного организма, с другой стороны, здесь, в отличие от подгруппы с «не-поведенческими» представлениями о причинах заболевания, присутствуют, хотя и не до конца осознанные, идеи о том, что именно поведение матери могло вызвать такой «сбой» в ее организме.

Ни у одной из матерей данной группы не был отмечен высокий тип приверженности лечению. Для 5 человек (20% всех участниц исследования) был отмечен низкий тип приверженности лечению, еще 3 человек (12% случаев) можно отнести к промежуточному типу. Наличие тяжелого заболевания у ребенка, предполагающего постоянный уход за ним, и необходимость выполнения большого количества рекомендаций врача в данной группе рассматриваются как моменты, препятствующие реализации других мотивов жизнедеятельности матерей: общения с другими членами семьи, личностного и карьерного роста. Возможно, действие семантико-перцептивной защиты не позволяет в должной степени оценить тяжесть происходящего, вследствие чего многие проявления болезни игнорируются, не формируется особая

деятельность по их компенсации и преодолению. В сочетании с отсутствиями представлений о причине заболевания (все 5 человек с низким типом комплаенса, выявленные в исследовании, относятся к данной подгруппе), преградный тип отношения к болезни ребенка может формировать представления о собственной беспомощности, невозможности повлиять как на причины, так и на течение болезни, что также снижает уровень комплаентности.

Для матерей из данной группы, имеющих промежуточный тип приверженности лечению (в которую вошли все матери из подгруппы с идеями о поведенческих причинах болезни и одна родительница из подгруппы с «не-поведенческими» причинами), характерно несоблюдение установленной схемы лечения. Ими высказываются предположения о том, что при неоднозначном для них диагнозе нет необходимости приема большого количества лекарств, опасных для ребенка. Ребенок посещает большое количество дополнительных занятий, не связанных с основным заболеванием: подготовка к детскому саду, развивающие групповые занятия, логопед и т.п. Такая деятельность, с точки зрения опрошенных мам, позволяет ему не отставать от остальных сверстников и поможет быстро наладить с ними контакт при улучшении состояния или выздоровлении. В данной подгруппе преградный смысл болезни ребенка для родителей и действие семантико-перцептивной защиты также препятствуют формированию адекватных представлений о заболевании и возможных путях его развития, что, в свою очередь, снижает степень приверженности лечению, особенно в вопросах следования рекомендациям врача и приема лекарств. Однако можно предположить, что присутствие идей о собственной, пусть и косвенной, ответственности за состояние ребенка позволяет если не признать и лечить основное заболевание, то хотя бы избежать полной пассивности родительской позиции и сформировать особую деятельность по преодолению вторичных симптомов.

Конфликтный смысл болезни ребенка (48% случаев) может выглядеть как сужение круга интересов родителей, направленность целей и желаний ис-

ключительно на его лечение. При этом другие сферы, такие, как супружество, общение с друзьями, профессиональное развитие матери, а зачастую и интеллектуальное развитие ребенка, отходят на второй план.

Например, это может проявляться в направленности коррекционных и развивающих занятий исключительно на соматическое здоровье ребенка. Снижается социальное функционирование, встречи с друзьями становятся более редкими, так как «никто из них не знает, как тяжело воспитывать такого ребенка». Постоянные длительные госпитализации усиливают погруженность в заботу о здоровье ребенка. Коррекционные мероприятия и прогресс в лечении становятся основными темами для обсуждения. Трудности больничной жизни, долгая разлука с родственниками и здоровыми детьми, отсутствие комфортных условий переживаются сравнительно легко, так как это необходимо для лечения ребенка. Многие виды активности, такие, например, как визит к психологу не с целью обследования детей, отвергаются как излишние и отнимающие время.

В данной группе для 7 человек (28% случаев) были характерны переживания собственной ответственности за происходящее с ребенком. В качестве причины болезни выдвигались идеи о позднем возрасте матери, об отсутствии желания заводить детей в прошлом, собственном генетическом дефекте, о нежелательности беременности, от которой родился ребенок, о конфликтных отношениях с отцом ребенка, о стрессах, связанных с семейными отношениями.

Для 5 опрошенных мам этой группы (20% случаев) причина заболевания ребенка представлялась медицинской: трудные роды, невозможность получить квалифицированную помощь во время беременности или в первый год жизни.

В данной группе только для одной мамы был характерен низкий тип приверженности лечению. Это объясняется ее увлеченностью альтернативными видами лечения, которые идут вразрез с традиционной терапией. Несмотря на госпитализацию, мама сообщает об отсутствии желания давать ребенку лекарства и выполнять другие просьбы врачей, госпитализируется с ребенком по

настоящему супруга, который не хочет полностью отказываться от медицинского лечения. Именно у этой матери было выявлено наличие вторичных выгод от болезни ребенка.

Для 9 матерей из данной группы (36% случаев) характерен промежуточный тип комплаентного поведения. Однако в своих проявлениях эти матери отличаются от матерей промежуточного типа с преградными смыслом болезни высокой готовностью выполнять все рекомендации врача, принимать новые препараты, корректировать схемы лечения, уделять много времени гимнастике, прогулкам в специальной коррекционной обуви. При этом в данной группе родителей в работе с детьми практически не представлены какие-либо формы раз-

Для двух матерей с конфликтным смыслом болезни ребенка (8% случаев), имеющих высокий тип приверженности лечению, наряду с выполнением всех рекомендаций врача и положительным отношением к госпитализации, оказалось характерным и включение ребенка в другие виды активности, не связанные напрямую с основным заболеванием. Эти матери были отнесены в группу с конфликтным личностным смыслом болезни по результатам более подробного расспроса: у обеих женщин наблюдалась повышенная фиксация на соматических аспектах здоровья ребенка, именно физическое развитие и неспособность ребенка ходить самостоятельно вызывали у них наибольшую озабоченность. Дополнительное же развитие, по словам

го заболевания ребенка будет носить вторичный характер. Помимо материальных выплат, наличие тяжело больного ребенка может служить оправданием для отсутствия профессиональной реализации, снижать напряженность в супружеских отношениях, обеспечивать потребность в симбиотической близости.

В данную группу матерей было отнесено 4 человека (16%). Для каждой из них позитивный смысл болезни ребенка не является первичным, однако они сообщают о том, что больной ребенок удерживал супруга от развода, о важности материальных выплат по инвалидности ребенка. Одна из мам говорит, что самая страшная для нее ситуация – «пустое гнездо», когда старшие дети станут взрослыми и не будут в ней нуждаться. Но, «слава богу, младшей дочери я всегда буду нужна». Несмотря на то, что однозначно это группа так и не была выделена, все четверо матерей, имевших вторичную выгоду от болезни ребенка, сообщают о внешних по отношению к ним причинах болезни ребенка: плохая обстановка в регионе, из которого семья переехала, случайная поломка генов, «случайность».

Однако обращает на себя внимание тот факт, что 3 матери из данной группы имеют низкий тип приверженности лечению. Они сообщают, что от лекарств практически нет толка (не важно, принимает их ребенок или нет), говорят об отсутствии объективной возможности заниматься дополнительным развитием соматически больного ребенка, так как уход за ним отнимает все время. Эти мамы рассказывают, что мало гуляют, то есть, фактически социальное взаимодействие ребенка до 5–6 лет происходит только с родителями и врачами. К госпитализации они относятся как к формальной необходимости. Несмотря на формально низкую степень комплаентности, большая часть беседы посвящена описанию трудностей лечения больного ребенка и его воспитания, жалобам на отсутствие личного времени и поддержки со стороны окружающих. Возможно, именно низкий уровень инструментальной и моральной поддержки оказывается решающим фактором при формировании вторичной выгоды от болезни ребенка. Однако небольшой размер группы не позволяет получить ответ на вопрос о возможности обратной

Никто из родителей не готов признаться окружающим, а часто и себе самому в том, что получает определенную выгоду от болезни ребенка. Следовательно, проверка гипотезы о наличии вторичной выгоды представляет собой сложную задачу. Можно говорить о том, что формирование позитивного смысла в случае врожденного неврологического заболевания ребенка будет носить вторичный характер

влияющей активности, не связанные с основным заболеванием. Дети не посещают дошкольные учреждения и занятия, родители взаимодействуют с ними, в основном, по поводу лечения или самочувствия, мало играют (либо игры и игрушки не соответствуют уровню развития ребенка). В некоторых случаях матери вообще игнорируют все потребности ребенка, кроме биологических, объясняя это тем, что ребенок с таким заболеванием не интересуется окружающим миром. В эту группу вошли все матери (5 человек), объясняющие болезнь ребенка внешними причинами, а также 4 матери, понимающие причину болезни ребенка как результат собственного поведения. Возможно, наличие конфликтного личностного смысла болезни ребенка для родителей повышает степень комплаентности (в вопросах следования рекомендациям врача), независимо от представлений о причинности болезни, способствует фиксации внимания родителей именно на медицинской, врачебной стороне вопроса. Это повышает приверженность семьи лечению ребенка, однако приводит к игнорированию других важных аспектов его развития.

матерей, не являлось отдельной целью. Однако наличие большого количества родственников, здоровых сиблингов, доступность ребенка продуктивному контакту позволяла без особых затрат включать ребенка в различные занятия. Предположительно, здесь меньшая тяжесть состояния ребенка и доступность инструментальной поддержки (участие в дополнительных мероприятиях, общее развитие ребенка) в сочетании с конфликтным личностным смыслом (фиксирующимся на медицинских аспектах болезни) повышают степень приверженности лечению. В остальном маленький размер данной группы не дает возможности сделать более конкретные выводы.

Позитивный смысл болезни ребенка – пожалуй, наиболее трудная для выделения и описания, в рамках клиники, категория личностных смыслов. Никто из родителей не готов признаться окружающим, а часто и себе самому в том, что получает определенную выгоду от болезни ребенка. Следовательно, проверка гипотезы о наличии вторичной выгоды представляет собой сложную задачу. Можно говорить о том, что формирование позитивного смысла в случае врожденного неврологическо-

связи между вторичной выгодой и низкой степенью приверженности лечению. Можно только предполагать наличие подобной тенденции.

Сочетание конфликтного и преградного типов личностного смысла болезни ребенка характерно для матерей, прошедших процедуру ЭКО. Ценность жизни и здоровья ребенка для них имеют особое значение после большого количества трудностей, через которые пришлось пройти для того, чтобы этот ребенок появился. В связи с этим, очень трудно разделить, в какой степени такое сверхценное отношение к здоровью и лечению ребенка связано с процедурой ЭКО, а в какой – с формированием конфликтного смысла болезни. С другой стороны, в беседе все трое мам отмечали, что болезнь ребенка не вносит значимых корректив в их жизнь и дальнейшие представления о будущем. Они заранее готовились к тому, что возможно рождение проблемных детей, и наличие любого ребенка, пусть и с различными заболеваниями, но биологически родного, оправдывает все последующие трудности. Отчасти подобные высказывания похожи на описанные в преградном личностном смысле проявления семантико-перцептивной защиты.

Эта группа матерей не говорит о будущем, не видит трудностей в посещении/непосещении школы, отрицает наличие проблем в настоящее время. Таким образом, невозможно однозначно отнести данных участниц исследования к какому-то из описанных выше типов личностного смысла болезни. Интересно, что все три матери в данной группе видят причину заболевания ребенка именно в процедуре ЭКО, однако при более подробной беседе оказалось, что в необходимости прибегнуть к самой процедуре ЭКО матери обвиняют себя. Таким образом, можно сделать предположение о наличии косвенного самообвинения в болезни ребенка.

Именно данная группа матерей характеризуется высоким типом приверженности лечению, они уделяют большое внимание психическому и интеллектуальному развитию детей. Несмотря на то, что все мамы из данной группы тяготеют пребыванием в стационаре и сложными условиями там, все сообщают о положительном впечатлении от клини-

ки, персонала, от получаемых процедур. Они готовы «закрывать глаза» на бытовые трудности ради пользы для ребенка. Все трое отказывались уезжать домой на выходные дни, чтобы не беспокоить детей долгой дорогой и необходимостью повторной адаптации. Сравнительно маленький возраст детей не позволяет посещать дополнительные занятия, однако многие родственники включены в воспитание детей, приходят к ним в гости, в семье есть большое количество разнообразных развивающих игрушек.

Возможно, в некоторой степени такой высокий уровень комплаентности объясняется готовностью семей, воспользовавшихся процедурой ЭКО, посвящать много времени детям и их развитию, а также их готовностью к рождению по-

Данную группу характеризует также принятие ограничений, связанных с болезнью ребенка, построение адекватных планов на будущее, учитывающих как наилучшие, так и наихудшие прогнозы врачей, постановка реалистичных целей терапии и развивающих занятий

тentially проблемного ребенка. В наших случаях такая готовность распространялась не только на ядерную семью, но и на расширенные семьи – большое количество родственников были согласны оказывать поддержку и помощь в воспитании больных детей и их лечении.

В данной работе группа матерей после процедуры ЭКО представлена малым количеством участников, что не позволяет делать однозначные выводы или составить общий портрет группы. Однако выявленная неоднозначность отношений к болезни ребенка и к самому больному ребенку говорит о необходимости отдельного, более тщательного исследования.

Также отдельного рассмотрения требуют случаи с наиболее гармоничным личностным смыслом болезни ребенка. Для этой группы также характерен высокий тип приверженности лечению. В данном исследовании к этой группе относятся две матери (8% случаев).

Обращает на себя внимание совпадение представлений о болезни ребенка и его возможностях у родителей этой группы и врачей. Присутствует объективное понимание тяжести заболевания и его хронической природы. Вместе с тем, сама болезнь ребенка не является для ма-

тери основным смыслообразующим мотивом. Данную группу характеризует также принятие ограничений, связанных с болезнью ребенка, построение адекватных планов на будущее, учитывающих как наилучшие, так и наихудшие прогнозы врачей, постановка реалистичных целей терапии и развивающих занятий. Эти матери заранее готовы назвать потенциальные школы, где сможет учиться ребенок, они заранее договариваются о специальных условиях для ребенка с воспитателями в детском саду. Несмотря на то, что в данной группе, как и в группе с преградным смыслом болезни, матери высказывают сожаление и тревогу о том, что не могут проводить больше времени со старшими детьми, эти их переживания не приводят к игнорированию лечения больного

ребенка, а способствуют формированию рациональных стратегий распределения свободного времени и домашних обязанностей. Врачи характеризуют матерей из этой группы как рациональных, понимающих смысл рекомендаций, интересующихся лечением и предоставляющих корректную обратную связь.

Оба ребенка этой группы матерей хорошо взаимодействуют с психологом и медицинским персоналом, не демонстрируют задержек психического развития. Вместе с тем, в истории обеих семей встречается момент сильного эмоционального отвержения ребенка матерью после рождения и известия о диагнозе, вплоть до желания отказаться от ребенка. Со слов обеих матерей, дети в первые месяцы жизни находились в больнице, отдельно от семьи, шансы на выживание были маленькими. После стабилизации состояния ребенка первое время все заботы о нем брали на себя другие члены семьи. Со временем матери стали самостоятельно воспитывать детей, однако не проявляли такой сильной тревоги и переживаний, как при воспитании старших детей. Такая эмоциональная «невключенность» на ранних этапах болезни в известном смысле помогла матерям лучше взаимодействовать с врачами, ак-

курятнее выполнять их рекомендации. Появление близости и привязанности к ребенку обе матери отмечают только на втором году жизни.

Причиной болезни ребенка одна из этих женщин считает аборт, сделанный незадолго до беременности больным ребенком, а другая женщина – тяжелую болезнь матери во время ее беременности. Оба объяснения формально могут быть отнесены как к поведенческим, так и к «не-поведенческим», медицинским причинам. При более подробном расспросе обе матери сообщили, что не считают собственное поведение причиной болезни ребенка, относя ее, скорее, к чисто медицинским осложнениям собственных болезней. Вместе с тем, обе четко выражают идею о собственной виновности в желании отказаться от воспитания такого ребенка.

Обе матери в данной группе имеют высокий уровень приверженности лечению. Небольшая численность данной группы не позволяет делать однозначных выводов. Однако допустимо предположить, что именно некоторая эмоциональная дистанцированность, понимание биологических механизмов болезни позволяют матери быть более функциональной в лечении и воспитании основного заболевания ребенка, не вызывая чрезмерной фиксации на болезни, но и не игнорируя ее. Наличие здоровых сиблингов, позволяющих выстраивать значимые эмоциональные отношения, дает возможность компенсировать такую отстраненность матери. Наличие острого переживания вины за попытки оставить ребенка могут способствовать формированию специальной деятельности по развитию ребенка, поиску альтернативных вариантов совладания с болезнью и способов облегчить состояние ребенка.

Заключение

Сравнительно небольшая выборка участниц исследования не позволяет переносить результаты данной работы на всех матерей, воспитывающих детей с тяжелыми двигательными дисфункциями. Однако полученные результаты можно рассматривать как задающие направление последующих исследований.

В результате анализа рассмотренных случаев выявлено, что для каждого типа личностного смысла болезни характерны свои особенности комплаентного поведения. С более низкой приверженностью лечению связан преградный смысл болезни ребенка для родителей в сочетании с представлениями о внешних причинах болезни. Также низкий тип комплаентного поведения демонстрируют те матери, у которых выявлено наличие второй выгоды от болезни ребенка.

Наиболее высокий тип приверженности лечению можно увидеть на отдельных примерах только в группе с конфликтным личностным смыслом болезни, а также в группах матерей, воспитывающих детей после процедуры ЭКО, и в группе с более гармоничным личностным смыслом болезни. Обращает на себя внимание неравномерность группы с промежуточным типом приверженности лечению: среди матерей с преградным личностным смыслом болезни, в первую очередь, игнорируются рекомендации врача, а в группе с конфликтным личностным смыслом – дополнительное развитие ребенка.

Наличие групп матерей с высокой приверженностью лечению позволяет высказать предположение, что при более широком исследовании станет возможным более определенно выделить факторы, связанные с большей или меньшей степенью комплаентности. Предположи-

тельно, высокая степень приверженности лечению может быть связана с наличием хорошей поддержки со стороны близких, эмоциональной дистанцированностью родителей, видением причин болезни ребенка в себе или внутри семейных отношений, более гармоничным личностным смыслом болезни ребенка.

Выделение особой группы родителей с более гармоничным личностным смыслом болезни ребенка и ее дальнейшее пристальное исследование представляется нам отдельной задачей. Наличие хронического заболевания не у себя, а у другого человека, хоть и у своего маленького ребенка, предоставляет опекунам больше вариантов гармоничного отношения между болезнью и собственными мотивами, чем в случае собственной болезни. Однако на данном этапе нашего изучения этой проблемы – это всего лишь гипотеза, для проверки которой должно быть выполнено специальное исследование.

Дальнейшее изучение взаимосвязи личностного смысла болезни ребенка, представлений родителей о причинах заболеваний и перспективах лечения и формирования у родителей особой деятельности, направленной на лечение ребенка, представляется важной задачей в рамках детской неврологической клиники.

Полученные результаты обосновывают необходимость программ психологического сопровождения семей, имеющих детей с детским церебральным параличом. Они позволяют индивидуализировать стратегии психологической работы, открывают перспективы дальнейших исследований в целях разработки и совершенствования программ психологического сопровождения семей, воспитывающих детей с хроническими инвалидизирующими заболеваниями.

Литература:

Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – Москва : АСТ, 2003.

Квасенко А.В., Зубарев Ю.Г. Психология больного. – Ленинград : Медицина, 1980.

Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. – Москва, 1975.

Николаева В.В. Влияние хронической болезни на психику. – Москва : Изд-во Московского университета, 1987.

Соколова Е.Т., Николаева В.В. Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях. – Москва : SvR-Аргус, 1995.

Тхостов А.Ш. Психология телесности. – Москва : Смысл, 2002.

Affleck, G., McGrade, B.J., Allen, D.A., & McQueeney, M. (1985) Mothers' beliefs about behavioral causes for their developmentally disabled infant's condition: What do they signify? *Journal of Pediatric Psychology*. 10, 293 – 303.

Aronson, J.F. (2007) Compliance, concordance, adherence. *Br J Clin Pharmacol*. 63, Vol. 4, 383 – 384.

Becker, M.H., & Maiman, L.A. (1983) Models of health-related behavior. In Mechanic, D. (Ed.) *Handbook of Health, Health Care, and the Health Professions*. New York, The Free Press, 539 – 553.

Becker, M.H., & Maiman, L.A. (1975) Sociobehavioral determinants of compliance with health and medical care recommendations. *Med Care*. 13, 10 – 24. (2013) *Cerebral Palsy: Hope Through Research*. National Institute of Neurological Disorders and Stroke.

Craig, T.K.J., Drake, H., Mills, K., & Boardman, A.P. (1994) The South London somatisation study II. Influence of stressful live events, and secondary gain. *Br J Psychiatry*. 165, 248 – 258.

Cramer, B. (1976) A mother's reactions to the birth of a premature baby. In Klaus, M., & Kennell, J. (Ed.). *Maternal-infant bonding*. St. Louis, Mosby.

Dansec, E. (1997) Parental beliefs on childhood disability: Insights on culture, child development and intervention. *International Journal of Disability, Development, and Education*. 44, 41 – 52.

Foster, T., Rai, A.I., Weller, R.A., Dixon, T.A., & Weller, E.B. (2010) Psychiatric complications in cerebral palsy. *Curr Psychiatry Rep*. 12, Vol. 2, 116 – 21.

George, J., Kong, D., & Stewart, K. (2007) Adherence to disease management programs in patients with COPD. *International Journal of COPD*. 2, Vol. 3, 253 – 262.

Handen, B.L., Feldman, R.S., & Honigman, A. (1987) Comparison of parent and teacher assessments of developmentally delayed children's behavior. *Exceptional Children*. 54, 137 – 144.

Harkness, S., & Super, C. (1994) The developmental niche: A theoretical framework for analyzing the household production of health. *Social Science and Medicine*. 38, 217 – 226.

Kazak, A.E., McClure, K.S., Alderfer, M.A., Hwang, W.T., Crump, T.A., Le, L.T., Deatrick, J., Simms, S., & Rourke, M.T. (2004) Cancer-related parental beliefs: the Family Illness Beliefs Inventory (FIBI). *J Pediatr Psychol*. 29, Vol.7, 531 – 542.

Lavelle, N., & Keogh, B. (1980) Expectations and attributions of parents of handicapped children. In Gallagher, J. (Ed.) *New directions for exceptional children*. San Francisco, Jossey-Bass.

Mardiros, M. (1989) Conception of childhood disability among Mexican-American parents. *Medical Anthropology*. 12, 55 – 68.

Pebly, A., Hurtado, E., & Goldmen, N. (1999) Beliefs about children's illness. *J Biosoc Sci*. 31, Vol. 2, 95 – 219.

Piggot, J., Hocking, C., & Paterson, J. (2003) Parental adjustment to having a child with cerebral palsy in participation in home therapy programs. *Physical and Occupational Therapy in Paediatrics*. 23, Vol. 4, 5 – 29.

Ryan, A.S., & Smith, M.J. (1989) Parental reactions to developmental disabilities in Chinese American families. *Child and Adolescent Social Work*. 6, 283 – 299.

Sexton, D., Thompson, B., Perez, J., & Rheams, T. (1980) Maternal versus professional estimates of developmental status for young children with handicaps: An ecological approach. *Topics in Early Childhood Special Education*. 10, 80.

Sloper, P., & Turner, S. (1993) Risk and resistance factors in the adaptation of parents of children with severe physical disability. *J Child Psychol Psychiatry*. 34, Vol. 2, 167 – 88.

Stahl, A. (1991) Beliefs of Jewish-Oriental mothers regarding children who are mentally retarded. *Education and training in mental retardation*. 26, 361 – 369.

References:

Affleck, G., McGrade, B.J., Allen, D.A., & McQueeney, M. (1985) Mothers' beliefs about behavioral causes for their developmentally disabled infant's condition: What do they signify? *Journal of Pediatric Psychology*. 10, 293 – 303.

Aronson, J.F. (2007) Compliance, concordance, adherence. *Br J Clin Pharmacol*. 63, Vol. 4, 383 – 384.

Becker, M.H., & Maiman, L.A. (1983) Models of health-related behavior. In Mechanic, D. (Ed.) *Handbook of Health, Health Care, and the Health Professions*. New York, The Free Press, 539 – 553.

Becker, M.H., & Maiman, L.A. (1975) Sociobehavioral determinants of compliance with health and medical care recommendations. *Med Care*. 13, 10 – 24. (2013) *Cerebral Palsy: Hope Through Research*. National Institute of Neurological Disorders and Stroke.

Craig, T.K.J., Drake, H., Mills, K., & Boardman, A.P. (1994) The South London somatisation study II. Influence of stressful live events, and secondary gain. *Br J Psychiatry*. 165, 248 – 258.

Cramer, B. (1976) A mother's reactions to the birth of a premature baby. In Klaus, M., & Kennell, J. (Ed.). *Maternal-infant bonding*. St. Louis, Mosby.

Dansec, E. (1997) Parental beliefs on childhood disability: Insights on culture, child development and intervention. *International Journal of Disability, Development, and Education*. 44, 41 – 52.

Foster, T., Rai, A.I., Weller, R.A., Dixon, T.A., & Weller, E.B. (2010) Psychiatric complications in cerebral palsy. *Curr Psychiatry Rep*. 12, Vol. 2, 116 – 21.

George, J., Kong, D., & Stewart, K. (2007) Adherence to disease management programs in patients with COPD. *International Journal of COPD*. 2, Vol. 3, 253 – 262.

Handen, B.L., Feldman, R.S., & Honigman, A. (1987) Comparison of parent and teacher assessments of developmentally delayed children's behavior. *Exceptional Children*. 54, 137 – 144.

Harkness, S., & Super, C. (1994) The developmental niche: A theoretical framework for analyzing the household production of health. *Social Science and Medicine*. 38, 217 – 226.

- Kazak, A.E., McClure, K.S., Alderfer, M.A., Hwang, W.T., Crump, T.A., Le, L.T., Deatrick, J., Simms, S., & Rourke, M.T. (2004) Cancer-related parental beliefs: the Family Illness Beliefs Inventory (FIBI). *J Pediatr Psychol.* 29, Vol.7, 531 – 542.
- Kvasenko, A.V., & Zubarev, Ju.G. (1980) Patient psychology. L., Medicina.
- Lavelle, N., & Keogh, B., (1980) Expectations and attributions of parents of handicapped children. In Gallagher, J. (Ed.) *New directions for exceptional children*. San Francisco, Jossey-Bass.
- Leont'ev, A.N. (1975) Activity, consciousness, personality. Moscow, 304.
- Mardiros, M. (1989) Conception of childhood disability among Mexican-American parents. *Medical Anthropology.* 12, 55 – 68.
- Meshherjakova, B.G., & Zinchenko, V.P. (Ed.) (2003) Big psychological dictionary. Moscow, AST.
- Nikolaeva, V.V. (1987) The way chronic diseases influence one's psyche. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 168.
- Pebley, A., Hurtado, E., & Goldmen, N. (1999) Beliefs about children's illness. *J Biosoc Sci.* 31, Vol. 2, 95 – 219.
- Piggot, J., Hocking, C., & Paterson, J. (2003) Parental adjustment to having a child with cerebral palsy in participation in home therapy programs. *Physical and Occupational Therapy in Paediatrics.* 23, Vol. 4, 5 – 29.
- Ryan, A.S., & Smith, M.J. (1989) Parental reactions to developmental disabilities in Chinese American families. *Child and Adolescent Social Work.* 6, 283 – 299.
- Sexton, D., Thompson, B., Perez, J., & Rheams, T. (1980) Maternal versus professional estimates of developmental status for young children with handicaps: An ecological approach. *Topics in Early Childhood Special Education.* 10, 80.
- Sloper, P., & Turner, S. (1993) Risk and resistance factors in the adaptation of parents of children with severe physical disability. *J Child Psychol Psychiatry.* 34, Vol. 2, 167 – 88.
- Sokolova, E.T., & Nikolaeva, V.V. (1995) Personality peculiarities of people with border psychic and somatic disorders. Moscow, SvR-Argus.
- Stahl, A. (1991) Beliefs of Jewish-Oriental mothers regarding children who are mentally retarded. *Education and training in mental retardation.* 26, 361 – 369.
- Tkhostov, A. Sh. (2002) Corporeity psychology. Moscow, Smysl.

Современное состояние исследований в области регуляции репродуктивного поведения супругов

М.М. Данина, Н.В. Кисельникова (Волкова), А.А. Голзицкая, Е.А. Куминская, С.В. Маркова

Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия

К.В. Карпинский, А.М. Колышко

Гродненский государственный университет имени Я. Купалы, Гродно, Беларусь

Поступила: 29 ноября 2014/ Принята к публикации: 28 мая 2016

The current state of research in the field of reproductive behavior of spouses' regulation

Maria M. Danina, Natalia V. Kiselnikova* (Volkova), Alyona A. Golzickaya, Eveniya A. Kuminskaya, Svetlana V. Markova

Psychological Institute RAE,
Moscow, Russia

Konstantin V. Karpinskiy, Alexander M. Kolyshko

Yanka Kupala Grodno State University, Grodno, Belarus

* Corresponding author E-mail: nv_psy@mail.ru

Received: November 29, 2014 / Accepted for publication: May 28, 2016

В статье представлен обзор социо-демографических, социо-экономических и психологических подходов к исследованию репродуктивного поведения супругов, сформировавшихся за последние тридцать лет. Большинство из них относится к одной из двух категорий концепций, объясняющих детерминацию решения о деторождении: рационально-прагматической и гедонистической. Тенденции развития данной области исследования заключаются в: 1) преодолении экономикоцентрической логики в объяснении факторов и детерминант, обуславливающих процесс принятия решений о рождении первого, второго и последующих детей; 2) дополнении традиционного социально-психологического анализа детерминации деторождения изучением индивидуально-психологических факторов, имеющих отношение к личности как субъекту репродуктивного поведения и целостной жизнедеятельности; 3) переходе от внеконтекстного изучения решений о деторождении к анализу их места и роли в контексте целостной биографии личности.

Анализ концепций и эмпирических исследований позволяет не только констатировать смещение фокуса внимания с экономических и демографических факторов на психологические, но и глубже понять социо-культурные и ценностно-психологические причины такого смещения. Принятие современным человеком/семьей решения о рождении детей все чаще осуществляется в режиме осознанного выбора в противоположность реализации биологической функции и следования традициям. Авторами подчеркивается, что адекватными для изучения субъектной позиции в принятии решения о деторождении выступают концепции психической регуляции репродуктивного поведения, которые развиваются на стыке психологии репродуктивного поведения, психологии родительства и психологии жизненного пути личности. В пользу этого говорит и значительный рост исследовательского интереса к таким субъектам принятия детородных решений как добровольно бездетные семьи, родители из групп риска, однополые семьи и т.п.

Ключевые слова: репродуктивное поведение, психология родительства, принятие решения о деторождении, мотивация родительства, регуляция репродуктивного поведения, жизненный путь личности.

The article provides an overview of the socio-demographic, socio-economic and psychological approaches to the study of reproductive behavior of spouses carried out over the last 30 years. Two categories of concepts that explain the determination of decisions on childbearing are regarded: rational-pragmatic and hedonistic. The trends in the development of this field of knowledge are as follows: 1) overcoming economical-oriented logic in explaining the factors and determinants of the decision making process; 2) individual psychological factors study in addition to the traditional socio-psychological analysis of the determination of childbirth; 3) the transition from studying the context of decisions about childbirth to the analysis of their role and place in the context of the person biography.

The analysis of the concepts and empirical studies helps not only to reveal a massive shift of professional interest from economic and demographic factors to psychological ones, but also to have a better understanding of socio-cultural and psychological and value determined roots of that shift. Nowadays, in contrast to biological patterns and established traditions, a personal or family decision about bearing a child is becoming more and more conscious.

Particular attention is paid to the concept of mental regulation of reproductive behavior that is developed at the intersection of psychology of reproductive behavior, psychology of parenthood and individual psychology. The supportive argument is that new objects of study are considered, such as voluntarily childless families, parents at risk, same-sex families.

Key words: human reproductive behavior, psychology of parenthood, childbearing decision parenthood motivation, human reproductive behavior regulation, individual psychology.

Вопрос о рождении детей для современного человека все больше приобретает характер свободного выбора, а не биологической необходимости. Это связано с целым комплексом причин как социально-экономического, так и ценностно-психологического характера, начиная от широкого выбора и доступности средств контрацепции и заканчивая изменением ценностей и представлений о модели семьи, образе идеального родительства и предназна-

нии мужчин и женщин. Все это, во-первых, делает людей субъектами принятия решения о том заводить или не заводить детей, и, если да, то сколько и когда. Во-вторых, влечет за собой последствия для внутрисемейных отношений, в том числе для их финансовой и психологической сторон. «В прошлом меньше выбора означало меньше конфликтов между супругами, по крайней мере, вначале. Теперь, когда каждый партнер ожидает свободный выбор в этом вопросе, планирова-

ние семьи может стать поводом для болезненных и деликатных переговоров» (Cowan и Cowan, 1992, С. 31). В связи с тем, что роли и модели родительства размываются, некоторыми исследователями оно рассматривается как источник социального риска (Гедуева, 2006). Психология родительства, как научная область, должна учитывать динамику социальных условий и ценностных ориентиров и включать свой предмет исследования в контекст этих изменений, о чем пишут многие исследователи (Гурко, 2000; Чибисова, 2003; Захарова, 2010). В данной статье мы проследим, как происходил сдвиг исследовательских интересов от экономических и демографических факторов к психологическим за последние тридцать лет.

Мария Михайловна Данина – кандидат психол. наук, старший научный сотрудник лаборатории научных основ психологического консультирования и психотерапии Психологического института Российской академии образования
E-mail: mdanina@yandex.ru

Наталья Владимировна Кисельникова (Волкова) – кандидат психол. наук, доцент, зам. директора по научно-организационному развитию, зав. лабораторией консультативной психологии и психотерапии Психологического института Российской академии образования
E-mail: nv_psy@mail.ru

Алена Александровна Голзицкая – младший научный сотрудник лаборатории научных основ психологического консультирования и психотерапии Психологического института Российской академии образования
E-mail: a_golz@mail.ru

Евгения Андреевна Куминская – научный сотрудник лаборатории научных основ психологического консультирования и психотерапии Психологического института Российской академии образования
E-mail: j-aquarius@bk.ru

Развитие демографического подхода к исследованию репродуктивного поведения

В демографии существует устойчивая традиция исследований, направленных на то, чтобы объяснить или предсказать рождаемость при определенных обстоятельствах и условиях жизни пары (Billari, 2009; Davidson, Jaccard, 1975). Следует отметить, что излюбленными у большинства демографов, экономистов и политиков остаются меры, регулирующие экономические факторы и повышающие уровень жизни семей с детьми. Однако целый ряд европейских и российских исследований показал, что статистический анализ выявляет непрямолинейную связь этих факторов. Так, научные сотрудники НИУ «Высшая школа экономики» Я. Рощина и А. Бойко (2006), по данным опроса российских домохозяйств (Russian Longitudinal Monitoring Survey) с 1994 по 2001 г. (всего 28758 наблюдений), выяснили, что влияние изменения дохода на склонность семьи завести детей незначительно. При этом вероятность рождения первого ребенка положительно связана с наличием у женщины супруга (партнера) и самооценкой здоровья и отрицательно – с частотой потребления алкоголя и уровнем доходов женщины. Еще одним исследованием, подтверждающим эти выводы, стал пилотный проект Независимого института социальной поли-

тики «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», выполняемый с 2002 г. в рамках международной программы «Поколения и гендер». В исследовании принял участие 11261 респондент в возрасте от 18 до 79 лет из 32 регионов России. Авторы установили, что целый ряд экономических параметров, включенных в математическую модель (занятость и профессиональный статус женщины, доходы отдельных членов семьи, оценка уровня материального благосостояния, ожидание изменения благосостояния семьи), не оказывает ожидаемого влияния на репродуктивное поведение женщин.

Так, постепенно экономически-центрированные исследования обнаружили свою ограниченность в понимании факторов и механизмов репродуктивного поведения и регуляции уровня рождаемости, а роль социологических и психологических исследований в этой области значительно возросла. В связи с тем, что

устойчивое сохранение низкого уровня рождаемости, независимо от экономической поддержки семей, в европейских странах XX века уже достаточно давно осмыслилось, большую популярность приобрела теория второго демографического перехода (Lesthaeghe, Van de Kaa, 1986; Захаров, 2005). Он характеризуется четырьмя основными чертами:

1) переход от «золотого века» брака к его закату, то есть широкое распространение юридически неоформленных форм совместной жизни и альтернативных форм семьи;

Постепенно экономически-центрированные исследования обнаружили свою ограниченность в понимании факторов и механизмов репродуктивного поведения и регуляции уровня рождаемости, а роль социологических и психологических исследований в этой области значительно возросла

2) переход от детоцентристской модели семьи к индивидуалистически ориен-

тированной «зрелой» паре партнеров с одним ребенком;

3) переход от превентивной контрацепции, предназначенной для предотвращения рождений ранних детей, к сознательному планированию рождения каждого ребенка;

4) переход от унифицированной модели к плюралистическим моделям семьи.

Поэтапный механизм перехода раскрывается следующим образом. Родители, в целях снижения эмоциональных и финансовых инвестиций в ребенка, уменьшают количество детей, компенси-

руя это повышением качества их жизни (Aries, 1980). Это, в свою очередь, высвобождает время и ресурсы для внесемейной активности родителей и в дальнейшем приводит к изменению ценностных приоритетов семей.

На первое место выходит самореализация, в рамках которой рождение детей становится одним из вариантов достижения индивидуальных целей (Захарова, 2015). В результате изменения отношения к рождению детей и семейным ценностям, в совокупности с распространением использования инструментов регулирования числа рождений происходит снижение уровня рождаемости, вплоть до уровня, не обеспечивающего простое воспроизводство.

В рамках представленной теории можно наблюдать переход приоритета от экономических факторов к психологическим (изменение ценностных предпочтений родителей и места ребенка в жизненном пространстве и пути семьи). Учитывая при этом, что источником интереса к демографическим исследованиям, по большей мере, оставалась необходимость управления рождаемостью, их фокус внимания был, в первую очередь, сосредоточен на изучении неэкономических факторов, связанных с количеством рожденных детей. Это демографические и средовые факторы, психологические черты личности и пары, поведенческие факторы, биологические факторы, со-

Светлана Викторовна Маркова – кандидат психол. наук, старший научный сотрудник лаборатории научных основ психологического консультирования и психотерапии Психологического института Российской академии образования
E-mail: clairmarkova@mail.ru

Константин Викторович Карпинский – кандидат психол. наук, доцент, зав. кафедрой экспериментальной и прикладной психологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Беларусь)
E-mail: karpkostia@tut.by

Александр Марьянович Колышко – кандидат психол. наук, зав. кафедрой общей и социальной психологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Беларусь)
E-mail: kolyshko10@gmail.com

циально-психологические факторы и др. (Michaels, Goldberg, 1988).

Было выявлено, что среди демографических факторов особенно важным для прогнозирования репродуктивных намерений является число детей, которые есть у лица, принимающего решение (Morgan, 1982; Yamaguchi, Ferguson, 1995). Намерение иметь первого ребенка качественно отличается от решения иметь последующих детей. Отношение к детям, в целом, играет особую роль в принятии решения о первенце, в отличие от решения о еще

на принятие решения и реализацию намерения родить ребенка (Thomson, 1997; Thomson, Hoem 1998; Rosina, Testa, 2009). Решение иметь ребенка часто рассматривается как совместное решение двух партнеров (Beckman et al., 1983; Miller et al., 2004; Rosina, Testa, 2009; Thomson, 1997).

Однако последние демографические исследования, выполненные в социально-психологической традиции, относят партнеров лишь к одному из нормативных образцов среди прочих. Родители

Можно заметить тенденцию к дополнению традиционного социально-психологического анализа детерминации деторождения изучением индивидуально-психологических факторов, имеющих отношение к личности, как субъекту репродуктивного поведения и целостной жизнедеятельности

на одном ребенке (Billari, 2009; Philipov et al., 2006). Самым важным фактором, влияющим на последнее решение, становится наличие постоянного партнера, стабильных семейных отношений и опыт родительства, который может существенно скорректировать прежние представления и ожидания человека по поводу воспитания ребенка и привести к пересмотру своих намерений по поводу рождения новых детей (Regnier-Loier, 2006).

Попытки выявить прогностические показатели рождаемости привели исследователей к выводу о необходимости оценивать силу намерения и степень уверенности в нем (Morgan, 1982). Чем выше уверенность, тем большую предсказательную силу имеет намерение (Schoen et al., 1997).

В свою очередь, множество исследований показывает, что фактор уверенности находится в связи, по крайней мере, с двумя условиями: возрастом и наличием партнера (Sobotka, 2009; Sobotka, Testa, 2008; Iacovou, Tavares, 2009). По данным исследования отцов первенцев три фактора являются значимыми детерминантами родительства:

- 1) стабильность в отношениях с партнером;
- 2) относительная финансовая безопасность;
- 3) чувство окончания бездетного периода жизни (Coltrane, 1997, С. 130).

Стабильность и согласие в парах действительно оказывает сильное влияние

и другие члены семьи, как было показано, тоже являются важными нормативными образцами, и представления матерей о сроках и численности семьи оказывают сильное влияние на детородные предпочтения семьи (Axinn, 1994) и детородное поведение. Важным оказывается также мнение сверстников относительно деторождения (South, Baumer, 2000) и информация в социальных сетях (Bühler, Frączak, 2007). Эти воздействия могут быть как описательными, так и оценивающими. Одно из качественных исследований, например, показало, что репродуктивные намерения девочек находятся под влиянием друзей в той же степени, что и ее матери (Bernardi, 2007).

В описанных исследованиях можно заметить тенденцию к дополнению традиционного социально-психологического анализа детерминации деторождения изучением индивидуально-психологических факторов, имеющих отношение к личности, как субъекту репродуктивного поведения и целостной жизнедеятельности. Однако все перечисленные исследования носят изолированный характер – в том смысле, что концентрируются на выявлении отдельных факторов, не опираясь на определенную теоретическую модель регуляции репродуктивного поведения и не претендуя на системное понимание психологических механизмов формирования репродуктивных намерений и принятия решений о деторождении.

Психология родительства в контексте репродуктивного поведения

Переход от внеконтекстного изучения решений о деторождении к анализу их места и роли в контексте целостной биографии личности, когда принятие решения о рождении ребенка или отказе от него рассматривается как значимое событие жизни родителя и веха жизненного цикла семьи, был намечен в стремительно развивающейся отрасли знаний – психологии родительства. Р.В. Овчарова отмечает, что как интегральное образование личности, родительство включает: ценностные ориентации супругов (семейные ценности), родительские установки и ожидания, родительское отношение, родительские чувства, родительские позиции, родительскую ответственность, стиль семейного воспитания (Овчарова, 2005). То есть, родительство понимается как комплексный феномен, в котором выделяются мотивационные, когнитивные, аффективные и поведенческие аспекты.

Мотивация родительства

Одним из классических в этом направлении стало «Национальное исследование рождаемости и родительских мотивов в Нидерландах», после проведения которого была создана методика «Перечень мотивов к родительству» (Parenthood-motivation list, van Balen, 1991; Balen, Trimbos-Kemper, 2008). Все мотивы охвачены шестью шкалами:

- 1) счастье (ожидаемое чувство привязанности и счастья в отношениях с детьми);
- 2) благополучие (связывается с положительным влиянием детей на семейные отношения);
- 3) родительство (означает, что быть матерью или отцом для человека является источником ощущения полноты жизни);
- 4) идентичность (означает, что дети облегчают переход ко взрослой жизни и укрепляют аутентичность);
- 5) непрерывность (включает желание продолжить жизнь после смерти посредством детей, а также иметь поддержку в старости);

б) социальный контроль (относится к явному или неявному внешнему давлению по поводу рождения ребенка, которое оказывают на пару).

В серии работ В. Миллер и Д. Паста применена теоретическая модель, в которой мотивы деторождения влияют на желания, намерения и поведение в отношении рождения детей (Miller, 1995; Miller, Pasta, 1995). В свою очередь, мотивация деторождения находится под влиянием, с одной стороны, биологически обусловленных диспозиций, которые могут быть частично унаследованными, с другой – раннего жизненного опыта. «Анкета рождения», предложенная Миллером (Miller, 1995, С. 476), измеряет детородную мотивацию путем разделения «положительной детородной мотивации» и «отрицательной детородной мотивации». К первой относятся шкалы:

- 1) радости беременности, родов и младенчества;
- 2) традиционное отцовство;
- 3) удовлетворение от воспитания детей;
- 4) чувство необходимости и ответственности;
- 5) инструментальные ценности.

К негативным шкалам относятся:

- 1) дискомфорт во время беременности и родов;
- 2) страхи и тревоги родительства;
- 3) негативные эмоции от ухода за ребенком;
- 4) родительский стресс.

Начало исследования двух типов мотивации (направленной на достижение/желание завести ребенка и на избегание/нежелание заводить детей) в ее связи с жизненными планами и текущей жизненной ситуацией родителя было, в определенном смысле, знаковым для психологии родительства. Оно приблизило ее к рассмотрению родителей как субъектов принятия решения о деторождении в контексте их биографии, а не только как объектов манипуляции уровнем рождаемости. «Желание или нежелание иметь ребенка у пар зависят от того, кто они такие, каким путем они попали в данный период своей жизни, что они думают о своих отношениях; их история как личностей и как пары влияет на то, пройдет ли их семейная дискуссия гладко или с трениями» (Cowan и Cowan, 1992, С. 34).

В исследованиях на стыке психологии и демографии были изучены семьи, сознательно отказавшиеся от рождения ребенка, и выявлено, что их специфика выражается в сочетании двух разных векторов активности. Один из них направлен внутрь семьи (семья как источник взаимной поддержки, взаимного понимания и личностного подтверждения), другой – вовне, из семьи в социум (значимость для обоих супругов профессиональной занятости и социальной активности) (Снегирева, 2010).

Добровольно бездетных семьях отказ от детей – не результат действия отдельных (финансовых или психологических) препятствий, а решение, продиктованное всей логикой развития отношений между супругами и их спецификой. Были выявлены структурные особенности семьи без детей, ведущей из которых является хаотичный тип адаптации

Стало ясно, что в добровольно бездетных семьях отказ от детей – не результат действия отдельных (финансовых или психологических) препятствий, а решение, продиктованное всей логикой развития отношений между супругами и их спецификой. Были выявлены структурные особенности семьи без детей, ведущей из которых является хаотичный тип адаптации. Лидерские функции здесь чаще всего разделены между супругами или принимаются каждым из них попеременно, а порой и совместно, жесткие, закрепленные по определенному признаку – например, половому или возрастному – функционально-ролевые предпочтения отсутствуют.

С другой стороны, начиная с 1990-х гг. и до настоящего времени активно изучаются особенности мотивации деторождения в парах с выраженными препятствиями к этому: в вынужденно бездетных (нефертильных) парах, в парах нетрадиционной ориентации, у людей, страдающих смертельными заболеваниями и т.д. (Balen, Trimbos-Kemper, 1995; Dyer et al., 2008; Newton et al., 1992; Paiva et al., 2003; Sutter et al., 2002). Это изучение ведется, в том числе, и в сравнении с фертильными людьми. Например, Т. Cassidy и Р. Sintrovani сравнивали мотивы родительства у женщин, сделавших экстракорпоральное оплодотворение, и фертильных беременных женщин. Всего в исследовании приняло участие 360 человек (Cassidy, Sintrovani,

2008). Выборки значимо отличались по шкалам родительских мотивов продолжения рода и идентичности (более высокие показатели получены в выборке ЭКО) и стратегиях совладания. Н. Bos, F. Balen и D. Boom изучали мотивацию к родительству в лесбийских семьях в сравнении с гетеросексуальными и выявили, что в первой выборке больше времени думают о мотивах заведения детей и желание завести детей у ее представителей выражено сильнее, чем во второй выборке (Bos, Balen, Boom, 2003). Также

мотив обретения счастья в связи с появлением ребенка значимо преобладает у лесбийских матерей по сравнению с гетеросексуальными родителями.

Родительские установки и принятие решений

Эти и другие исследования постепенно подвели к осознанию того, что мотивы и намерения родить ребенка и условия, в которых они складываются, не напрямую связаны с конечным решением и действием. Поэтому наряду с сохранением интереса к исследованию детородных мотивов и намерений, все большую актуальность приобретает направление исследований, связанное с изучением регуляции принятия репродуктивных решений.

Один из крупнейших международных исследовательских проектов такого уровня под названием REPRO был проведен относительно недавно с целью определить политику, направленную на повышение рождаемости и стимулирование пар к принятию положительного решения относительно рождения детей (Sabota, 2011). Для изучения вклада убеждений взрослых людей относительно деторождения в принятие решений исследователи опирались на модель I. Ajzen. Она относится к социально-психологической теории запланированного поведения (Ajzen, 2005). Согласно

данной модели, человеческое поведение – это следствие рефлексивных решений, которые подвергаются когнитивной и эмоциональной переработке и приводят к трем типам оценок:

- 1) Отношение. Оценка того, что проявленное поведение окажет позитивный или негативный результат на жизнь человека;
- 2) Восприятие нормы. Оценка социального давления на поведение;
- 3) Восприятие поведенческого контроля. Оценка способности воплотить в жизнь данное поведение.

Для определения убеждений, связанных с репродуктивными решениями, был использован метод структурного моделирования (SEM) и два набора убеждений – о «плате» за рождение ребенка («что может быть потеряно») и о преимуществах рождения ребенка («что может быть получено»). Кроме того, оценивались три группы факторов, которые могут влиять на решение иметь ребенка: материальные факторы (финансы и жилье), факторы, связанные с уходом за ребенком и отпуском по уходу, личные факторы (включая здоровье и наличие подходящего партнера). Было показано, что убеждения играют значительную роль в намерении родить ребенка. Так, позитивное отношение к бездетности среди людей детородного возраста очень тесно связано с намерениями остаться бездетными (Коропексуй-Сох, Pendell, 2007). Установки, связанные с необходимостью рождения ребенка в течение двух лет, связаны с намерением родить ребенка в тот же период времени (Billari, 2009). Наличие поддержки со стороны матерей супругов также имеет сильное влияние на решение о рождении второго ребенка.

Содержание репродуктивных убеждений было систематизировано Л. Бернарди и М. Минарска посредством опроса 147 бездетных и 124 имеющих детей респондентов (Mynarska, Bernardi, 2010). В итоге было выделено шесть категорий намерений рождения ребенка, которые охватывают все варианты ответов и различаются по степени выраженности желания иметь ребенка и временных перспектив осуществления этого желания.

Категория 1: «Конечно, да». Ответы из этой категории отражают актуальное желание завести ребенка, причем,

главным образом, исходя из его эмоциональной значимости (радости и счастья). Люди отмечают, что они готовы иметь ребенка потому что:

- 1) хотят быть зрелыми и достаточно ответственными, чтобы стать родителями;
- 2) хотят быть в отношениях, которые являются стабильными;
- 3) в состоянии обеспечить будущее потомства;
- 4) желают стать родителями, прежде чем достигнут возраста, когда будет тяжело понимать и воспитывать детей.

Респонденты в этой категории склонны к достаточно молодому родительству.

Категория 2: «Конечно, нет». Эти ответы представляют противоположный конец континуума намерений о рождении ребенка, их авторы твердо решили не иметь детей либо не заводить еще одного ребенка. Такая позиция связана с двумя аспектами: они либо не имеют желания заводить ребенка, либо высоко ценят другие жизненные приоритеты и рождение ребенка воспринимается как нечто конкурирующее и несовместимое с ними (например, самореализация на работе, личного развития, художественное творчество, высокий уровень жизни, личная свобода, путешествия, хобби и так далее). Участники исследования из этой группы, уже имеющие детей, сумели «примирить» семейную жизнь и другие ее сферы, но появление еще одного ребенка, по их мнению, разрушит это равновесие. Отличительной чертой всех респондентов, принадлежащих к категории «Конечно, нет», является удовлетворенность жизнью, которую рождение ребенка может существенно снизить.

Категория 3: «Как только» (условное намерение). Люди, отнесенные к этой группе, имеют множество причин, препятствующих решению заводить желанного ребенка. Как правило, эти причины воспринимаются как внешние и находящиеся вне контроля респондента. Было определено четыре ключевых препятствия:

- 1) проблема отсутствия подходящего партнера или отсутствие готовности у партнера заводить ребенка;
- 2) получение образования в текущий момент;
- 3) занятость (стабильная работа или стаж, который должен быть наработан);
- 4) жилье и финансовые проблемы.

Многие респонденты этой категории также выражают различные страхи, связанные с родительством: потеря личной свободы, ухудшение уровня жизни, страх не суметь сбалансировать семейные отношения или быть плохим родителем.

Категория 4: «Конечно, когда-нибудь». Ответы респондентов этой категории, в основном, были даны бездетными мужчинами и женщинами, которых объединяет ощущение, что они не достигли такой стадии жизни, когда можно рассматривать вопрос о рождении ребенка. Им хочется иметь ребенка, но, как правило, в далеком будущем. Сначала респонденты собираются получить образование или завершить его, найти работу, оставить родительский дом, установить стабильный союз и только после этого планировать деторождение.

Категория 5: «Возможно» (неопределенное намерение). Намерения этих участников исследования относительно рождения детей являются неопределенными и неоднозначными по причине одной из следующих мотивировок:

- 1) проблемы в текущих отношениях;
- 2) конкуренция намерений между родительством и другими высоко оцениваемыми жизненными приоритетами;
- 3) опасение стать плохими родителями (часто связанное с негативным опытом в детстве).

Эти ответы пересекаются с таковыми из категории «Конечно, нет», однако примечательно, что финансовые вопросы не занимают здесь особого места и не становятся ключевыми аргументами неопределенности респондента.

Категория 6: «Время от времени» (амбивалентные намерения). В эту категорию вошли только женщины. Им свойственно сильное чувство несовместимости родительства с другими сферами жизни, подобно описанному респондентами в категории «Конечно, нет». Тем не менее, для этих респондентов бездетная жизнь – нелегкая альтернатива. Опасения по поводу одиночества, эмоциональных и практических последствий бездетности встречаются здесь наряду с озабоченностью по поводу благополучия в старости и тем, что дети приносят радость, счастье и являются «необходимой частью семьи». Эти убеждения обес-

печивают достаточно причин, чтобы не принимать окончательного решения в отношении родительства.

Множество эмпирических исследований показали тесную связь репродуктивных решений и поведения с широким кругом факторов личностного и событийного характера из жизни потенциальных родителей. Так, и мужчины, и женщины делают выбор в пользу родительства, ожидая личных внутренних изменений (Cowan и Cowan, 1992), личностного роста и развития путем приобретения новых знаний о себе (Coltrane, 1997; Hildebrand, 2000), уточнения своих способностей и реализации потенциала (Daniels, Weingarten, 1982); получения нового опыта и чувства наполненности жизни (Ryder, 1995). В социальном смысле родительство дает человеку статус взрослого, поскольку наличие детей часто рассматривается обществом как маркер ответственности и зрелости (Brooks, 2001; Michaels, Goldberg, 1988; Muzi, 2000). Многие отцы рассказывают о том, что воспитание помогло им стать более терпеливыми, терпимыми и зрелыми (Coltrane, 1997, С. 119). Часто пары выбирают родительство, чтобы было кому передать свои семейные традиции и наследие (Hildebrand, 2000).

Отдельным фактором принятия решения выступает ориентация на социальные нормы, иногда пара решает завести ребенка под давлением со стороны семьи или сверстников. Исследования показывают, что это может привести к появлению сильного стресса и напряжения у супружеской пары и снижению удовлетворенности жизнью каждого члена семьи (Ryder, 1995).

Можно выделить два типа концепций принятия решения о рождении детей: рационально-прагматические и гедонистические. Первые раскрывают детерминацию решения о рождении ребенка через соотнесение потенциальными родителями «издержек» и «бонусов» от рождения ребенка. Например, желание иметь спутника жизни и «сиделки» в старости (Ryder, 1995) может перевесить временные неудобства, связанные со снижением уровня доходов и качества жизни после рождения ребенка. Многие исследования, действительно, подтверждают, что финансы и карьера неизбежно претерпевают измене-

ния, как только в семье появляется ребенок. В современном мире дети обходятся семье очень дорого и затраты на них имеют тенденцию к увеличению по мере их взросления. Также трудно полностью посвящать себя карьере и воспитывать малыша, поэтому как мужчины, так и женщины испытывают ограничения в профессиональном росте (Taniguchi, 1999).

Другими концепциями, относящимися к категории рационально-прагматических, являются:

- 1) теория межпоколенного потока богатств Дж. Колдуэлла;
- 2) микроэкономическая концепция Г. Беккера;
- 3) экология человеческого поведения Г. Каплан, С. Турке.

В адрес данных концепций высказывается ряд критических замечаний:

- 1) отсутствует четкая взаимосвязь между изменениями социоэкономического статуса и изменением тенденций рождаемости;
- 2) факторы, связываемые исследователями со «стоимостью ребенка», не объясняют изменения норм детности;
- 3) неубедительность исходного предположения о том, что семьи принимают решение о деторождении, исходя из соотношения затрат и выгод.

Гедонистические концепции рассматривают решение о деторождении в связи со стремлением к удовлетворению потребностей и получению удовольствий (например, от отношений с партне-

чается в том, что необходимо одновременно оценивать экономические, нормативные и психологические факторы при изучении принятия решения о заведении детей. Hoffman&Hoffman описали девять измерений, вносящих вклад в оценку ценности детей:

- 1) социальная идентичность и статус взрослого;
- 2) расширение самости, трансценденность, желание «бессмертия»;
- 3) мораль, религия, альтруизм, нормы, касающиеся сексуального поведения, импульсивное действие, добродетель;
- 4) привязанность;
- 5) новшество, развлечение;
- 6) реализация, профессионализм, творческий подход;
- 7) власть, влияние, эффективность;
- 8) социальное сравнение, конкуренция;
- 9) экономическая целесообразность.

Другие ученые критикуют данный список за его неполноту (Friedman, Hechter, Kanazawa, 1994). Анализируя детородные решения в современных условиях, когда экономическая полезность детей не играет важной роли, они ссылаются на ценность детей с точки зрения необходимости «уменьшить неопределенность» в жизни потенциального родителя. Согласно исследованиям, ценность детей, в целом, остается все еще высокой для современных семей, но изменяются приоритеты в достижении жизненных целей, на первое место среди которых выдвигаются достижения

Отдельным фактором принятия решения выступает ориентация на социальные нормы, иногда пара решает завести ребенка под давлением со стороны семьи или сверстников. Исследования показывают, что это может привести к появлению сильного стресса и напряжения у супружеской пары и снижению удовлетворенности жизнью каждого члена семьи

ром или от процесса взаимодействия с детьми). Решение о деторождении принимается, если ожидается получение от этого удовольствия. К гедонистическим концепциям принятия решения о рождении ребенка относятся концепции Ж. Перуссе и М. Фостер.

В рамках рационально-гедонистических концепций принятия решений о рождении ребенка зародилась концепция «ценности детей», представленная в работах Hoffman&Hoffman (Hoffman, Hoffman, 1973). Ее базовая идея заклю-

в других сферах жизни (Балашов, Савинов, 1997; Захарова, 2015). В результате снижается мотивация к рождению детей (за исключением первенца, которого все еще собирается иметь практически каждая семья).

Наук подчеркивает важность двух основных измерений в определении ценности детей: экономическое утилитарное (например, связанное с экономическим вкладом детей в благополучие домохозяйства, их вкладом в домашние дела, их ролью в оказании помощи пожилым ро-

дителям), и психоэмоциональное значение (например, связанное с укреплением эмоциональных связей после взаимодействия с детьми) (Nauck, 2007).

Итак, анализ 30-летней истории развития исследований и подходов к изучению репродуктивного поведения показывает следующее. Несмотря на переход

от изучения внешних, экономических и социальных факторов к психологическим, а затем и к попыткам сформировать некоторое системное видение механизмов, обуславливающих регуляцию репродуктивного поведения, в настоящее время отсутствует концепция, целостно охватывающая разноуровневые детерминанты детородного поведения как в демографическом, так и в психологическом дискурсе.

Несмотря на переход от изучения внешних, экономических и социальных факторов к психологическим, а затем и к попыткам сформировать некоторое системное видение механизмов, обуславливающих регуляцию репродуктивного поведения, в настоящее время отсутствует концепция, целостно охватывающая разноуровневые детерминанты детородного поведения как в демографическом, так и в психологическом дискурсе

Литература:

- Балашов В. А., Савинов Л.И. Облик современной семьи. – Саранск : Морд. кн. изд-во, 1997. – 144 с.
- Гедуева Л.А. Воспроизводство социальных рисков в России в контексте анализа социокультурной адаптации современной российской молодежи // Социально-гуманитарные знания. – 2006. – № 12. – С. 25–27.
- Гурко Т. А. Вариативность представлений в сфере родительства // Социс. – 2000. – № 4.
- Захаров С.В. Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход // Отечественные записки. – 2005. – № 3. – С. 39–40.
- Захарова Е.И. Условия становления негативного отношения современных женщин к материнской роли // Культурно-историческая психология. – 2015. – Т. 11. – № 1. – С. 44–49. doi:10.17759/chp.2015110106
- Захарова Е.И., Строголина А.И. Особенности принятия родительской позиции // Психологическая диагностика. – 2005. – № 4. – С. 58–70.
- Карпинский К.В., Кольшко А.М., Кисельникова Н.В. и др. Психическая регуляция репродуктивных решений // Актуальные проблемы психологии личности и социального взаимодействия: сб. науч. статей. – Гродно : ИЦ ГрГУ им. Я. Купалы, 2014. – С. 48–56.
- Овчарова Р.В. Родительство как психологический феномен: учебное пособие – Москва : Изд-во МПСИ, 2006.
- Рощина Я.М. Моделирование факторов склонности семьи к рождению ребенка в России // SPERO. – 2006. – № 5. – С. 98–133.
- Снегирева Т.В. «Добровольно бездетная» семья глазами семейного психолога // Культурно-историческая психология. – 2010. – № 3. – С. 99–109.
- Чибисова М.Ю. Феномен материнства и его отражение в самосознании современной молодой женщины : дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 2003.
- Ajzen, I. (2005) Attitudes, personality and behaviour. 2nd ed. New York, Open University Press.
- Aries, Ph. (1980) Two Successive Motivations for the Declining Birth Rate in the West. Population and Development Review. 6, 645–650.
- Axinn, W.G., Clarkberg M.E., Thornton A. (1994) Family Influences on Family Size Preferences. Demography. 31. 65–79.
- Balen, F., & Trimbos-Kemper, T.C. M. (2008) Involuntarily Childless Couples: Their Desire to have Children and Their Motives. Journal of Reproductive and Infant Psychology. 26.
- Beckman, L.J., Aizenberg, R., Forsythe, A.B., & Day, T. (1983) "A Theoretical Analysis of Antecedents of Young Couples' Fertility Decisions. Demography. 20, 519–533.
- Bernardi, L., & Mynarska, M. (2010) Surely yes, surely not, as soon as, maybe, at times, surely one day: understanding declared fertility intentions. REPRO- Deliverable. 5.
- Bernardi, L., von der Lippe, H., & Keim, S. (2007) Social influences on fertility: a comparative mixed methods study in Eastern and Western Germany. Journal of Mixed Method Research. 1, 23–47.
- Billari, F.C. (2009) The happiness commonality: fertility decisions in low-fertility settings. In keynote papers of panel discussion at UNECE Conference 'How generations and Gender shape Demographic change'. Geneva.
- Bos, H.M.W., Balen, F., & Boom, D.C. (2003) Planned lesbian families: their desire and motivation to have children. Human Reproduction. 18, 2216–1114.
- Brooks, J.B. (1991) The process of parenting. Mountain View, CA, Mayfield Publishing Company.
- Bühler, C., & Fraczak, E. (2007) Learning from others and receiving support: the impact of personal networks on fertility intentions in Poland. European Societies. 9, 359–382.
- Cassidy, T., & Sintrovani, P. (2008) Motives for parenthood, psychosocial factors and health in women undergoing IVF. Journal of Reproductive and Infant Psychology. 26, 4–17.
- Coltrane, S. (1997) Family man: Fatherhood, housework, and gender equity. Oxford, NY, Oxford University Press.
- Cowan, C., & Cowan P. (1992) When partners become parents: The big life change for couples. United States. Harper Collins Publishers.
- Daniels, P., & Weingarten, K. (1982) Sooner or later: The timing of parenthood in adult lives. New York, Norton.
- Davidson, A.R., & Jaccard, J.J. (1975) Population psychology: A new look at an old problem. Journal of Personality and Social Psychology. 31, 1073–1082.
- Dyer, S., Mokoena, N., Maritz, J., & Spuy, Z. (2008) Motives for parenthood among couples attending a level 3 infertility clinic in the public health sector

- in South Africa. *Human Reproduction*. 23, 352–357.
- Friedman, D., Hechter, M., & Kanazawa, S. (1994) A Theory of the Value of Children. *Demography*. 31, 375–401.
- Goldberg, W.A., Michaels G.Y. (1998) The transition to parenthood: current theory and research. New York, Cambridge University Press.
- Hildebrand, V. (2000) Parenting: rewards and responsibilities. Peoria, IL, Glencoe/McGraw-Hill.
- Hoffman, L.W., & Hoffman, M.L. (1973) The value of children to parents. J.T. Fawcett Eds. *Psychological perspectives on population*. New York, Basic Books.
- Iacovou, M., & Tavares, L.P. (2010) Yearning, learning and conceding: (Some of) the reasons people change their childbearing intentions. ISER Working Paper Series. 22.
- Koropecjy-Cox, T., & Pendell, G. (2007) Attitudes about Childlessness in the United States: Correlates of Positive, Neutral, and Negative Responses. *Journal of Family Issues*. 28, 1054–1082.
- Lesthaeghe, R., & Van de Kaa, D.J. (1986) Twee demografische transitie. In Bevolking Groei in Krimp. Dirk J. Van de Kaa, Ron Lesthaeghe (Eds.). Van Loghum Slaterus, Deventer.
- Michaels, G.Y., & Goldberg, W.A. (Eds.) (1988) The transition to parenthood: Current theory and research. NY, Cambridge University Press.
- Miller, T.B., & Short, S.E. (2004) Second births and the second shift: A research note on gender equity and fertility. *Population and development review*. 30, 109–130.
- Miller, W.B. (1995) Childbearing motivation and its measurement. *Journal Biosocial Science*. 27, 473–487.
- Miller, W.B., & Pasta, D.J. (1994) The psychology of child timing: A measurement instrument and a model. *Journal of Applied Social Psychology*. 24, 221–205.
- Morgan, S.P. (1982) Parity-specific fertility intentions and uncertainty: The United States 1970 to 1976. *Demography*. 19, 315–334.
- Muzi, M.J. (2000) The experience of parenting. Upper Saddle, NJ, Prentice-Hall.
- Nauck, B. (2007) Value of Children and the Framing of Fertility: Results from a Cross-cultural Comparative Survey in 10 Societies. *European Sociological Review*. 23, 615–629.
- Newton, C.R., Hearn, M.T., Yuzpe, A.A., & Houle, A.A. (1992) Motives for Parenthood and Response to Failed in Vitro Fertilization: Implications for Counseling. *J. of Assisted Reproduction and Genetics*. 9, 24–31.
- Paiva, V., Filipe, E.V., Santos, N., Lima, T.N., & Segurado, A. (2003) The Right to Love: The Desire for Parenthood among Men Living with HIV. *Reproductive Health Matters*. 11, 1191–100.
- Philipov, D., Spéder, Z., & Billari, F.C. (2006) Soon, later or ever? The impact of anomie and social capital on fertility intentions in Bulgaria (2002) and Hungary (2001). *Population Studies*. 60, 289–308.
- Regnier-Loiler, A. (2006) Influence of own sibship size on the number of children desired at various times of life. The case of France. *Population, English Edition*. 61, 16–194.
- Rosina, A., & Testa, M. (2009) Couples' First Child Intentions and Disagreement: An Analysis of the Italian Case La concordance des intentions d'avoir un premier enfant dans le couple: Une analyse du cas italien. *European Journal of Population*. 25, 487–502.
- Ryder, V. (1995) Parents and their children. South Holland, IL, Goodheart-Wilcox Company, Inc.
- Sabota, T. (2011). Reproductive Decision-Making in a Macro-Micro Perspective (REPRO). Synthesis and Policy Implications. Electronic source : http://www.ined.fr/fichier/t_telechargement/41500/telechargement_fichier_fr_repro_rapport.final.pdf (19.11.2014)
- Schoen, R., Kim, Y.J., Nathanson, C.A., Fields, J., & Astone, N.M. (1997) Why Do Americans Want Children? *Population and Development Review*. 23, 333–358.
- Sobotka, T. (2009) Sub-replacement fertility intentions in Austria. *European Journal of Population*. 25, 387–412.
- Sobotka, T., & Testa, M.R. (2008) Attitudes and intentions towards childlessness in Europe. Hohn, Ch., Avramov, D., & Kotowska, I. (Eds.) *People, population change and policies: lessons from the population policy acceptance study*. 1, 177–211.
- South, S.J., & Baumer, E.R. (2000) Deciphering community and race effects on adolescent premarital childbearing. *Social Forces*. 78, 1379–1408.
- Sutter, P. De, Kira, K., Verschoor, A., & Hotimsky, A. (2002) The Desire to have Children and the Preservation of Fertility in Transsexual Women: A Survey. *International Journal of Transgenderism*. 6.
- Taniguchi, H. (1999) The timing of childbearing and women's wages. *Journal of Marriage and the Family*. 61, 1108–1120.
- Thomson, E. (1997) Couple childbearing desires, intentions, and births. *Demography*. 34, 343–354.
- Yamaguchi, K., & Ferguson, L.R. (1995) The stopping and spacing of childbirths and their birth-history predictors: rational-choice theory and event-history analysis. *American Sociological Review*. 60, 272–299.

References:

- Ajzen, I. (2005) Attitudes, personality and behaviour. 2nd ed. New York, Open University Press.
- Aries, Ph. (1980) Two Successive Motivations for the Declining Birth Rate in the West. *Population and Development Review*. 6, 645–650.
- Axinn, W.G., Clarkberg M.E., Thornton A. (1994) Family Influences on Family Size Preferences. *Demography*. 31, 65–79.
- Balashov, V. A., & Savinov L. I. (1997) The image of a modern family. Saransk, Mord. Press, 144.
- Balen, F., & Trimbos-Kemper, T.C. M. (2008) Involuntarily Childless Couples: Their Desire to have Children and Their Motives. *Journal of Reproductive and Infant Psychology*. 26.
- Beckman, L.J., Aizenberg, R., Forsythe, A.B., & Day, T. (1983) "A Theoretical Analysis of Antecedents of Young Couples' Fertility Decisions. *Demography*. 20, 519–533.

- Bernardi, L., & Mynarska, M. (2010) Surely yes, surely not, as soon as, maybe, at times, surely one day: understanding declared fertility intentions. *REPRO- Deliverable*. 5.
- Bernardi, L., von der Lippe, H., & Keim, S. (2007) Social influences on fertility: a comparative mixed methods study in Eastern and Western Germany. *Journal of Mixed Method Research*. 1, 23–47.
- Billari, F.C. (2009) The happiness commonality: fertility decisions in low-fertility settings. In *keynote papers of panel discussion at UNECE Conference 'How generations and Gender shape Demographic change'*. Geneva.
- Bos, H.M.W., Balen, F., & Boom, D.C. (2003) Planned lesbian families: their desire and motivation to have children. *Human Reproduction*. 18, 2216–2224.
- Brooks, J.B. (1991) *The process of parenting*. Mountain View, CA, Mayfield Publishing Company.
- Bühler, C., & Fraczak, E. (2007) Learning from others and receiving support: the impact of personal networks on fertility intentions in Poland. *European Societies*. 9, 359–382.
- Cassidy, T., & Sintrovani, P. (2008) Motives for parenthood, psychosocial factors and health in women undergoing IVF. *Journal of Reproductive and Infant Psychology*. 26, 4–17.
- Coltrane, S. (1997) *Family man: Fatherhood, housework, and gender equity*. Oxford, NY, Oxford University Press.
- Cowan, C., & Cowan P. (1992) *When partners become parents: The big life change for couples*. United States. Harper Collins Publishers.
- Daniels, P., & Weingarten, K. (1982) *Sooner or later: The timing of parenthood in adult lives*. New York, Norton.
- Davidson, A.R., & Jaccard, J.J. (1975) Population psychology: A new look at an old problem. *Journal of Personality and Social Psychology*. 31, 1073–1082.
- Dyer, S., Mokoena, N., Maritz, J., & Spuy, Z. (2008) Motives for parenthood among couples attending a level 3 infertility clinic in the public health sector in South Africa. *Human Reproduction*. 23, 352–357.
- Friedman, D., Hechter, M., & Kanazawa, S. (1994) A Theory of the Value of Children. *Demography*. 31, 375–401.
- Gedueva, L. A. (2006) Reproduction of the social risks in Russia in the context of Russian young people sociocultural adaptation's analysis. *Socio-humanitarian knowledge [Sotsial'no-gumanitarie znaniya]*. 12, 25–27.
- Goldberg, W.A., Michaels G.Y. (1998) *The transition to parenthood: current theory and research*. New York, Cambridge University Press.
- Gurko, T. A. (2000) Variability of views in the context of parenthood. *Sotsis*. 4.
- Hildebrand, V. (2000) *Parenting: rewards and responsibilities*. Peoria, IL, Glencoe/McGraw-Hill.
- Hoffman, L.W., & Hoffman, M.L. (1973) The value of children to parents. J.T. Fawcett Eds. *Psychological perspectives on population*. New York, Basic Books.
- Iacovou, M., & Tavares, L.P. (2010) Yearning, learning and conceding: (Some of) the reasons people change their childbearing intentions. ISER Working Paper Series. 22.
- Karpinskiy, K.V., Kolishko, A.M., & Kisel'nikova, N.V. et al. (2014) Psychological regulation of reproductive choice. *Relevant problems of individual psychology and social interaction [Aktual'nie problemi psikhologii lichnosti i sotsial'nogo vzaimodeystviya]*. Grodno, Isdatelskiy tsentr imeni Ya. Kupaly. 48–56.
- Koropecjy-Cox, T., & Pendell, G. (2007) Attitudes about Childlessness in the United States: Correlates of Positive, Neutral, and Negative Responses. *Journal of Family Issues*. 28, 1054–1082.
- Lesthaeghe, R., & Van de Kaa, D.J. (1986) Twee demografische transitie. In *Bevolking Groei in Krimp*. Dirk J. Van de Kaa, Ron Lesthaeghe (Eds.). Van Loghum Slaterus, Deventer.
- Michaels, G.Y., & Goldberg, W.A. (Eds.) (1988) *The transition to parenthood: Current theory and research*. NY, Cambridge University Press.
- Miller, T.B., & Short, S.E. (2004) Second births and the second shift: A research note on gender equity and fertility. *Population and development review*. 30, 109–130.
- Miller, W.B. (1995) Childbearing motivation and its measurement. *Journal Biosocial Science*. 27, 473–487.
- Miller, W.B., & Pasta, D.J. (1994) The psychology of child timing: A measurement instrument and a model. *Journal of Applied Social Psychology*. 24, 221–205.
- Morgan, S.P. (1982) Parity-specific fertility intentions and uncertainty: The United States 1970 to 1976. *Demography*. 19, 315–334.
- Muzi, M.J. (2000) *The experience of parenting*. Upper Saddle, NJ, Prentice-Hall.
- Nauck, B. (2007) Value of Children and the Framing of Fertility: Results from a Cross-cultural Comparative Survey in 10 Societies. *European Sociological Review*. 23, 615–629.
- Newton, C.R., Hearn, M.T., Yuzpe, A.A., & Houle, A.A. (1992) Motives for Parenthood and Response to Failed in Vitro Fertilization: Implications for Counseling. *J. of Assisted Reproduction and Genetics*. 9, 24–31.
- Ovcharova, R.V. (2006) *Parenthood as a psychological phenomenon: manual*. Moscow, MPSI.
- Paiva, V., Filipe, E.V., Santos, N., Lima, T.N., & Segurado, A. (2003) The Right to Love: The Desire for Parenthood among Men Living with HIV. *Reproductive Health Matters*. 11, 1191–100.
- Philipov, D., Spéder, Z., & Billari, F.C. (2006) Soon, later or ever? The impact of anomie and social capital on fertility intentions in Bulgaria (2002) and Hungary (2001). *Population Studies*. 60, 289–308.
- Regnier-Loiler, A. (2006) Influence of own sibship size on the number of children desired at various times of life. *The case of France*. Population, English Edition. 61, 16–194.
- Rosina, A., & Testa, M. (2009) Couples' First Child Intentions and Disagreement: An Analysis of the Italian Case La concordance des intentions d'avoir un premier enfant dans le couple: Une analyse du cas italien. *European Journal of Population*. 25, 487–502.

- Roschina, Ya.M. (2006) Discovering potential childbirth factors among Russian families. *SPERO*. 5, 98–133.
- Ryder, V. (1995) *Parents and their children*. South Holland, IL, Goodheart-Wilcox Company, Inc.
- Sabota, T. (2011). Reproductive Decision-Making in a Macro-Micro Perspective (REPRO). *Synthesis and Policy Implications*. Electronic source : http://www.ined.fr/fichier/t_telechargement/41500/telechargement_fichier_fr_repro_rapport.final.pdf (19.11.2014)
- Schoen, R., Kim, Y.J., Nathanson, C.A., Fields, J., & Astone, N.M. (1997) Why Do Americans Want Children? *Population and Development Review*. 23, 333–358.
- Snegiryova, T.V. (2010) “Child-free” family as it is seen by a family psychologist. *Cultural-Historical psychology [Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya]*. 3, 99–109.
- Sobotka, T. (2009) Sub-replacement fertility intentions in Austria. *European Journal of Population*. 25, 387–412.
- Sobotka, T., & Testa, M.R. (2008) Attitudes and intentions towards childlessness in Europe. Hohn, Ch., Avramov, D., & Kotowska, I. (Eds.) *People, population change and policies: lessons from the population policy acceptance study*. 1, 177–211.
- South, S.J., & Baumer, E.R. (2000) Deciphering community and race effects on adolescent premarital childbearing. *Social Forces*. 78, 1379–1408.
- Sutter, P. De, Kira, K., Verschoor, A., & Hotimsky, A. (2002) The Desire to have Children and the Preservation of Fertility in Transsexual Women: A Survey. *International Journal of Transgenderism*. 6.
- Taniguchi, H. (1999) The timing of childbearing and women's wages. *Journal of Marriage and the Family*. 61, 1108–1120.
- Thomson, E. (1997) Couple childbearing desires, intentions, and births. *Demography*. 34, 343–354.
- Tschibisova, M. Yu. (2003) *Motherhood as a phenomenon and its role in a young modern woman's self-identification*, PhD Thesis. Moscow.
- Yamaguchi, K., & Ferguson, L.R. (1995) The stopping and spacing of childbirths and their birth-history predictors: rational-choice theory and event-history analysis. *American Sociological Review*. 60, 272–299.
- Zakharov, S.V. (2005) Birthrate perspectives in Russia: the second demographic shift. *National notes [Otechestvennie zapiski]*. 3, 39–40.
- Zakharova, E. I. (2015) Motives of modern women's negative attitude toward motherhood. *Cultural-Historical psychology [Cul'turno-istoricheskaya psikhologiya]*. 11, 44–49. Doi:10.17759/chp.20151101067.
- Zakharova, E.I., & Strogalina, A.I. (2005) Peculiarities of accepting parent positions. *Psychological diagnostics [Psikhologicheskaya diagnostika]*. 4, 58–70.

Связь ценностных ориентаций современных подростков с психологическими характеристиками их учителей и родителей

А.И. Подольский

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

О.А. Идобаева

Фонд «Национальное интеллектуальное развитие», Москва, Россия

Поступила: 27 мая 2016 / Принята к публикации: 8 июня 2016

Connections of contemporary adolescents value orientations with psychological characteristics of their teachers and parents

Andrey I. Podolskiy*

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Olga A. Idobaeva

Foundation "National Intellectual FDevelopment", Moscow, Russia

* E-mail: apodolski@mail.ru

Received: May 27, 2016 / Accepted for publication: June 8, 2016

В данной статье представлены результаты проведенного крупномасштабного исследования ценностно-мотивационной направленности личности подростков, проживающих в различных регионах Российской Федерации, в связи с особенностями социальной ситуации их развития (семья, школа). Полученные в исследовании данные позволяют наметить наиболее оптимальные формирующие процедуры, направленные на развитие у подростков ориентации в ценностных аспектах общественных отношений.

Такие понятия как нравственность, мораль, ценностные ориентации все чаще употребляются при описании тенденций развития общества, формирования мировоззрения подрастающего поколения. При этом актуальными являются вопросы: как происходит процесс формирования нравственных ценностей человека, какие факторы определяют направленность и динамику этого процесса? Ответы на эти вопросы и варианты их практической реализации заложены в комплексном подходе к построению программ развития социально-моральной компетентности школьников. Он предполагает максимальное вовлечение педагогов и родителей в совместную работу по формированию социально-моральной компетентности обучающихся, обеспечение их взаимодействия, проведение целенаправленной диагностики и мониторинга уровня развития социально-моральной компетентности, реализацию необходимых требований к проведению формирующей процедуры.

В проведенном исследовании приняли участие 2731 подросток (46,1% – юноши, 53,9% – девушки) из различных регионов Российской Федерации (всего 6 площадок); 937 родителей подростков; 125 учителей. В каждую площадку были включены 2 города, различающиеся по численности населения и по статусу (один из городов – областной).

В исследовании показано, что формирование социально-желательного комплекса ценностей у современного подростка предполагает целенаправленную, системную работу не только с самими подростками, но также с учителями и родителями. Недостаточное внимание к этим вопросам может привести к девиантным траекториям развития личности подростка, что будет иметь крайне негативные последствия для общества в целом.

Ключевые слова: ценностно-мотивационная сфера личности подростка, психоэмоциональное напряжение, ценностные ориентации.

The article presents the results of a large-scale study of value-motivational orientation identity of adolescents living in various regions of the Russian Federation in connection with the characteristics of the social situation of development (family, school). The data obtained in the study allows to identify the most appropriate formation procedures aimed at development of adolescent orientation in value aspects of social relations. Such concepts as morality, value orientations are increasingly used in describing the development trends in society, forming the worldview of the younger generation; the relevant questions are: how is the process of formation of human moral values going; what factors determine the direction and dynamics of this process? The study involved 2731 teenager (46.1% male, 53.9% female) from different regions of the Russian Federation (total 6 sites); 937 parents of adolescents; 125 teachers. Every site included 2 cities, distinguished by population and by status (one of the city is a regional capital). The identified connections of value orientations of students with various psychological characteristics of teachers and parents tell about the adverse trends in the formation of value-moral spheres of adolescents and bring to the fore the problem of working with these characteristics.

Key words: value-motivational sphere of adolescent personality, psychoemotional tension, value orientations.

Развитие ценностно-моральной компетентности является одной из важнейших задач системы школьного воспитания. Это обусловлено необходимостью формирования нравственного общественного фундамента и особенностями подросткового возраста, являющегося сенситивным в отношении решения задач самоопределения, в том числе, в сфере собственных идеалов и ценностей. Одна из главных трудностей на пути решения этой задачи заключается в том, что в современной психолого-педагогической науке и практике нет единого понимания, что собственно должно являться предметом формирования, каковы должны быть образовательные результаты, если речь идет о развитии ценностно-моральной сферы.

кие факторы определяют направленность и динамику этого процесса? Современное общество, в котором на первый план выходят принципы успешности, личных достижений, неизбежно ставит перед развивающейся личностью вопрос о выборе между общественными и собственными интересами. Чтобы сделать осознанный выбор, подростку необходимо проанализировать различные точки зрения, определить положительные и отрицательные последствия разных вариантов решения. Зачастую для этого необходимо целенаправленно создавать условия, которые способствовали бы формированию осознанной позиции подростка в ситуациях морального выбора.

Ценностные ориентации во многом задают жизненную позицию и ми-

в ходе которого происходят качественные изменения самосознания ребенка, определяющие условия формирования его системы ценностей (Л.С. Выготский, Л.И. Божович, А.С. Арсеньев, О.А. Карбанова, Н.А. Кирилова, М.Ю. Кондратьев, И.С. Кон, А.В. Кулешова, В.С. Мухина, Л.Ф. Обухова, Ф. Райс, А.А. Реан, В.С. Собкин, Д.И. Фельдштейн, Д.Б. Эльконин, С.Г. Якобсон, J.C. Coleman, J.R. Hopkins, E. Greenberger, L. Steinberg и др.). Согласно общепсихологическому пониманию, ценности имеют смысловую природу, они связывают когнитивную и мотивационную сферы личности, обеспечивая таким образом ее целостность (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, Б.С. Братусь, Г. Олпорт, В. Франкл и др.). Они выступают важным связующим звеном между обществом, социальной средой и личностью, являясь ее внутренними регуляторами поведения.

Социально-экономические процессы, происходящие в современной России, привели к значительному изменению ценностно-моральной сферы личности, прежде всего, подрастающего поколения. Современные подростки, живущие в сложном по своему содержанию и строению мире, возможно, больше других возрастных категорий зависят от культивируемых в обществе норм и ценностей. Ценностные ориентации, как высший уровень диспозиционной системы, полностью зависят от ценностей социальной общности, с которой себя идентифицирует личность (Ядов, 1994). К сожалению, наше общество, «зараженное» консьюмеризмом и гедонизмом, имеет серьезный дефицит позитивного воздействия на подрастающее поколение. Кроме того, современная семья все чаще не выполняет такие важные функции, как формирование у детей чувства защищенности, психологического комфорта. Данные социокультурные реалии, на которых во многом базируется самоопределение подростка, приводят к тому, что его жизненные ценности формируются не просто в ситуации социально-экономической нестабильности, а в ситуации ценностно-нормативной неопределенности. Все это не может не сказаться на формировании ценностно-смысловой сферы личности современных российских подростков и, соответственно, на их деятельности и поведении.

Современное общество, в котором на первый план выходят принципы успешности, личных достижений, неизбежно ставит перед развивающейся личностью вопрос о выборе между общественными и собственными интересами. Чтобы сделать осознанный выбор, подростку необходимо проанализировать различные точки зрения, определить положительные и отрицательные последствия разных вариантов решения

Такие понятия как нравственность, мораль, ценностные ориентации все чаще употребляются при описании тенденций развития общества, формирования мировоззрения подрастающего поколения. Как происходит процесс формирования нравственных ценностей человека? Ка-

ровозрание подростка. При этом их исследование требует учета возрастных изменений, которые происходят в ценностно-моральной сфере учащихся при переходе от младшего подросткового возраста к старшему. Подростковый возраст – особый этап развития личности,

Андрей Ильич Подольский – доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой психологии образования и педагогики факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
E-mail: apodolskiy@mail.ru

Ольга Афанасьевна Идобаева – доктор психологических наук, доцент, ведущий специалист департамента развития человеческого ресурса Фонда «Национальное Интеллектуальное Развитие».
E-mail: oai@list.ru

Для цитирования: А.И. Подольский, О.А. Идобаева Связь ценностных ориентаций современных подростков с психологическими характеристиками их учителей и родителей // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 2(22). – С. 84–93. doi: 10.11621/npj.2016.0208

For citation: Andrey I. Podolskiy, Olga A. Idobaeva (2016). Connections of contemporary adolescents value orientations with psychological characteristics of their teachers and parents. *National Psychological Journal*, [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 2, 84–93. doi: 10.11621/npj.2016.0208

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2016
© Russian Psychological Society, 2016

Несмотря на то, что исследование ценностей современных подростков достаточно широко отражено в научной литературе, проблема возрастнo-психологических особенностей ценностей современных подростков с учетом современного социокультурного контекста требует своего дальнейшего изучения.

Новизна нашего исследования заключается в том, что структура исследования позволяет не просто констатировать наличие той или иной иерархии ценностных ориентаций современных подростков, а предполагает более глубокое изучение данной проблемы за счет рассмотрения связей ценностных ориентаций с особенностями существеннейших элементов социальной ситуации развития подростков – семьи и школы. Выявленные закономерности позволят дать более полное описание психологических механизмов социаль-

53,9% – девушки) из различных регионов Российской Федерации (всего 6 площадок), 937 родителей подростков, 125 учителей. В каждую площадку были включены 2 города, различающиеся по численности населения и по статусу (один из городов – областной).

Методики исследования:

- Методика для учащихся: исследование ценностей личности Шварца (Schwartz) в адаптации В.Н. Карандашева (Карандашев, 2004, 2014).
- Методики для учителей и родителей: исследование уровня реактивной (РТ) и личностной тревожности (ЛТ) (Практикум по инженерной ..., 2003), исследование психоэмоционального напряжения (ПЭН) (Копина, Сулова, Заикин, 1995) и исследование смысловых ориентаций (Леонтьев, 1992).

ют базовые типы (Schwartz, 1992, 1994; Smith, Schwartz, 1997):

- власть (Power) – социальный статус, доминирование над людьми и ресурсами;
- достижение (Achievement) – личный успех в соответствии с социальными стандартами;
- гедонизм (Hedonism) – наслаждение или чувственное удовольствие;
- стимуляция (Stimulation) – волнение и новизна;
- самостоятельность (Self-Direction) – самостоятельность мысли и действия;
- универсализм (Universalism) – понимание, терпимость и защита благополучия всех людей и природы;
- доброта (Benevolence) – сохранение и повышение благополучия близких людей;
- традиция (Tradition) – уважение и ответственность за культурные и религиозные обычаи и идеи;
- конформность (Conformity) – сдерживание действий и побуждений, которые могут навредить другим и не соответствуют социальным ожиданиям;
- безопасность (Security) – безопасность и стабильность общества, отношений и самого себя.

Наше общество, «зараженное» консьюмеризмом и гедонизмом, имеет серьезный дефицит позитивного воздействия на подрастающее поколение. Кроме того, современная семья все чаще не выполняет такие важные функции, как формирование у детей чувства защищенности, психологического комфорта

ного поведения личности и на этой основе сконструировать наиболее оптимальные формирующие процедуры.

Цели исследования:

- выявить ценностные приоритеты подростков в различных регионах РФ;
- проанализировать взаимосвязь между социальной ситуацией развития и доминирующими ценностями подростков;
- выявить и описать возрастнo-психологические особенности ценностных приоритетов современных подростков.

Предмет исследования:

морально-ценностное самоопределение подростков.

Выборка: 54,7% выборки – подростки 13-14 лет (учащиеся 8-х классов общеобразовательной школы); 45,3% – подростки 15-16 лет (учащиеся 10-х классов общеобразовательной школы), родители учащихся, учителя школ, в которых проводилось исследование.

Всего в исследовании приняли участие 2731 подросток (46,1% – юноши,

Результаты исследования и их анализ

Шварц исходил из того, что наиболее существенный содержательный аспект, лежащий в основе различий между ценностями, – это тип мотивационных целей, которые они выражают. Поэтому он сгруппировал отдельные ценности в типы ценностей в соответствии с общностью их целей. Он обосновывал это тем, что базовые человеческие ценности, с высокой долей вероятности присущие всем культурам, – это те, которые представляют универсальные потребности человеческого существования (биологические потребности, необходимость координации социального взаимодействия и требования функционирования группы). Он отобрал ценности, выявленные предшествующими исследователями, а также найденные им самим в религиозных и философских трудах, посвященных ценностям разных культур. Затем сгруппировал их в десять мотивационно отличающихся типов, которые, с его точки зрения, охватыва-

На рисунке 1 представлены средние значения по всем ценностям для всей выборки подростков (в порядке убывания их значимости для подростков).

Различия в оценках ценностей учениками восьмого и десятого класса по критерию Манна-Уитни представлены в таблице 1.

Как следует из таблицы 1, в оценках ценностей подростками восьмых и десятых классов есть следующие значимые различия:

- 1 восьмиклассники значимо выше, чем десятиклассники ценят «конформность», «традиции», «универсализм», «гедонизм» и «безопасность»;
- 2 десятиклассники значимо выше восьмиклассников оценивают «самостоятельность», «возбуждение», «достижение» и «власть».

Немаловажное значение в исследовании морально-ценностных ориентаций подростков имеют гендерные различия. Мы проверили с помощью критерия Манна-Уитни значимость различий в оценках ценностей юношами и девушками (таблица 2).

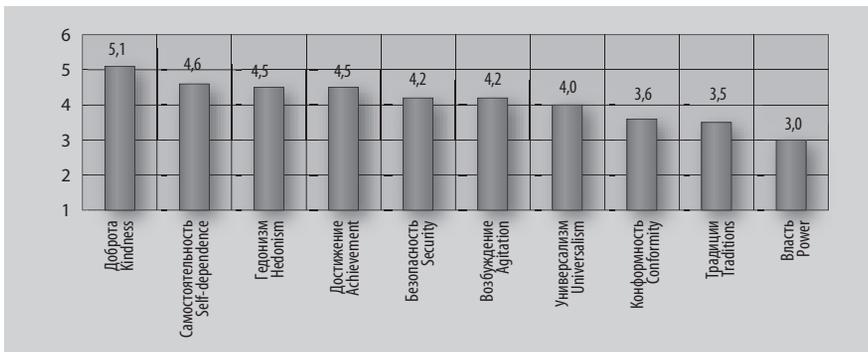

Рис. 1. Средние значения по всем ценностям для всей выборки в порядке убывания значений.

Figure 1. Mean values for all values for all samples in the order of value decreasing.

Табл. 1. Значимость различий в оценках ценностей подростками 8-х и 10-х классов.

Ценность	8 / 10	
	U	P
Конформность	708128,5	,000
Традиция	757922,0	,000
Доброта		
Универсализм	738043,5	,004
Самостоятельность	732868,0	,000
Возбуждение	757584,5	,000
Гедонизм	821380,5	,015
Достижение	759182,0	,008
Власть	727248,5	,000
Безопасность	779383,0	,001

Table 1. Significance of differences in adolescent estimates of the 8th and 10th grade.

Value	8 / 10	
	U	P
Conformity	708128.5	.000
Tradition	757922.0	.000
Kindness		
Universalism	738043.5	.004
Self-Dependence	732868.0	.000
Agitation	757584.5	.000
Hedonism	821380.5	.015
Achievement	759182.0	.008
Power	727248.5	.000
Security	779383.0	.001

Табл. 2. Значимость различий в оценках ценностей юношами и девушками.

Ценность	Юноши / Девушки	
	U	P
Конформность		
Традиция	809022,5	,007
Доброта	697467,5	,000
Универсализм	717203,0	,000
Самостоятельность		
Возбуждение		
Гедонизм		
Достижение		
Власть	620288,5	,000
Безопасность		

Table 2. Significance of differences in valuation by males and females.

Value	Males / Females	
	U	P
Conformity		
Tradition	809022.5	.007
Kindness	697467.5	.000
Universalism	717203.0	.000
Self-Dependence		
Agitation		
Hedonism		
Achievement		
Power	620288.5	.000
Security		

Таким образом, в оценках ценностей юношами и девушками есть следующие значимые различия:

- 1 девушки значимо больше, чем юноши, ценят «доброту» и «универсализм»;
- 2 юноши значимо больше, чем девушки ценят «традиции» и «власть».

Значимые различия между подростками разных площадок наблюдаются в оценках ценностей «конформность», «традиция», «доброта», «безопасность», «гедонизм». Результаты наглядно представлены на рисунке 2.

Табл. 3. Связи разных характеристик психоэмоционального напряжения, личностной и реактивной тревожности учителей.

		U	P	U	P
Реактивная тревожность	S	-,641	-,399	-,455	,482
	p	,000	,000	,000	,000
Личностная тревожность	S	-,624	-,305	-,525	,737
	p	,000	,000	,000	,000

Table 3. Links of various characteristics of emotional stress, personal and reactive anxiety in teachers.

		U	P	U	P
Reactive Anxiety	S	-,641	-,399	-,455	,482
	p	,000	,000	,000	,000
Personal Anxiety	S	-,624	-,305	-,525	,737
	p	,000	,000	,000	,000

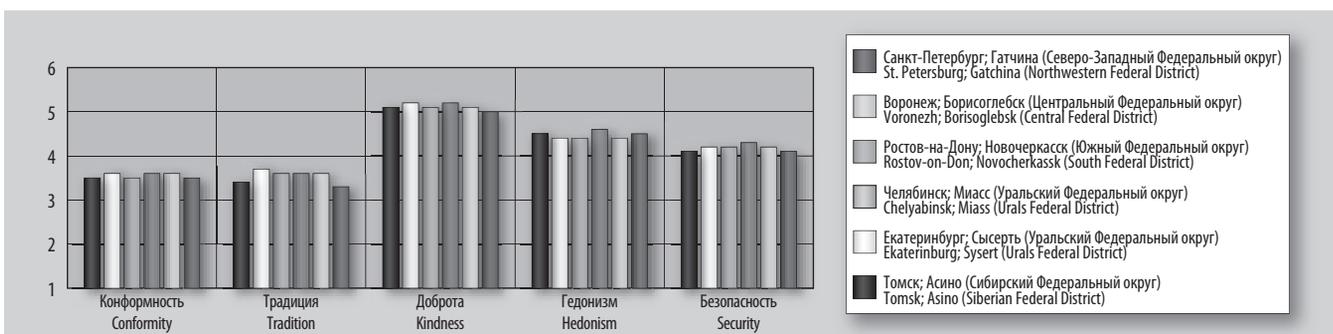

Рис. 2. Средние значения оценок подростками всех площадок ценностей «конформность», «традиции», «доброта», «гедонизм» и «безопасность».

Figure 2. Mean values of adolescent estimates of all value sites including «Tradition». «Kindness». «Hedonism» and «Security».

Для цитирования: А.И. Подольский, О.А. Идобаева Связь ценностных ориентаций современных подростков с психологическими характеристиками их учителей и родителей // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 2(22). – С. 84–93. doi: 10.11621/npj.2016.0208

For citation: Andrey I. Podolskiy, Olga A. Idobaeva (2016). Connections of contemporary adolescents value orientations with psychological characteristics of their teachers and parents. National Psychological Journal, [Natsional'nnyy psikhologicheskii zhurnal], 2, 84–93. doi: 10.11621/npj.2016.0208

Табл. 4. Связи разных характеристик психо-эмоционального напряжения, личностной и реактивной тревожности учителей с ценностями подростков.

		Ценность Конформность	Ценность Традиции	Ценность оброта	Ценность Самостоятельность
Удовлетворенность жизнью учителей	S		-,667	,650	
	p		,050	,058	
Удовлетворенность учителями сферами жизни	S				,762
	p				,017
Реактивная тревожность	S	,600		-,617	
	p	,088		,077	

Table 4. Links of various characteristics of mental and emotional stress, personal and reactive anxiety in teachers with adolescent values.

		Value Conformity	Value traditions	Value Kindness	Value Self-Dependence
Contentment with Teacher's Life	S		-,667	,650	
	p		,050	,058	
Teacher's Contentment with Sphere of Life	S				,762
	p				,017
Reactive Anxiety	S	,600		-,617	
	p	,088		,077	

При сравнении средних значений видно, что в больших городах подростки значимо выше, чем в малых городах, ценят «самостоятельность» и «власть» и значимо ниже – «конформность» и «безопасность». В малых городах значимо выше, чем в больших городах, подростки ценят «традиции»: уважение и ответственность за культурные и религиозные обычаи. Подростки площадок 1 и

Табл. 5. Связь различных характеристик смысловых ориентаций учителей с оценками ценностей подростками.

		Ценность Конформность (подростки)	Ценность Доброта (подростки)	Ценность Самостоятельность (подростки)	Ценность Гедонизм (подростки)	Ценность Власть (подростки)	Ценность Безопасность (подростки)
Цели в жизни (учителя)	S				-,659	-,695	
	p				,076	,056	
Процесс жизни (учителя)	S				-,707		
	p				,050		
Результат жизни и (учителя)	S	,976					,714
	p	,000					,047
Локус контроля-Я (учителя)	S	-,714					
	p	,047					
Локус контроля – жизнь (учителя)	S		,690	-,647	-,683		
	p		,058	,083	,062		
Общий показатель СЖО (учителя)	S	,643			-,719		
	p	,086			,045		

Table 5. Links of various characteristics of life orientations in teachers with adolescent values

		Value Conformity (Adolescents)	Value Kindness (Adolescents)	Value Self-Dependence (Adolescents)	Value Hedonism (Adolescents)	Value Power (Adolescents)	Value Security (Adolescents)
Goals in life (teacher)	S				-,659	-,695	
	p				,076	,056	
Life Process (teacher)	S				-,707		
	p				,050		
Life Results (teacher)	S	,976					,714
	p	,000					,047
I-Locus of Control (teacher)	S	-,714					
	p	,047					
Locus of Control – Life (teacher)	S		,690	-,647	-,683		
	p		,058	,083	,062		
Total Index of Life Values (teacher)	S	,643			-,719		
	p	,086			,045		

б значимо ниже, чем подростки площадок 2 (U=110291,5; p=0,010 и U=95106,0; p=0,006), 4 (U=72136,5; p=0,031 и U=62181,5; p=0,017) и 5 (U=11063,5; p=0,053 и U=87212,5; p=0,031) ставят ценность «конформности». Подростки

площадок 1 и б значимо ниже, чем подростки площадок 2 (U=106296,0; p=0,000 и U=97214,0; p=0,000), 3 (U=82515,5; p=0,000 и U=75130,5; p=0,000), 4 (U=75489,0; p=0,001 и U=69121,0; p=0,001) и 5 (U=96271,5; p=0,002 и

Табл. 6. Связь характеристик психоэмоционального напряжения, личностной и реактивной тревожности матерей с оценками ценностей подростками.

		Ценность Доброта	Ценность Возбуждение	Ценность Гедонизм	Ценность Достижения	Ценность Власть	Ценность Безопасность
Удовлетворенность условиями жизни	S		-,084	-,076	-,097	-,109	-,076
	p		,004	,066	,022	,010	,068
Сферы жизни	S					-,099	
	p					,019	
Уровень стресса	S	-,092				,094	
	p	,025				,023	
Реактивная тревожность	S					,082	
	p					,050	

Table 6. Communication characteristics of emotional stress, personal and reactive anxiety in mothers with adolescents rated values.

		Value Kindness	Value Agitation	Value Hedonism	Value Achievements	Value Power	Value Security
Contentment with Life Conditions	S		-,084	-,076	-,097	-,109	-,076
	p		,004	,066	,022	,010	,068
Sphere of Life	S					-,099	
	p					,019	
Stress Level	S	-,092				,094	
	p	,025				,023	
Reactive Anxiety	S					,082	
	p					,050	

U=88193,5; p=0,002), считают ценность «традиции». Подростки площадки 2 значимо выше, чем подростки площадок 1 (U=116293,0; p=0,075, тенденция), 3 (U=88822,0; p=0,043), 5 (U=105041,5; p=0,052, тенденция) и 6 (U=99890,5; p=0,003) оценивают «доброту». Подростки площадки 4 значимо выше, чем подростки площадок 2 (U=84155,0; p=0,029), 3 (U=61853,0; p=0,012), 5 (U=72014,5; p=0,035) и 6 (U=73925,5; p=0,054, тенденция) оценивают «гедонизм». Подростки площадки 4 значимо выше, чем подростки площадок 1 (U=75461,5; p=0,001), 3 (U=57779,0; p=0,042), 5 (U=69056,5; p=0,053, тенденция) и 6 (U=65110,5; p=0,002) оценивают «безопасность». Подростки площадки 2 значимо выше, чем подростки площадок 1 (U=115644,0; p=0,019) и 6 (U=104830,0; p=0,015) оценивают «безопасность».

Таким образом, значимость различий в отношении к ценностям подросткам из

больших и малых городов, проживающих в различных регионах России, говорит о влиянии социально-экономической ситуации, культурных и других особенностей, составляющих макроуровень социальной ситуации их развития, на иерархию их ценностных приоритетов.

Рассмотрим влияние на ценностные приоритеты подростков микроуровня социальной ситуации, в частности, отношений подростков с родителями и учителями.

Для выявления связи различных аспектов психологического благополучия учителей, мы провели корреляционный анализ с помощью коэффициента Спирмена. Полученные данные представлены в таблице 3.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что низкая удовлетворенность учителей различными аспектами своей жизни сопровождается у них повышением реактивной и личностной тревожно-

Табл. 7. Связи разных характеристик психоэмоционального напряжения, личностной и реактивной тревожности отцов с оценками ценностей подростками.

		Ценность Доброта
Удовлетворенность жизнью	S	,133
	p	,028
Уровень стресса	S	-,122
	p	,044
Реактивная тревожность	S	-,114
	p	,064

Table 7. Links of various characteristics of emotional stress, personal and reactive anxiety in fathers with adolescent rated values.

		Value Kindness
Contentment with Life	S	,133
	p	,028
Stress Level	S	-,122
	p	,044
Reactive Anxiety	S	-,114
	p	,064

сти, что, в свою очередь, приводит к повышению уровня стресса. Исследования (Идобаева, Подольский, 2010, 2012, 2013) показывают, что повышение уровня тревожности и стресса ведет к снижению процесса самоактуализации личности, что крайне нежелательно в профессиональной деятельности педагога.

Личность педагога играет большую роль в воспитании полноценной, гармоничной личности. Поэтому мы проверили наличие связи между ценностями подростков и психологическим благополучием учителей (психоэмоциональное напряжение, личностная и реактивная тревожность). Полученные данные представлены в таблице 4, где видно, что удовлетворенность учителей жизнью отрицательно связана с ценностью «традиции» учеников и положительно – с ценностью «доброта». Чем ниже удовлетворенность учителей различными сферами своей жизни, тем ниже оценивают подростки ценность «самостоятельность» (связь прямая). Чем выше реактивная тревожность учителей, тем ниже ценность «доброта» (связь обратная, на уровне тенденции, но при увеличении выборки

Табл. 8. Связи разных характеристик СЖО матерей с ценностями подростков.

		Ценность Самостоятельность	Ценность Гедонизм	Ценность Власть	Ценность Безопасность
Цели в жизни	S	,122		-,103	
	p	,004		,016	
Результат жизни	S		-,112	-,120	
	p		,008	,005	
Общий показатель СЖО	S				-,093
	p				,030

Table 8. Link of various life values in mothers with adolescent rated values.

		Value Self-Dependence	Value Hedonism	Value Power	Value Security
Цели в жизни	S	,122		-,103	
	p	,004		,016	
Результат жизни	S		-,112	-,120	
	p		,008	,005	
Общий показатель СЖО	S				-,093
	p				,030

она носила бы достоверный характер). Таким образом, наглядно показано, что для успешного формирования ценностно-моральной сферы личности подростка необходимо, чтобы психологические характеристики педагогов отражали их психологическое благополучие.

Как уже отмечалось нами ранее, психологическое благополучие учителя имеет крайне важное значение для развития личности подростка. Данные, полученные в нашем исследовании и представленные в таблице 5, говорят о том, что смысло-жизненные ориентации (СЖО) учителей имеют как прямые, так и обратные связи с ценностями подростков. Чем выше показатели СЖО учителей по шкалам «Цели в жизни» и «Процесс жизни», тем менее значимы для подростков такие ценности, как «гедонизм» и «власть» (связь обратная). Чем больше удовлетворены учителя результатом своей жизни, тем больше подростки ценят «конформность» и «безопасность» (связь прямая). Шкала СЖО «Ло-

Табл. 9. Связи разных характеристик СЖО отцов и ценностей подростков.

		Ценность Конформность	Ценность Универсализм	Ценность Безопасность
Локус контроля- Я	S	,228	,224	,123
	p	,000	,000	,042

Table 9. Relationship between different characteristics fathers' LSS and adolescents values.

		Value Conformity	Value Universalism	Value Security
I-Locus of Control	S	,228	,224	,123
	p	,000	,000	,042

кус контроля-жизнь» имеет прямую связь с такими ценностями подростков, как «доброта» (связь прямая), «самостоятельность» (связь обратная), «гедонизм» (связь обратная). Шкала СЖО «Локус контроля-Я» учителей связана обратной связью с ценностью подростков «конформность». Общий показатель смысло-жизненных ориентаций учителей имеет прямую связь с ценностью «конформность» и обратную связь с ценностью «гедонизм».

Таким образом, наши данные свидетельствуют о том, что смысло-жизненные ориентации учителей связаны с ценностно-моральной сферой подростков. Более всего они бывают связаны с такими ценностями подростков, как «конформность», «доброта», «самостоятельность», «гедонизм», «власть», «безопасность».

С помощью коэффициента корреляции Спирмена мы проверили связь между ценностями подростков и психологическим благополучием родителей (ПЭН, ЛТ, РТ). Полученные данные представлены в таблицах 6 и 7. Как видно из таблиц, психоэмоциональное напряжение и тревожность родителей связаны с формированием ценностно-моральной сферы подростков. Чем больше удовлетворенность матери условиями жизни, тем меньшее значение в иерархии ценностей подростков имеют такие ценности, как «возбуждение», «гедонизм»,

«достижения», «власть», «безопасность» (связь обратная). Чем выше уровень стресса и реактивная тревожность матери, тем меньше ценится подростками «доброта» (связь обратная) и больше – «власть» (связь прямая). Психоэмоциональное напряжение отца связано с ценностью подростка «доброта» – чем благополучнее в психоэмоциональном отношении отец, тем больше ценится подростком «доброта».

С помощью коэффициента корреляции Спирмена мы проверили связь между ценностями подростков и смысло-жизненными ориентациями родителей. Полученные данные представлены в таблицах 8 и 9. Как видно на них, чем выше показатель шкалы СЖО матери «Цели в жизни», тем выше ценность «самостоятельность» подростков (связь прямая) и ниже ценность «власть» (связь обратная). Чем выше мать оценивает результативность своей жизни, тем меньшее значение придает подросток таким ценностям как «гедонизм» и «власть» (связь обратная). Со стороны отца большее влияние на формирование ценностной сферы подростка имеет его ощущение себя сильной личностью, способной выстраивать жизнь в соответствии со своими представлениями и целями. Чем сильнее личность отца, тем ценнее в иерархии ценностей подростка «конформность», «универсализм», «безопасность».

Выводы

Выявленные связи ценностных ориентаций учащихся с различными психологическими характеристиками учителей и родителей выдвигают на первый план при формировании ценностно-моральной сферы личности подростков работу с указанными характеристиками личности учителей и родителей.

Учитывая связи психологических временных педагогов и учащихся, полученные в нашем исследовании, необходимо акцентировать внимание на оказании психологической помощи педагогам в виде индивидуального психологического консультирования, групповых занятий по обучению навыкам саморегуляции и преодоления стресса.

В структуре психологической работы с педагогами и родителями должна присутствовать коррекция смысложизненных ориентаций, особенно, формирование умения управлять своей жизнью с помощью поиска новых возможностей самореализации, креативного подхода к решению нестандартных ситуаций и их сознательному контролю. Учитывая двусторонний характер полученных в исследовании связей, формирова-

ние ценностно-мотивационной сферы учащихся, соответствующей нормативно развивающейся личности подростка и запросам общества, будет способствовать психоэмоциональному благополучию педагогов и повышению их удовлетворенности жизнью.

Таким образом, формирование социально-желательного комплекса ценностей у современного подростка предполагает целенаправленную, системную

работу не только с самими подростками, но и с учителями и родителями. Недостаточное внимание к этим вопросам может привести к девиантным траекториям развития личности подростка, что будет иметь крайне негативные последствия для общества в целом.

Планирование и результаты проведения формирующих процедур с учетом выявленных связей будут представлены в следующих публикациях.

Литература

- Богданов Е.Н. Формирование и развитие профессионально-нравственной культуры будущего учителя : автореферат дис. ... докт. психол. наук. – Москва, 1995. – 49 с.
- Бондаревская Е.В. Смыслы и стратегии личностно ориентированного воспитания // Педагогика. – 2001. – № 1. – С. 17–24.
- Бубнова С.С. Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система // Психологический журнал. – 1999. – Т. 20. – № 5. – С. 38–49.
- Головаха Е. И. Жизненная перспектива и ценностные ориентации личности // Психология личности в трудах отечественных психологов. – Санкт-Петербург : Питер, 2000. – С. 256–269.
- Идобаева О.А., Подольский А.И. Психоэмоциональное благополучие современных подростков // Национальный психологический журнал. – 2007. – № 1 (2) сентябрь. – С. 87–89.
- Идобаева О.А., Подольский А.И. Пути повышения психоэмоционального благополучия современных подростков // Психология и психотехника. – 2010. – № 6. – С. 72–78.
- Идобаева О.А. Психолого-педагогическая модель формирования психологического благополучия личности : дис. ... докт. психол. наук. – Москва, 2013. – 387 с.
- Идобаева О.А., Подольский А.И. Психологическое благополучие современных подростков: актуальный уровень и пути его повышения : монография. – Москва : Эко-Пресс, 2012. – 200 с.
- Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности : концепция и методическое руководство. – Санкт-Петербург : Речь, 2004. – 70 с.
- Карандашев В.Н. О некоторых методологических аспектах использования методики Шварца для исследования ценностей личности и культуры // Психологическая диагностика. – 2014. – № 1. – С. 57–73.
- Копина О.С., Сулова Е.А., Заикин Е.В. Экспресс-диагностика уровня психоэмоционального напряжения и его источников // Вопросы психологии. – 1995. – № 3. – С. 119–132.
- Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). – Москва, 1992. – 18 с.
- Мартынова Е.В. Смысложизненные ориентации как фактор личностной подготовки студентов педвуза к профессиональной деятельности : дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 2002. – 183 с.
- Митина Л.М. Психология труда и профессионального развития учителя. – Москва : Academia, 2004. – 318 с.
- Молчанов С.В. Развитие морально-ценностной ориентации личности как функция социальной ситуации развития в подростковом и юношеском возрасте : дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 2005. – 234 с.
- Пирумова К.В. Смысложизненные ориентации как фактор профессионального развития педагога : автореферат дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 2004. – 22 с.
- Подольский А.И., Идобаева О.А. Психологическое благополучие личности как условие и результат ее позитивного развития // Образование личности. – 2001. – № 1. – С. 24–30.
- Подольский А.И., Идобаева О.А. Перспективы психологической концепции П.Я. Гальперина в образовании и развитии личности // Образование личности. – 2014. – № 2. – С. 8–14.
- Практикум по инженерной психологии и эргономике / под ред. Ю.К. Стрелкова. – Москва, 2003. – С. 148–153, 153–156.
- Садовникова Т.Ю. Нравственно-ценностные ориентации подростков с различным восприятием моральной атмосферы в школе : дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 2005. – 258 с.
- Ядов В. А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. – 1994. – № 1. – С. 35–52.
- Armon C. (1998) Adult moral development, experience and education. *Journal of moral education*. Vol. 27, No. 3, 345–371.
- Barriga, A., Morrison, E., Liao, A., & Gibbs, J. C. (2001). Moral cognition: Explaining the gender difference in antisocial behavior. *Merrill-Palmer Quarterly*, 47, 532–562.
- Batson, C. D., Fultz, J., & Shoemrade, P. A. (1987). Distress and empathy: Two qualitatively distinct vicarious emotions with different motivational consequences. *Journal of Personality*, 55, 10–38.

- Blasi, A. (1995). Moral understanding and the moral personality: The process of moral integration. In W. Kurtines & J. Gewirtz (Eds.), *moral development: An introduction*. New York: Allyn & Bacon, 229.
- Boyes, M. & Allen, S. (1993). Styles of parent-child interaction and moral reasoning in adolescence. *Merrill-Palmer Quarterly*, 39, pp. 551-570.
- Brabeck, M. (1995). Morality: Thoughts about the past, thoughts about the future. *Moral Education Forum*, 20, pp. 3-9.
- Bugental, D. B., & Johnston, C. (2000). Parental and child cognitions in the context of the family. *Annual Review of Psychology*, 51, pp. 315-344.
- Boyes, M. & Allen, S. (1993). Styles of parent-child interaction and moral reasoning in adolescence. *Merrill-Palmer Quarterly*, 39, 551-570.
- Brabeck, M. (1995). Morality: Thoughts about the past, thoughts about the future. *Moral Education Forum*, 20, 3-9.
- Bugental, D. B., & Johnston, C. (2000). Parental and child cognitions in the context of the family. *Annual Review of Psychology*, 51, 315-344.
- Carpentile J.I.M. (2000) Kollberg and Piaget on stages and moral reasoning. *Developmental Review*, 20, 181-205.
- Colby, A. & Kohlberg, L. (1987). *The measurement of moral judgment*. Volume 1. New York: Cambridge University Press.
- Eckensberger, L.I.I. & Zimba, R. (1997). The development of moral judgment. In: J.W.Berry, P.R. Dasen & T.S. Saraswathi (Eds.) *Handbook of cross-cultural psychology*, Vol. 2, Boston; Allyn & Bacon, 299-338.
- Eisenberg, N. (1995). Prosocial development: A multifaceted model. In W. Kurtines & J. Gewirtz (Eds.), *Moral development: An introduction*, 401-430. Needham Heights, MA: Allyn & Bacon.
- Hoffman M.L. (2000) *Empathy and Moral Development*. Cambridge University Press.
- Hunsberger, B., Pratt, M. W., & Pancer, S. M. (2001) Adolescent identity formation: Religious exploration and commitment. *Identity*, 1, 365-386.
- Mackey, K., Arnold, M. L., & Pratt, M. W. (2001) Adolescents' stories of decision-making in more or less authoritative families: Representing the voices of parents in narrative. *Journal of Adolescent Research*, 16, 243-268.
- Okin S.M., Reich R. (1999) Families and schools as compensating agents in moral development for a multicultural society. *Journal of moral education*, Vol.28, 3, 283-299.
- Peterson, R. S. (1994). The role of values in predicting fairness judgments and support of affirmative action. *Journal of Social Issues*, 50, 95-115.
- Rokeach, M. (1973) *The Nature of human values*. N.Y.
- Rokeach, M. (1979) *Understanding human values*. N.Y.
- Schwartz, S. H. (1992) Universals in the structure and content of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. In M.P. Zanna (Ed.) *Advances in Experimental Social Psychology*. Orlando, FL: Academic. Vol.25, 1-65.

References:

- Armon C. (1998) Adult moral development, experience and education. *Journal of moral education*. Vol. 27, No. 3, 345-371.
- Barriga, A., Morrison, E., Liao, A., & Gibbs, J. C. (2001). Moral cognition: Explaining the gender difference in antisocial behavior. *Merrill-Palmer Quarterly*, 47, 532-562.
- Batson, C. D., Fultz, J., & Shoenrade, P. A. (1987). Distress and empathy: Two qualitatively distinct vicarious emotions with different motivational consequences. *Journal of Personality*, 55, 10-38.
- Blasi, A. (1995). Moral understanding and the moral personality: The process of moral integration. In W. Kurtines & J. Gewirtz (Eds.), *moral development: An introduction*. New York: Allyn & Bacon, 229.
- Bogdanov, E.N. (1995) Shaping and developing professional and moral culture of the future teacher: Doctor of Psychology, Thesis. Moscow, 49.
- Bondarevskaya, E.V. (2001) Meanings and strategies individually oriented education. *Pedagogy [Pedagogika]*. 1, 17-24.
- Boyes, M. & Allen, S. (1993). Styles of parent-child interaction and moral reasoning in adolescence. *Merrill-Palmer Quarterly*, 39, 551-570.
- Brabeck, M. (1995). Morality: Thoughts about the past, thoughts about the future. *Moral Education Forum*, 20, 3-9.
- Bubnov, S.S. (1999) Valuable orientations of the person as a multidimensional nonlinear system. *Psychological magazine*. Vol. 20, 5, 38-44.
- Bugental, D. B., & Johnston, C. (2000). Parental and child cognitions in the context of the family. *Annual Review of Psychology*, 51, 315-344.
- Carpentile J.I.M. (2000) Kollberg and Piaget on stages and moral reasoning. *Developmental Review*, 20, 181-205.
- Colby, A. & Kohlberg, L. (1987). *The measurement of moral judgment*. Volume 1. New York: Cambridge University Press.
- Eckensberger, L.I.I. & Zimba, R. (1997). The development of moral judgment. In: J.W.Berry, P.R. Dasen & T.S. Saraswathi (Eds.) *Handbook of cross-cultural psychology*, Vol. 2, Boston; Allyn & Bacon, 299-338.
- Eisenberg, N. (1995). Prosocial development: A multifaceted model. In W. Kurtines & J. Gewirtz (Eds.), *Moral development: An introduction*, 401-430. Needham Heights, MA: Allyn & Bacon.
- Golovakha, E.I. (2000) Life prospects and the value orientation of personality. *Personality Psychology in the writings of Russian psychologists [Psikhologiya lichnosti v trudakh otechestvennykh psikhologov]*. St. Petersburg, Piter, 256-269.
- Hoffman M.L. (2000) *Empathy and Moral Development*. Cambridge University Press.
- Hunsberger, B., Pratt, M. W., & Pancer, S. M. (2001) Adolescent identity formation: Religious exploration and commitment. *Identity*, 1, 365-386.
- Idobaeva, O.A., & Podolskiy, A.I. (2007) Psycho-emotional well-being of today's adolescents. *National psychological journal [Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal]*. 1 (2) September. 87-89.
- Idobaeva, O.A., & Podolskiy, A.I. (2010) Ways to improve the psycho-emotional well-being of today's adolescents. *Psychology and psychotechnology [Psikhologiya i psihotekhnika]*. 6, 72-78.
- Idobaeva, O.A. (2013) Psycho-pedagogical model of psychological well-being of the person: Doctor of Psychological Sciences. Moscow, 387.
- Idobaeva, O.A., & Podolskiy, A.I. (2012) Psychological well-being of modern teenagers: the actual level and the way it needed: a monograph. Moscow,

Eko-Press, 200.

Karandashev, V.N. (2004) Schwarz Methods for the study of the individual values: concept and guidance. St. Petersburg, Rech, 70.

Karandashev, V.N. (2014) Some methodological aspects of the use of the Schwarz methods for the study of personality and cultural values. *Psychological diagnostics*, 1, 57-73.

Kopin, O.S., Suslova, E.A., & Zaikin, E.V. (1995) Rapid diagnosis of mental and emotional stress levels and sources. *Issues of psychology [Voprosy psikhologii]*, 3, 119-132.

Leontiev, D.A. (1992) Test life orientations. Moscow, 18.

Mackey, K., Arnold, M. L., & Pratt, M. W. (2001) Adolescents' stories of decision-making in more or less authoritative families: Representing the voices of parents in narrative. *Journal of Adolescent Research*, 16, 243-268.

Martynov, E.V. (2002) Life orientation as a factor in personal training of students of teacher training for professional work: Ph.D. in Psychology, Thesis. Moscow, 183.

Mitin, L.M. (2004) Psychology of work and professional development of teachers. Moscow, Akademiya, 318.

Molchanov, S.V. (2005) The development of moral and value orientation of personality as a function of the social situation of development in adolescence and early adulthood: Ph.D. in Psychology, Thesis. Moscow, 234.

Okin S.M., Reich R. (1999) Families and schools as compensating agents in moral development for a multicultural society. *Journal of moral education*, Vol.28, 3, 283-299.

Peterson, R. S. (1994). The role of values in predicting fairness judgments and support of affirmative action. *Journal of Social Issues*, 50, 95-115.

Pirumova, K.V. (2004) Life orientation as a factor in the professional development of teachers: Ph.D. in Psychology, Thesis. Moscow, 22.

Podolskiy, A.I. & Idobaeva, O.A. (2001) Psychological well-being of the person as a result of her condition and the positive development of the personality. *Personality development [Obrazovanie lichnosti]*, 1, 24-30.

Podolskiy, A.I. & Idobaeva, O.A. (2014) Prospects psychological concept P.Ya. Galperin in education and development of the individual personality. *Personality development [Obrazovanie lichnosti]*, 2, 8-14.

Rokeach, M. (1973) The Nature of human values. N.Y.

Rokeach, M. (1979) Understanding human values. N.Y.

Sadovnikova, T.Yu. (2005) Moral and value orientations of teenagers with various perception of moral atmosphere in the school: Ph.D. in Psychology, Thesis. Moscow, 258.

Schwartz, S. H. (1992) Universals in the structure and content of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. In M.P. Zanna (Ed.) *Advances in Experimental Social Psychology*. Orlando, FL: Academic. Vol.25, 1-65.

Sobkin, V.S., & Skobeltsina, K.N. (2015). Shared activities of parents with their preschool children during family pastime. *Psychology in Russia: State of the Art*, 8(2), 52-60.

(Ed.) Yu.K. Strelkov (2003) Workshop on engineering psychology and ergonomics. Moscow, 148-153, 153-156.

Yadov, V.A. (1994) Social Identification in a crisis society. *Journal of Sociology*, 1, 35-52.

Структура и функции организационного доверия в представлениях сотрудников

М.М. Заварцева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 11 мая 2016/ Принята к публикации: 20 июня 2016

Structure and functions of organizational trust in employees' notions

Marina M. Zavartseva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received: May 11, 2016 / Accepted for publication: June 20, 2016

В статье представлены результаты исследования, посвященного изучению структуры и функций организационного доверия при помощи использования прямых и непрямых (качественных) методов – семантического дифференциала и метода контент-анализа. Феномен организационного доверия представлен через анализ субъективных представлений о нем и его роли в функционировании организации у сотрудников организаций различного типа. В качестве основной гипотезы выступало предположение о том, что представления о структуре и функциях организационного доверия будут различаться у людей, работающих в организациях с его низким и с высоким уровнем. На выборке из 378 сотрудников организаций различного типа (коммерческих, государственных, образовательных, медицинских и др.) установлены различия в субъективных образах организации, являющейся актуальным местом работы, у респондентов в группах с противоположной (низкой и высокой) оценкой уровня организационного доверия. Показана нелинейность структурных компонентов организационного доверия: были выделены две различные по своей структуре группы признаков или индикаторов уровня доверия в организации. Выявлены две основные функции высокого уровня организационного доверия: функция идеализации организации и функция положительной эмоциональной оценки организации, являющейся актуальным местом работы. Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования методов повышения организационного доверия как предиктора организационной приверженности и развития трудовой мотивации персонала. Кроме того, полученные результаты позволяют приблизиться к разработке методов экспресс-диагностики уровня организационного доверия.

Ключевые слова: психология труда, организационное доверие, представления, психосемантика, контент-анализ.

This article investigates the structure and functions of organizational trust, examining the content of employees' subjective notions about organizational trust and its role in organization's functioning. The combination of direct (R.B. Shaw's trust assessment survey) and indirect (the semantic differential scale; the content-analysis of the checklist of trust structural components) methods was used. Using data on 378 employees of different organizations (commercial, medical, educational) we distinguished subjective images of organization in groups with opposite estimation of organizational trust's level. The study indicated that organizational trust's structure is not linear, and exposed two main functions of high level of organizational trust – idealization and positive emotional estimation both of actual organization (that is currently place of employment). Obtained data provide basis for express-diagnostic of trust in organization and might be used for design of psychological training aiming high organization's efficacy.

Keywords: work psychology, organizational trust, notions, psychosemantics, content-analysis.

Организационное доверие – проблемная область в организационной психологии и психологии труда, привлекающая все большее внимание в последние двадцать лет как со стороны научных исследователей, так и со стороны практико-ориентированных специалистов (Купрейченко, 2008; Лучко, 2006; Bachmann, Inkpen, 2011; Clark, Payne, 1997; Colquitt, Lepine, Zapata, Piccolo, Rich, 2012; Mayer, Davis, Schoorman, 1995; Mayer, Gavin, 2005; Rousseau, Sitkin, Burt, Camerer, 1998). Причинами такого интереса выступают, с одной стороны, специфика развития современного общества, а с другой стороны – связанные с этим трансформации современной психологии труда и организационной психологии. Вкратце поясним обе причины.

Первая причина связана с тем, что, согласно точке зрения большинства современных исследователей, в настоящее время общество находится на этапе перехода к культуре знаний, которая обладает рядом уникальных характеристик, задающих качественно новые требования эффективного функционирования организаций. К этим характеристикам можно отнести:

- 1) ограниченную возможность контроля;
- 2) высочайшую скорость протекания и смены всех социальных процессов, снижающую возможность использования опыта;
- 3) уменьшение времени для принятия решений;
- 4) необходимость взаимодействия с непривычными культурами.

Организации, желающие продолжать эффективное развитие, сталкиваются с необходимостью поиска принципиально нового ресурса, который смог бы предоставить качественное обеспечение всех внутриорганизационных процессов

в новой среде. В качестве такого ресурса может выступать доверие. Многие авторы используют в научной литературе термин «капитал доверия» (Геберт, Бернер, 2005; Ляско, 2003; Фукуяма, 2004), означающий, что «в периоды динамичного развития и господства экономики знаний, доверие заменяет ограниченную возможность контроля. Знания – это ресурс, которым владеет человек... над ним не так легко установить контроль, как над техническими системами и оборудованием» (Кирхлер и др., 2005, С. 245).

Вторая причина актуальности темы доверия связана с появлением в последнее время определенной тенденции в кластере наук о работающем человеке. Эту тенденцию можно определить как все большее смещение фокуса внимания в сторону субъективно наполненных, сложных и многомерных феноменов в качестве объектов изучения. Доверие является одним из характерных подобных примеров, «которые получают от исследователей образную квалификацию «категория повышенной сложности», «тончайшие психологические явления» и т.п., что свидетельствует, прежде всего, о чрезвычайной трудоемкости их исследования из-за высокой динамичности, многофакторной зависимости и т.п.» (Купрейченко, 2008, С. 9). Эта тенденция получает развитие в подходе, часто обозначаемом в литературе «гуманистическим», где главный предмет изучения – особая смысловая реальность, существующая в организации. Согласно данному подходу, каждая внутренняя переменная и каждый внутриорганизационный процесс могут быть поняты в зависимости от смысла, который приписывается им и транслируется сотрудниками организации в той или иной ситуации (Базаров, Еремин, 2001; Зинченко, Бусыгина, 2013).

Итак, в качестве отправной точки мы принимаем положение о том, что феномен доверия является, во-первых, тем потенциальным ресурсом, который позволяет организациям продолжать эффективное функционирование и развитие в новых условиях, и во-вторых, относится к числу субъективно наполненных феноменов, имеющих вследствие этого достаточно размытые границы. Отсюда следует вывод – для того, чтобы определить, как именно этот ресурс можно использовать в контексте регуляции функционирования организации, необходимо, прежде всего, определить и оценить содержание субъективных представлений о феномене доверия у работающих людей.

Изучение сущности феномена организационного доверия через призму субъективных представлений субъектов деятельности, на наш взгляд, недостаточно полно раскрыто в существующих теоретических моделях и эмпирических исследованиях, однако открывает новые методологические и практические перспективы. Согласно определению, представление – это один из видов образов, а именно – образ предметов или явлений, возникающий на основе прошлого опыта (Зинченко, 2005). Важнейшими качествами представлений является схематизированность и обобщенность, то есть отражение наиболее существенных и характерных черт упоминаемого предмета или явления. Таким образом, изучение представлений работающих людей о структуре и функциях организационного доверия позволяет выделить самые существенные, ядерные характеристики феномена доверия в контексте организационных взаимодействий, которые являются важными определяющими функционирования организации именно по причине того, что сами сотрудники организаций считают их таковыми.

Метод контент-анализа позволяет выявить существующие проблемные области в понимании и трактовке доверия, в то время как использование семантического дифференциала позволяет выявить и операционализировать глубинное содержание феномена организационного доверия, а также проводить сравнения разных объектов между собой. Результатом является структу-

Марина Михайловна Заварцева – научный сотрудник лаборатории психологии труда факультета психологии МГУ имени М.В.Ломоносова
E-mail: mzavartseva@yandex.ru

ра взаимосвязей и положений разных объектов по внутренней шкале доверия, которая не всегда линейна и не всегда может быть «схвачена», например, методами анкетирования. Оба упомянутых нами метода объединяет то, что они работают с изучением значений и смыслов и являются методами «количественного и качественного индексирования значений» (Бурлачук, Морозов, 1999, С. 299).

Исследование

Главная цель настоящего исследования – анализ структуры и функций организационного доверия посредством изучения содержания представлений работающих людей об этом феномене. Для достижения данной цели были выбраны метод контент-анализа и метод семантического дифференциала.

Выборка

В исследовании приняли участие 378 сотрудников организаций различного типа (государственных, коммерческих, медицинских, образовательных и др.)

Использованные психодиагностические методики решали следующие задачи получения и интерпретации эмпирических данных:

1. Оценка уровня доверия в организации. Для этого была использована методика оценки уровня доверия в организации Р.Б. Шо (Шо, 2000).
2. Определение содержания представлений респондентов о конкретной организации («Организация, в которой я работаю») и об идеальных объектах («Организация, которая доверяет мне», «Организация, которой я могу доверять») с целью определения различий в структуре организационного доверия. Оба последних объекта – «Организация, которая доверяет мне», «Организация, которой я могу доверять» дают возможность описания фактора ожиданий относительно отношений доверия. Для этого использовалась методика стандартного 25-шкального семантического дифференциала (Серкин, 2004).
3. Выявление представлений о проявлениях/признаках доверия в организации. Для этого использовалась авторская анкета «Функции, признаки и символика организационного доверия», включавшая в себя 5 вопросов. Для данного исследования важны только два из них: «С чем у Вас ассоциируется (связан) низкий уровень доверия в организации? Каковы его признаки и проявления?» и «С чем у Вас ассоциируется (связан) высокий уровень доверия в организации? Каковы его признаки и проявления?»

4. Выявление субъективного образа своей организации (степени его проработанности, отрицательного или положительного смысла). Для этого в анализ был включен дополнительный вопрос, сформулированный следующим образом: «Если бы Вас попросили описать организацию, в которой Вы работаете, одним словом, то это было бы ...». Так перед респондентом неявно ставилась задача соотнесения значения объекта «Организация, в которой я работаю», задаваемое всей совокупностью признаков оцениваемого объекта, со значением слова, которое выбрано в качестве описания. Поскольку стоит задача выбора только одного слова, то это выбранное для описания слово будет презентировать самое значимое для субъекта в описываемом объекте. Оно может быть положительным или отрицательным.

Гипотезы

В качестве основной гипотезы выступило предположение о том, что представления о структуре и функциях организационного доверия будут различаться в группах людей, работающих в организациях с низким и с высоким уровнем организационного доверия.

Схема исследования представлена в табл. 1.

Табл. 1. Схема исследования.

Используемые методики	Анализируемый результат	Содержание	
1. Методика оценки уровня доверия Р.Б. Шо	Разделение выборки на 2 части	Группа с оценкой уровня доверия в организации как высокого	Группа с оценкой уровня доверия в организации как низкого
2. Стандартный 25-шкальный семантический дифференциал	Семантическая универсалия объекта «Организация, в которой я работаю»	Основные различия представлены на рис. 1	
	Положение оцениваемых объектов в выделенном семантическом пространстве	Основные различия представены в табл. 2, на рис. 2–4.	
3. Анализ ответов на вопрос «Если бы Вас попросили описать организацию, в которой Вы работаете, одним словом, то это было бы ...»	Субъективный образ организации (через слова-описания согласно экспертной оценке)	Основные различия представлены в табл. 3,4, на рис. 5	
	Степень осознанности субъективного образа организации	21% слов - метафоры	9,9% слов - метафоры
4. Анализ ответов на вопросы: 1) «С чем у Вас ассоциируется (связан) низкий уровень доверия в организации? Каковы его признаки и проявления?» 2) «С чем у Вас ассоциируется (связан) высокий уровень доверия в организации? Каковы его признаки и проявления?»	Структура признаков организационного доверия в представлениях работающих людей	См. табл. 5	

Table 1. Research Structure.

Method of Research	Analysis Object	Contents	
1. Trust level evaluation technique by Robert B. Shaw	Sample division into two groups	Group with high estimation of organizational trust level	Group with low estimation of organizational trust level
2. Standardized semantic differential with 25 scales	Semantic universal of the object "The organization I am currently employed in"	The basic differences are presented in the Picture 1	
	Evaluated objects' position in the specified semantic space.	The basic differences are presented in the Table 2 and in the Pictures 2–4	
3. Question answering analysis ("What word would you use to describe the organization you are employed in?")	Organization subjective image (through the descriptive words according to expert evaluation)	The basic differences are presented in the Tables 3 and 4 and in the Picture 5	
	Awareness degree dedicated to organization subjective image	Metaphors are 21% of answers	Metaphors are 9,9% of answers
4. Questions answering analysis. Questions: 1) "What associations do you have with 'low organization trust level'? Could you list its indicators?" 2) "What associations do you have with 'high organization trust level'? Could you list its indicators?"	Structure of organization trust indicators as understood by employees	The structure is described in Table 5	

Результаты

Межгрупповые различия

Для проверки гипотезы выборка была разделена на 2 группы по показателям методики оценки уровня доверия Р.Б. Шо: 1) группа с оценкой уровня доверия в организации, выступающей в качестве актуального места работы, как низкого (≤ 18 баллов по шкале «доверие», $n = 76$); 2) группа с оценкой уровня доверия в организации как высокого (≥ 30 баллов по шкале «доверие», $n = 84$).

Как и ожидалось, представления о конкретной организации, являющейся актуальным местом работы респондентов, различаются между собой в группах с высокой и низкой оценкой доверия.

Различия в образах оцениваемых объектов (по методике семантического дифференциала)

Первый метод анализа данных, полученных по методике семантического дифференциала (СД) – метод семантических универсалий (СУ). Семантическая универсалия есть список выделенных для данного стимула оценок по шкалам, одинаково оцениваемых большинством испытуемых.

Как видно из рис. 1, семантические универсалии объекта «Организация, в которой я работаю», полученные в группах с противоположной оценкой уровня

доверия в организации, не имеют общих дескрипторов. Это означает, что субъективные образы организации, выступающей в качестве актуального места работы, в группах с противоположными оценками доверия не имеют ничего общего.

Второй метод анализа полученных данных при помощи методики СД – метод построения семантического пространства. Двумерные семантические пространства могут быть построены при попарном разложении на факторы. При эксплораторном факторном анализе были выделены 4 фактора, один

из которых является явным артефактом (в него входит только одна шкала «влажный-сухой»). Остальные три фактора: «положительный-отрицательный», «трудный-легкий» и «пассивный-активный» образуют семантические пространства, в которых оцениваемые объекты имеют определенные координаты (см. табл. 2, рис. 2–4). Важнейшим результатом является выявление следующего факта – в группе с оценкой уровня доверия как низкого, реальный объект («Организация, в которой я работаю») и идеальные объекты занимают разные четверти семантического пространства,

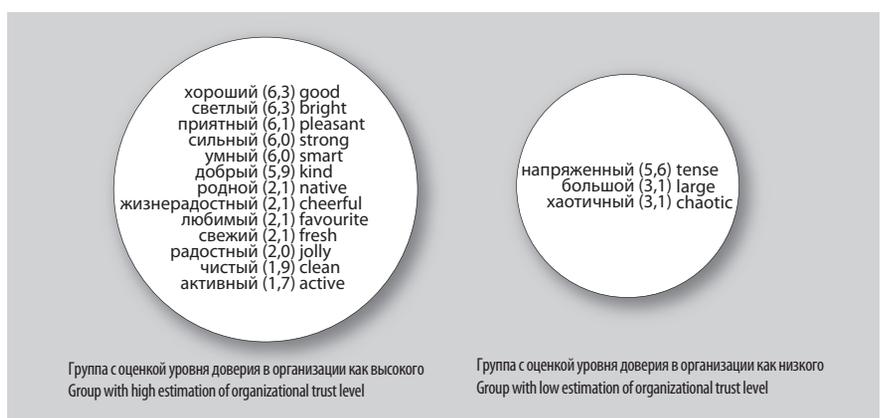

Рис. 1. Различия и сходства в оценке объекта «Организация, в которой я работаю» по методике СД, выявленные методом СУ.

Figure 1. The differences and the similarities found during the evaluation of the object «The organization I am employed in» using the method of semantic differential and semantic universal in particular.

Табл. 2. Координаты оцениваемых объектов в выделенном семантическом пространстве.

	Оцениваемый объект	Факторы			
		Фактор 1: положительный–отрицательный	Фактор 2: активный–пассивный	Фактор 3: легкий–трудный	Фактор 4: влажный–сухой
Группа с оценкой уровня доверия как низкого	«Организация, которая доверяет мне»	0,15	-0,01	0,01	0,18
	«Организация, которой я могу доверять»	-0,29	-0,04	-0,27	0,26
	«Организация, в которой я работаю»	1,27	0,31	0,69	-0,22
Группа с оценкой уровня доверия как высокого	«Организация, которая доверяет мне»	-0,29	-0,03	-0,20	-0,12
	«Организация, которой я могу доверять»	-0,41	-0,12	-0,35	-0,03
	«Организация, в которой я работаю»	-0,39	-0,04	-0,07	-0,12

Table 2. Evaluated object coordinates in the specified semantic space.

	Evaluated Object	Factors			
		Factor 1: positive – negative	Factor 2: active – passive	Factor 3: easy – difficult	Factor 4: wet – dry
Group with low estimation of organizational trust level	"The organization that trusts me"	0,15	-0,01	0,01	0,18
	"The organization that I can trust"	-0,29	-0,04	-0,27	0,26
	"The organization I am currently employed in"	1,27	0,31	0,69	-0,22
Group with high estimation of organizational trust level	"The organization that trusts me"	-0,29	-0,03	-0,20	-0,12
	«Организация, которой я могу доверять»	-0,41	-0,12	-0,35	-0,03
	«Организация, в которой я работаю»	-0,39	-0,04	-0,07	-0,12

в то время как в группе с оценкой уровня доверия как высокого все три оцениваемых объекта находятся всегда в одной четверти пространства, сравнительно

близко друг к другу. Полученные результаты говорят об определенной функции доверия, а именно – о функции идеализации организации, в которой работает

человек, при субъективной оценке актуального уровня организационного доверия как высокого.

Различия в образах оцениваемого объекта (по словам-описаниям)

Как видно из табл. 3 и рис. 5, преобладание положительно окрашенных слов (по результатам экспертной оценки¹) наблюдается в группе с оценкой существующего уровня доверия в организации как высокого и, наоборот, отрицательные слова преобладали в группе с оценкой уровня доверия как низкого. Необходимо отметить, что здесь анализируются только те слова-описания, которые встречались как минимум 5 раз среди всей выборки. Согласно данным В.П. Серкина, достоверное (т.е. неслучайное) количество упоминаний в группе размером от 100 до 992 человек – 5 раз (Серкин, 2009).

Для выявления не случайности использования большей части слов-описаний, получивших положительную оценку методом экспертной оценки респондентами из группы с высокой оценкой уров-

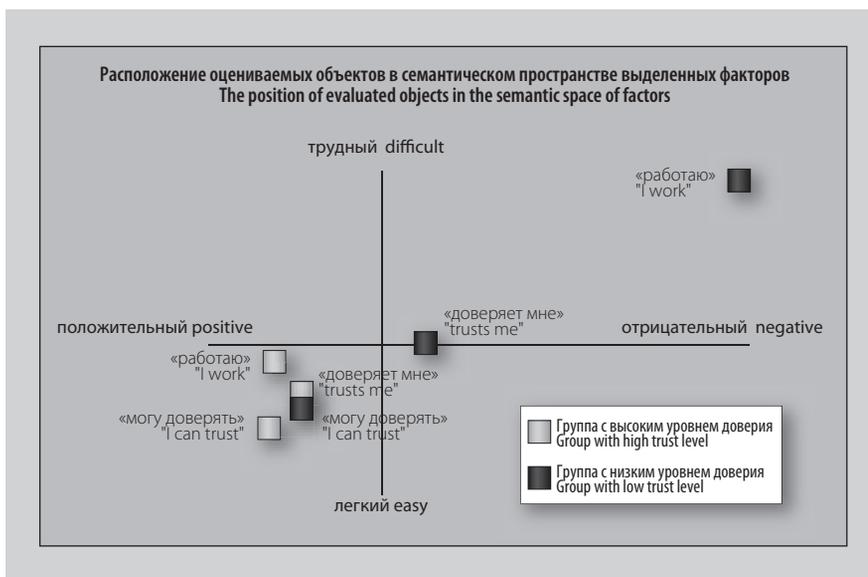

Рис. 2. Расположение оцениваемых объектов в семантическом пространстве факторов «трудный–легкий», «положительный–отрицательный».

Figure 2. The position of evaluated objects in the semantic space of factors «difficult – easy», «positive – negative».

¹ Была проведена экспертная оценка выделенных слов-описаний по 5-ти балльной шкале с противоположными полюсами «отрицательный» и «положительный» (1 балл – положительный, 5 баллов – отрицательный). Средневзвешенные оценки слов-описаний, полученные на экспертной выборке из 16 человек (9 человек с высшим психологическим образованием и 7 человек с высшим филологическим образованием). По средним оценкам слова-описания можно разделить на 3 основные группы: положительные слова (до 2 баллов включительно), нейтральные (3 балла) и отрицательные (от 4 баллов).

ня доверия и, наоборот, использования большей части слов-описаний, получивших отрицательную оценку, респондентами из группы с оценкой уровня доверия как низкого мы провели расчет непараметрического критерия Манна-Уитни между двумя крайними группами. Результаты представлены в табл. 4.

Как видно из представленных результатов, использование положительных слов-описаний в группе с оценкой актуального уровня организационного доверия как высокого и, соответственно, наоборот, использование отрицательных слов-описаний в группе с оценкой уровня организационного доверия как низкого не является случайным совпадением. Это говорит о том, что оценка уровня доверия в своей организации как высокого (базирующаяся на выявлении определенных признаков соответствующего уровня) связана с общей эмоционально положительной оценкой организации. Важно также отметить, что выявленные слова-описания – это те слова, которые получены на максимально диффузной выборке: респонденты разного возраста, с разным стажем работы в организациях различного типа. На наш взгляд, это повышает достоверность полученных результатов, потому что это означает конструирование определенного смысла, стоящего за конкретным словом, в описании организации у разных людей.

Кроме этого, все слова-описания можно разделить на четыре категории в зависимости от степени осознанности респондентом значения понятия «организация, в которой я работаю». Эти четыре категории перечислены нами в порядке возрастания освоенности значения:

- 1) формальное описание (например, «работа»);
- 2) оценочное описание (например, «интересно»);
- 3) описание одного признака (например, «организованность»);
- 4) метафора (например, «болото», «дом»).

«Метафорическое самоописание устанавливает отношение между организацией и другой системой... в зависимости от специфического аспекта организации релевантным становится специфический аспект «другой системы» (Сейдл, 2005, С. 266). Иными словами, использование метафорического описания пред-

полагает наличие наиболее осознанного субъективного образа организации. Как видно из таблицы № 1, в группе с оценкой уровня доверия как высокого метафорические описания используются в 2 раза чаще, чем в группе с оценкой уровня доверия как низкого, что также говорит о более высокой степени осознанности субъективного образа организации.

Выделение структуры организационного доверия

Одним из главных результатов контент-анализа двух вопросов анкеты «Функции, признаки и символика организационного доверия», а именно «С чем у Вас ассоциируется (связан) низкий уровень доверия в организации? Каковы его признаки и проявления?» и «С чем у Вас ассоциируется (связан) высокий уровень доверия в орга-

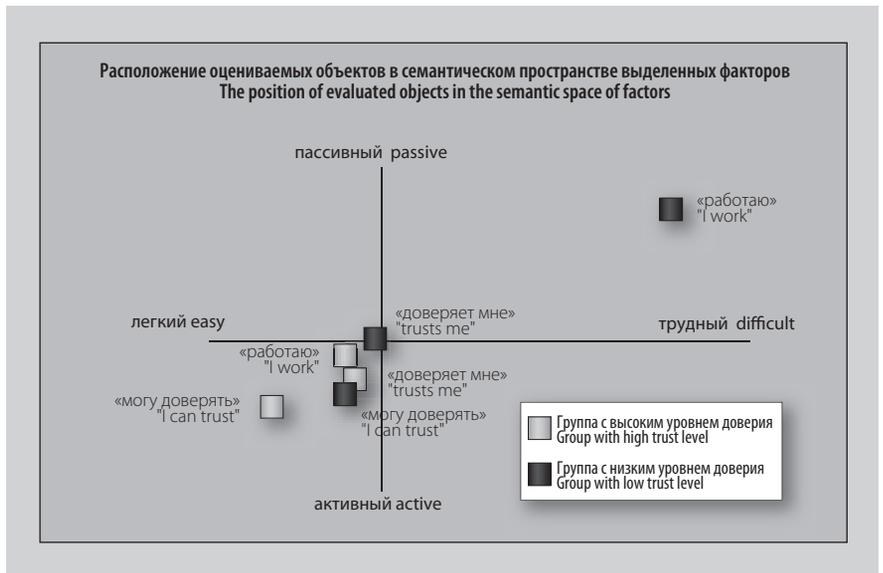

Рис. 3. Расположение оцениваемых объектов в семантическом пространстве факторов «трудный-легкий», «пассивный-активный».

Figure 3. The position of evaluated objects in the semantic space of factors «difficult – easy», «passive – active».

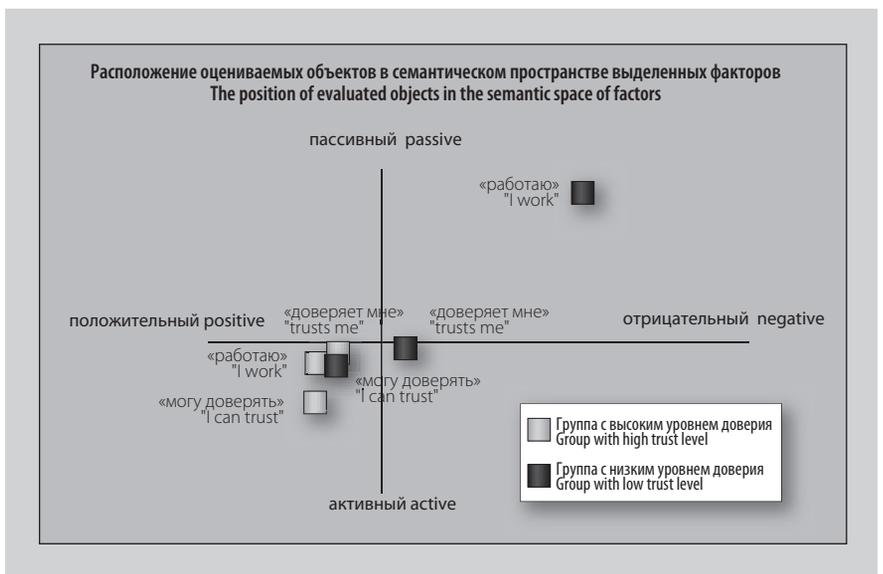

Рис. 4. Расположение оцениваемых объектов в семантическом пространстве факторов «положительный-отрицательный», «пассивный-активный».

Figure 4. The position of evaluated objects in the semantic space of factors «positive – negative», «passive – active».

Табл. 3. Взвешенный список слов-описаний (методом частотного анализа).

Слова-описания	ср. знач. Экспертной оценки (n = 16)	Кол-во упоминаний слова (% от общего кол-ва упоминаний)			
		на всей выборке (n = 378)	в группе с высоким уровнем доверия (n = 84)	в группе с низким уровнем доверия (n = 76)	
положительные	«доверие»	1,13	6	3 (50%)	0
	«семья»	1,19	16	14 (87,5%)	0
	«команда»	1,44	6	2 (33,3%)	0
	«дом»	1,44	14	14 (100%)	0
	«стабильность»	1,50	6	1 (16,7%)	0
	«коллектив»	2,00	11	2 (18,2%)	1 (9,1%)
нейтральные	«улей»	2,94	5	2 (40%)	0
	«муравейник»	3,06	5	1 (20%)	1 (20%)
отрицательные	«хаос»	4,25	5	0	3 (60%)
	«бардак»	4,44	8	0	4 (50%)

Table 3. Ordered list of descriptive words (based on frequency analysis method).

Descriptive Words	average value of expert evaluation (n = 16)	Word's number of mentions (the percentage counted from the overall number of mentions)			
		the whole sample (n = 378)	group with high organizational trust level (n = 84)	group with low organizational trust level (n = 76)	
positive	"trust"	1,13	6	3 (50%)	0
	"family"	1,19	16	14 (87,5%)	0
	"team"	1,44	6	2 (33,3%)	0
	"home"	1,44	14	14 (100%)	0
	"stability"	1,50	6	1 (16,7%)	0
	"group"	2,00	11	2 (18,2%)	1 (9,1%)
neutral	"beehive"	2,94	5	2 (40%)	0
	"anthill"	3,06	5	1 (20%)	1 (20%)
negative	"chaos"	4,25	5	0	3 (60%)

низации? Каковы его признаки и проявления?» является выделение особой структуры характеристик организационного доверия. Двум различным группам признаков как индикаторов уровня доверия

в организации присвоены названия одно-сторонних и двусторонних индикаторов. Субъективные признаки уровня доверия в организации, упоминавшиеся респондентами с противоположными значениями,

соответствующими низкому и высокому уровню доверия, получили название двусторонних. Признаки, упоминавшиеся в случае лишь с одним уровнем доверия – высоким или низким были названы одно-сторонними (см. табл. 5).

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что в представлениях работающих людей организационное доверие нелинейно и имеет разноуровневые проявления. Так, например, отсутствие конфликтов в организации не является признаком высокого уровня организационного доверия, однако наличие конфликтов в представлениях работающих людей, говорит о низком уровне доверия в организации.

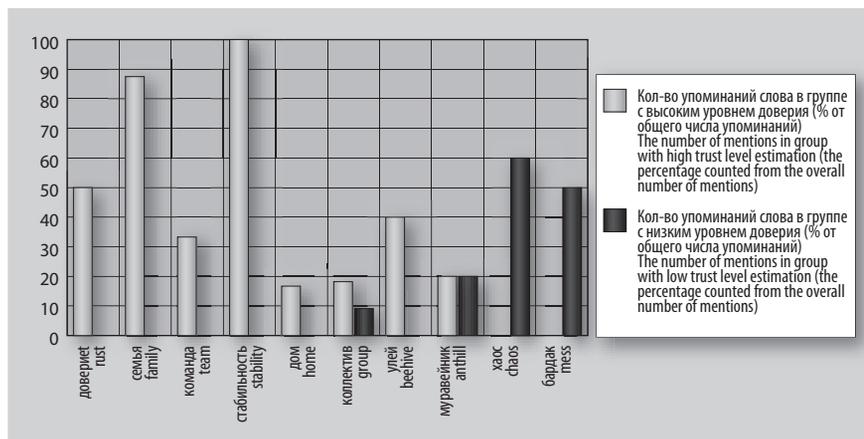

Рис. 5. Соотношение упоминания слов-описаний (n=10, частота упоминаний ≥5) в группах с различной оценкой организационного доверия.

Figure 5. The proportion of descriptive words (n=10, frequency of mentioning ≥5) mentioning in groups with different organization trust level evaluation.

Обсуждение результатов

На основании полученных результатов можно сделать вывод о том, что субъективные образы организации, как актуального места работы, в группах

Табл. 4. Значимые различия в соотношении слов-описаний с противоположной оценкой в группах с различным уровнем доверия по критерию Манна-Уитни.

	Ср. Ранг (группа 1, полож. слова, 17 чел.)	Ср. Ранг (группа 2, отриц. слова, 7 чел.)	Значение z (p – уровень значимости)
Кол-во упоминаний слов в группе с высокой оценкой доверия	16,6	5	-3,303 (p = 0,001)
Кол-во упоминаний слов в группе с низкой оценкой доверия	11,5	22,7	-4,171 (p = 0)

Table 4. Significant differences concerning the proportion of descriptive words with opposite evaluation (between the groups with dissimilar trust levels according to the Mann-Whitney U test).

	Average rank (group 1, positive words, 17 people)	Average rank group 2, negative words, 7 people)	Value z (p – the level of significance)
The number of mentions in group with high trust level estimation	16,6	5	-3,303 (p = 0,001)
The number of mentions in group with low trust level estimation	11,5	22,7	-4,171 (p = 0)

с высоким и низким уровнем доверия сильно различаются между собой. Так, несовпадение семантических универсалий объекта «Организации, в которой я работаю» говорит о том, что по тем шкалам, по которым люди дают наиболее согласованные оценки, субъективные образы организации, являющейся актуальным местом работы, сильно отличаются в случаях с разным уровнем организационного доверия. Так, в группе с оценкой уровня доверия в организации как высокого субъективный образ организации, являющейся актуальным местом работы, является эмоционально положительным, более осознанным и обязательно включает в себя осознание респондентом важности совместных усилий, единства целей (вместе с другими сотрудниками) и наличия возможностей для автономной работы.

Важно, что результаты, полученные при помощи контент-анализа (которые предполагают более осознанные ответы), подтверждают значимость фактора совместных усилий, единства целей и солидарности. Парадоксальным, на первый взгляд, кажется тот факт, что, наряду с совместной деятельностью и единством целей, еще одной важной характеристикой высокого уровня доверия является автономия, то есть возможность самостоятельного планирования и выполнения задач, в противовес контролю. Однако этот парадокс становится понятен, если учесть, что именно уверенность в единстве целей и того, что вся команда работает на общее

Табл. 5 Две группы субъективных индикаторов (признаков) уровня организационного доверия.

	Низкий уровень доверия	0	Высокий уровень доверия
Односторонние индикаторы	«конфликты»		
	«сплетни»		
	«бюрократия»		
	«текучка среди персонала»		
			«солидарность»
Двусторонние индикаторы	«невыполнение обязательств»		«выполнение обязательств»
	«только формальная коммуникация»		«неформальная коммуникация»
	«контроль»		«автономия»
	«индивидуальные цели»		«общие цели»
	«отрицательный климат в группе»		«положительный климат в группе»
	«непрофессионализм, некомпетентность»		«профессионализм, компетентность»
	«отсутствие опыта взаимодействия»		«опыт взаимодействия»

Table 5. Two groups of organization trust level subjective indicators.

	Low Trust Level	0	High Trust Level
Unilateral indicators	"conflicts"		
	"gossip"		
	"bureaucracy"		
	"staff turnover"		
			"solidarity"
Bilateral indicators	"default on obligations"		"discharge of obligations"
	"formal communication only"		"informal communication"
	"control"		"autonomy"
	"individual goals"		"common goals"
	"unfavourable climate in the group"		"favourable climate in the group"
	"unprofessionalism, incompetence"		"professionalism, competence"
	"lack of interaction experience"		"interaction experience"

благо, а не в своих личных интересах, является проявлением высокого уровня доверия, служит основой для автономной работы каждого члена группы.

Подобные результаты не могут быть полностью объяснены, т.к. для этого необходимо проведение беседы с обсле-

пряженный и хаотичный. Полученные результаты подтверждаются и результатами, полученными при помощи анализа слов-описаний – среди группы с оценкой актуального уровня организационного доверия как низкого преобладали слова «хаос» и «бардак», косвенно свиде-

Парадоксальным, на первый взгляд, кажется тот факт, что, наряду с совместной деятельностью и единством целей, еще одной важной характеристикой высокого уровня доверия является автономия, то есть возможность самостоятельного планирования и выполнения задач, в противовес контролю

двумя с целью выявления значений, стоящих за используемыми словами в контексте описания организации. Однако, несомненно, подобные результаты указывают на возможность того, что доверие в организации может выступать в качестве ресурса, определяющего ее эф-

фективность о неорганизованности, непрозрачности внутриорганизационных процессов. Интересным представляется тот факт, что высокий уровень доверия в организации не означает прямую противоположность хаосу, а именно, организованность и упорядоченность. В группе

Высокий уровень доверия в организации не означает прямую противоположность хаосу, а именно, организованность и упорядоченность. В группе с оценкой уровня доверия как высокого организация оценивается как «хорошая», «светлая» и «приятная», то есть как объект, вызывающий однозначно положительные эмоции

фективность на различных уровнях организационных взаимодействий. Кроме того, полученные результаты указывают на возможность использования подобных или сходных заданий для экспресс-диагностики уровня доверия в организации.

с оценкой уровня доверия как высокого организация оценивается как «хорошая», «светлая» и «приятная», то есть как объект, вызывающий однозначно положительные эмоции. Кроме того, подчеркивается значимость совместных усилий и совместной деятельности – употребляются

Полученная структура организационного доверия свидетельствует о нелинейности представлений работающих людей о доверии и его проявлениях в организации. Это, в свою очередь, косвенно подтверждает необходимость использования качественных методов диагностики организационного доверия в дополнение к традиционным методам опроса и эксперимента

В группе с оценкой уровня доверия в организации как низкого субъективный образ организации является эмоционально отрицательным, менее осознанным, включает в себя осознание разъединения целей и усилий сотрудников организации («каждый сам за себя») и субъективное ощущение неорганизованности, неупорядоченности. Субъективный образ организации в случае оценки существующего уровня доверия в ней как низкого несет в себе отрицательные характеристики – он определяется как на-

слова-описания «дом», «семья», «команда».

Эти результаты дают возможность выделить конкретные функции высокого уровня организационного доверия на индивидуальном уровне рассмотрения, а именно – функцию идеализации и функцию положительной эмоциональной оценки организации. Это, несомненно, может выступать в качестве базы для повышения мотивационной вовлеченности сотрудников в процессы организационного функционирования, уровня удовлетворенности, а также уровня толерантно-

сти к изменениям в организации (Гёберт, Бернер, 2005; Купрейченко, 2008). Если перенести полученный результат на групповой и организационный уровни рассмотрения, то в этом случае положительная эмоциональная оценка организации, на наш взгляд, может выступать в качестве предиктора положительного социально-психологического климата.

Другим важным результатом исследования является выделение структуры организационного доверия, а именно – разделение на односторонние и двусторонние признаки низкого и высокого уровней доверия. В научной литературе уже давно общепринятым является положение о том, что доверие и недоверие являются не противоположными полюсами одного континуума, а двумя параллельно развивающимися конструктами. Так, высокий уровень организационного доверия может сочетаться с высоким уровнем организационного недоверия (Купрейченко, 2008). Полученные нами результаты подтверждают правомерность этого положения, а также задают направление разработки практических рекомендаций по развитию организационного доверия для руководителей, организационных консультантов и менеджеров службы персонала.

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, мы приходим к следующим выводам. Низкий уровень доверия предполагает отрицательную эмоциональную оценку, а также оценку организации как неупорядоченной и неорганизованной системы. Высокий уровень доверия дает основания для позитивной эмоциональной оценки. Кроме того, при высоком уровне организационного доверия респондентами подчеркивается значимость единства группы/организации, подразумевающая под собой связи между отдельными членами, такие, например, как единство целей.

Полученная структура организационного доверия свидетельствует о нелинейности представлений работающих людей о доверии и его проявлениях в организации. Это, в свою очередь, косвенно подтверждает необходимость использования качественных методов ди-

агностики организационного доверия в дополнение к традиционным методам опроса и эксперимента, так как последние не всегда позволяют вскрыть подлинное значение и смысл изучаемого явления.

Собранные материалы и установленные характеристики организационного доверия могут применяться в качестве основы для построения организационных тренингов по повышению эффективности организации, а также методов эк-

спресс-диагностики организационного доверия.

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 14-06-00567

Литература:

- Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психодиагностике. – Санкт-Петербург : Питер Ком, 1999. – 528 с. – (Мастера психологии).
- Геберт Д., Бернер С. Проблема становления предприятий как открытых систем в сложных экономических условиях // Й. Фраймут Страх в работе менеджеров. – Харьков : Гуманитарный центр, 2005. – 416 с.
- Зинченко В.П. Доверие // Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. – Санкт-Петербург : ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2005. – С. 143–145.
- Зинченко Ю.П., Бусыгина И.С. Психологическое здоровье и профессиональная самореализация руководителя // Национальный психологический журнал. – 2013. – № 1(9). – С. 89–95. DOI: 2079-6617/2013.0112.
- Кирхлер Э., Майер-Пести К., Хофманн Е. Психологические теории организации // Психология труда и организационная психология. Т. 5. – Харьков : Гуманитарный центр, 2005. – 312 с.
- Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. – Москва : Институт психологии РАН, 2008. – 571 с.
- Лучко М.Л. Этика бизнеса – фактор успеха. – Москва : Эксмо, 2006. – 320 с.
- Ляско А. Доверие и транзакционные издержки // Вопросы экономики. – 2003. – № 1. – С. 42–58.
- Сейдл Д. Метафорическое самоописание организаций // А.П. Мюллер, А. Кизер Организационная коммуникация. – Харьков : Гуманитарный центр, 2005. – С. 248–273
- Серкин В.П. Методы психосемантики : учеб. пособие для студентов вузов. – Москва : Аспект-Пресс, 2004. – 207 с.
- Серкин В. П. Решение задачи о случайности/неслучайности ассоциаций: критерий оценки и валидный набор ассоциаций // Психодиагностика. – 2009. – № 4. – С. 22–31.
- Управление персоналом : учебник для вузов / под ред. Т.Ю. Базарова, Б.Л. Еремина. – Москва : ЮНИТИ, 2001. – 560 с.
- Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. – Москва : АСТ; Ермак, 2004. – 730 с.
- Шо Р.Б. Ключи к доверию в организации. – Москва : Дело, 2000. – 272 с.
- Bachmann, R., & Inkpen, A.C. (2011) Understanding institutional-based trust building processes in inter-organizational relationships. *Organization Studies*. 32, Vol. 2, 281 – 301.
- Clark, M.C., & Payne, R.L. (1997) The Nature and Structure of Workers' Trust in Management. *Journal of Organizational Behavior*. 5, 205 – 224.
- Colquitt, J.A., Lepine, J.A., Zapata, C.P., Piccolo, R.F., & Rich, B.L. (2012) Explaining the Justice-Performance Relationship: Trust as Exchange Deepener or Trust as Uncertainty Reducer? *Journal of Applied Psychology*. 97, Vol. 1, 1 – 15.
- Mayer, R.C., Davis, J.H., & Schoorman, F.D. (1995) An integrative model of organizational trust. *Academy of Management Review*. 20, Vol. 3, 709-734.
- Mayer R.C., & M.B. (2005) Trust in management and performance: who minds the shop while the employees watch the boss? *Academy of Management Journal*. 48, Vol. 5, 874 – 888.
- Rousseau, D.M., Sitkin, S.B., Burt, R.S., & Camerer, C. (1998) Not so different after all: a cross-discipline view of trust. *Academy of Management Review*. 23, Vol. 3, 393 – 404.
- Sidorenkov, A.V., & Sidorenkova, I.I. (2013). Model of trust in work groups. *Psychology in Russia: State of the Art*. 6, Vol. 3, 164 – 176.

References:

- Bachmann, R., & Inkpen, A.C. (2011) Understanding institutional-based trust building processes in inter-organizational relationships. *Organization Studies*. 32, Vol. 2, 281 – 301.
- Burlachuk, L.F., Morozov, S.M. (1999) Psychodiagnosis glossary. Saint-Petersburg, Piter Kom, 528.
- Clark, M.C., & Payne, R.L. (1997) The Nature and Structure of Workers' Trust in Management. *Journal of Organizational Behavior*. 5, 205 – 224.
- Colquitt, J.A., Lepine, J.A., Zapata, C.P., Piccolo, R.F., & Rich, B.L. (2012) Explaining the Justice-Performance Relationship: Trust as Exchange Deepener or Trust as Uncertainty Reducer? *Journal of Applied Psychology*. 97, Vol. 1, 1 – 15.
- Fukuyama, F. (2004) Trust: the Social Virtues and the Creation of Prosperity. Moscow, OOO «Izdatel'stvo AST»: ZAO NPP «Ermak», 730.
- Gebert, D., & Berner, S. (2005) Developing enterprise as an open system in economically difficult circumstances. Fraimut, I. (Ed.) Fear that managers feel at work. Kharkiv, Izdatel'stvo Gumanitarnyi tsentr, 416.
- Kirchler, E., Meier-Pesti, K., & Hofmann, E. (2005) Psychological theories of organizations. *Occupational and organizational psychology [Psikhologiya truda i organizatsionnaya psikhologiya]*. Kharkiv, Izdatel'stvo Gumanitarnyi tsentr, Vol. 5, 312.
- Kuprechenko, A.B. (2008) Trust and distrust psychology. Moscow, Izdatel'stvo «Institut psikhologii RAN», 571.
- Luchko, M.L. (2006) Business ethics as a factor for success. Moscow, Izdatel'stvo Eksmo, 320.

- Lyasko, A. (2003) Trust and transaction costs. *Economic matters [Voprosy ekonomiki]*. 1, 42 – 58.
- Mayer, R.C., Davis, J.H., & Schoorman, F.D. (1995) An integrative model of organizational trust. *Academy of Management Review*. 20, Vol. 3, 709-734.
- Mayer R.C., & M.B. (2005) Trust in management and performance: who minds the shop while the employees watch the boss? *Academy of Management Journal*. 48, Vol. 5, 874 – 888.
- Rousseau, D.M., Sitkin, S.B., Burt, R.S., & Camerer, C. (1998) Not so different after all: a cross-discipline view of trust. *Academy of Management Review*. 23, Vol. 3, 393 – 404.
- Seidl, D. (2005) Metaphorical self-description of an organization. *Organizational communication [Organizatsionnaya kommunikatsiya]*. Kharkiv, Izdatel'stvo Gumanitarnyi tsentr, 248 – 273.
- Serkin, V.P. (2004) Psychosemantic methods. Moscow, Aspekt-Press, 207.
- Serkin, V. P. (2009) Randomness/nonrandomness of associations task solution: evaluation criteria and valid set of associations. *Psychodiagnosis [Psikhodiagnostika]*. 4, 22–31.
- Shaw, R. B. (2000) Keys to the organizational trust. Moscow, Delo, 272.
- Sidorenkov, A.V., & Sidorenkova, I.I. (2013). Model of trust in work groups. *Psychology in Russia: State of the Art*. 6, Vol. 3, 164 – 176.
- Bazarova, T.Yu., & B.L.Eremina (Ed.) (2001) Managing staff: a university course. Moscow, YuNITI, 560.
- Zinchenko, V.P. (2005) Trust. Big psychological dictionary. Saint-Petersburg, PRAIM EVROZNAK, 143-145.
- Zinchenko, Yu.P., & Busygina, I.S. (2013) Mental health and professional self-actualization of a leader. *National psychological journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*. 1, Vol. 9, 89–95. DOI: 2079-6617/2013.0112

Интер- и интрасубъектные факторы становления социальной зрелости. Опыт лонгитюдного исследования

Часть II. Пути становления социальной зрелости

Первая часть статьи опубликована в №1, 2016 «Национального психологического журнала»

А.А. Гудзовская

Институт изучения общественных явлений, Самара, Россия

Поступила 18 декабря 2015/ Принята к публикации: 23 января 2016

Development of social maturity: inter- and intra-subject factors. Longitudinal study

Part 2. Ways of developing social maturity

Part 1. published in National Psychological Journal, Issue 1, 2016

Alla A. Gudzovskaya

Institute for Research on Social Phenomena, Samara, Russia

Received: December 18, 2015 / Accepted for publication: January 23, 2016

В первой части данной статьи приводится описание подхода к пониманию социальной зрелости и операциональных критериев ее оценки. В самом общем виде социальная зрелость определяется готовностью личности принять на себя ответственность за развитие тех общностей, в которые личность включена. Социальная идентичность с широкими социальными общностями является неотъемлемым компонентом социальной зрелости. В статье приводятся результаты анализа возраста (интрасубъектный фактор) и психолого-педагогических условий (интерсубъектный фактор) появления в ментальной репрезентации себя социальной идентичности «Я-человек». Межиндивидуальная траектория становления социальной зрелости проходит через несколько «точек». В возрасте 7 лет типичным является позиция «Я», к подростковому возрасту в представлениях себя как человека появляется образ «Человека», чьи свойства не соотношены с собственными качествами. В последующие годы к 25 годам у больше чем трети молодых людей в Я-концепции возникает устойчивая идентичность «Я-человек». Создание психолого-педагогических условий в начальной школе, основанных на развитии детской кооперации, развитии способностей детей к диалоговому общению с разными участниками образовательного процесса, актуализации разноуровневых социальных идентичностей, позволяет интериоризовать идентичность «Я-человек» двум третям участников эксперимента. Результаты оказываются устойчивыми по времени (18-летний период). Во второй части публикации приводятся результаты анализа специфики влияния ментальной репрезентации себя на последующее социально-психологическое развитие. Корреляционный анализ между показателями категориальной структуры текстов на одну тему, написанных авторами в возрасте 7 и 25 лет позволил выявить эмпирические типы путей становления социальной зрелости. Среди которых: «Я для Общества», «Я для Других», «Я для Семьи», «Я для Дела» и «Я для Себя». Приводятся основания выявленных путей, эмпирическое описание, интерпретация с точки зрения полноты социальной зрелости представителей каждого типа.

Ключевые слова: социальная зрелость, социальная идентичность, социализация, сензитивный период, интерсубъектные факторы становления социальной зрелости, индивидуальные пути становления социальной зрелости, ментальная репрезентация, педагогический эксперимент, лонгитюдное исследование, контент-анализ.

The first part of the paper describes an approach to understanding social maturity and operational criteria for its estimation. In general, social maturity is defined as the willingness of an individual to take responsibility for developing his/her community. Social identification with broad social communities is an integral component of social maturity. The paper presents the results of the age analysis (intra-subject factor) and the analysis of psycho-pedagogical conditions (inter-subject factor) which facilitate the appearance of «I - person» social identity in the mental representation of a person. Inter-individual trajectory of social maturity development passes through a number of «points». At the age of 7 a person has a typical position of «I» identity; during adolescence the teenager reaches the point of the «Person» identity, whose qualities may differ from those of a child. By the age of 25 more than third of young people has acquired the «I-person» identity. Recreation of psycho-pedagogical conditions in primary schools, development of children's cooperation, development of children's ability to communicate with different participants of the educational process, actualization of different levels of social identity are the factors that allow to found the basis of the «I - person» identity in two thirds of the participants of the experiment. The results are stable over a long period of time (18-year).

The second part represents the analysis of the specific features of mental self-representation effect on the subsequent social and psychological development of a person. Correlation analysis between the indices of the categorical structure of texts written on the same issue by the same authors at the age of 7 and then 25 years has revealed the types of empirical ways to form social maturity. These types include: «I - for the Company», «I - for others», «I - for the family», «I - for an activity» and «I - for myself». The ways to form social maturity are widely shown in the paper according to these types.

Keywords: social maturity, social identity, socialization, sensitive period, inter-subject factors of the development of social maturity, individual way of social maturity development, mental representation, pedagogical experiment, longitudinal study, content analysis.

Как отмечалось в первой части публикации, проблема критериев и условий становления социальной зрелости личности является актуальной для общественного развития, стратегий развития образования, она вызывает интерес современной зарубежной и отечественной психологии. Особое внимание уделяется лонгитюдным исследованиям, позволяющим выявить типичные траектории развития тех или иных качеств человека. Лонгитюдное исследование дает возможность сравнить не только межгрупповые результаты, но и проследить динамику личностных изменений каждого отдельного участника, определить интраиндивидуальные пути становления социальной зрелости.

Методы исследования

С помощью контент-анализа сочинений участников исследования была получены количественные структуры, отражающая склонность каждого из них к использованию тех или иных категорий в тексте. Использование конкретной категории свидетельствует об актуальности ее содержания в репрезентации себя как человека. Разработка эмпирических критериев оценки социальной зрелости, представленных в тексте, строилась с опорой на существующий опыт использования контент-анализа другими авторами. Это исследования изменений образа «Я» (Т.Б. Карцева), Я-концепции (Р. Бернс, М. Кун и Т. Макпартланд) и мировоззрения дошкольников (Д.Ф. Петяева), анализ нравственно-психологических словарей (К.М. Романов), а также диагностика самосознания младших школьников (И.А. Спиридонова) и мотивационно-смысловой интенции (Ж. Нюттен, М.С. Мышкина, Е.А. Павлова, Г.З.

Сураева). Критерии оценки социальной зрелости, отраженные в тексте сочинения «Я человек», и подробные результаты первого этапа исследования изложены в монографии автора (Гудзовская, 2014).

Объем анализируемых сочинений колеблется от 14 до 151 слова у детей периода начальной школы и от 13 слов до 713 слов в испытуемых в возрасте ранней зрелости. Интересной особенностью сочинений некоторых 25-летних участников исследования является наличие в них преамбулы, где автор объясняет обстоятельства, в которых он пишет это сочинение, или говорит о представленности данной темы в философской литературе. Преамбула является интересным специфическим психологическим феноменом, она может быть интерпретирована как стремление человека отдалить необходимость писать на психологически сложную для него тему или как способ установления контакта с читателем, как возможность подчеркнуть собственную индивидуальность. Преамбулы сочинений не анализировались. Не разбивались по категориям, и их объем не учитывался при подсчете количества слов в сочинении.

При анализе текстов сочинений с точки зрения оценки отраженной в них социальной зрелости было выделено более 60 категориальных единиц, объединенных в 14 типов категорий. Представим восемь из этих типов категорий, ставших значимыми для нашего исследования (после эмпирического названия типа категории в скобках приведены некоторые категориальные единицы этого типа и в кавычках даны примеры из сочинений взрослых):

1) понятие «Человек» (биологическая сущность: «человек это живой организм», социальная сущность: «личность», «социальная единица»);

2) идентичность (индивидуальность: «Я-интересный человек», социальная: «Я-человек», «Я-часть вселенной», «Я-пазл в огромной мозаике» и пр.);

3) свойства человека (ценности: «человек наделен ценностями», разум: «человек обладает разумом», мировоззрение, поступки, мотивация, цели, самость, эмоции, свое мнение недостатки);

4) люди (люди: представители разных профессий, «враги», «любители приключений» семья: «воспитывать детей», «замечательная семья»);

5) долг, обязанности (саморазвитие: «человек должен заниматься развитием души», забота о близких: «уважать старших», «быть добрым», действовать на благо обществу);

6) результаты активности человека (дела, поступки: «можно быть человеком и Человеком», «человек ошибается», «преодолеывает трудности», «имеет открытое сердце», идеи);

7) время (настоящее: «в наше время», прошлое: «история нашей планеты», «в юности мечтала», будущее: «последующее поколение»);

8) возможности, способности человека (мыслить: «человек умеет мыслить», «мыслить абстрактно», ставить цели: «могу добиваться целей», способности в сфере общения: «уметь любить людей», «чувствовать других», «оставить после себя полезное для окружающих»).

Подсчет категориальных единиц, содержащихся в текстах сочинений, позволил получить для каждого сочинения количественную категориальную структуру, передающую предпочтения автора в использовании тех или иных категорий. Количественные данные были подвергнуты статистическому анализу. В качестве математического метода, позволяющего реализовать стоящую перед нами задачу выявления интраиндивидуального пути становления социальной зрелости, выбран корреляционный анализ (коэффициент ранговой корреляции Спирмена), который основан на сравнении рангов разных показателей для одного и того же испытуемого. Множественный корреляционный анализ между показателями первого и второго этапов исследования позволяет выявить

Алла Анатольевна Гудзовская – кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института изучения общественных явлений, г. Самара
E-mail: aag_1@rambler.ru

значимые связи между выраженностью показателей в младшем школьном возрасте и в возрасте ранней зрелости. Корреляционному анализу была подвергнута категориальная структура сочинений, которая существенно отличается у участников исследования из разных возрастных групп.

В результате проведенного математического анализа получено большое количество значимых корреляционных связей между особенностями ментальной репрезентации себя как человека в разном возрасте. Оказалось, что использование ребенком тех или иных категорий при описании себя дает возможность прогнозировать особенности Я-концепции его взрослого. Пять категорий детских сочинений («назначение человека», «сущностные характеристики человека», «мнение», «качества личности», «вещи») дали наибольшее количество значимых связей с категориями сочинений того же автора во взрослом возрасте. Это категории послужили основаниями для эмпирического выделения пяти интраиндивидуальных путей становления социальной зрелости. Условно их можно назвать: «Я для Общества», «Я для Семьи», «Я для Дела», «Я для Других», «Я для себя».

Индивидуальные пути становления социальной зрелости

Путь становления социальной зрелости «Я для Общества». В основе этого пути лежат представления первоклассника о назначении человека, смысле его жизни (категория «назначение человека»). Восемилетние дети в сочинениях пишут: «человек создан помогать (всем) людям делать добро», «счастье приносить людям», «расту для своей мамы», «чтобы земля не пустовала и не были одни динозавры», «живу, чтобы учиться», «живу для природы», «живу для своего мира», «живу для своего здоровья», «живу, чтобы меня любили другие люди» и пр. Категория «назначение человека» в этом возрасте является редкой. К ней обратились всего 7,5% обследованных детей. Но она оказалась наиболее насыщенной значимыми корреляционными связями, с категориями из сочинений взрослых (см. таблицу 1).

Корреляционные связи свидетельствуют о том, что употребление категории «назначение человека» в младшем школьном возрасте значимо связано с употреблением в сочинениях взрослых авторов категорий «мировосприятие» (0,814), «долг – действовать на благо обществу» (0,631), «ценности» (0,527) и др. Если в первом классе ребенок имеет некоторые представления о смысле жизни, назначении человека, то последующие его представления о себе, как о человеке, будут значимо связаны с категориями «свойства человека» и «обязанности и долг». Представитель этого пути становления социальной зрелости считает определяющим для понимания человеческой сущности наличие таких характерных особенностей, как «мировосприятие», «ценности», «собственное мнение», «поступки», «цели». У него есть свои представления о долге человека, компонентами которого, по его мнению, являются «необходимость развития души», «отзывчивость и забота о близких», «действия на

благо обществу». Выявленная направленность личности соответствует описанию В.С. Мухиной «личностного в человеке»: «Это постоянная озабоченность проблемами человечества, постоянная обращенность на себя с точки зрения требований личности: «Кто я?», «Что должен успеть сделать в жизни для себя, для других, для человечества?» (Мухина, 1989, С. 118). Аналогичную мысль М.М. Пришвин выразил следующим образом: «Некоторые говорят, что нужно жить для себя, другие учат жить для ближних, а я думаю, каждому следует найти такую точку применения сил, чтобы жизнь для себя сама собой выходила жизнью для ближних, для дальних, для всех» (Пришвин, 2015, С. 109).

Приведем сравнительный пример текстов сочинений, написанных Светланой С. в 8 лет и в 25 лет. Сочинения иллюстрируют путь становления социальной зрелости «Я для Общества».

В этих сочинениях отчетливо прослеживается удивительное сходство мотивационно-смысловой направленности

Табл. 1. Значимые коэффициенты корреляции между показателями частоты употребления категории «назначение человека» (8 лет) с частотой категорий из взрослых сочинений (25 лет).

Категории из «взрослого» сочинения	r S	p
Свойства человека, в том числе:		
- ценности, свои правила жизни	0,527	0,01
- свое мнение	0,400	0,05
- мировосприятие, накопленный опыт	0,814	0,001
- поступки, действия	0,449	0,01
- мотивация, нужды,	0,373	0,05
- цели	0,462	0,01
Обязанности долг, в том числе:	0,461	0,01
- саморазвитие	0,438	0,05
- забота о близких	0,397	0,05
- действовать на благо обществу	0,632	0,001

Table 1. Significant correlation coefficients between the indicators of category frequency "Destiny of man" (8 y.o.) with category frequency of adult works (25 y.o.).

Categories of "adult" works	r S	p
Human properties including:		
- values, own rules of life	0.527	0.01
- personal opinion	0.400	0.05
- perception of the world, experience	0.814	0.001
- deeds, actions	0.449	0.01
- motivation, needs	0.373	0.05
- goals	0.462	0.01
Duties/debt including:	0.461	0.01
- self-development	0.438	0.05
- caring for close relations	0.397	0.05
- acting for the good of society	0.632	0.001

Я человек.

Я человек это значит, что я живу для своего мира. Я часть своей планеты. Я человек, который любит ездить на природу. Я человек вселенной. Я человек, который любит своих родителей. И еще я очень люблю всякие ягоды, потому что у них есть витамины.

Я – человек!

Я – человек! Я живу на планете, название которой – Земля! Меня окружает невероятное количество отличных от меня живых организмов: животные, птицы, растения – я чувствую себя частью этой уникальной природы. Но человеку выдано гораздо больше полномочий, относительно всего остального живого! Мы можем изменять и совершенствовать, а порой и губительно влиять на окружающую нас среду, что не может не разочаровывать! Мы – люди – существа разумные. Вот истина. Но порой наши поступки не отвечают данной истине. Мы умеем мыслить и прямо ходить на двух ногах, умеем созидать и разрушать, но до конца никто из нас не знает свое предназначение! Человек – часть огромной бездонной вселенной!

автора, несмотря на наличие 18-летнего периода, разделяющего два текста: «живу для своего мира» – «знать свое предназначение»; «я часть своей планеты», «часть вселенной» – «живу на планете Земля», «часть вселенной»; «человек, который любит ездить на природу» – «чувствую себя частью уникальной природы». Такое сходство сочинений характерно для многих участников исследования.

Подводя итоги анализа индивидуального пути становления социальной зрелости «Я для общества», можно отметить, что здесь социальная идентичность «Я-человек» интериоризована, она воспринимается через понимание собственной активности (субъектности) в сфере отношений (ценности, мнение, цели). Человек ставит перед собой задачи саморазвития, заботы о близком окружении и о широких общностях, в которые включен. Таким образом, представителем этой позиции понятна мысль о взаимосвязи изменений, как фундамен-

тальной характеристики социального поведения: «изменение влечет за собой изменение социального окружения, «изменяя себя, индивид изменяет социальную среду, изменяя ее, он изменяется сам» (Андреева, 2013, С. 42). Этот путь отражает наибольшую полноту социальной зрелости личности по сравнению с другими выявленными нами путями становления.

Путь становления социальной зрелости «Я для Других». В основании этого типа пути лежит категория «качества личности». В детских сочинениях категория «качества личности» представлена следующими выражениями: «честный», «не врет», «человек (очень) хороший», «не жадина», «хитрый», «галантливый», «я человек еще не с большой буквы», «не выношу, когда на меня кричат», «заставляю себя заниматься», «отношусь к игрушкам, как к живым» и т.д.

Описанию этого типа созвучна идея Г.Э. Белицкой о том, что «осознание себя

в качестве субъекта обогащает внутренний мир и укрепляет жизненные силы человека, который становится способен не только устоять в трудностях, но и помочь другим» (Белицкая, 1994, С. 27).

Содержание корреляционных связей, характерных для пути становления социальной зрелости «Я для Других», говорит о том, что, если человек в детском возрасте замечает в себе или в других индивидуальные поведенческие черты и понимает, что люди различаются качествами личности, то он вырастает во взрослого человека, для которого актуальна индивидуальность человека, его возможность быть самим собой (0,432). Для него продолжает оставаться значимой сфера общения и коммуникации (0,572), важными, характеризующими человека он считает дела, поступки (0,443). Родовая человеческая сущность для человека, развивающегося по этому пути, предстает не через социальную идентификацию с ним, а через обобщение, абстрагирование, знание (категория «понятие Человек» – 0,394).

Значимая для этого пути становления социальной зрелости сфера общения представлена в текстах сочинений 25-летних людей следующими выражениями: «уметь любить», «способность понимать других», «сострадать», «способность разговаривать», «человек может играть разные социальные роли», «стремиться помогать окружающим людям». Здесь социальный мир человека предстает в виде отдельных конкретных людей, которые воспринимаются как собеседники, их можно понимать, любить, им можно помогать.

Тексты сочинений, написанных Ксенией Д. в 8 и в 25 лет, иллюстрируют путь становления социальной зрелости «Я для Других».

Для человека, идущего по пути становления социальной зрелости «Я для Других», важным является понимание и принятие индивидуальности своей

Табл. 2. Значимые корреляционные связи частоты употребления категории «качества личности» с частотой категорий из взрослых сочинений.

Категории из «взрослого» сочинения	r S	P
Возможности, способности человека, в том числе:		
- сфера общения	0,572	0,001
Результаты активности человека, поступки, в том числе:		
- дела, поступки, ответственность за реализацию планов	0,443	0,05
Понятие «Человек»	0,394	0,05
Идентичность, в том числе:		
- Индивидуальность	0,432	0,05

Table 2. Significant correlation coefficients between the indicators of category frequency "Quality of personality" with category frequency of adult works.

Categories of "adult" works	r S	P
Opportunities, human capacity including:		
- Sphere of communication	0.572	0.001
The results of human activities, actions including:		
- acts, actions, responsibility for implementation of plans	0.443	0.05
The concept of "Person"	0.394	0.05
Identity including:		
- Individuality	0.432	0.05

Я – человек.

Я человек у меня есть глаза, голова, нос, губы, тело, шея, руки, ноги... А самое хорошее во мне – душа! Я девочка. Я могу прыгать, играть, петь. У меня есть друзья. Они хорошие. И самое главное, они верные. Мне нравятся уроки: музыка, рисование, этика, физкультура, чтение. Я увлекаюсь чтением. Я много узнала из книг.

Я люблю игрушки и отношусь к ним как к живым, я люблю животных...

Но больше всех на свете я люблю маму и папу! У меня есть сила воли. Я заставляю себя долго заниматься музыкой, час или полтора.

Я человек.

Я чувствую, люблю, желаю, переживаю. Я люблю свою семью и своих друзей. Люблю природу, море и горы. Мне нравится быть свободной. Я человек – это великая роскошь.

и других людей. Социальная идентичность «я – человек» воспринимается через понимание собственной активности (субъектности) в отношении окружающих людей. Этот путь отражает достаточно выраженную социальную зрелость, которой для полноты не достает осознания своей включенности в широкие общности. Общности предстают здесь сферой коммуникации и личного общения.

Путь становления социальной зрелости «Я для Семьи». Этот путь основан на изначальной готовности ребенка обращать внимание на сущностные, родовые свойства человека: «человек живой», «у человека есть душа, совесть», «человек стареет, умирает», «я расту, вырасту», «у человека есть ум» и т.п. Это примеры из детских сочинений, те единицы анализа текстов, которые отнесены к категории «свойства человека».

Дети, развивающиеся по этому пути, взрослея, начинают считать, что для человека значимой является сфера семьи (0,455). Повзрослевшие представители этой группы отмечают, что человек счи-

Табл. 3. Значимые корреляционные связи частоты употребления категории «сущностные свойства» с частотой категорий из взрослых сочинений.

Категории из «взрослого» сочинения	r S	p
Семья (родители, родственники, дети, любимые)	0,455	0,01
Результаты активности человека, поступки, в том числе:	0,399	0,05
- дела, поступки, ответственность за реализацию планов;	0,370	0,05
- разное, другое	0,365	0,05
Время, в том числе:	0,365	0,05
- прошлое	0,380	0,05

Table 3. Significant correlation coefficients between the indicators of category frequency "Essential characteristics" with category frequency of adult works.

Categories of "adult" works	r S	p
Family (parents, relatives, children, loved ones)	0.455	0.01
The results of human activities, actions including:	0.399	0.05
- acts, actions, responsibility for implementation of plans	0.370	0.05
- other	0.365	0.05
Time including:	0.365	0.05
- the past	0.380	0.05

жизнедеятельности. Кроме того, актуальными для них являются отношения с близким кругом людей: родительская семья, собственная семья и дети, существующие в реальной жизни или пока только в мечтах. Ответственность, о которой

путь «Я для Семьи» отличается тем, что в сознании представителей этой группы актуальные социальные общности ограничены семейным кругом. Акцент интереса на семье является специфической особенностью этих молодых людей. Та-

Я человек.

У человека есть душа и совесть. У него есть еще свое мнение и свое чувство. К примеру, у меня есть друзья и я их очень люблю, но я очень не сдерживаюсь, когда у меня что-то не получается. И я ненавижу, когда на меня кричат. Но я стараюсь все это терпеть. И у меня получается.

Я – человек.

Для меня это значит нести ответственность перед своей семьей. Счастлирое будущее моих детей, моей семьи и мое зависит от моих поступков. Поэтому следует помнить о моральных ценностях и мне, и всем нам. Наше будущее и настоящее в наших руках.

тается человеком в соответствии с результатами его поступков, умением нести ответственность за свою жизненную стратегию, реализацию планов, для них актуальной является категория «времени», «прошлого» (0,380) (см. таблицу 3).

Индивидуальный путь становления социальной зрелости «Я для Семьи» характеризует определенную степень социальной зрелости личности. Взрослые участники исследования, прошедшие по этому пути, ясно осознают ответственность за результаты собственной активности в индивидуальном пространстве

пишут представители этого типа, касаются поддержки и обеспечения счастья родителей, супругов, воспитания собственных детей. Сфера семейной жизни для выборки 25-летних участников оказалась не очень актуальной. Только 34,4% респондентов обращались к этой категории в своих сочинениях. Значимая корреляционная связь для категории «семья» взрослых сочинений выявлена только с этой категорией детских сочинений «свойства человека».

От предыдущих путей становления социальной зрелости индивидуальный

ким образом, можно предположить, что одним из важных условий формирования стремления к семейной жизни и ответственного к ней отношения в возрасте ранней взрослости является актуализация в сознании детей младшего школьного возраста родовых, сущностных свойств человека, таких как душа, совесть, взросление, конечность жизни и т.п.

Тексты сочинений, написанных Анной А. в 8 лет и в 25 лет, иллюстрируют этот путь становления социальной зрелости.

Табл. 4. Значимые корреляционные связи частоты употребления категории «мнение» с частотой категорий из взрослых сочинений.

Категории из «взрослого» сочинения	r S	p
Понятие «Человек», в том числе:	0,387	0,05
- социальная сущность человека.	0,349	0,05
Идентичность, в том числе: индивидуальность	0,510	0,01
Результаты активности человека, поступки, в том числе:		
- дела, поступки, ответственность за реализацию планов;	0,680	0,001
- идеи	0,358	0,05

Table 4. Significant correlation coefficients between the indicators of category frequency "Opinion" with category frequency of adult works.

Categories of "adult" works	r S	p
The concept of "Person" including:	0.387	0.05
- the social nature of person	0.349	0.05
Identity including individuality	0.510	0.01
The results of human activities, actions including:		
- acts, actions, responsibility for implementation of plans	0.680	0.001
- ideas	0.358	0.05

Тексты сочинений Александры Л.

Я человек.

Я человек, я умный и я очень люблю мир. Я всегда останусь человеком. Я умный и я очень люблю рисовать. Я считаю, что я очень талантливый, я умный. Я хочу научиться играть на пианино. Я хочу стать очень добрым человеком. Я очень люблю жизнь, и я снова повторяю: я человек. Я человек, я человек, я человек.

Я – человек.

Я человек, а значит, я могу мыслить, действовать, что-то менять, на что-то влиять, могу прожить жизнь как захочу. Я человек, а значит, у меня есть душа, значит, я могу чувствовать, переживать, испытывать эмоции, приобретать знания, опыт. Я человек, а это значит, что я гражданин своей страны, чья-то дочь, сестра, внучка, чей-то друг, чья-то поддержка, любовь. Я человек, а это значит, я все могу, могу заниматься любимым делом, любым видом деятельности, могу решить любой вопрос и любую задачу, могу ставить цели и достигать их. Я человек, а это значит, я могу любить, любить людей, животных, все живое на Земле, любить мир и делать что-то хорошее для других. Я человек, а это значит, иметь возможность что-то изменить, оставить след, воспоминания. Я человек, а это значит, просыпаться каждое утро и радоваться каждому дню, событию, человеку, иметь возможность просто жить. Я человек и я ценю это.

Тексты сочинений Дмитрия Е.

Я человек.

Я думаю – человек может все. Я очень люблю урок Естествознание. У меня разные оценки. Правда, только друзей у меня нет. У меня есть мечта – работать водителем троллейбуса. Но мама мне не разрешает, когда вырасту, работать водителем троллейбуса. Я должен быть хорошим человеком! Добрым и уважительным, старательным, рассудительным, обязательно чтобы люди меня очень любили и уважали, завидовали. И я хочу, чтобы у меня были очень хорошие, послушные, трудолюбивые дети. Это самая, очень большая моя мечта. Я буду настоящим человеком. Я буду бороться за свою родную жизнь.

Я – человек.

В моем понимании, быть человеком – это значит, воспитать в себе высокие моральные качества. Вспомнилось высказывание А.П. Чехова: «В человеке все должно быть прекрасным: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Я думаю, что настоящий человек – это хороший друг, способный прийти на помощь, освободить из беды и не завидовать счастью других людей! Человек при любых обстоятельствах должен оставаться человеком.

Подытоживая анализ индивидуально-го пути становления социальной зрелости «Я для Семьи», можно отметить, что на этом пути социальная идентичность «Я-человек» воспринимается через понимание собственной деятельной активности (дела, поступки). Человек ставит перед собой задачи заботы о близком семейном окружении. Этот путь отражает определенную полноту социальной зрелости личности, не включающую в

себя актуальность более широких общностей.

Путь становления социальной зрелости «Я для Дела». Четвертый, выявленный индивидуальный путь становления социальной зрелости «Я для Дела», проявляется в младшем школьном возрасте такой характерной особенностью, как подчеркивание в тексте сочинения собственного мнения: «я думаю», «по моему мнению» и т.п. Таких сочинений на пер-

вом этапе нашего исследования насчитывалось 11,2%. Корреляционные связи показателя, отражающего частоту использования этой категории с характеристиками взрослого сочинения, представлены в таблице 4.

Склонность подчеркивать свое мнение уже в 7–8 лет развивается в такую характерную особенность сочинений взрослых, как подчеркивание в собственной идентичности индивидуальных личностных качеств (0,510). Выражение собственного мнения младшим школьником, проявленное в использовании категории «мнение», к 25 годам развивается в такое отношение к человеку, когда сущность человека определяется его делами, поступками и идеями, которые он реализует (0,680). Взрослые, развивающиеся по пути «Я для Дела», демонстрируют в тексте сочинений готовность

раскрывать тему через формулировку понятия «Человек» («Человек это..») (0,387), в котором подчеркивается его социальная сущность (0,349).

Представления о себе как о человеке представителей этого пути становления социальной зрелости содержат некоторое противоречие – в обобщенном образе человека подчеркивается его социальная природа, а в характеристиках себя, как человека, акцент сделан на лич-

ностных характеристиках, уникальности, личной ответственности за результаты своей активности.

Тексты сочинений, написанных Александрой Л. и Дмитрием Е. в 8 лет и в 25 лет, иллюстрируют индивидуальный путь становления социальной зрелости «Я для Дела».

Сочинения Дмитрия Е. позволяют выявить еще один феномен динамики социального развития. В этих двух текстах встречается слово «зависть», совершенно не типичное для сочинений «Я человек». Во всем массиве сочинений это слово встретилось трижды, из них – два раза у Дмитрия: в начальной школе и в возрасте 25 лет. Актуальность такого конструкта отношения к миру, осталась неизменной, а вектор чувства зависти изменился: от «хочу, чтобы мне завидовали» к «настоящий человек не завидует счастью других». Чувство «зависти» не элиминировано, но с возрастом преобразовано во вполне просоциальное чувство. Выявленный феномен требует дальнейших исследований и, вместе с тем, позволяет зафиксировать возможность положительной динамики негативных чувств.

Обобщая анализ индивидуального пути становления социальной зрелости «Я для Дела», можно отметить, что людям этого типа свойственны развитая индивидуальность, деятельная активность, осознание субъектности в отношении результатов собственной жизни. Возможность деятельной реализации Д.А. Леонтьев связывает с такими важными вопросами, как происхождение, сущность и характер творческих сил человека (Леонтьев, 1997).

Для полноты социальной зрелости представителям этого пути не достает осознания своей включенности в широкие и близкие общности, возможности влияния на развитие этих общностей.

Я – человек.

Я умею писать, читать, но не умею плавать. Я хожу в школу во 2а класс, в школу 152. Мой лучший друг Игорь. Я люблю играть на пианино. Я был и выступал на сцене театра Оперы и балета. Я получил там приз – заводную собаку. Я выступал в городской библиотеке и получил грамоту.

Табл. 5. Значимые корреляционные связи частоты употребления категории «вещи» с частотой категорий из взрослых сочинений.

Категории из «взрослого» сочинения	r S	p
Свойства человека, в том числе: самоидентификация, самость	0,465	0,01
Возможности, способности человека, в том числе: мыслить	0,438	0,05
Идентичность, в том числе: индивидуальность	0,464	0,01

Table 5. Significant correlation coefficients between the indicators of category frequency "Things" with category frequency of adult works.

Categories of "adult" works	r S	p
Human properties including self-identification, selfness	0.465	0.01
Opportunities, human capacity including thinking	0.438	0.05
Identity including individuality	0.464	0.01

Путь становления социальной зрелости «Я для Себя». Пятый выявленный индивидуальный путь становления социальной зрелости «Я для Себя» основан на акцентировании в детском сочинении предметного мира, выражающемся в обращении к словам из категории «вещи». К этой категории отнесены слова, обозначающие мир предметов, о которых писали дети как о желаемых или как о имеющихся, или как о связанных с их действиями: «мне купят велосипед», «готовлю кашу», «человек может управлять машиной», «смотрю телевизор», «катаюсь на санках», «подарю букет» и пр. В младшем школьном возрасте 36,2% опрошенных учащихся использовали эту категорию. Некоторые дети употребляли категорию «вещи» в своем сочинении о человеке от 5 до 18 раз. Что является актуальным для повзрослевших детей, делающих акцент на предметном мире? Значимые корреляции представлены в таблице 5.

Частота использования категории «вещи» (детские сочинения) значимо связана с частотой использования категорий, отражающих уникальность человека: «самоидентификация» и «самость» как сущностные свойства человека (0,465), индивидуально-личностные

характеристики идентичности (0,464) (сочинения взрослых). Также выявлена значимая корреляционная связь категории «вещи» с категорией «возможности и способности», а именно, с частотой указания на «способность мыслить».

Человек, развивающийся по пути становления социальной зрелости «Я для Себя», сконцентрирован в своих представлениях о себе на собственной индивидуальности. Сфера общения, взаимодействия с другими является для них не актуальной. По мнению Т.В. Румянцевой, Т. Куна, если в идентификации наблюдается значительное преобладание личностных свойств над социальными характеристиками, то >гнн это свидетельствует об эмоциональном неблагополучии человека («шизоидный тип»). Ориентация 7–8-летнего ребенка на предметный мир не исчезает с годами, а приводит к сложностям в сфере общения, взаимодействия с теми общностями, в которые он включен.

Сочинения Алексея К. иллюстрируют индивидуальный путь становления социальной зрелости «Я для Себя».

Путь «Я для себя» можно лишь условно назвать путем становления социальной зрелости. На этом пути социальная зрелость к 25 годам не достигается. Здесь

Я человек.

Я не уверен, что это мое сообщение потянет на полноценное сочинение, но, пожалуй, это все, что я могу предоставить на данный момент. Я не думаю, что заданная тема в принципе является актуальной в настоящее время, поскольку в повседневной жизни обывателю не приходится сталкиваться с необходимостью подобного рода самоидентификации. С таким же успехом я мог бы попытаться обозначить себя как бутерброд или kota. Однако я полагаю, что сама по себе необходимость определять собственную идентичность является специфичной только для человека и ни для кого больше. Поэтому я думаю, что в рамках заданной темы я со спокойной душой и без явных сомнений мог бы заключить, что регулярно возникающая потребность определять свою самость является основной проблемой, которую мне приходится постоянно разрешать как представителю человеческого рода, к коему я себя, безусловно, отношу, если передо мной поставить такой вопрос.

Результаты исследования могут быть положены в основание гипотезы о направлениях психологической помощи и коррекционной работы с теми людьми, которые испытывают затруднения в сфере общения, установления близких отношений. Возможно, с решения проблем межличностных отношений начинается актуализация жизненных смыслов

ярко выражена индивидуальность, чувство собственной уникальности. Но вместе с тем для таких людей не актуализированы чувства своей включенности в разные общности, не выражено понимание зна-

ской помощи и коррекционной работы с теми людьми, которые испытывают затруднения в сфере общения, установления близких отношений. Возможно, с решения проблем межличностных от-

Вывявленные значимые связи между категориальной структурой репрезентации себя, как человека, в текстах одного автора в разном возрасте дают информацию для размышления о закономерностях социального становления человека, ставят задачи поиска новых подходов к исследованию влияния интрасубъектных факторов развития человека

чимости себя как участника этих общностей, у них могут возникать сложности при установлении близких отношений.

ношений начинается актуализации жизненных смыслов.

Нами предпринята попытка построения эмпирической типологизации путей становления социальной зрелости в возрастном периоде 7–25 лет. Безусловно, полученная типология может быть рассмотрена лишь как предварительная, эмпирическая, требующая дополнительных исследований и теоретического осмысления. Но, вместе с тем, выявленные значимые связи между категориальной структурой репрезентации себя, как человека, в текстах одного автора в разном возрасте дают информацию для

Заключение

Анализ путей социального становления человека является эмпирической иллюстрацией положений В. Франкла о значимости наличия смысла жизни для переживания субъективного благополучия. Результаты исследования также могут быть положены в основание гипотезы о направлениях психологиче-

размышления о закономерностях социального становления человека, ставят задачи поиска новых подходов к исследованию влияния интрасубъектных факторов развития человека.

Выявлено пять эмпирических индивидуальных путей становления социальной зрелости: «Я для Общества», «Я для Других», «Я для Семьи», «Я для Дела» и «Я для Себя». В наибольшей степени полнота становления социальной зрелости выявлена у представителей типа «Я для Общества». Для них характерны стремление к саморазвитию, к развитию близких и широких общностей, включенность в которые они осознают. Основа такого «созревания» – это понимание человеком (ребенком) смысла, назначения своей жизни.

Специфика ментальной презентации себя как человека, присущая ребенку в младшем школьном возрасте, «задает» пути его социального и нравственного развития в последующие десятилетия.

Результаты и выводы нашего исследования могут являться теоретическим основанием проектирования направленного социального развития в начальной школе и получения его относительно предсказуемых результатов к возрасту 25 лет.

Исследование подготовлено при поддержке РГНФ, проект 14-16-63004.

Литература:

- Андреева Г.М. Социальное познание и социальные проблемы // Национальный психологический журнал. – 2013. – №1(9). – С. 39–49. DOI: 2079-6617/2013.0106
- Белицкая Г.Э. О роли субъектности в формировании социально-политических ориентаций // Психологический журнал. – 1994. – № 4. – С. 56–62.
- Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. – Москва : Прогресс, 1986. – 422 с.
- Гудзовская А.А. Психология социальной зрелости: монография. – Самара : СИПКРО, 2014. – 256 с.
- Карцева Т. Б. Изменение образа Я в ситуациях жизненных перемен : дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 1989. – 158 с.
- Кун М., Макпарланд Т. Эмпирическое исследование установок личности на себя // Современная зарубежная социальная психология: тексты / под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1984. – С. 180–187.
- Леонтьев Д.А. Самореализация и сущностные силы человека // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. – Москва, 1997. – С. 156–175.
- Мухина В.С. Индивидуализм, личность // 50/50: опыт словаря нового мышления. – Москва : Прогресс, 1989. – С. 115–119.
- Мышкина М.С. Мотивационно-смысловая интенция как индикатор развития личности в условиях современного образовательного пространства : Материалы междунар. научно-практич. конференции «Проблемы одаренности в контексте устойчивого развития природы и общества». – Самара, 2014. – С. 120–123.
- Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / под ред. Д.А. Леонтьева. – Москва : Смысл, 2004. – 306 с.
- Павлова Е.А. Влияние образовательных сред на мотивационно-смысловую интенцию старшеклассников // Научное обозрение: гуманитарные исследования. – 2015. – № 7. – С. 61–69.
- Петровский А.В. Проблема развития личности с позиций социальной психологии // Вопросы психологии. – 1984. – № 4. – С. 15–30.
- Петяева Д.Ф. Развитие представлений о живой природе у дошкольников : автореферат дис. ... канд. психол. наук – Москва, 1991.

- Пришвин М.М. Мудрые мысли. – Электронный ресурс. – Режим доступа : <http://www.epwr.ru/quotauthor/337/txt7.php>
- Романов К.М. Исследование межличностного познания с помощью анализа нравственно-психологических словарей // Ежегодник Российского психологического общества. – 1997. – Т. 3. – Выпуск 1. – С. 225–226.
- Румянцова Т.В. Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре – Санкт-Петербург : Питер, 2002. – 736 с.
- Франкл В. Воля к смыслу. – Москва : Апрель-пресс ; Эксмо-пресс, 2000.
- Цукерман Г.А. Психологическое обследование младших школьников. – Москва : Владос, 2001. – 160 с.
- Mikhailova O.V. (2015). The value-motivational structure of the innovativeness of young students. *Psychology in Russia: State of the Art*, 8(1), 112-124.

References:

- Andreeva, G.M. (2013) Social cognition and social issues of a psychological. *National psychological journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*. 1 (9), 39-49.
- Baeva, I.A., & Bordovskaia, N.V. (2015). The psychological safety of the educational environment and the psychological well-being of Russian secondary school pupils and teachers. *Psychology in Russia: State of the Art*, 8(1), 86-99
- Belitskaya, G.E. (1994) On the role of subjectivity in developing social and political orientations. *Psychological journal [Psikhologicheskii zhurnal]*. 4, 56-62.
- Burns, R. (1986) Development of self-concept and training. Moscow, Progress, 422.
- Frankl, V. (2000) The will to meaning. Moscow, April'-press-Ekmo-Press.
- Gudzovskaya, A.A. (2014) Psychology of social maturity: monograph. Samara, SIPKRO, 256. Access: <http://elibrary.ru/item.asp?id=237386342014>.
- Kartseva, T.B. (1989) Changing I-image in situations of life changes. Ph.D. Thesis, 158.
- Kuhn, M., & Makpartlend, T. (1984) An empirical study of the individual installations themselves. Modern foreign social psychology. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 180-187.
- Leontiev, D.A. (1997) Self-realization and essential powers of man. *Psychology with a human face: a humanistic perspective in the post-Soviet psychology [Psikhologiya s chelovecheskim litsom: gumaniticheskaya perspektiva v postsovetskoy psikhologii]*. Moscow, 156-175.
- Mikhailova O.V. (2015). The value-motivational structure of the innovativeness of young students. *Psychology in Russia: State of the Art*, 8(1), 112-124.
- Molchanov S. V. (2014). Conditions and factors of solving moral dilemmas in adolescence. *National psychological journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*, 4, 42-51.
- Mukhina, V.S. (1989) Individualism, personality. *50/50: Experience dictionary of new thought [50/50: Opyt slovarya novogo myshleniya]*. Moscow, Progress, 115-119.
- Myshkin, M.S. (2014) Motivational-semantic intention as an indicator of personality development in the modern educational space / Talent issues in the context of sustainable development of nature and society. *Medical University «SGOA (H)» [GBOU VPO «SGOA(N)»*. 120-123.
- Nyutten, J. (2004) Motivation, action and the prospect of future. Moscow, Smysl. 306.
- Pavlova, E.A. (2015) Effect of educational environments in the motivational-meaning intention of senior. *Scientific Review: humanities research [Nauchnoe obozrenie: gumanitarnye issledovaniya]*. 7. 61-69.
- Petrovsky, A.V. (1984) The problem of personality development from the standpoint of social psychology. *Issues of psychology [Voprosy Psikhologii]*. 4. 15-30.
- Petyaeva, D.F. (1991) The development of ideas about the wildlife in preschoolers: Ph.D. in Psychology. Moscow.
- Prishvin, M.M. Words of wisdom. Mikhail Prishvin. <http://www.epwr.ru/quotauthor/337/txt7.php>
- Reshetova Z.A. (2013) On the mechanism of learning and development. *National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*, 1, 25-32.
- Romanov, K.M. (1997) The study of interpersonal knowledge by analyzing the moral and psychological dictionary. *Yearbook of the Russian Psychological Society [Ezhegodnik Rossiyskogo psikhologicheskogo obshchestva]*. Rostov-on-Don, Vol.3, Issue 1, 225-226.
- Rumyantseva, T.V. (2002) Counselling: diagnostics relations in the pair. St.Petersburg, Piter, 736.
- Zuckerman, G.A. (2001) Psychological examination of the younger students. Moscow, VLADOS, 160.

Психологические условия формирования правовой позиции клиента в адвокатской практике

С.А. Герасимович

Адвокатская палата Московской области, Москва, Россия

Е.И. Захарова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила: 3 июня 2016/ Принята к публикации: 28 июня 2016

Psychological conditions of developing client legal position in lawyer's practice

Semyon A. Gerasimovich*

Moscow Region Chamber of Attorneys, Moscow, Russia

Elena I. Zakharova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

*Corresponding author. E-mail: advokat-gerasimovich@yandex.ru.

Received: June 3, 2016 / Accepted for publication: June 28, 2016

В статье предпринят анализ возможностей, которые открывает использование инструментов практической психологии в адвокатской практике. Авторами выделены психологические аспекты такой юридической категории как правовая позиция, а также ряд психологических условий, способствующих ее формированию у клиента. Описаны конкретные паттерны поведения как адвоката, так и клиента, связанные с установлением и поддержанием психологического контакта и доверительных отношений между ними. Говорится об использовании приемов активного слушания. Показаны возможности создания ориентировки клиента в правовой ситуации. Представлены результаты исследования условий эффективности взаимодействия адвоката с клиентом в процессе формирования правовой позиции.

Результаты включенного наблюдения за ситуацией взаимодействия адвоката с клиентом свидетельствуют о том, что эффективность работы адвоката по формированию правовой позиции клиента связана с качеством психологического контакта и доверительностью отношений между ними. Одним из показателей эффективности работы адвоката по формированию правовой позиции клиента является полнота ориентировки клиента в правовой ситуации. Показано, что связь полноты ориентировки клиента в правовой ситуации с эффективностью работы опосредована использованием адвокатом приемов активного слушания и техникой ведения беседы.

Таким образом, расширение адвокатом своей профессиональной компетентности за счет освоения психологических методов воздействия на клиента позволяет существенным образом повысить эффективность оказания юридической помощи.

Ключевые слова: правовая позиция, психологический контакт, доверительность отношений, приемы активного слушания, техника ведения беседы, ориентировка в правовой ситуации.

The paper reports the results of an analysis of opportunities provided by using the tools of practical psychology in lawyer's practice. The authors distinguish psychological aspects of such legal category as a legal position, and also a variety of client's psychological conditions that foster its formation. They also describe specific patterns of behaviour of a lawyer and a client which promote establishing and maintaining of a psychological contact and confidential relations between them. The authors show the opportunities to create a client's orientation in a legal situation, using the methods of active listening. They also present the results of research on the conditions that provide an effective interaction between a lawyer and a client in a course of formation of a legal position.

The results of participant observation of a lawyer-client interaction reveal that the effectiveness of a lawyer's work on formation a client's legal position is related to a quality of psychological contact and a credibility of relations between them. One of the indicators of this effectiveness is completeness of client's orientation in his/her legal situation. They show that the relation between these indexes is mediated by the use of methods of active listening and conversation techniques.

Thus, developing his professional competence by mastering psychological methods of impact on a client, a lawyer can significantly increase his efficiency of rendering a legal aid.

Keywords: legal position, psychological contact, credibility of the relations, methods of active hearing, methods of conversation, orientation in a legal situation.

Наряду с психологами к числу представителей помогающих профессий относят адвокатов (Райкова, 2011), основной обязанностью которых является оказание юридической помощи. Представляя и защищая частные интересы клиента (Буробин, 2006), адвокат работает с ним в тесном контакте, квалифицирует юридическую проблему, ориентирует его в возможных законных способах разрешения этой проблемы, помогает формализовать его отношение к проблемной ситуации в виде правовой позиции по делу, способствуя решению проблемы юридическими средствами. Цель оказания юридической помощи заключается в нахождении наиболее благоприятного для клиента выхода из трудной ситуации. Выбирая ту или иную форму защиты интересов клиента, адвокат отталкивается от правовой позиции клиента, которая является ключевым моментом оказания помощи по гражданскому или уголовному делу.

Правовая позиция (или позиция по делу) представляет собой сложное и многогранное понятие, выражающее как фактическую и юридическую картину случившегося (Львова, 1999), так и характер материально-правового требования клиента и соответствующий этому требованию правовой статус (истец, ответчик, обвиняемый, потерпевший и др.). Кроме того, правовая позиция является

психологическим образованием. Она содержит собственное отношение клиента и к юридически значимой ситуации в целом (гражданско-правовой спор, деликт, уголовное преследование и пр.), а так же к отдельным элементам и субъектам ситуации (размер требований, объем обвинения, собственное поведение, поведение других участников правоотношения и т.д.), что соответствует психологической категории «внутренняя позиция» (Божович, 2009). Правовая позиция реализуется в поведении клиента.

Чтобы разграничить психологические аспекты этого понятия с его фактологической и юридической стороной, в дальнейшем под правовой позицией клиента мы будем понимать отношение клиента к правовой ситуации, его ориентировку в ней и выбор адекватного способа защиты своих интересов

Поскольку основным элементом, определяющим содержание позиции по делу, являются фактические обстоятельства, которые клиент включает в описание своей версии (Воскобитова, 2006), для эффективной защиты интересов клиента адвокату необходимо иметь наиболее достоверное и полное представление о фактах. Об этом адвокат предупреждает клиента. Однако полнота и достоверность раскрытия клиентом адвокату обстоятельств совершения им или другим лицом правонарушения или обстоятельств, явившихся причиной граждан-

ско-правового спора, зависит от целого ряда условий.

Безусловно, в начале сотрудничества клиент опирается на спонтанно сложившуюся у него внутреннюю позицию, которая побуждает его действовать в направлении, необходимом для удовлетворения потребностей в безопасности, справедливости, реализации иных жизненных ценностей. Однако даже продуктивная позиция клиента далеко не всегда является правовой, поскольку она не основана на юридических нормах,

а зачастую и не соответствует наличной правовой ситуации. Чтобы разграничить психологические аспекты этого понятия с его фактологической и юридической стороной, в дальнейшем под правовой позицией клиента мы будем понимать отношение клиента к правовой ситуации, его ориентировку в ней и выбор адекватного способа защиты своих интересов.

В связи с этим основной задачей, встающей перед адвокатом, является необходимость формирования у клиента адекватной правовой позиции, поскольку от этого зависит выбор способа защиты его интересов. Решение этой задачи требует от адвоката умения не только правильно выстроить взаимоотношения со своим доверителем (Володина, 2009), но и воздействовать на него психологическими средствами, которые он выбирает на основании собственного опыта работы, с учетом характера отношения клиента к ситуации и особенностей его поведения. Но часто юрист использует целый ряд средств психологического воздействия на клиента, не только не имея специальной подготовки в данной области, но и не осознавая, что имеет дело со специальными психологическими компетенциями. Мы полагаем, что расширение представлений адвоката о содержании и потенциале используемых средств психологического воздействия может способствовать повышению эффективности решения задачи по формированию правовой позиции клиента.

Семён Александрович Герасимович – адвокат
Адвокатской палаты Московской области
<http://gerasimovich.pro>
E-mail: advokat-gerasimovich@yandex.ru

Елена Игоревна Захарова – кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
E-mail: e-i-z@yandex.ru

Обоснование выдвигаемых гипотез

Целью эмпирического исследования стало выявление психологических условий эффективного решения задачи по формированию адекватной правовой позиции клиента. Для выдвижения гипотезы исследования был осуществлен анализ содержания профессиональной деятельности адвоката, позволивший выявить ряд условий, связанных с наличием у него ряда психологических компетенций¹.

Во-первых, это наличие доверия к адвокату. Среди взрослых и достаточно зрелых людей, как правило, встречается понимание того, что недостаток информации может привести к неверному решению. Некоторые из них так и говорят: «К адвокату, как к врачу», и раскрывают перед адвокатом все обстоятельства, и даже такие, которые, по сути, противоречат желаемому ими результату разрешения дела. Однако клиенты из числа молодежи редко сразу открываются незнакомому человеку (Бодалев, 1996). И адвокату, прежде чем начать оказывать юридическую помощь, порой приходится буквально завоевывать доверие клиента.

Во-вторых, необходимую информацию о фактах адвокат получает со слов клиента в его интерпретации. Поэтому вопрос достоверности изложения во многом зависит от степени владения адвокатом техникой ведения беседы, умения задавать вопросы, способности «ухватить» суть правовой проблемы.

В-третьих, вопрос полноты и объективности информации, предоставляемой клиентом, связан с аффективной нагруженностью ситуации. Редко к адвокату обращаются люди в состоянии спокойствия и умиротворенности. Ситуация нарушения прав или законных интересов, равно как задержание по подозрению в совершении преступления не могут не вызывать у клиента душевного волнения или переживания. В данном случае переживание понимается нами как «эмоциональная, форма данности субъекту содержания его сознания» (Василук, 1984, С. 3). Интенсивность переживаний человека в определенный момент времени может

зависеть от многих факторов: его характера, общего эмоционального тона, времени, прошедшего после события и других. Поэтому полнота и объективность информации о фактических обстоятельствах дела, предоставляемой клиентом адвокату, во многом зависит от умения последнего установить с клиентом психологический контакт, помочь ему совладать с чувствами, сосредоточиться и шире посмотреть на ситуацию.

Кроме объективных условий, фактических обстоятельств, влияющих на

является умение адвоката способствовать созданию у него ориентировки в правовой ситуации, учитывающей соответствие его версии фактическим обстоятельствам дела, позиции противной стороны, правовые нормы и последствия их применения. Эта задача является конечной в процессе формирования правовой позиции клиента, а успешность ее решения во многом зависит от вышеперечисленных условий.

Таким образом, гипотеза исследования заключается в том, что в качестве

Часто юрист использует целый ряд средств психологического воздействия на клиента, не только не имея специальной подготовки в данной области, но и не осознавая, что имеет дело со специальными психологическими компетенциями

формирование правовой позиции по делу, важную роль играют и субъективные условия. Среди них в первую очередь следует выделить отношение клиента к правовой ситуации. В уголовном судопроизводстве отношение клиента к обвинению в преступлении формализовано как полное или частичное признание либо отрицание вины в содеянном. В гражданском процессе оно выражается в характере материально-правового требования. Такое отношение редко возникает сразу после какого-либо юридически значимого события. Чаще оно складывается постепенно, по мере осознания произошедшего и его последствий. Осознание приходит не только в результате обдумывания, анализа причин, но и в результате оценивания ситуации и с точки зрения морали, и с точки зрения права. Однако не всегда осознанное в той или иной степени отношение клиента бывает адекватным наличной пра-

ве условий, способствующих повышению эффективности работы адвоката по формированию правовой позиции клиента, могут выступать следующие:

- качество психологического контакта;
- доверительность отношений;
- использование адвокатом приемов активного слушания и техники ведения беседы;
- полнота ориентировки клиента в правовой ситуации.

Методы исследования

Исследование проводилось методами опроса и включенного наблюдения.

Практическая часть исследования проводилась в два этапа.

Целью первого этапа было выяснение степени осведомленности практикующих адвокатов о психологических условиях, способствующих повыше-

Не менее важным условием формирования правовой позиции клиента является умение адвоката способствовать созданию у него ориентировки в правовой ситуации, учитывающей соответствие его версии фактическим обстоятельствам дела, позиции противной стороны, правовые нормы и последствия их применения

вовой ситуации. Зачастую собственные чувства и эмоции не позволяют клиенту увидеть и услышать другую сторону.

Поэтому не менее важным условием формирования правовой позиции кли-

нию эффективности работы адвоката по формированию правовой позиции клиента. На этом этапе мы провели опрос практикующих адвокатов по ключевым, с нашей точки зрения, моментам их вза-

¹ Возможности выдвижения гипотезы обусловлены профессиональной адвокатской практикой С.А. Герасимовича.

имодействия с клиентом. Чтобы заострить внимание респондентов на конкретных поведенческих проявлениях клиента и адвоката в ситуации взаимодействия, опросные листы содержали список утверждений, сформулированных как бы от лица несведущего человека. Утверждения были построены по принципу «от обратного», предлагались варианты ответа: «согласен», «не согласен», «затрудняюсь ответить». Нами было опрошено 35 адвокатов, имеющих стаж работы не менее одного года и различную специализацию в области права. Выборка формировалась стихийно в судебных учреждениях Москвы и Московской области.

Цель второго этапа заключалась в проверке гипотезы о наличии связи между психологическими условиями взаимодействия адвоката с клиентом и эффективностью его работы по формированию правовой позиции последнего. На этом этапе исследования перед нами стояли следующие задачи:

1. Определение параметров включенного наблюдения в условиях взаимодействия адвоката с клиентом.
2. Сбор данных об использовании адвокатом психологических средств и ответных реакциях клиента.
3. Анализ эффективности работы адвоката.

В первую очередь нами были определены параметры включенного наблюдения, на основании которых осуществлялся анализ психологических условий взаимодействия адвоката с клиентом. Данные параметры в форме конкретных поведенческих проявлений были внесены в протокол включенного наблюдения. В ходе обработки данных анализировалась частота встречаемости параметров как на стороне адвоката, так и на стороне клиента.

Сначала мы выделили ряд ключевых моментов взаимодействия адвоката с клиентом, по которым можно было бы судить о качестве психологического контакта. Мы обратили внимание на то, что готовность адвоката к встрече с конкретным клиентом и понимание своей компетентности в правовой проблеме клиента, может ослабить у адвоката тревогу, придать ему уверенность в своих силах (Скабелина, 2012). Начало бесе-

ды с общепринятых нейтральных фраз, демонстрация адвокатом не только благожелательного, уважительного тона, но и профессиональной компетентности (Файн, Глассер, 2010; Володина, 2009) позволяет «ослабить страх и укрепить надежду» клиента (Кочунас, 2010, С. 82).

Поскольку схема взаимоотношений адвоката с клиентом не всегда возникает сама собой с первых минут встречи, адвокату приходится проявлять инициативу и прикладывать усилия для того, чтобы направить общение в конструктивное русло. Обращение адвоката и клиента друг к другу в привычной и комфортной для адресата форме, которую мы назвали симметричностью обращения, способствует взаимному расположению собеседников, а любое изменение в обращении клиента к адвокату, либо отказ от обращения как такового, указывает на изменение его отношения к адвокату (Файн, Глассер, 2010).

Об углублении психологического контакта между клиентом и адвокатом можно судить по тому, как прогрессируют отношения между ними: от взаимного интереса к дальнейшему психологическому сближению и окончательному обособлению в диаду (Скабелина, 2012). Весьма важным моментом, способствующим сохранению психологического контакта, является безоценочное принятие клиента как целостной личности, когда адвокат не осуждает клиента даже если тот совершил что-то недостойное с моральной точки зрения (Кочунас, 2010). Это не исключает, однако, необходимости выяснения тех или иных мотивов поведения клиента и в некоторых случаях позволяет «примирить клиента с самим собой» (Львова, 1999, С. 15). Также мы обратили внимание на такое условие, непосредственно задающее тон взаимоотношениям адвоката с клиентом, как пространственная организация общения (Скабелина, 2012).

Далее, мы выделили ряд моментов, по которым можно судить о возникновении доверительных отношений между адвокатом и клиентом. Поскольку в ходе общения с адвокатом клиент порой не только раскрывает реальные факты конкретного дела, но и делится своими мыслями, опасениями, переживаниями и надеждами (Буробин, 2006), непрерывным условием такого общения яв-

ляется конфиденциальность. Поскольку доверие клиента к адвокату, основанное на непоколебимой вере в добрую волю и благие намерения адвоката по отношению к нему (Файн, Глассер, 2010) является внутренней позицией, внешним свидетельством возникновению доверия между ними может служить тот факт, что клиент и адвокат могут безбоязненно выражать свои эмоции.

Весьма важным условием возникновения доверительных отношений являются также честность и открытость перед клиентом. При этом показателем доверия может стать уверенность клиента в том, что адвокат относится к нему с уважением, несмотря на имеющиеся разногласия. Поскольку обязанность адвоката состоит в том, чтобы защищать, а не доискиваться правды (Слоновский, 2013), еще одним параметром, свидетельствующим о доверительности отношений, является демонстрация клиенту того, что адвокат верит его словам.

Анализируя психологические условия доверительности отношений, мы не могли не отметить специфические для юридической практики моменты, разрушающие доверие, или препятствующие его возникновению. К ним относятся: непроцессуальное общение с судом или стороной обвинения, сокрытие содеянного клиентом другого преступления либо намерение клиента осуществить последнее (побег, взятка, угроза), а также преступный склад личности клиента (Познышев, 2007).

Также мы выделили ряд моментов, свидетельствующих о степени использования адвокатом приемов активного слушания и техники ведения беседы. Поскольку для формирования у клиента правовой позиции первостепенное значение имеют фактические обстоятельства дела, о которых адвокат получает представление, в первую очередь, со слов самого клиента, нежелание адвоката слушать клиента ставит под вопрос возможность оказания квалифицированной юридической помощи, как таковой. Об умении выслушать свидетельствует то, что адвокат способен выразить искреннюю заинтересованность клиентом, как человеком, и его проблемой.

На практике адвокаты часто сталкиваются с ситуацией, когда клиент буквально

«вываливает» свою проблему и у адвоката в связи с этим возникает естественное желание прервать словесный поток клиента и структурировать беседу, чтобы сразу выяснить проблему. Однако минимальная вербальная активность адвоката в начале беседы способствует тому, что клиент сосредотачивает внимание на раскрытии именно сути своих проблем и обстоятельств дела.

Умение выслушать клиента – это активный процесс, который предполагает обратную связь с мыслями и чувствами клиента, направленный на то, чтобы помочь клиенту высказаться (Роджерс, 2008). На применение адвокатом приемов активного слушания в беседе с клиентом может указывать использование, например, «вы-подхода» (Айламазьян, 1999), минимальной обратной связи (Алешина, 1999), обоюдного молчания – паузы (Кочунас, 2010), эмпатического слушания (Кочунас, 2010).

Принципиальное значение для получения представления о проблеме клиента имеет фактическая информация. Об уровне владения адвокатом техникой ведения беседы можно судить по его умению правильно задавать вопросы клиенту – закрытые, открытые и выясняющие, в зависимости от того, чего он хочет узнать. (Айламазьян, 1999), а также пользоваться техниками перефразирования (Кочунас, 2010) и резюмирования (Трунов, 2013).

Поскольку вербальный канал передачи информации в случае непосредственного общения адвоката с клиентом является не единственным, на владение техникой беседы может указывать и использование адвокатом невербальных особенностей общения, таких, как структурирование времени, модальность голоса, контакт глаз, выражение лица (Кочунас, 2010), выражение глаз (Мэй, 2010).

С психологической точки зрения, правовая ситуация, в которую попадает клиент, характеризуется, во-первых, новизной, поскольку обращение к адвокату, как правило, связано с осознанием невозможности разрешить возникшие трудности и противоречия, возникшие средствами наличного знания и опыта (Петровский, Ярошевский, 1990). Во-вторых, эта ситуация связана с наличием у клиента какой-либо потребности

(Гальперин, 1998), в качестве которой могут выступать различные категории материальных и нематериальных благ, таких как свобода и справедливость.

Поскольку профессиональные стандарты² не позволяют адвокату навязывать клиенту свою точку зрения и требовать от него изменения собственной позиции, решение о выборе правовой позиции либо об ее изменении остается за клиентом. Также мы выделили ряд задач ориентировочной деятельности клиента, по результатам решения которых, можно сделать вывод о полноте его ориентировки в правовой ситуации. Правовая ситуация предполагает одновременное наличие следующих показателей:

- для клиента: новизна ситуации, уяснение наличной правовой ситуации, принятие ответственности за выбор пути или способа действия;
- для адвоката: выделение предмета потребности клиента, объяснение наличной правовой ситуации, ясное и понятное изложение возможных вариантов разрешения правовой ситуации (Володина, 2009).

Сбор данных осуществлялся одним адвокатом во время консультаций по гражданским делам, а также во время первых бесед с подзащитными по уголовным делам. Протокол наблюдения состоял из двух колонок – в одной осуществлялась фиксация показателей, свидетельствующих о наличии тех или иных психологических условий для адвоката, в другой – для клиента. В качестве критерия эффективности работы адвоката нами был выбран показатель изменения адекватности правовой позиции. Данный показатель дважды оценивался экспертным путем до и после взаимодействия с адвокатом по следующим сугубо юридическим основаниям:

- соответствие юридической квалификации или законность требований;
- основан на доказательствах.

Оценка адекватности правовой позиции проводилась вторым адвокатом, не принимавшим участия в сборе данных.

Выборка носила случайный характер и была сформирована путем включения в нее всех случаев обращения к адвокату за юридической помощью на протяже-

нии нескольких месяцев. Всего в исследовании приняли участие 32 клиента, в том числе 22 мужчины и 10 женщин. В возрасте от 19 до 21 года – 6 человек, от 22 до 40 лет – 25 человек и от 41 до 50 лет – 7 человек. По уголовному делу – 24 человека и по гражданскому делу – 8 человек.

Результаты опроса адвокатов

В ходе опроса нам удалось выяснить, в какой степени практикующие адвокаты осведомлены о том, что на эффективность их работы по формированию правовой позиции клиента оказывают влияние психологические условия взаимодействия.

Во-первых, большинство адвокатов имеют представление об условиях, способствующих установлению и поддержанию психологического контакта с клиентом, и считают своей задачей стабилизацию эмоционального состояния клиента, в том числе, за счет снижения собственной тревоги, безосеночного принятия клиента. Однако обращает на себя внимание неосведомленность адвокатов в вопросах пространственной организации общения.

Во-вторых, большинство адвокатов не имеют представления о психологических условиях, способствующих установлению доверительных отношений с клиентом. Значительная часть адвокатов, невзирая на определенные профессиональные принципы, не считают конфиденциальность обязательным условием при оказании юридической помощи. Большинство опрошенных коллег считают, что естественные живые формы общения, допускающие критику сказанного друг другом, способны стать препятствием для возникновения доверия между клиентом и адвокатом. При этом скрытое осуждение адвокатом клиента может остаться незамеченным для последнего.

В-третьих, адвокаты в своем большинстве продемонстрировали психологическую некомпетентность в области использования приемов активного слушания и техники ведения беседы. Они отвергали необходимость выслушивания клиента, недооценивали значение пауз и минимальной обратной связи, не счи-

¹ Кодекс профессиональной этики адвоката (принят Первым Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003; ред. от 22.04.2013). Российская газета, № 222, 05.10.2005.

тали, что, задавая вопрос клиенту, адвокат должен строить его в зависимости от того, какой ответ он ожидает услышать. При этом следует отметить, что большинство опрошенных все-таки догадывались о том, что явное рассогласование слов клиента и выражения его лица является поводом для выяснения истинного отношения клиента к проблеме.

В-четвертых, подавляющая часть адвокатов имеют неверное представление о принципах разделения ответственности между клиентом и специалистом, поскольку считают возможным оставить за собой выбор способа решения проблемы и приложить все усилия, чтобы убе-

дить клиента изменить ошибочную, по их мнению, позицию. Кроме того, большинство адвокатов вообще не понимают свою роль в ориентировочной деятельности клиента, поскольку считают основной задачей – просто подсказать клиенту выход из сложившейся ситуации.

Таким образом, большинство опрошенных адвокатов показали низкий уровень психологической компетентности, который не позволяет им в полной мере учитывать психологические условия при формировании правовой позиции клиента и не может не сказываться на эффективности их профессиональной деятельности.

Результаты включенного наблюдения

Анализ качества психологического контакта проводился нами с помощью функции «Описательные статистики» программы SPSS. При количестве показателей от 4 до 20, среднее составило 12,75, стандартное отклонение – 4,77. Это позволило выделить три уровня психологического контакта:

- низкое качество контакта – в 18% случаев (количество отмеченных показателей не превышало 7);
- среднее – в 66% случаев (от 8 до 17 показателей);

Табл. 1. Результаты опроса адвокатов.

Формулировка вопроса	Количество ответов в %		
	согласен	не согласен	затрудняюсь ответить
Компетенция адвоката ограничена вопросами права, а с волнением и тревогой клиент может справиться самостоятельно	3	97	0
Адвокат вправе оценивать поступок клиента с точки зрения морали и права и не обязан скрывать ни жалости, ни осуждения клиента	20	66	14
Настоящему профессионалу нет необходимости готовиться к встрече с новым клиентом	26	69	5
Расположение клиента напротив консультанта в большей степени способствует взаимопониманию	63	23	14
Условия конфиденциальности должны соблюдаться только по желанию клиента, когда ему есть что скрывать	17	80	3
Юридическая консультация – не место для выражения эмоций, адвокату и клиенту необходимо сдерживать свои чувства	51	40	9
Подвергая сомнению и оспаривая слова клиента, адвокат рискует утратить его доверие	60	29	11
Несовпадение систем жизненных ценностей клиента и адвоката вызывает необходимость скрывать свои истинные установки	66	17	17
Если клиент «вываливает» на адвоката свои проблемы, целесообразно остановить его «словесный поток» и структурировать беседу	80	11	9
Паузы в беседе с клиентом создают напряжение и могут указывать на некомпетентность адвоката в правовой проблеме клиента	20	63	17
Задавая вопрос клиенту, адвокат должен его строить в зависимости от того, какой ответ он ожидает услышать	29	71	0
Адвокату не следует задавать клиенту вопросы на личные темы и выяснять, какие чувства он испытывает в данной правовой ситуации	34	55	11
Интерес адвоката к фактическим обстоятельствам ограничивается информацией, которую клиент счел возможным до него донести	34	63	3
Явное рассогласование слов клиента и выражения его лица является поводом для выяснения истинного отношения клиента к проблеме	45	23	31
Опытный профессионал не должен перекладывать на клиента ответственность выбора альтернативного способа решения проблемы	19	62	19
Поскольку редкий клиент говорит адвокату правду, необходимо все слова клиентов подвергать сомнению	50	41	9
Адвокату следует приложить все силы для того, чтобы убедить клиента изменить ошибочную правовую позицию	63	25	12
Основная задача адвоката – подсказать клиенту выход из сложившейся юридически значимой ситуации	78	13	9

Table 1. Results of the lawyer survey.

The wording of the question	Number of Answers, %		
	Agree	Do not agree	Difficult to answer
The competence of the lawyer is limited to issues of law, while the client's excitement and anxiety can be managed without a lawyer	3	97	0
The lawyer is entitled to evaluate the customer's action in terms of morality and law, and is not obliged to hide neither his pity nor condemnation of client	20	66	14
A true professional is not obliged to prepare for a meeting with a new client	26	69	5
Client location opposite the consultant is more conducive to mutual understanding	63	23	14
Privacy terms and conditions must be met only by the client consent when he/she has something to hide	17	80	3
Legal advice is not a place to express emotions, the lawyer and the client needs to keep back their feelings	51	40	9
Questioning and challenging the client's words the lawyer risks losing his/her confidence	60	29	11
The discrepancy between the systems of vital client values and those of the lawyer shall result in concealing their true attitudes	66	17	17
If the client "throws" to the lawyer his/her problems it is advisable for the lawyer to stop the "verbal flow" and to structure the conversation	80	11	9
Pauses in conversation with the client create tension and may point to the incompetence of the lawyer in the legal issues	20	63	17
By asking the question to the client the lawyer should build it depending on the nature of response he expects to hear	29	71	0
The lawyer should not ask the client questions concerning personal issues and find out what feelings he/she experiences in the legal situation	34	55	11
The interest of the lawyer to the actual circumstances is limited by those facts the client found it possible to mention	34	63	3
The apparent discrepancy between client words and his/her facial expression is an occasion to clarify the client's true attitude to the problem	45	23	31
An experienced professional should not shed his/her responsibility in order to choose an alternative method of solving the problem	19	62	19
Since the rare client tells the lawyer the truth all the words of client should be thrown doubt upon	50	41	9
The lawyer should make every effort to convince the customer to change the erroneous legal position	63	25	12
The main task of the lawyer is to tell the client out of the current legal situation	78	13	9

– высокое – в 16% случаев (18 и более показателей).

Таким образом, распределение случаев взаимодействия по качеству психологического контакта близко к нормальному.

Анализируя доверительность отношений, мы исходили из того, что доверие, как психологический феномен, либо есть, либо его нет. При обработке результатов показатели, разрушающие доверие учитывались со знаком «минус». Поэтому в тех 22% случаев, когда какие-либо проявления, свидетельствующие о возникновении доверия со стороны клиента, были незначительными либо вообще отсутствовали, мы посчитали, что доверительность отношений отсутствует. В остальных 78% случаев, по нашему мнению, доверительность отношений имела место быть.

Табл. 2. Качество психологического контакта.

Уровень контакта	Низкий	Средний	Высокий
Количество показателей	от 4 до 7	от 8 до 17	от 18 до 20
Количество случаев в %	18	66	16

Table 2. Quality of psychological contact.

Level of Contact	Low	Average	High
Number of Indexes	From 4 till 7	from 8 till 17	from 18 till 20
Number of Cases, %	18	66	16

Табл. 3. Доверительность отношений.

Наличие доверительности	Отсутствует	Имеется
Количество показателей	от -1 до 3	от 4 до 10
Количество случаев в %	22	78

Table 3. Trusting Relationship.

Trust Level	Absent	Present
Number of Indexes	from -1 till 3	from 4 till 10
Number of Cases, %	22	78

Табл. 4. Использование приемов активного слушания и техники ведения беседы.

Степень использования	Низкая	Средняя	Высокая
Количество показателей	от 3 до 7	от 8 до 18	от 19 до 37
Количество случаев в %	15	75	10

Table 4. Active listening techniques and the art of conversation.

Степень использования	Low	Average	High
Number of Indexes	from 3 till 7	from 8 till 18	from 19 till 37
Number of Cases, %	15	75	10

В ходе анализа использования адвокатом приемов активного слушания и техники ведения беседы при количестве показателей от 3 до 37, среднее составило 13, стандартное отклонение – 6,201. Было выделено три уровня использования данных приемов:

- низкая степень использования – в 15% случаев (количество отмеченных показателей не превышало 7);
- средняя – в 75% случаев (от 8 до 18 показателей);
- высокая – в 10% случаев (19 и более показателей).

Таким образом, распределение случаев взаимодействия по качеству психологического контакта близко к нормальному.

Табл. 5. Полнота ориентировки.

Полнота ориентировки	Неполная	Полная
Количество показателей	от 2 до 5	6
Количество случаев в %	34	66

Table 5. Fullness of orientation.

Fullness of orientation	Partial	Full
Number of Indexes	from 2 till 5	6
Number of Cases, %	34	66

Анализируя полноту ориентировки клиента в правовой ситуации, мы исходили из того, что ориентировка может быть полной только при наличии всех шести показателей. Качество ориентировки было оценено как неполное в 34% случаев, а как полное – в 66% случаев взаимодействия.

При помощи функции «Таблицы сопряженности» программы SPSS мы выполнили анализ связей между выделенными параметрами взаимодействия. При этом были установлены следующие связи:

- между качеством психологического контакта и использованием адвокатом приемов активного слушания и техники ведения беседы (коэффициент со-

пряженности Хи-квадрат Пирсона – 12,832, уровень значимости – 0,012);

- между качеством психологического контакта и полнотой ориентировки в правовой ситуации (коэффициент сопряженности Хи-квадрат Пирсона – 10,308, уровень значимости – 0,010);
- между использованием адвокатом приемов активного слушания и техники ведения беседы и полнотой ориентировки (на уровне тенденции, коэффициент сопряженности Хи-квадрат Пирсона – 5,550, уровень значимости – 0,062);

В случаях, когда качество психологического контакта между адвокатом и клиентом было выше, адвокат в большей степени использовал приемы активного

слушания и технику ведения беседы, при этом ориентировка клиента в правовой ситуации тоже была полнее.

Далее нами был проведен анализ эффективности работы адвоката по формированию правовой позиции клиента. В результате оценки адекватности правовой позиции клиентов до и после беседы с адвокатом выяснилось, что до беседы с адвокатом в 31% случаев правовая позиция клиента была полностью неадекватной, в 63% случаев – частично адекватной, а в 6% случаев – полностью адекватной наличной правовой ситуации. В результате беседы с адвокатом количество случаев полностью неадекватной позиции клиента сократилось до 9%, частично адекватной

– до 28%, а полностью адекватной – возросло до 63% случаев.

Таким образом, изменение адекватности правовой позиции клиента в процессе взаимодействия с адвокатом имело положительную динамику.

В целях оценки полученного эффекта взаимодействия нами было выделено три варианта изменений правовой позиции клиента:

- изменение отсутствует – в 25% случаев;
- частичное изменение – в 53% случаев;
- полное изменение позиции – в 16% случаев.

Поскольку в 6% случаев правовая позиция клиента была полностью адекватной до начала беседы с адвокатом, в целях оценки эффективности работы адвоката было решено исключить эти случаи из дальнейшего анализа.

Таким образом, изменение правовой позиции клиента после беседы с адвокатом было выделено нами в качестве критерия эффективности работы адвоката по формированию правовой позиции. В 25% случаев взаимодействия с клиентом, когда правовая позиция клиента не претерпела ни каких изменений, работа адвоката была признана неэффективной, а в 69% случаев положительной динамики изменения правовой позиции клиента – эффективной.

По завершении подготовительных процедур методом составления таблиц сопряженности нами была проведена проверка гипотезы о связях эффективности работы адвоката по формированию правовой позиции клиента с выделенными психологическими условиями взаимодействия. В результате чего были выявлены статистически значимые связи между эффективностью работы адвоката по формированию правовой позиции клиента и такими показателями как:

- качество психологического контакта (коэффициент сопряженности Хи-квадрат Пирсона – 6,172, уровень значимости – 0,046);
- доверительность отношений (коэффициент сопряженности Хи-квадрат Пирсона – 4,337, уровень значимости – 0,037).

Также на уровне тенденции была выявлена связь между эффективностью работы адвоката по формированию правовой позиции клиента и полнотой

ориентировки клиента в правовой ситуации (коэффициент сопряженности Хи-квадрат Пирсона – 5,488, уровень значимости – 0,064).

Кроме того, нами была выявлена возрастная специфика показателя эффективности работы адвоката. Выборка была разделена на 3 группы, соответственно возрастам клиентов: от 19 до 21 года, от 22 до 40 лет, от 41 до 50 лет. После анализа связей в каждой из групп, в случаях взаимодействия с клиентами в возрасте с 19 до 21 года дополнительно были выявлены связи между эффективностью работы адвоката по формированию правовой позиции клиента и использованием приемов активного слушания и техники ведения беседы (коэффициент сопряженности Хи-квадрат Пирсона – 6,000, уровень значимости – 0,014).

Обсуждение результатов

Подводя итоги проведенных исследований можно утверждать (вопреки распространенным в профессиональном сообществе установкам), что эффективность работы адвоката по формированию правовой позиции клиента связана с качеством психологического контакта и доверительностью отношений между клиентом и адвокатом. Полагаем, что данные, полученные в результате обоих исследований в этой части не вступают в противоречие между собой и вполне согласуются с постулатами практической психологии.

Невысокую значимость связи между эффективностью работы адвоката и использованием приемов активного слушания по всей выборке (при высокой значимости этой связи в случаях взаимодействия с клиентами в возрасте с 19 до 21 года) мы объясняем тем, что процесс формирования правовой позиции клиента опосредован ориентировочной деятельностью клиента. Но полнота ориентировки клиента в правовой ситуации невозможна без понимания адвокатом сути правой проблемы и знания фактической стороны дела, для выяснения которой и используются приемы активного слушания. По всей видимости, такие особенности юношеского возраста, как потребность в общении и стремление достигнуть более высокого социально-

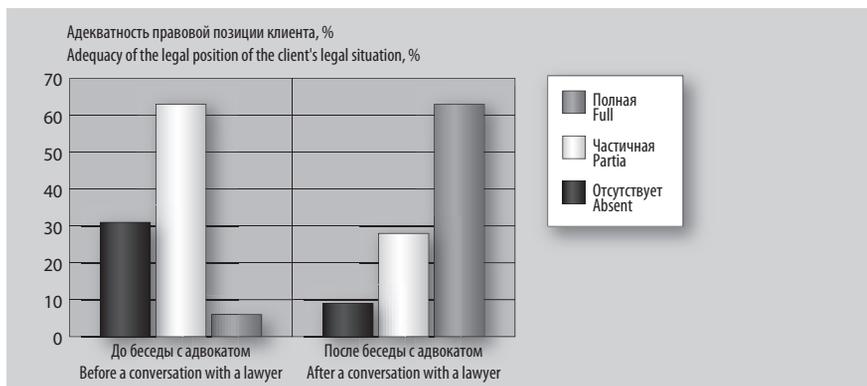

Диаграмма 1. Изменение адекватности правовой позиции клиента.

Figure 1. Changing the adequacy of the legal position of the client.

го статуса, позволяющего самостоятельно решать свои проблемы, стимулируют ориентировочную деятельность.

С другой стороны, наличие статистически значимой связи между использованием адвокатом приемов активного слушания и полнотой ориентировкой клиента в правовой ситуации, указывает на то, что более интенсивное использование адвокатом психологических приемов побуждает клиента к активному действию, то есть, к самостоятельному ориентированию в правовой ситуации. Поэтому, по всей видимости, активное

которого предполагает длительное общение с людьми, необходимо рассматривать в качестве одной из составляющих его профессиональной компетенции.

Выводы

1. Эффективность работы адвоката по формированию правовой позиции клиента связана с качеством психологического контакта, обеспечивающим высокую степень открытости и эмоциональную стабильность клиента.

Табл. 6. Эффективность работы адвоката.

Эффективность работы адвоката	Отсутствует	Полная
Изменение правовой позиции клиента	Отсутствует	Частичное или полное
Количество случаев в %	25	69

Table 6. Efficiency of lawyer's job.

Efficiency of lawyer's job	Absent	Full
Changing the legal position of the client	Absent	Partial or Full
Number of Cases, %	25	69

слушание является связующим звеном между полнотой ориентировки клиента и эффективностью работы адвоката.

Мы считаем, что большинство адвокатов недооценивают возможности, которые открывает использование таких психологических методов взаимодействия с клиентом, как приемы активного слушания, техника ведения беседы и создание ориентировки для повышения эффективности работы по оказанию юридической помощи.

В заключение считаем необходимым заметить, что владение навыками практической психологии адвокатом, как специалистом помогающей профессии, деятель-

2. Степень доверительности отношений между адвокатом и клиентом отражается на эффективности работы адвоката по формированию правовой позиции клиента.
3. Средством достижения полноты ориентировки клиента в правовой ситуации выступает использование адвокатом приемов активного слушания и техники ведения беседы.
4. Овладение адвокатом навыками практической психологии способствует повышению его профессиональной компетенции и позволяет быть более эффективным.

Литература:

- Адвокат: навыки профессионального мастерства // под ред. Л.А. Воскобитовой, И.Н. Лукьяновой, Л.П. Михайловой. – Москва : Волтерс Клувер, 2006. – 592 с.
- Адвокатская тайна // под ред. В.Н. Буробина. – Москва : Статут, 2006. – 255 с.
- Алешина Ю.Е. Индивидуальное и семейное психологическое консультирование. – Москва : Класс, 1999. – 208 с.
- Бодалев А.А. Психология общения. – Москва : Институт практической психологии; Воронеж : МОДЭК, 1996. – 256 с.
- Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. – Санкт-Петербург : Питер, 2009. – 400 с.
- Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 200 с.
- Володина С.И. Адвокат-доверитель: возникновение отношений // Адвокатская практика. – 2009. – № 6. – С. 2–4.
- Гальперин П.Я. Психология как объективная наука / под ред. А.И. Подольского. – Москва : Институт практической психологии; Воронеж : МОДЭК, 1998. – 480 с.
- Защита по уголовному делу : пособие для адвокатов // под ред. Е.Ю. Львовой – Москва : Юрист, 1999. – 216 с.
- Кочюнас Р. Психологическое консультирование. Групповая психотерапия : учеб. пособие для вузов. – Москва : Академический Проект; Мир, 2010. – 463 с.
- Метод беседы в психологии : учеб. пособие для студентов / ред.-составитель А.М. Айламазьян. – Москва : Смысл, 1999. – 222 с.
- Мэй Р. Искусство психологического консультирования. Как давать и обретать душевное здоровье // пер. с англ. М. Будыниной, С. Римского. – Москва : Институт Общегуманитарных Исследований, Апрель Пресс, 2010. – 224 с.
- Познышев С.В. Криминальная психология: преступные типы. – Москва : ИНФРА-М, 2007. – 302 с.
- Психологический словарь // под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – Москва : Политиздат, 1990. – 494 с.
- Райкова Е.Ю. Терапия и профилактика профессионального выгорания у представителей помогающих профессий // Молодой ученый. – 2011. – № 5. – Т. 2. – С. 140–306.
- Роджерс К. Консультирование и психотерапия: Новейшие подходы в области практической работы. – Москва : Психотерапия, 2008. – 512 с.
- Скабелина Л.А. Психологические аспекты адвокатской деятельности : монография. – Москва : Федеральная палата адвокатов, 2012. – 229 с.
- Слоновский Ю.В. Основы методики работы адвоката в уголовном деле // Адвокатская палата. – 2013. – № 12. – С. 14–26.
- Трунов Д.Г. Индивидуальное психологическое консультирование. – Москва : Этерна, 2013. – 384 с.
- Файн С., Глассер П. Первичная консультация: установление контакта и завоевание доверия. – Москва : Когито-Центр, 2010. – 238 с.

References:

- Aylamazyan, A.M. (Ed.) (1999) *Conversation method in psychology: textbook for students*. Moscow, Smysl, 222.
- Burobin, V.N. (Ed.) (2006) *Attorney-client privilege*. Moscow, Statut, 255.
- Alyoshina, Yu.E. (1999) *Individual and family counseling*. Moscow, Klass, 208.
- Bodalev, A.A. (1996) *Psychology of communication*. Moscow, Voronezh MODEK, 256.
- Bozhovich, L.I. (2009) *Personality and its formation in childhood*. St Petersburg, Piter, 400.
- Fine, S., & Glasser, P. (2010) *Initial consultation: establishing contact and gain confidence*. Moscow, Kogito Tsenter, 238.
- Galperin, P.Ya., (1998) *Psychology as an objective science*. Moscow, 480.
- Kochyunas, R. (2010) *Counseling. Group psychotherapy: manual for schools*. Moscow, Academicheskij Proekt, Mir, 463.
- Lvova, E.Yu. (Ed.) (1999) *Protection in a criminal case: A guide for lawyers*. Moscow, Yurist, 216.
- Mae, R. (2010) *Arts counseling. How to give and to take mental health* Moscow, Institut Obshchegumanitarnykh Issledovaniy, 224.
- Poznyshch, S.V. (1990) *Criminal psychology: criminal types*. Moscow, INFRA-M, 302.
- Petrovsky, A.V., & Yaroshevsky, M.G. (1990) *Psychological Dictionary*. Moscow, Politizdat, 494.
- Raykova, E. Yu. (2011) *Treatment and prevention of burnout in helping professions representatives*. *Young scientist [Molodoy uchenyy]*. 5, Vol. 2, 140 – 306.
- Rodzher K. (2008) *Counseling and psychotherapy: The latest approaches in the field of practical work*. Moscow, Psykhoterapiya, 512.
- Skabelina, L.A. (2012) *Psychological aspects of advocacy: monograph*. Moscow, Federal'naya palata advokатов, 229.
- Slonovskiy, Yu.V. (2013) *Basic methods of lawyer's work in the criminal case*. *Advokatskaya palata*, 12, 14-26.
- Trunov, D.G. (2013) *Individual psychological counseling*. Moscow, Eterna, 384.
- Vasilyuk, F.E. (1984) *Life experience (analysis of overcoming critical situations)*. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 200.
- Vlodina, S.I. (2009) *Attorney-principal: the emergence of relations*. *Lawyer's practice [Advokatskaya praktika]*. 6, 2-4.
- Voskobitova, L.A., Lukyanova, I.N., & Mikhaylova, L.P. (Eds.) (2006) *Lawyer: the skills of professional skills*. Moscow, Wolters Kluwer, 592.

История развития психологической мысли Азербайджана Средних веков (XI–XVI вв.)

Т.Р. Мусаева

Национальная академия наук Азербайджана, Институт философии и права, Баку, Азербайджан

Поступила: 25 декабря 2015/ Принята к публикации: 14 марта 2016

History of development of the Azerbaijanian Medieval psychological thought (11–16th centuries)

Tunzaliya R. Musayeva

National Academy of Sciences of Azerbaijan, Institute of Philosophy and Law, Baku, Azerbaijan

Received: December 25, 2015 / Accepted for publication: March 14, 2016

Средневековье в Азербайджане было прогрессивным периодом в развитии общества, ознаменовавшим новый этап формирования общественной, в том числе психологической мысли. В немалой степени этому способствовал тот факт, что в это время под влиянием объективных исторических причин увеличилось число поэтов и прозаиков, пишущих на родном языке. До этого литературные произведения в Азербайджане создавались в основном на арабском и фарсидском языках. Параллельно психология проходит этап последовательного обобщения и анализа знаний, накопленных в процессе повседневной деятельности и общения людей друг с другом. Житейские наблюдения и обобщения получают свое дальнейшее развитие в форме психологической мысли, происходит их философское осмысление и выведение общих законов.

В статье показано становление психологической мысли в Азербайджане в контексте освещения обычаев, литературного и культурного наследия азербайджанского народа. Основное внимание уделяется изучению донаучной и научной психологической мысли Азербайджана в различные века, когда она развивалась как одна из областей философии. Раскрываются заслуги таких видных представителей общественной научной мысли, как Бахманьяр, Сираджеддин Урмави, Низами Гянджеви, Насиреддин Туси и других в формировании первых психологических идей в Азербайджане. Показано, что история науки и культуры Азербайджана, в частности, образцы устного народного творчества и литературные источники богаты психологическими мыслями и идеями. Психологические взгляды в Азербайджане имеют древние корни, богатую историю формирования. В статье рассмотрены истоки и история развития психологических идей Азербайджана периода средневековья, продемонстрирована их тесная взаимосвязь с развитием азербайджанской литературы и культуры. Это дает возможность рассматривать науку психологию всесторонне, в комплексе, понять, что легло в основу современной психологической мысли.

Ключевые слова: психология, история, психологическая мысль, человек, наука, этнопсихология

The period of the Middle Ages became a new progressive stage of development of psychological thought. Daily supervision and generalization in the course of communication, activities gained further development in the form of philosophical judgment and a formulation of the most general laws and offers. In the Middle Ages, under the influence of the developed objective historical reality, in Azerbaijan the number of the poets and prose writers writing in the native language though before this work were created by them, generally in the Arab and farsi-dsky languages has increased. The ancient period comes to the end at this stage and the medieval period of the Azerbaijanian literature when in parallel the psychology passed the stage of consecutive studying and the analysis of human knowledge which is saved up in the course of communication of people with each other begins. In article it is told about culture, customs, literary and cultural heritage of the Azerbaijanian people. The main attention is paid to studying of prescientific and scientific psychological science of Azerbaijan during various periods when it developed as one of the field of philosophy. Also merits of such prominent representatives of public and scientific thought as Bahmanyar, Siradzhehdin Urmavi, Nizami Gyandzhevi, Nasireddin Tusi, etc. are emphasized. Researches show that history of science and culture of Azerbaijan, models of folklore and references are rich with psychological thoughts and ideas. Azerbaijan has ancient traditions in the history of forming of the first psychological views. After declaration of independence as Azerbaijan in modern literature the main place is taken by universal ideas, subjects of return of the occupied native lands, love for the country, justice, etc. In spite of the fact that now the Azerbaijanian literature is based on reflection and a celebration of ideas of an azerbaijdzhanism, modernist and post-modernist aspirations are also shown in a varying degree. In article the origin and history of development of psychological thought of the period of the Middle Ages reveals that gives the chance to consider psychology comprehensively, in a complex, and also to learn what has formed the basis of modern psychological thought.

Key words: psychology, history, psychological thought, human, science, ethнопсихology

Азербайджанский народ обладает богатым литературным и культурным наследием. Изучение психологической мысли, нашедшей свое отражение в этом богатом наследии, представляется нам особенно важной задачей. Научная психология имеет древнюю историю, изучение которой является одним из важных направлений развития этой науки. Основной задачей истории психологии является изучение зарождения психологической науки и ее состояния в различные периоды. Каждый исторический период имеет свои особенности. Это связано с определенными психологическими особенностями освоения знаний.

В развитии психологической мысли Азербайджана можно выделить два таких периода: период донаучной психологии и период зарождения научной психологии в недрах философии. Первый этап охватывает время с древнейших времен до VII–VI вв. до нашей эры. В этот период представления о духе (психике) нашли свое отражение в многочисленных мифах, легендах и сказках. Донаучная психология азербайджанскими психологами А. Ализаде и А. Байрамовым названа «обыденной». Они отмечают, что «источник знаний обыденной психологии составляет общественный и личный опыт». Начиная с древних времен, эти знания передаются из поколения в поколение в различных образных выражениях, пословицах, четверостишиях (баяты), сказках, легендах. «Каждый из нас воспринимает эти знания от окружающих людей, а также, через устное народное творчество. Личные знания людей в практике еще больше углубляются и приобретают новый смысл» (Сеидов, Гамзаев, 2007, С. 24).

Второй этап охватывает период с VII–VI вв. до нашей эры до конца XVIII века,

в это время психология развивалась в составе философии.

Формирование первых психологических идей в Азербайджане связано с древними традициями народа. В семейных и бытовых церемониях встречаются интересные характеристики массовых психологических событий. Одним из древнейших памятников древнего Азербайджана является «Авеста» (около 589–512 гг. д. н. э.) – сборник священных книг зороастризма, в которой нашли свое отражение жизнь, взгляды и традиции народов Востока. В основе содержания «Авесты» лежит борьба добра и зла, в которой всегда побеждает добро. Во II-м тысячелетии до н.э. в «Авесте» нашли свое отражение также различные мнения и идеи о душе и психических событиях. В «Авесте» утверждается, что любая душа, созданная Творцом для проявления и раскрытия своей Божественной сущности, проходит огромное количество воплощений (рождений) в течение многолетних циклов развития. По учению Авесты, человек во всем уподобляется Богу-Творцу. Также человек наделен одним из присущих Творцу главных свойств – свободой выбора. Главное ее проявление заключается в возможности сознательного выбора между добром и злом, который человек делает ежеминутно, ежесекундно, добровольно и сознательно. «Авеста» призывает к добрым делам, борьбе со злом, к прекрасному и светлому, утверждает человечность и мудрость и по-настоящему высокую и духовную мораль. «Авеста», формируя морально-мировоззренческие позиции, является признанным первоисточником основ нравственного и трудового воспитания восточного общества. Подтверждением этому являются отрывки из «Авесты»: «О, истина! Пока ты в моем сердце, значит ты и в народе моем», «Пусть ваши руки, ноги, ваш ум будут готовы для осу-

ществления праведных дел, для установления священного мира на свете» (Авеста, 1993, С. 13).

В XII веке в азербайджанской литературе, которая развивалась под сильным влиянием литератур Ближнего и Среднего Востока, а также мировой литературы, на поэтическом поприще засверкали имена таких корифеев, как Хагани, Ширвани, Низами Гянджеви. В отличие от фарсызычной художественной школы, в которой употребление многочисленных архаичных слов затрудняло изложение всех тонкостей философских мыслей, представители азербайджанской художественной школы, создававшие поэтические произведения на языке дари, за счет арабских слов и выражений сумели поднять ее на новый уровень развития. Тем самым были созданы превосходные условия для выражения всех нюансов и стихосложения, и философских мыслей. Восток подарил миру целое созвездие имен, достойно представляющих свою культуру, просвещение и литературу. Это такие эпические и поэтические памятники, как «Китаби Деде Коркуд», «Гачаг Наби», «Кероглу», «Шах Исмаил», «Кабуснаме», «Сиясетнаме», «Шахнаме», «Юлюстан», «Эхлаг-и Насири» и т.д. В указанных и других подобных произведениях содержится много прогрессивных идей, связанных с возрастной и педагогической психологией» (Керемли, 2011, С. 82).

В древнем письменном памятнике азербайджанской народной литературы «Китаби Деде Коркуд», описаны различные эмоциональные состояния человека и критикуются отрицательные качества поведения, которые проявляются в виде измены, зависти и дезертирства. Это произведение особенно ценно не только анализом внутриплеменных и межплеменных отношений, но и описанием социально-психологических феноменов, особенно, внутригрупповых отношений в условиях стресса. (Байрамов, Ализаде, 2009, С. 61). В этом эпосе описываются советы и наставления, которые открывают путь к нравственному воспитанию. Деде Коркут говорил в своих поучениях: «Чем быть в этом мире ложному слову, лучше не быть ему», «Пусть на земле нашей живут мужи высокие и крепкие, в речи своей скромные», «Пусть человек будет глашатаем правды». (Камал Абдул-

Тунзалья Раджаб кызы Мусаева – младший научный сотрудник отдела «Социология и социальная психология» Института философии и права Национальной академии наук Азербайджана
E-mail: psixoloq_22@mail.ru

ла, 2006, С. 93). В этих строках желание помочь, поделиться мудростью и быть на стороне честности, правды, справедливости, что и является главными нравственными постулатами при формировании личности. Основное содержание глав эпоса составляют: рассуждения о защите родной земли и народа и воспитательно-дидактические высказывания, не потерявшие своей актуальности и в наши дни.

Начиная с XI века, психологические идеи стали широко распространяться в Азербайджане. В средние века, особенно в XII–XVI вв., психологические идеи нашли свое отражение в трактатах ряда мыслителей. Большие заслуги в развитии психологических идей в Азербайджане в этот период принадлежат таким видным представителям общественно-научной мысли, как Бахманьяр (993–1066), Сираджеддин Урмави (1198–1283), Низами Гянджеви (1141–1209), Насиреддин Туси (1201–1274), Мухаммед Физули (1494–1556), Имадеддин Насими (1369–1417) и другим.

Так, в философском наследии выдающегося азербайджанского философа Абульгасана Бахманьяра встречаются интересные психологические идеи. В его произведениях подробно излагаются представления о восприятии и мышлении, о характере, о единстве чувственного и логического познания окружающей среды, раскрывается связь чувственного и рационального в сознании.

Опираясь на учение Ибн Сины, Бахманьяр утверждал, что человек от природы наделен способностью собирать информацию и изучать науки. По его мнению, вещи осознаются, прежде всего, посредством естественного чувства, потом с помощью воображения и, наконец, с помощью разума. В философии Бахманьяра чувственная стадия познания, в свою очередь, делится на две части. Первая часть охватывает ощущения и внешние чувства, а вторая часть – внутренние чувства. По мнению философа «ощущение воспринимает индивидуальное». Ученый выделял три вида ощущений: первое – прикосновение, второе – вкус, третье – слух. Первые чувства тактильные – ощущения прикосновения, благодаря которому и существуют живые существа. После тактильных ощущений идут вкусовые ощущения. Все что пробует, познается

прикосновением. Обонятельные чувства помогают распознавать запахи при помощи органов обоняния. Для описания слуховых чувств, Бахманьяр изучал звуки. Он отмечал, что звук распространяется волнообразно и с силой, оказывая влияние на органы слуха (Мамедов, 2006, С. 93).

В философском наследии выдающегося азербайджанского философа Абульгасана Бахманьяра встречаются интересные психологические идеи. В его произведениях подробно излагаются представления о восприятии и мышлении, о характере, о единстве чувственного и логического познания окружающей среды, раскрывается связь чувственного и рационального в сознании

Бахманьяр высказывал ценные мысли о теории познания. Он назвал мысль «движением человеческого разума», и подробно раскрыл психологические особенности мышления (понятие, смысл, идея). Философ признавал наличие двух моментов в познавательном процессе – чувственного и рационального. Чувства (ощущения и другие познающие силы души) понимаются им как точные образы, отражения материальных существ. В учении Бахманьяра нашли свое подробное освещение и вопросы рационального познания. Согласно его убеждению, посредством чувств могут восприниматься внешние стороны вещей, познание же сущностных сторон вещей возможно только лишь благодаря разуму. В области теории познания Бахманьяр выступал с рационалистических позиций, причем, в процессе познания он на передний план выдвигал разум. Он считал, что пути достижения истины следует искать в логическом мышлении. Бахманьяр, вслед за Аристотелем и Ибн Синой, под логикой понимал науку о правиль-

мах: «в одних случаях осуществляется в форме напоминания, в других – в форме привлечения внимания, в-третьих, в форме систематического (изложения) науки, не допускающего появления ошибок, в-четвертых – в форме расположения идей в таком порядке, без которого их пользу было бы невозможным постичь»

(Бахманьяр ал-Азербайджани, 1983, С. 113).

Психологические идеи нашли свое отражение и в творчестве видного представителя поэзии средневековья XII века Низами Гянджеви. Глубоко проникая в своих произведениях во внутренний мир человека, он дает психологические описания изменений психики личности, происходящих под влиянием окружающей среды. Поэт затрагивает и другие психологические проблемы. Он показывает, что социальные нормы и стереотипы, традиции и обычаи играют важную роль в формировании межличностных и межгрупповых отношений людей. Низами считал, что человек и общество – единая составная часть вселенной и постоянно изучал связь между ними. Он оценивал происходящие события в обществе и природе с точки зрения интересов человека. Восточная религиозная и философская мысль характеризует человека, как наиболее совершенное творение земли. Слова священной книги «Коран»: «Мы создали человека в самом прекрасном облике»

Низами считал, что человек и общество – единая составная часть вселенной и постоянно изучал связь между ними. Он оценивал происходящие события в обществе и природе с точки зрения интересов человека

ном мышлении. По его мнению, логика выступает в качестве критерия знания. Разум человека обогащается за счет информации, полученной извне. Всякий из воспринимаемых объектов отражается в воспринимающем его субъекте. Эта информация обобщается с помощью логического мышления. Обучение логики должно проводиться в четырех фор-

свидетельствуют об отношении к человеку, как к высшему существу. По мнению Низами, в силу такого почетного рождения, человек должен обладать богатой духовностью и иметь высокие идеалы. В глазах поэта человек, благодаря своим умениям и способностям, – хозяин на земле. Все в мире служит ему. Человек, будь то падишах или простой смертный,

выделяется своими индивидуальными качествами: умом, знанием, смелостью, трудолюбием, правдивостью. Низами считал необходимым соответствие личных интересов общественной позиции. Гуманистические качества, склонности проявляются непосредственно по отношению к другим людям. Эти выделенные поэтом высшие качества человека: патриотизм, дружба, справедливость, щедрость гармоничны и очень важны в социальном и этическом плане. Вместе с тем, непереносимое условие существования человека – совместный труд с себе подобными, жизнь в обществе. Однако вся трагедия человеческого общежития заключается в том, что люди не научились до сих пор управлять своими страстями и организовать такое сотрудничество, при котором продукты совместного труда распределялись бы равномерно, а инстинкты всех индивидов, составляющих общество, удовлетворялись бы одинаково в разумных пределах. Низами утверждал, что причина всей неустроенности на земле, всех невзгод и бедствий – социальное неравенство, при котором одни члены общества вынуждены чрезмерно подавлять естественные потребности и желания, а другие, составляющие его меньшинство, за счет первых ненасытны в своих притязаниях. Следовательно, главная работа общества – воспитание инстинктов, разумное их ограничение и подавление ради сбережения духовного богатства. Низами Гянджеви основал новое направление в литературе стран Востока и внес неоценимый вклад в развитие гуманистических идей на Ближнем Востоке – «Я царем царей в державе мудрых мыслей стал. Повелителем пространства, шахом времени я стал...» (Низами, 1982, С. 116). И хотя поэт брал за основу творений проблемы своей эпохи, его произведения не потеряли актуальности и в наши дни.

Психологические мысли нашли свое отражение в произведениях и такого выдающегося ученого этого периода как Сираджеддин Урмави. В частности, в его творчестве широко проанализирована проблема характера. В этике Урмави самоуправление человека непосредственно связано с характером. Остановившись на этой проблеме, он писал: «Характер

состоит из некоего твердого состава, покоящегося в искушении, через которые укрепляется и стабилизируется характер». Под этим «твердым составом, покоящимся в искушении» мыслитель имел в виду совокупность психических особенностей. Ученый считал, что, какова внешняя оболочка человека, таков и его характер, и внутренний мир. Характер делится на две категории: хороший и плохой, то есть, покладистый и дурной характер. Хороший характер – результат хороших дел, а плохие дела происходят от дурного характера. И хороший, и дурной характер тесно связаны с психологическими явлениями, возникающими в результате эмоций и аффектов (Мамедов, 1989, С. 162).

В XII–XVI вв. психологические идеи были ярко выражены, в частности, в творчестве Насреддина Туси, Насими, Физули.

Насиреддин Туси подразумевал под искушением и страстью душу, психику, нравственность, подчеркивая значение мышления, ума, сознания и воли для усовершенствования природы человека. Он соглашался с мнением о волевом и произвольном изменении человеческого характера. В своем произведении «Ахлаг-и Насир» Насиреддин Туси в отдельном разделе подробно рассказал о возможности изменения сущности характера.

Туси отмечает, что характер имеет врожденную особенность очень легко управлять искушением, обходя разум и мышление. «Особенность» является одним из качеств искушения и составляет сущность характера. В произведении «Ахлаг-и Насир» он выражает характер понятием искушения и заявляет о трех силах, управляющих искушением. В соответствии с волей этих сил, достигаются различные результаты. Первым из этих трех сил Туси называет «силу речи», вторым – «силу гнева», а третьим – «чувственную силу». В зависимости от соотношения этих сил, формируется характер человека (Туси, 1980, С. 81). Значительное место в философском наследии Туси занимают объяснения взаимосвязей между отдельными философскими категориями, отражающими явления и процессы в мире. Все формы движения и изменения обязательно связаны с явлениями. Необходимыми являются связи между

причинами и следствиями. Подчеркивая неизбежность связи наблюдаемых отношений, Туси доходит до отрицания случайности. Все детерминировано, случайность это то, причины чего мы не знаем.

Одним из просветителей, создавшим реалистичные, светские поэтические образы в азербайджанской литературе, был Имадеддин Насими. Произведения этого поэта представляют собой значительный шаг на пути движения к гуманизму и демократизму не только азербайджанской литературы, но и литературы народов Ближнего и Среднего Востока в целом. Имадеддин Насими является вторым самым горячим глашатаем и пропагандистом идей гуманизма, человеколюбия в литературе после своего гениального предшественника Низами Гянджеви. С точки зрения Насими, человек – существо сложной структуры с выраженной индивидуальностью. По его мнению, поведение человека обуславливают генетические и социальные факторы. Но при формировании личности преимущественная роль отводится качествам, приобретенным жизненным опытом. Становление таких человеческих качеств больше всего зависит от воспитания и самовоспитания. Точно так же Насими относился к анализу человеческих отношений. Он отмечал, что человек должен избегать таких чувств, как гнев, гордость, зависть, жадность и т.п., особенно унижающих человека.

Проблема самопознания личности занимает большое место в творчестве Насими. Человек, открывший, познавший себя, познает и Господа Бога, и мир. Таким образом он заботится об очищении своей совести, морали. Самопознание в учении хуруфизма¹ занимает значительное место в системе самосовершенствования. Благодаря самопознанию человек внутренне очищается, превращается в (пригодное) активное существо, еще более совершенствуясь, становится мудрым. Человек, познавший себя, «способен и обязан показывать верный и истинный путь другим», таков «мудрец», мудрый, решительный и отважный человек (Байрамов, 1974, С. 32). Психологические идеи в произведениях Насими находят свое выражение в двух основных

¹ Хуруфизм (от араб. «хуруф» – буквы) – одна из ветвей суфизма. Представляет собой учение о том, что Коран подлежит толкованию посредством системы букв.

формах: либо в собственно философско-психологических произведениях мастера, либо в художественных произведениях, написанных в различных жанрах. В этом случае автор выступает также в качестве мыслителя-психолога.

В произведениях Насими для обобщения понятий «Истина» («Аллах») и «Вселенная» вводится понятие «Человек» («Я»), так как человек при основательном его рассмотрении, близок к Богу, а в широком смысле – близок к Вселенной. Первые строки газели «Я дервиш ... Я сотворение вселенной, – но в сотворенье не вмещусь» поясняют эту мысль. Душа «Я» («Человека») – бесцветная субстанция, не с конкретным, а с более общим содержанием. Человек становится человеком с богатым конкретным содержанием лишь тогда, когда душа облачается в цвет, желает постичь истину, стремится к красоте и добру. В философии Насими идентифицируемые понятия «Истина» («Бог») и «Я» в совокупности составляют абсолютное, единое понятие. В противном случае «Я» относится ко всему, а к нему ничего не относится. Сколько бы Насими ни возвышал людей до космоса, он не забывал о его реальном, нравственно-этическом положении в жизни (Мамедов, 2006, С. 260).

Великий азербайджанский поэт Мухаммед Физули придавал большое значение внутригрупповым межличностным отношениям. Он считал, что уровень внутригрупповых внушений непосредственно связан с умственными и волевыми качествами, мотивами и эмоциональным состоянием, характером личности и пр. В частности, в поэме «Лейли и Меджнун» имеются заслуживающие внимания примеры внутригрупповых внушений. Кроме того, в этом произведении Физули адекватно описывает психологические проявления состояния одиночества (Байрамов, Ализаде, 2009, С. 63). В произведении «Матлаул-этигад» («Восход верований») Физули, высоко оценивая сознание человека, пишет: «Он (человек) состоит из тела и плоти. Доказано

существование плоти, потому что человек волевым усилием становится партнером других живых существ, и отличается от них такими умственными трудами, как плотничество, земледелие и т.д. Известно,

Характерными психологическими качествами, рассматриваемыми в учениях средневековых авторов, являются спокойствие, умение избирать по возможности справедливый и наиболее безопасный путь действий, поведения. На развитие психологической мысли этого периода повлияло также реалистически трезвое отношение этих авторов к действительности и их стремление привить людям благоразумные нормы поведения в быту: умение с достоинством, благородно вести себя в обществе, правильно воспитывать подрастающее поколение

что в умственных вопросах благоразумие и фактор управления являются доминирующими факторами человека, по сравнению с другими живыми существами. А это плоть» (Физули, 1987, С. 35).

Таким образом, анализ литературы этого периода позволяет утверждать, что история науки и культуры Азербайджана, в частности, образцы устного народного творчества и литературные источники богаты психологическими мыслями и идеями.

Психологическая мысль прошла довольно длительный путь становления, первые психологические воззрения появились вместе с самим человечеством. Говоря о психологии в древности, имеется в виду не то, что сегодня понимается под словом «психология», а простое изучение психики. Ведь человек всегда обнаруживал у себя и косвенно наблюдал у других людей основные психические явления. Он изучал собственные ощущения, представления, мышление, речь, воображение, интересы и чувства. В этот период основными методами психологии являлись самонаблюдение и наблюдение.

Наблюдаемые психические феномены позднее находили свое отражение в трудах многочисленных ученых. Становление психологической мысли, в частности, научных представлений о человеке, о его душе, происходило не только на основе наблюдений, отраженных в мифах,

легендах и сказках, но и на основе объективных знаний из разных областей науки. Дальнейшему развитию психологической мысли способствовал труд видных ученых деятелей средневековья.

Психология многие десятилетия развивалась в недрах философии. За это время она заняла достойное место в системе философских мыслей. Учения, опирающиеся на идеалистические воззрения поэтов и писателей, привнесли в психологическую науку этические аспекты психического. Благодаря этому, в современной психологии рассматриваются такие проблемы, как личностные ценности, идеалы, нравственность.

В период средневековья продолжалось развитие психологической мысли. Процесс переосмысления и творческого развития идей предшественников привел к формированию зачатков нового психологического знания. Характерными психологическими качествами, рассматриваемыми в учениях средневековых авторов, являются спокойствие, умение избирать по возможности справедливый и наиболее безопасный путь действий, поведения. На развитие психологической мысли этого периода повлияло также реалистически трезвое отношение этих авторов к действительности и их стремление привить людям благоразумные нормы поведения в быту: умение с достоинством, благородно вести себя в обществе, правильно воспитывать подрастающее поколение и пр. Следовательно, труды всех вышеперечисленных великих деятелей внесли значительный и неоспоримый вклад в развитие современной психологической мысли.

Литература:

Авеста. Избранные гимны. Из Видевдата /пер. с авест., предисл., примеч. и словарь И.М. Стеблин-Каменского. – Москва : Дружба народов; КРАМДС–Ахмед Ясови, 1993. – 208 с.

Алиев Р. История психологии. – Баку, 2006.

Байрамов, А.С., Ализаде А.А. Психология. – Баку, 2009.

Байрамов А.С. Психологический аспект в творчестве И. Насими // IV Закавказская конф. Психологов (тезисы, доклады). – Баку, 1974.

- Бахманьяр ал-Азербайджани. Ат-Тахсил. Т. I. – Баку, 1983. – 196 с.
- Кереми М.И. Проблемы возрастной и педагогической психологии в древнее время и средние века (по материалам Ирана и Азербайджана) // Вектор науки ТГУ. – 2011. – № 1. – С. 81–83.
- Каграманов Дж.В. Научные поиски наследия азербайджанского поэта XIV Сейида Имадеддина Насими // Из истории средневековой восточной философии. – Баку, 1989.
- Кулиева Ш.И. Философские и этические взгляды Низами Гянджеви в поэме «Сокровищница тайн» // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история : сб. ст. по матер. XXV междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск : СИБАК, 2013.
- Магеррамов М. Толковый психологический словарь. – Баку, 1960.
- Мамедов З.Д. История Азербайджанской философии. – Баку, 2006.
- Мамедов З.Д. К вопросу о логике Сираджеддина Урмави // Из истории средневековой восточной философии : сб. – Баку : Элм, 1989.
- Мамедов З.Д. Философские размышления Низами /под ред. А.М. Шукурова. – Баку, 2000.
- Мурадханов М. Педагогические взгляды Низами : дис. ... канд. пед. наук. – Баку, 1943. – 207.
- Мустафаев Дж.В. Философские и этические воззрения Низами. – Баку, 1962.
- Низами Гянджеви. Сокровищница тайн. – Баку : Язычы, 1982. – 259 с.
- Очерки по истории Азербайджанской философии. Т. 1. – Баку, 1966.
- Психология / под науч. ред. проф. С.И. Сеидова и проф. М.А. Гамзаева. – Баку, 2007.
- Талыбов Ю., Садыков Ф., Кулиев С. История школы и педагогической мысли в Азербайджане. – Баку : Унсiet, 2000. – 516 с.
- Туси Х.Н. Ахлаги Насир» / пер. с перс. Р. Султанов. – Баку, 1980.
- Физули М. Матлаул-этигад (Восход верований) / пер. с араб. академик З.М. Буняядов. – Баку : Язычы, 1987.

References:

- (1993) Avesta. Selected Hymns from Videvdat. Moscow, Druzhba narodov, KRAMDS - Akhmed Yasovi, 208.
- Aliyev, R. (2006) History of Psychology. Baku.
- Bayramov, A.S., & Alizade, A.A (2009) Psychology. Baku,
- Bayramov, A. (1974) The psychological aspect in the work of I. Nasimi. *4th Transcaucasia Conference of Psychologists (abstracts, papers) [4aya Zakavkazskaya konferentsiya psikhologov (tezisy, doklady)]*. Baku.
- Bahmanyar al-Azerbaijan. (1983) Al-Taahsil. Vol. 1, 196.
- (1966) Essays on the history of Azerbaijani philosophy. Vol., 1 Baku.
- Fuzuli, M. (1987) Matlaul-etigad (Sunrise of beliefs). Baku, Yazichi.
- Kagramanov, J. V. (1989) Scientific Heritage quest of Sayyid Imadeddin Nasimi Azerbaijani poet of the 14th. *From the history of the medieval Eastern philosophy [Iz istorii srednevekovoy vostochnoy filosofii]*. Baku.
- Keremi, M.I. (2011) Issues of developmental and educational psychology in ancient times and the Middle Ages (based on Iran and Azerbaijan). *Vector Science of TSU [Vektor nauki TGU]*. 1, 81-83.
- Kulieva, Sh. I. (2013) Philosophical and ethical views of Nizami's poem «The Treasury of Mysteries». *Urgent issues of the social sciences: sociology, political science, philosophy, history: proceedings of the International Scientific Practical Conference [Aktual'nye voprosy obshchestvennykh nauk: sotsiologiya, politologiya, filosofiya, istoriya: sbornik. statey po materialam 25oy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii]*. Novosibirsk, SIBAK.
- Mamedov, Z.D. (2006) The history of Azerbaijan philosophy. Baku.
- Mamedov, Z.D. (2000) Philosophical Reflections of Nizami. Baku.
- Mamedov, Z.D. (1989) On the logic of Siradzhehdin Urmavi. *From the history of the medieval Eastern philosophy [Iz istorii srednevekovoy vostochnoy filosofii]*. Baku, Elm.
- Mammadali Maharramov (1960) Explanatory psychological dictionary. Baku.
- Muradkhanov, M. (1943) Nizami's Pedagogical views. Ph.D. in Educational Sciences Thesis. Baku, 207.
- Mustafayev, J.W. (1962) The philosophical and ethical views of Nizami. Baku.
- Nizami Ganjavi (1982) Treasury secrets. Baku, Yazichi, 259.
- (1966) Essays on the History of Azerbaijan philosophy. Vol., 1. Baku.
- Seidov, S.I. & Gamzaev, M.A. (Ed.) (2007) Psychology. Baku.
- Talybov, Yu, Sadygov, F., & Guliyev, S. (2000) History of school and educational thought in Azerbaijan. Baku, Unsiet, 516.
- Tusi, Hadji Nasreddin (1980) Ahlagi Nasir. Baku.

Информация для авторов

«Национальный психологический журнал» – всероссийское научное информационно-аналитическое издание, на страницах которого отражаются достижения различных направлений современной психологической науки и практики.

Журнал публикует оригинальные научные и практико-ориентированные статьи по актуальным проблемам различных областей психологии, отличающиеся научной новизной и выраженной авторской позицией.

Подача рукописи

Рукописи представляются в редакцию «Национального психологического журнала» в электронном виде. Они должны содержать оригинальный материал, не публиковавшийся ранее и не рассматриваемый для публикации в других изданиях. Для подтверждения этого ставится пометка «Оригинальная статья». Автор сообщает адрес электронной почты, по которому будет проводиться переписка, а также номер телефона и полный почтовый адрес.

Оформление рукописи

В начале статьи должны содержаться: инициалы и фамилия автора (на русском и английском языках, ученое звание и степень, должность, полное название научного учреждения, в котором проведены исследования или разработки (на русском и английском языках), заголовок статьи (на русском и английском языках), аннотация на русском и английском языках (не менее 1700 знаков на русском языке и 250 слов на английском языке), ключевые слова (5-7) на русском и английском языках, индекс УДК. Далее идет основной текст статьи и библиографический список.

Объем статей – не менее 25 тыс. знаков (с пробелами). Большие материалы могут быть опубликованы в нескольких номерах журнала.

Оформление текста статьи

Публикация материалов в журнале осуществляется на русском языке. Названия зарубежных учреждений приводятся в тексте без кавычек латинскими буквами. После упоминания в тексте фамилий зарубежных ученых, руководителей учре-

ждений и т. д. на русском языке в полукруглых скобках приводится написание имени и фамилии латинскими буквами.

Все сокращения должны быть при первом употреблении полностью расшифрованы, за исключением общепринятых сокращений математических величин и терминов.

Информация о грантах и благодарностях приводится в виде сноски в конце первой страницы статьи.

Не допускается использование:

- пробелов и табуляции для форматирования абзацного отступа («красной строки») и выравнивания иного, чем по левому краю или середине,
- расстановки переносов,
- концевых сносок.

В тексте не должно быть двойных пробелов и двойных абзацев (пустых строк).

Ссылки и список литературы

Библиографический список должен включать не меньше 20, но не более 40 ссылок.

Источники приводятся в алфавитном порядке. Сначала приводятся источники на русском языке, затем на других языках. Нумерация списка сквозная.

Должное внимание следует уделить правильному описанию и полноте библиографической информации. (Образцы библиографических описаний см. в Приложении «Оформление пристатейных списков литературы (или ссылок)» по адресу: <http://www.psy.msu.ru/science/npj/requirements.html>. Ссылки на электронные публикации в сети Интернет допускаются только на официальные ресурсы, имеющие регистрацию в Роскомнадзоре, с указанием всех данных. В тексте ссылки на литературные источники приводятся в виде указания фамилии автора и года издания, заключенных в скобки (например, (Выготский, 1982). При цитировании добавляется номер страницы (Выготский, 1982, с. 47). Использование сносок в качестве ссылок на литературу не допускается.

Таблицы, графики, рисунки

Таблицы, рисунки, схемы в тексте должны быть пронумерованы и озаглавлены.

Недопустимо дублирование текстом графиков, таблиц и рисунков. Графики, диаграммы могут быть построены в программе MS Excel. При наличии диаграмм, построенных с помощью MS Excel, обязательно предоставляется файл с исходными данными. Содержащиеся в таблицах и графиках данные должны быть тщательно проверены. За правильность приведенных данных ответственность несет автор.

Рисунки и схемы могут быть построены в графических редакторах и должны допускать редактирование. Рисунки должны быть представлены в форматах .jpeg (показатель качества не ниже 8) или .tiff (с разрешением не менее 300 dpi без сжатия).

Графики, таблицы и рисунки, а также фотографии, которые не отвечают качеству печати, будут возвращены авторам для замены.

Информация об авторах

Информация об авторах представляется в отдельном файле.

Пожалуйста, укажите фамилию, имя и отчество полностью, научные степени и ученые звания, должность, место работы, количество публикаций. Указывается адрес электронной почты, персонального web-сайта, а так же телефон и почтовый адрес (которые не будут печататься в журнале).

Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются.

Рукописи рецензируются для определения обоснованности предлагаемой тематики, ее новизны, а также научно-практической значимости содержания.

Все рецензенты остаются анонимными. После принятия положительного решения относительно публикации рукописи авторы информируются о нем. При возвращении статьи автору для доработки рецензия прилагается.

Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, направленное на придание им лаконичности, ясности в изложении материала и соответствие текста стилю журнала. С точки зрения научного содержания авторский замысел полностью сохраняется.

Information For Authors

“National Psychological Journal” is All-Russian scientific and analytical issue which highlights achievements in different areas of modern psychological science and practice.

The Journal publishes original scientific and practice-oriented articles on topical issues of the various areas of psychology, which is distinguished by scientific novelty and distinctive author's viewpoint.

Submitting Manuscripts

Electronic version of manuscripts is submitted to the Editor of the “National Psychological Journal”. Manuscripts must contain original material, previously unpublished and not under consideration for publication elsewhere. The Author Information includes contact email address, phone number and full postal address.

Manuscript Submission Form

The beginning of the article should contain the author's Russian and English initials and surname, academic title and degree, job title, full name of the institution, where the study or experiment was carried out, Russian and English article title, Russian and English summary (up to 1700 Russian characters within 100-250 English word limit), 5-7 keywords in Russian and in English, UDC identifier, the body of the article and reference literature.

The paper is up to than 25 thousand characters (including spaces).

Large materials can be published in several issues of the Journal.

Article Layout

Publication is in the Russian language. The names of foreign institutions are given in Latin letters without inverted comas. Names of foreign scholars, names of heads of institutions, etc. in the Russian language are followed by transliterated Latin names in parentheses.

Acronyms and abbreviations should be fully deciphered when used for the first time, with the exception of common

abbreviations and terms of mathematical units.

Information about grants and acknowledgments are provided in a footnote at the foot of the first page.

Do not use:

- Spaces and tabs to format indents (new paragraph) and paragraph
- alignment other than left or middle margins;
- Hyphenation;
- Endnotes.

The text should not contain double spaces and double paragraphs (blank lines).

Links and References

The bibliographical list should include not less than 20 links but should not include more than 40 links.

Bibliography should include at least three sources. Sources are listed in alphabetical order. Russian sources are followed by the sources in other languages. List sequential numbering is used.

Due attention should be paid to the correct specification and completeness of reference information. (For samples of reference descriptions see Appendix “Making Article Reference Lists (or Links)” at: <http://www.psy.msu.ru/science/npj/requirements.html>)

The citation of electronic publications on the Internet showing all data are allowed only to the official sources and registered with Roskomnadzor (Federal Supervision Agency for Information Technologies and Communications). In the article text references to literature sources are given in round brackets as surnames followed by the year of publication after the comma, e.g., (Vygotsky, 1982). Footnotes as reference sources are not allowed.

Tables, Graphs, Drawings Tables

Tables, Graphs, Drawings Tables, figures and diagrams in the text should be numbered and titled.

Duplication of text graphs, tables and figures is not allowed.

Charts and diagrams can be built in MS Excel. MS Excel diagrams shall be provided with the original data file. Tables and graphs data should be carefully checked. The author is responsible for the information provided in tables and graphs.

Drawings and diagrams can be built with the use of graphic editors, and should not allow editing. Figures should be submitted in the following formats: .Jpeg (quality score of at least 8), or .Tiff (resolution of 300 dpi with no compression).

Charts, tables and figures, and photos that do not meet the print quality will be returned to author and shall be submitted with better quality.

Information About Authors

Information about authors should be submitted in a separate file. Please enter your full last name, first name and patronymic name/middle name, degree and academic title, position, place of work, number of publications. Specify your contact email address, personal website, phone, and postal address (which will not appear in the printed version of the Journal.)

Articles that do not meet these requirements are not published by the decision of the Editorial Board.

Manuscripts are reviewed to reveal the novelty, scientific and practical relevance of content. All reviewers remain anonymous. Author is contacted to be informed about a positive decision regarding the publication of the manuscript. If article is returned to the author for further improvement the revision review is attached.

The editors reserve the right to edit articles to give them brevity and clarity of the presentation form, and to correspond the text style of the Journal. The author's scientific content is preserved.

Краткие рекомендации по написанию авторских резюме (аннотаций, рефератов к статьям)

Guidelines for Abstract Writing

Использованы материалы статьи О.В. Кирилловой (к.т.н., зав. отделением ВИНТИ РАН, члена Экспертного совета (CSAB) БД SCOPUS) «Подготовка российских журналов для зарубежной аналитической базы данных SCOPUS: рекомендации и комментарии»

Аннотации (рефераты, авторские резюме) на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных ученых и специалистов основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по аннотации оценивают публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т.д. Аннотация на английском языке на русскоязычную статью по объему может быть больше аннотации на русском языке, так как за русскоязычной аннотацией идет полный текст на этом же языке.

Аннотации должны быть:

- информативными (не содержать общих слов);
- оригинальными (не быть калькой русскоязычной аннотации);
- содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированными (следовать логике описания результатов в статье);
- «англоязычными» (написаны качественным английским языком);
- компактными (укладываться в объем до 250 слов).

В аннотациях, которые пишут наши авторы, допускаются самые элементарные ошибки. Чаще всего аннотации представляют прямой перевод русскоязычного варианта, избыточно общими ничем не значащими словами, увеличивающими объем, но не способству-

ющими раскрытию содержания и сути статьи. А еще чаще объем аннотации составляет всего несколько строк (3-5). При переводе аннотаций не используется англоязычная специальная терминология, что затрудняет понимание текста зарубежными специалистами. В зарубежной БД такое представление содержания статьи совершенно неприемлемо.

Авторское резюме (аннотации) выполняют следующие функции:

- дают возможность установить основное содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа;
- предоставляют информацию о документе и устраняют необходимость чтения
- полного текста документа в случае, если документ представляет для читателя
- второстепенный интерес;
- используются в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Авторское резюме ближе по своему содержанию, структуре, целям и задачам к реферату.

Это – краткое точное изложение содержания документа, включающее основные фактические сведения и выводы описываемой работы. Текст авторского резюме (в дальнейшем – реферата) должен быть лаконичен и четок, свободен от второстепенной информации, отличаться убедительностью формулировок.

Реферат включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

Последовательность изложения содержания статьи можно изменить, начав с изложения результатов работы и выводов.

Предмет, тема, цель работы указываются в том случае, если они не ясны из заглавия статьи.

Метод или методологию проведения работы целесообразно описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют интерес с точки зрения данной работы. В рефератах документов, описывающих экспериментальные работы, указывают источники данных и характер их обработки.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте реферата. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в реферате не приводятся.

В тексте реферата следует применять значимые слова из текста статьи.